

"Майя Бэнкс - Вожделение"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке

Topreading.ru

Майя Бэнкс

Вожделение

Моей семье — за то, что испортила

им отдых своими безумными идеями...

И Ким — за то, что выслушала меня,

когда я рассказала о своей задумке...

И Лили, которая прошла со мной весь путь от терний к звездам...

И наконец, Синди, которая всегда вставала на мою защиту...

Пролог

— Миа! Только что звонил консьерж. Машина ждет! — крикнула из соседней комнаты Кэролайн.

Задохнувшись от волнения, Миа, сидевшая на постели, потянулась за контрактом, который лежал на краю кровати. Тот успел истрепаться, потому что она не раз его перечитывала.

Миа помнила все наизусть и постоянно обдумывала. Воображение рисовало яркие картины. В них она была с Гейбом. Тот управлял и обладал ею. *Владел.*

Запахнув контракт в сумочку, Миа встала и поспешила к комоду, чтобы в последний раз посмотреть в зеркало. Невыспавшаяся, с тенями вокруг глаз — не скроешь ничем. Вдобавок бледная как смерть. Даже волосы не слушались и продолжали торчать.

Времени переделывать не было. Пора ехать.

Глубоко вздохнув, Миа покинула свою комнату и через гостиную направилась к выходу.

— Миа, подожди!

Миа, успевшая открыть дверь, остановилась. Кэролайн подбежала, крепко ее обняла, отступила и стала заправлять ей волосы за уши.

— Удачи! Ты все выходные была сама не своя. Если так напрягает — брось.

— Спасибо, Каро. Целую, пока, — улыбнулась Миа.

Кэролайн нарочито громко причмокнула губами. Миа повернулась и вышла.

Консьерж услужливо открыл ей дверцу машины. Миа устроилась на удобном кожаном сиденье. Автомобиль тронулся, направляясь из Верхнего Вестсайда, где жила Миа, в Мидтаун, к офису компании «ХКМ»[1].

Вчера звонил ее брат Джейс. Миа ни о чем ему не сказала, и теперь ее мучила совесть. Брат извинился за то, что не увиделся с ней на церемонии открытия. Знай он, что она придет,

постарался бы отметить.

Они проговорили полчаса. Джейс спросил о новостях и сообщил, что они с Эшем на несколько дней уедут по делам в Калифорнию. Договорились встретиться как-нибудь вечером, когда он вернется. Повесив трубку, Миа ощутила тоску. Они с братом были близки. Миа охотно делилась с ним наболевшим. Пока она росла, Джейс всегда был готов ее выслушать, дать совет и утешить. Миа не представляла лучшего старшего брата, чем Джейс, и вот теперь у нее от него секреты, и немалые.

Миа почти не слышала, как машина тормозила на перекрестках и снова лавировала в потоке движения. Потом автомобиль замер.

— Мисс Крестуэлл, мы приехали, — сказал водитель.

Ее глаза распахнулись и тут же сощурились от яркого осеннего солнца. Машина и в самом деле стояла возле здания, где компания «ХКМ» занимала целый этаж. Водитель вышел и открыл дверь. Миа потерла лицо, приходя в себя, затем вышла из машины, и прохладный ветер взъерошил ей волосы.

Лифт, как и в прошлый раз, поднял ее на сорок второй этаж. Во всем ощущался изрядный эффект дежавю. Все повторялось: сосало под ложечкой, ладони взмокли, нервы натянулись как струна. Но сегодня ей было страшнее, так как она знала, чего он хочет, и понимала, во что ввяжется, если согласится.

В приемной ее встретила улыбающаяся секретарша Элинор:

— Мистер Хэмилтон просил вас сразу пройти к нему.

— Спасибо, Элинор, — пробормотала Миа, минуя ее стол.

Дверь кабинета Гейба была открыта. Миа остановилась в коридоре. Гейб стоял к ней спиной, заложив руки в карманы, и любовался панорамой Манхэттена.

Он был прекрасен. Приятно смотреть. Даже сейчас, когда он позволил себе расслабиться, в нем все равно угадывалась неистовая мужская сила. Ошеломленная Миа вдруг поняла, почему ее так тянет к нему, по крайней мере одну причину из многих. С ним она чувствовала себя в безопасности. Даже его присутствие успокаивало. Более того, рядом с Гейбом она чувствовала себя... защищенной.

По сути, в отношениях, которые он предложил Миа, воплощались ее мечты. Безопасность. Надежность. Покой. Защита. Гейб гарантировал все это. А ей нужно было лишь согласиться передать ему полную власть над собой.

Всякие сомнения отпали, и Миа испытала легкость, почти эйфорию. Не то чтобы она смертельно боялась. Так отношения не завязывают. От нее требовались уверенность и согласие на обещанное Гейбом. Отдав ему всю себя, целиком, она могла не сомневаться, что он бережно отнесется к этому дару.

Гейб повернулся и увидел ее в дверях. Она с удивлением заметила облегчение в его взгляде. Неужели он боялся, что она не придет?

Он шагнул к ней и буквально втащил в кабинет, плотно закрыв дверь. Миа не успела слова сказать, как Гейб порывисто обнял ее и впился в губы.

Миа негромко застонала, когда его руки властно сжали ее плечи, потом устремились выше, к шее, и наконец замерли на лице. Гейб целовал ее, словно изголодавшийся. Словно его держали в плену, не пуская к ней, а теперь он вырвался на свободу. Такие поцелуи существовали лишь в фантазиях Миа. Еще никто и никогда не целовал ее с такой всепоглощающей страстью.

Это не было лишь демонстрацией его доминирования. Это была мольба о капитуляции. Он хотел Миа и показывал ей силу своего желания. Если у нее оставались крупинки сомнений, действительно ли Гейб ее хочет или просто решил от скуки завести новую интрижку, то теперь она полностью убедилась: да, хочет.

Гейб обнял ее за талию, крепко прижав к себе. Рука обхватила спину железным обручем.

Низом живота Миа чувствовала, что член его встал. Эрекция была мощной, дорогая брючная ткань вздулась. Дыхание Гейба опалило Миа, едва он оторвался от ее губ, и оба поспешили сделать вдох.

У Гейба блестели глаза.

— Я думал, ты не придешь.

Глава первая

Четыре дня назад...

Гейб Хэмилтон уготовил себе мучения в аду, но ему было на это наплевать. «Всемирная сеть курортов и отелей» компании «ХКМ» праздновала открытие «Бентли» — своего нового отеля. Едва Миа Крестуэлл появилась в его бальном зале, взгляд Гейба моментально приклеился к ней.

Младшая сестра его лучшего друга, Миа долгие годы была запретным плодом. Но вот она выросла, и Гейб положил на нее глаз. Миа превратилась для него в идефикс. Он пытался бороться с собой, однако понял, что бессилён противостоять мощному притяжению, исходящему от этой девушки.

Потом Гейб прекратил борьбу.

Сегодня Миа была одна, без Джейса, и это лишь утвердило Гейба в мысли, что время выбрано правильно. Пора было сделать решительный шаг.

Он отпил из фужера и начал вежливо внимать группе людей, с которыми остановился поговорить. Точнее, *отметиться*, так как в подобных беседах он редко шел дальше обычных любезностей.

Гейб не ждал Миа. Джейс ни словом не обмолвился об этом. Да и знал ли он сам? Скорее всего, нет, поскольку пять минут назад он вместе с Эшем и высокой длинноногой брюнеткой улизнул с вечеринки, направившись в роскошный номер на последнем этаже.

Знай Джейс, что его младшая сестра тоже придет, он бы не свалил. Даже ради женщины. Но в данный момент Джейса в зале не было, и это все упрощало.

Гейб видел, как Миа в поисках кого-то шарила взглядом по залу. Возле нее остановился официант с подносом и предложил вина. Миа взяла изящный фужер на длинной ножке, но

пить не стала.

На ней было сногшибательное платье в обтяжку, подчеркивавшее все выпуклости. Под стать ему были и туфли — из тех, что называют «трахни меня». Распущенные волосы буквально взывали к мужской руке, чтобы схватила и дернула. Темные тонкие локоны ниспадали, привлекая взор к точеной шее, истосковавшейся по поцелуям. Гейбу отчаянно хотелось подбежать к Миа и набросить ей на плечи пиджак, дабы никто не видел сокровищ, которые он считал своими. Боже милостивый, будто мало ему безумств! Он не имел на нее никаких прав. Но это тоже изменится.

Ее платье для коктейлей было без бретелек, плечи открыты, груди так и манили. Будь он проклят — ему не хотелось, чтобы другие пялились, но запретить он не мог. И да, они смотрели. Она уже привлекла внимание окружающих. Остальные глазели наравне с Гейбом, и взгляды их были хищны.

Шею Миа украшал бриллиант на тонкой цепочке, в ушах поблескивали бриллиантовые сережки. Все это Гейб подарил ей годом раньше на Рождество. Ему льстило, что Миа все это надела. Еще один шаг к его неизбежному обладанию ею.

Миа пока не знала об этом, но он ждал достаточно долго. Он мучился годами, ощущая себя отпетым преступником. Его снедало неукротимое влечение к младшей сестре лучшего друга, тогда еще девочке. Когда ей исполнилось двадцать, Гейб облегченно вздохнул. Отныне в его интересе не было ничего предосудительного, но ему уже стукнуло тридцать четыре, и он знал: она и сейчас чересчур молода для его намерений. И Гейб продолжал ждать.

Он был одержим ею и признавал это неохотно. Она была его наркотиком, но Гейб ничуть не желал излечиться. Ныне ей исполнилось двадцать четыре, и разница в возрасте уже не казалась непреодолимой. Или это ему только чудилось. Джейс и сейчас пришел бы в ярость. Для него Миа навсегда останется младшей сестренкой. И все-таки Гейб был готов рискнуть и наконец-то отведать запретного плода.

Да, он имел на нее виды. Оставалось осуществить план.

* * *

Миа пригубила вино. Фужер она взяла лишь затем, чтобы не выглядеть белой вороной среди красивых и богатых людей. Она беспокойно оглядывала зал, выискивая Джейса. Брат обещал явиться, и она решила сделать ему сюрприз: приехала на пышную церемонию открытия новейшего отеля.

Тот находился на Юнион-сквер и был рассчитан на вкусы самых состоятельных и привередливых клиентов. Джейс и двое его лучших друзей годами трудились в гостиничном бизнесе, целиком погрузившись в этот мир. Они не жалели сил, мечтая добиться успеха, и их труды были щедро вознаграждены. Они достигли высот, для большинства немислимых, — и это в свои тридцать с небольшим.

В тридцать восемь они прослыли магнатами гостиничного бизнеса. И не только в стране — в мире. Но Миа по-прежнему видела в Джейсе старшего брата, а в Гейбе и Эше — его лучших друзей. Впрочем, Гейб стал исключением, но ей давно было пора отказаться от необузданных подростковых фантазий на его счет. В шестнадцать они понятны. В двадцать четыре это лишь порождает отчаяние и самообман.

Эш и Гейб родились в богатых семьях. Миа и Джейс — нет. В кругах, где вращался брат, Миа

оставалась отчасти скованной и неловкой. Но она очень гордилась взлетом Джейса, который действительно «сам себя сделал». Внезапная смерть отца и матери возложила на его плечи заботу о младшей сестре.

Гейб был близок со своими родителями, во всяком случае, пока те были вместе. Однако отец, прожив с матерью тридцать девять лет, вдруг взял и развелся с нею сразу после этой годовщины. Что касается Эша, то его семейную ситуацию, выражаясь дипломатично, можно было назвать... занятой. Эш не ладил ни с отцом, ни с матерью. Он ушел из родительского дома еще в юности, демонстративно наплевав на семейный бизнес и родительские деньги. Наверное, его успехи потому так и злили родителей, что он всего добивался сам.

Миа знала, что Эш почти не общается с ними. Большую часть времени он проводил с Джейсом и Гейбом, но чаще с Джейсом. Однажды брат сказал Миа, что родители Эша, по его выражению, — потрясающие придурки. Она приняла это за данность, хотя ни разу с ними не встречалась. Те делали вид, будто «ХКМ» не существует.

Миа хотела повернуться и убежать, когда к ней с улыбками направились двое мужчин. Вид у них был такой, словно они собирались узнать, сколько она возьмет за ночь. Но она еще не разыскала Джейса. Угробить столько времени, готовясь к этому вечеру, и сразу смыться? Тут она заметила Гейба. Тот был довольно печален, но это дела не меняло.

Миа улыбнулась и взяла себя в руки, не желая позорить брата и выставиться дурой на таком грандиозном празднике.

А затем, к ее великому удивлению, Гейб сам к ней протиснулся сквозь толпу. Его лицо оставалось хмурым. Но он подоспел очень кстати, подал руку и увел Миа буквально из-под носа у искателей приключений.

— Привет, Гейб, — проямлила Миа.

В его обществе она мгновенно почувствовала себя круглой дурой. Она не могла говорить, не могла думать, у нее не осталось ни одной связной мысли. Наверное, Гейбу казалось чудом, что она получила диплом, да еще и с отличием. Даже если они с Джейсом считали ее диплом совершенно бесполезным. Джейс намеревался ввести сестру в «семейный» бизнес. Но Миа сама толком не знала, чего ей хочется, к вящему неудовольствию Джейса.

Именно это делало ее виноватой. Она позволяла себе роскошь обдумывать решения не спеша. Джейс всегда оставался щедрым — его стараниями у нее была квартира и все необходимое, хотя по окончании магистратуры она попыталась жить на собственные средства.

Ее бывшие однокурсники уже работали по специальности, строили карьеру. Миа до сих пор довольствовалась неполным рабочим днем в кондитерской и все тянула, не в силах выбрать, как жить дальше.

Скорее всего, это было связано с иллюзиями насчет мужчины, который сейчас уводил ее за руку. Нужно забыть о нем и двигаться дальше. Она не может прожить жизнь в дурацких мечтах о том, что Гейб однажды ее заметит и решит, что она ему нужна.

Миа пожирала его глазами, совсем как пьяница, истомившийся по рюмке. Ей казалось, что она слишком долго его не видела. Гейб был из тех, кто заполнял собой все, где бы ни появился. У него были черные волосы, которые он стриг коротко, чтобы при минимальном уходе выглядеть респектабельным и утонченным.

Миа пожирала его глазами, совсем как пьяница, истомившийся по рюмке. Ей казалось, что она слишком долго его не видела. Гейб был из тех, кто заполнял собой все, где бы ни появился. У него были черные волосы, которые он стриг коротко, чтобы при минимальном уходе выглядеть респектабельным и утонченным.

Однако все равно казался опасным «плохим парнем», и женщины сходили по нему с ума. «Да забил я на все это» — таков был его принцип. И потому, если Гейбу чего-то хотелось, он всегда это получал. Уверенность и высокомерие — вот качества, которые притягивали Миа. Она ничего не могла с собой сделать. Бог свидетель, она пыталась годами, но ее одержимость не отступала.

— Миа, — тихо произнес Гейб. — Не ожидал, что ты придешь. Джейс ничего не сказал.

— Он не знает, — улынулась она. — Хотела сделать ему сюрприз. Кстати, а где он?

В глазах Гейба мелькнуло замешательство.

— Его вызвали по делу. Не уверен, что он вернется.

Ее улыбка погасла.

— Вот жалость, — вздохнула Миа и инстинктивно оглядела себя. — Похоже, напрасно я наряжалась для сегодняшнего приема.

— Красивое платье, — окинув ее ленивым взглядом, как будто раздел, бросил Гейб.

— Тогда я пойду. Незачем оставаться, если Джейс не появится.

— Оставайся со мной, — без обиняков заявил Гейб.

Ее глаза расширились. Гейб никогда не снисходил до того, чтобы тратить на нее время. Напротив, ей всегда казалось, что он ее избегал. Одно этого хватало, чтобы развился комплекс. Нет, он оставался любезным. Посылал ей подарки по торжественным случаям. Проверял, не нуждается ли она в чем, и вовсе не потому, что Джейс забывал. Но он никогда не уделял ей больше минуты.

— Потанцуем? — спросил Гейб.

Миа ошарашенно смотрела на него, пытаясь понять, где же прячется настоящий Гейб Хэмилтон. Гейб не танцевал. Он умел, просто делал это редко.

Танцпол заполнился парами — иные были старше Гейба, другие — ровесники. Своих сверстников Миа вообще не видела. Ничего удивительного: здесь развлекался сверхобеспеченный, блистательный класс, куда не попасть в двадцать четыре года.

— Конечно, давай потанцуем, — согласилась Миа.

Почему бы и нет? Она пришла. Два часа собиралась. Не пропадать же офигенному платью и потрясающим туфлям.

Гейб положил руки ей на спину, и это ожгло, как клеймом. Миа едва сдержала дрожь, когда он повел ее в танцевальную зону. Глупость с ее стороны по многим причинам. Как она совладеет со страстью, оказавшись в его объятиях? Но Миа не могла упустить возможность в них очутиться, пускай на считанные минуты — удивительные, неопишуемые.

Страстные звуки саксофона слились с фортепианными проигрышами и низкими гитарными басами. Музыка разлилась по жилам, как только Миа приникла к Гейбу. Пьянящее, головокружительное ощущение, будто все происходит в необычайно красочном сне.

Рука Гейба скользнула по ее спине, задержавшись там, где кончался глубокий вырез, чуть выше ягодиц. Искушающая нагота, на которую Миа не сразу согласилась. Сейчас она искренне радовалась, что не выбрала другое платье.

— Чертовски здорово, что Джейса нет, — заметил Гейб.

— Почему? — задрав голову, спросила Миа.

— Потому что он помер бы от разрыва сердца, если бы увидел свою сестру в таком платье. Этот клочок материи даже нельзя назвать платьем.

Миа улыбнулась, и на щеках обозначились ямочки.

— Но раз его нет, он ничего и не скажет?

— Но я-то скажу.

— Гейб, зачем мне два старших брата? — сразу нахмурилась Миа. — Клянусь, одного достаточно.

— Черт побери, я и не думаю быть тебе старшим братом, — возразил Гейб.

Миа наградила его обиженным взглядом. Если этот танец обязаловка, зачем он вообще подошел? Вел бы себя как обычно, не обращая внимания.

Миа отступила, и трепетное ощущение его теплой близости и рук на ее теле стало медленно исчезать. Зря она сюда пришла. Глупая, никчемная затея. Могла бы просто позвонить Джейсу. Поделиться планами. Выяснить, что его здесь не будет. Тогда бы она не стояла посреди танцпола, сбита с толку отказом Гейба.

Его глаза сощурились, он угадал ее реакцию. Вздохнув, Гейб резко повернулся и чуть ли не силком потащил ее к террасе. Двери были открыты, и в них струился прохладный вечерний воздух. Держа Миа под руку, Гейб вывел ее из зала.

И вот она снова в его руках, окутанная его теплом. Она вдыхала несказанно приятный запах Гейба.

Гейб увел ее подальше от дверей, в тень навеса. В небе вспыхивали и перемигивались городские огни. А сюда едва проникал шум уличного движения. Гейб так долго и пристально смотрел на нее, что Миа гадала, на что он так крепко обиделся.

Аромат дразнил ее. Нечто острое, но не слишком. Гейб выбрал классный одеколон, который превосходно сочетался с его собственным запахом. Смесь терзала, содержит толику чего-то грубого, мужского, а также дерева, улицы, плюс... чего-то неуловимого.

— Какого черта, — пробормотал Гейб.

Это были слова смирения, будто он покорялся неведомой силе.

Миа не успела ответить, как он вдруг с силой привлек ее к себе, прижал к груди. Она

изумленно раскрыла рот и слабо вздохнула. Их губы оказались мучительно близко. Миа ощущала его дыхание, видела, как на виске бьется жилка. Гейб напряг и выдвинул челюсть, будто изо всех сил сдерживается. Затем Миа показалось, что он проиграл битву.

Он впился в ее рот. Поцелуй был грубым, жарким, требовательным. Но боже, ей это понравилось. Его язык проник к ней в рот: горячий, чувственный, он коснулся нёба и облизнул ее собственный, играючи, словно в танце. Гейб не просто ее целовал, он ее поглощал. Он овладел ею, потратив на это всего один поцелуй. Она в мгновение ока попала под безраздельную власть Гейба Хэмилтона. Все мужчины, с кем она целовалась прежде, испарились, как призраки.

Миа вздохнула, позволив себе полностью растаять в его объятиях. Она обмякла и жаждала новых поцелуев. Еще. Еще. Больше Гейба. Она жаждала его телесного жара, прикосновения порочного рта. Это превосходило ее мечты. Фантазии Миа были далеки от реальности.

Он покусывал и посасывал ее губы. Этого было достаточно, чтобы показать, кто здесь хозяин. Затем он стал нежнее, поласкал ее языком и осторожно поцеловал уголки рта.

— Боже, сохрани меня и спаси, но знала бы ты, как давно мне этого хотелось, — прохрипел Гейб.

Миа пребывала в оцепенении. Ноги дрожали и подкашивались. Она молила: только бы не свалиться с этих высоченных каблуков. Никакие фантазии не подготовили ее к тому, что происходило с нею сейчас. Гейб Хэмилтон не просто поцеловал ее, а затащил на террасу, где дал выплеснуться своей страсти.

Ее губы еще горели от его натиска. Она была полностью сломлена. Это было подобно кайфу, который не выразить никакими словами. Она не так много выпила, чтобы не понимать: алкоголь здесь ни при чем. Причиной был Гейб. Просто и ясно. Гейб был смертельно опасен для ее чувств.

— Не смотри на меня так, иначе попадешь в серьезную беду, — прорычал он.

Окажись той бедой изысканное наслаждение, о котором она догадывалась, Миа не стала бы возражать.

— Как я на тебя смотрю, что не так? — спросила Миа, тяжело дыша.

— Как будто просишь, чтобы я сорвал с тебя эту тряпку и оттрахал прямо на террасе.

Миа с трудом сглотнула. Наверное, лучше вообще промолчать. Она сама не понимала, что же произошло. Ее чувства были в смятении. Она никак не могла поверить, что Гейб Хэмилтон ее целовал, а затем захотел трахнуть на террасе отеля.

Он придвинулся вновь, и жар объял ее. У Миа сбился пульс, и это было видно по жилке на шее. Она дышала прерывисто, с натугой.

— Миа, приходи ко мне завтра. В офис. Ровно в десять.

— 3-зачем? — выдавила она.

Его лицо было жестким. Глаза горели яростным огнем, и Миа не понимала почему.

— Затем, что я так сказал.

Ее глаза широко распахнулись. Гейб взял ее за руку и потащил в зал. Он шел не останавливаясь, пока они не оказались в вестибюле. Миа едва поспевала за ним, ковыляя на каблуках, которые громко цокали по мраморному полу.

В голове у нее царил сумбур.

— Гейб, куда мы идем?

Гейб вывел ее наружу и махнул швейцару. Тот сразу метнулся к ним. Через несколько секунд подъехал элегантный черный автомобиль, и Гейб усадил Миа на заднее сиденье.

Он стоял пригнувшись, держась за дверь и вглядываясь в сумрак салона.

— Поезжай домой и сними это гребаное платье, — велел Гейб. — А завтра в десять чтобы была у меня. — Он уже начал закрывать дверь, но снова наклонился и пристально поглядел на Миа. — И вот что, Миа. Не дай бог тебе отказаться.

Глава вторая

— Давай посмотрим, что у нас получается. Итак, вчера ты не пошла с нами в клуб, а отправилась в отель своего братца на помпезное открытие. Там ты встретила Гейба Хэмилтона, который уволок тебя на террасу, поцеловал и отправил домой, приказав явиться к нему сегодня в десять утра.

Миа, лежавшая на диване, слушала Кэролайн, свою соседку по квартире и лучшую подругу, и отчаянно терла глаза, пытаясь разогнать нависший туман. Ночью она не сомкнула глаз. Да и как тут заснуть? Гейб до основания потряс всю ее вселенную. Время неумолимо близилось к десяти, а Миа понятия не имела, что делать.

— В целом верно, — отозвалась она.

Кэролайн состроила гримасу и стала обмахиваться рукой.

— Я делаю вывод, что в клубе было веселее. Правда, меня еще ни разу не целовали напыщенные миллиардеры.

— Но зачем? — нервно спросила Миа.

Она была подавлена. Этот вопрос она задавала себе всю бессонную ночь. Зачем Гейб ее поцеловал? Зачем позвал, если всегда ее сторонился?

Это не было просьбой, но Гейб Хэмилтон никогда не *просил*. Он отдавал приказы и ждал результатов. Миа не понимала, что она за человек, если такое обращение ее восхитило. От воспоминаний о вчерашнем вечере у нее внутри все теплело и по телу пробегала дрожь.

— Деточка, он хочет тебя, — выпучила глаза Кэролайн. — Почему бы и нет? Молодая, горячая. Спорим, ты была звездой в его фантазиях последнюю пару лет.

— Мерзко слушать, — поморщилась Миа.

— Я тебя умоляю. Можно подумать, ты о нем не мечтала с юных лет. Не воображала, как он тебя разденет и все такое. Он, правда, не реагировал. Но тогда тебе было шестнадцать, а сейчас — двадцать четыре. Большая разница.

— Знать бы, чего он хочет, — с нескрываемой тревогой призналась Миа.

— Ты безнадежна, если еще не поняла. Он же грозился трахнуть тебя на террасе, — театральным тоном произнесла Кэролайн. Она демонстративно посмотрела на часы и бросила пристальный взгляд на Миа: — Вот что, подруга, у тебя меньше часа на сборы. Предлагаю слезть с дивана и навести марафет. Ты должна выглядеть неотразимо.

— Я даже не знаю, что надеть, — пробормотала Миа.

— Зато я знаю, — улыбнулась Кэролайн. — Давай поднимайся. Ты вскружила мужику голову.

Да неужели? Миа чуть не прыснула. Если кому и вскружили голову, то ей самой. Она была настолько потрясена вчерашними событиями, что превратится в ходячее бедствие, когда — и если — отправится в офис Гейба.

* * *

Гейб вертел контракт, глядя на титульный лист, но думал о том, как вести себя с Миа. Раньше о подобных вещах он не задумывался. Он действовал всегда одинаково — напрямик. В личной жизни он был таким же, как в бизнесе. Никаких эмоций. Однажды его уже застали со спущенными штанами, ослепленного страстью, и Гейб поклялся себе, что такое больше никогда не повторится.

Женщина, которой он вполне доверял, выставила его круглым дураком, и он не был застрахован от подобных ситуаций в будущем.

Нет, Гейб не порвал с женщинами. Он их слишком любил. Любил, когда у него в руках оказывалась податливая женщина, принимающая его покровительство и глядящая ему в рот. Изменились не его отношения с женщинами, а его отношение к ним. Та история заставила его это сделать.

Но Миа...

Он не мог притворяться, будто она ничем не отличается от остальных. Она не была очередной куклой, на которую приятно смотреть, но незачем заморачиваться. Его женщины знали правила. Они усваивали, чего Гейб ждет от них и чего им ждать от него.

Миа была сестренкой Джейса. К тому же она выросла у него на глазах. Черт побери, он же был на ее выпускном балу! Гейб помнил, как ему не понравилось, когда какой-то шкет пригласил ее на танец. Помнил и злорадство при виде того, как этот малец едва не обделался, когда к нему подошли Джейс и Эш. Они доходчиво и просто объяснили, что с ним будет, если он позволит себе малейшую грубость.

Гейб видел ее у брата на праздниках и просто вне школы. Он даже присутствовал на торжестве по случаю окончания колледжа.

Все это было адским мучением, так как из милого ребенка Миа вдруг превратилась в очаровательную молодую женщину. Она уже не казалась невинной девочкой. Гейб не хотел даже думать о ее кавалерах. Он мог сорваться с катушек. В любом случае ему было на них

наплевать. Они канули в прошлое, где и останутся навсегда.

Миа пока не знала, что ей предстоит стать его женщиной. Он сам еще не решил, сколь напористо действовать. Она была... другой. Моложе, да, но и спокойнее, возможно, наивнее. А может, все ему только казалось. Кто знает, что она вытворяла, оставшись без присмотра брата.

Каким бы ни был подход, Гейбу предстояло быть ловким и постараться не испугать ее сразу же, не задавить одним своим присутствием. Ибо после того, как он сделает первый шаг, никакие силы ада не заставят его отступить и он не потерпит отказа.

Каким бы ни был подход, Гейбу предстояло быть ловким и постараться не испугать ее сразу же, не задавить одним своим присутствием. Ибо после того, как он сделает первый шаг, никакие силы ада не заставят его отступить и он не потерпит отказа.

Но был еще чертов Джейс. Гейб не знал, что с ним делать. Пока Миа не проглотила крючок, думать об этом было бессмысленно. С Джейсом он разберется потом.

Шум в коридоре вынудил Гейба раздраженно взглянуть на дверь. Он же ясно и недвусмысленно сказал секретарше: его не беспокоить. Никаких посетителей. А до прихода Миа оставалось больше часа.

В кабинет ввалились Джейс и Эш, лишь усилив негодование Гейба. Откуда они взялись, какого черта пришли? Оба должны были лететь в Калифорнию на встречу с подрядчиком для обсуждения строительства нового курорта.

Все трое много путешествовали, распределяя между собой обязанности по наблюдению за внутренними и зарубежными проектами. Сейчас в работе было несколько на разных стадиях готовности. Отель в Калифорнии вот-вот поднимется из земли; второй — в Париже — пока проектируется; третий проект — роскошный курорт в одной из стран Карибского бассейна — еще обсуждается. Правда, вплоть до недавнего времени все силы Гейба были брошены на завершение строительства «Бентли» — их самого нового и самого дорогого отеля на Юнион-сквер. Эту стройку Гейб держал под личным контролем, проявляя мелочную дотошность и не рискуя передоверить наблюдение даже своим лучшим друзьям.

Гейб привык считать Джейса и Эша посредниками. Хотя они и являлись равноправными партнерами корпорации, проекты начинались с Гейба. Он подбирал строительные фирмы и вел переговоры, пока не добивался удовлетворительных результатов по всем пунктам. Затем начиналось строительство, и подключались Джейс и Эш. Они следили за тем, как вырастают здания, и обеспечивали бесперебойность процесса. Затем Гейб возвращался и наводил лоск.

Такое распределение ролей устраивало всех. Все трое также занимались обыденным управлением уже существующими отелями и курортами.

Они дружили со студенческих времен. Оглядываясь назад, Гейб даже не мог понять, что их сблизило, не считая попок и девочек. Они просто сошлись и остались в добрых отношениях.

Джейсу пришлось туго, когда его родители погибли в автокатастрофе и у него на руках осталась маленькая сестра. Гейб с Эшем не оставили его в беде и помогли как могли.

Потом уже Джейс и Эш поддерживали Гейба во время его запутанного и крайне скандального бракоразводного процесса.

Нельзя исключить, что Миа в каком-то смысле весьма способствовала их дружбе. По иронии

судьбы она же могла стать причиной ее разрыва, не займи Гейб правильную позицию.

— Чего явился в такую рань? — спросил Эш, растягивая слова и плюхаясь в кресло возле письменного стола Гейба.

Джейс, не такой нахальный и шумный, устроился в другом.

Да, Джейс и Эш были единственными друзьями Гейба в истинном смысле слова. Он доверял только им и был не из тех, кто расточает симпатии вслепую.

Из них двоих Джейс был спокойным и рассудительным, тогда как Эш являл собой обаятельного плейбоя, к которому женщины слетались как мухи на мед. Гейб был уверен, что они дополняют друг друга, сводя с ума женщин. Те выстраивались в очередь, чтобы развлечься втроем.

Игру всегда начинал Эш. Он разогревал дам флиртом и комплиментами, заставляя их трепетать от желания. Гейб не однажды воочию наблюдал, как Эш очаровывал женщин. Джейс в этой игре отступал на задний план и молча следил за происходящим темными глазами, сохраняя серьезное выражение лица. Женщины воспринимали это как вызов, и Эш начинал казаться им слишком легкой добычей. Гонимые одной целью, они устремлялись к Джейсу и натывались на его неприступность.

У всех троих были свои заскоки, и это считалось в порядке вещей — так тоже повелось со студенчества. Теперь они разбогатели и достигли успехов, которые превзошли их самые смелые юношеские фантазии. Найти партнершу на ночь, а то и на больший срок не составляло труда, коль скоро женщины знали правила игры.

Между друзьями существовала негласная договоренность: развлекаться вовсю, но оставаться холостяками, особенно после провального брака Гейба.

Подобно тому, как Гейб и Эш суетились над Джейсом, помогая ему растить Миа, Эш и Джейс всячески поддерживали Гейба, когда его жена Лайза подала на развод. Они яростно противостояли ее беспочвенным обвинениям, имевшим целью навсегда опорочить Гейба в личном и профессиональном плане. Гейб и сейчас не мог понять причины, толкнувшие Лайзу на развод, но испытывал неизменную благодарность к Джейсу и Эшу за их безусловную поддержку в тяжелейшую пору его жизни.

Был ли он идеальным мужем? Возможно, и нет. Но черт побери эту Лайзу! Он дал ей все, о чем она, по его мнению, мечтала и чего желала. Их сексуальные выдумки опирались на обоюдное согласие. Он никогда и ни к чему не принуждал Лайзу и делал лишь то, чего она и сама чертовски хотела, но до сих пор содрогался, вспоминая ее обвинения.

В бракоразводном суде и прессе его распяли. А Лайза осталась в стороне. Ее сочли жертвой мужа-извращенца.

Гейб больше не вступал в отношения, не оформив их юридически, с подписями обеих сторон. Это могло показаться крайностью, если не фарсом, но Гейбу было что терять, и он не хотел нарваться на очередную Лайзу.

— Я думал, вы летите в Калифорнию, — нетерпеливо произнес Гейб.

Джейс прищурился:

— Мы через полчаса уберемся. Нам позвонил пилот — в самолете обнаружили какие-то

неполадки. Вылетим не раньше одиннадцати. Ему еще нужно найти другой самолет, заправить его и оформить бумаги на вылет.

Гейб прикинул в уме. С поправкой на дорогу до аэропорта, они уйдут задолго до появления Миа. Оставалось надеяться, что она не страдает болезненной пунктуальностью и не приедет раньше. Гейб любил точность и ненавидел расхлябанность, но сегодня легко простил бы ей опоздание.

Спрятав руки под стол, Гейб несколько раз сжал и разжал кулаки. Миа занимала все его мысли с того момента, как вошла в бальный зал. Видя в ней не столько сестру лучшего друга, сколько женщину, он испытывал безотчетную тревогу.

Пытаясь анализировать свои чувства, он не находил иного определения, кроме... прити. Предвкушения. В его жилах бушевал адреналин. Миа поколебала и поставила на край пропасти его упорядоченный мир. Гейб не мог дождаться, когда она окажется рядом, подвластная его воле. От одной этой мысли вскипала кровь.

Черт, мысли о Миа уже вызвали у него сильнейшую эрекцию, а напротив сидят друзья. Гейб даже не пытался скрыть от них заметный бугор на брюках. Он лишь надеялся, что они останутся сидеть, где сидели, и не заметят.

Гейб решил рассказать Джейсу о вчерашнем визите Миа, иначе тот после узнает сам и начнет выяснять, почему Гейб молчал.

— Кстати, вчера у тебя был шанс встретиться с Миа. Она приезжала на церемонию.

— Что? — нахмурился Джейс.

— Хотела сделать тебе сюрприз, — кивнул Гейб. — Она появилась вскоре после того, как вы оба исчезли с брюнеткой.

Джейс выругался и рассерженно фыркнул:

— Черт! Я и подумать не мог, что она соберется приехать. Могла бы сказать заранее, я бы обязательно ее дождался. И что? Ты говорил с ней? Она долго пробыла?

— Я за ней присмотрел, — небрежно ответил Гейб. — Сказал, что тебя вызвали по делам. Станцевал с ней один танец, а потом вызвал такси и отправил домой. Да и ладно. Если бы ты видел ее наряд, с тобой бы инфаркт случился.

— Малышка Миа вырастет, — криво улыбнулся Эш.

— Заткнись, — огрызнулся Джейс и вновь повернулся к Гейбу: — Спасибо, что приглядел. Ей там не место — тем более в таком виде, если не врешь. Воображаю, как пялились старые пердуны, только и мечтающие улизнуть от своих жен. Миа для них как священный Грааль. Будь я проклят, если она станет очередным трофеем.

Здесь Гейбу полагалось испытать сильнейшее чувство вины. Но он и так знал про свою обреченность гореть в аду за то, что собирался сделать с Миа и что уготовил ей. Она никак не станет очередным трофеем, а потому пылкий пафос Джейса его не касается.

Включился интерком.

— Мистер Хэмилтон, пришла мисс Хьюстон и хочет видеть мистера Крестуэлла и мистера Макинтайра.

Гейб вскинул брови:

— Решили взять брюнетку в Калифорнию?

— Угадал, — осклабился Эш. — С нею не заметим, как долетим.

Гейб покачал головой и сказал в трубку:

— Пропустите ее, Элинор.

И вот вошла та самая роскошная брюнетка, которую минувшим вечером Гейб видел в компании Джейса и Эша. Ее каблуки простучали по мрамору и смолкли, когда она ступила на ковер.

Эш поманил ее, и женщина уютно устроилась у него на коленях, вытянув ноги в сторону Джейса. Тот, не глядя, положил руку ей на икру и по-хозяйски погладил. Он словно напоминал брюнетке, чья она, по крайней мере сейчас.

Гейб не мог удержаться от мысленных сравнений между женщиной на коленях Эша и Миа. Глупо, конечно. Брюнетка была ей не ровня: старше, опытнее, к тому же великолепно знала, как вести себя с Джейсом и Эшем. Миа понятия не имела о замыслах Гейба на ее счет. Ему крупно повезет, если она не вылетит из офиса с воплем.

Раньше Гейб не стал бы возражать против присутствия брюнетки. Джейс и Эш частенько приводили женщин. Но сегодня ему не терпелось поскорее спровадить всю троицу. Миа незачем страдать больше задуманного, а Джейсу ни к чему знать планы Гейба в отношении его сестренки.

Гейб демонстративно взглянул на часы, затем посмотрел на Эша, продолжавшего обнимать брюнетку за талию. Черт, они даже не соизволили ее представить. Значит, их знакомство не затянется.

— Машину ждете? — осведомился Гейб.

— Мы что, мешаем тебе? — спросил Джейс.

Гейб откинулся в кресле и придал лицу скучающее выражение:

— Куча электронной почты и прочей муры, с которой надо разбираться. Вчера до последней минуты занимался этим чертовым приемом и ничего не успел.

— Тебя послушать, — хмыкнул Эш, — так мы с Джейсом сачканули, и тебе, бедняге, пришлось корячиться одному, но мы-то знаем, что ты повернут на контроле. Зачем нам лезть, если ты все равно сделаешь по-своему, иначе твоя вселенная рухнет.

— У тебя и в заднице органайзер, — поддакнул Джейс.

Брюнетка прыснула, и ее смех взбесил Гейба. Пусть она и старше, и опытнее Миа по части секса, но он не помнил, чтобы Миа хихикала, как дурочка-старшекласница.

— Вытряхивайтесь из моего кабинета, — сердито потребовал Гейб. — В отличие от вас, мне

надо работать. Перемещайте свои задницы в Калифорнию и стройте подрядчика. Нам нужна гарантия, что работы начнутся точно в срок. Думаю, никому не хочется увидеть здесь толпу обозленных инвесторов, особенно когда в последние месяцы я только и делал, что ублажал их, выбивая необходимые нам средства.

— Я когда-нибудь тебя подводил? — с шутливым изумлением спросил Эш.

Гейб примиряюще махнул рукой. Нет, Эш никогда его не подводил. Об этом Гейб не тревожился. Они были крепкой командой, где плюсы и минусы каждого прекрасно уравновешивались плюсами и минусами остальных.

Их детище «ХКМ» было не просто бизнесом. Они построили компанию на дружбе и безграничной верности друг другу и делу. Все это Гейб собирался поставить на кон лишь потому, что был одержим младшей сестрой Джейса. Черт, только бы не сорвалось.

Джейс, хвала Господу, оставил в покое колени брюнетки и встал, стащил ее с Эша. И все трое направились к выходу.

У двери Джейс повернулся и озабоченно произнес:

— Я постараюсь позвонить Миа с дороги, но ты ее тоже не забывай, пока меня не будет. Проследи, чтобы все было в порядке. Вдруг ей что-то понадобится? Глупо мы с нею вчера разминулись.

Гейб, весь подобрившись, ограничился коротким кивком:

— Я позабочусь.

— Спасибо, дружище. Мы тебе звякнем из Калифорнии.

— И не забывайте писать, как идут дела, — напомнил Гейб.

— Органайзер в заднице, — осклабился Эш.

Гейб показал им средний палец, и они удалились, уводя свое последнее приобретение. Гейб откинулся в кресле, взглянул на часы и удовлетворенно вздохнул. До прихода Миа оставалось добрых полчаса. К тому времени Джейс и Эш будут уже далеко.

Глава третья

Миа вышла из такси на Пятой авеню неподалеку от здания, где располагалась «ХКМ». Погода была прекрасная. Ветер ерошил ей волосы, напоминая о неминуемом наступлении холодов. Осень перетекала в зиму, и дни становились прохладнее.

Гейб жил по соседству с работой — в доме № 400 по Пятой авеню, современном и элегантном жилом небоскребе. Джейс обитал в Верхнем Вестсайде, недалеко от Миа. Она была уверена, что только это обстоятельство мешало брату перебраться поближе к работе. Эш проживал в доме № 1 по Мортон-сквер с окнами на Гудзон.

Миа торопливо вошла в небоскреб и столь же торопливо вставила пластиковый пропуск в щель турникета, преграждавшего путь к лифтам. Пропуском ее снабдил Джейс несколько лет назад, когда водил на экскурсию по офисам. За все это время она пользовалась им считанные разы, так

как обычно приходила сюда с Джейсом. Возможно, пропуск имел срок годности, и тогда ей придется отметить на посту охраны. Дело затянется, и не исключено, что она струсит и уйдет.

К счастью, проблем не возникло.

Взглянув на часы, Миа зашла в кабину лифта, где уже было довольно людно, и пробралась к задней стенке, поскольку пассажиры все прибывали. Было без пяти минут десять. Миа терпеть не могла опаздывать. Не то чтобы она уже опоздала. Просто Миа относилась к категории людей, которые всегда и всюду приходят заранее. От опозданий ее трясло, и сейчас, когда она шла впритык, тревога усиливалась.

К счастью, проблем не возникло.

Взглянув на часы, Миа зашла в кабину лифта, где уже было довольно людно, и пробралась к задней стенке, поскольку пассажиры все прибывали. Было без пяти минут десять. Миа терпеть не могла опаздывать. Не то чтобы она уже опоздала. Просто Миа относилась к категории людей, которые всегда и всюду приходят заранее. От опозданий ее трясло, и сейчас, когда она шла впритык, тревога усиливалась.

У нее не было никаких причин прогибаться перед Гейбом. Даже если она опоздает, не оторвут же ей голову. Но все равно... В его голосе было нечто, не позволявшее ей перечить. А если честно, ей не терпелось узнать, почему он не позвал ее, не пригласил, но именно повелел к нему явиться.

Кэролайн загнала ее в душ, после чего принялась одевать, словно Миа была ребенком, неспособным выбрать одежду. Подруга выдала джинсы в обтяжку, майку и мешковатую футболку с вырезом, оставлявшую голым одно плечо. Последняя была коротка, и между нею и поясом джинсов оставалась тонкая полоска голого тела, особенно заметная при ходьбе.

Кэролайн расчесала и высушила длинные волосы Миа, потом завила несколько прядей для придания особого шарма. Она поклялась, что такие прически толкают мужчин на безумства. Миа сомневалась, хочется ли ей толкнуть на что-нибудь Гейба. Он был героем ее отроческих — и взрослых — фантазий, однако теперь, когда он вдруг оказался ближе и превратился из образа в живого мужчину, она ощущала лишь страшную силу, исходящую от него.

Эта сила пугала ее и заставляла хорошенько подумать, сумеет ли она совладать с таким человеком, как Гейб.

Миа обошлась минимумом косметики: она ею пользовалась, но в том, чтобы явиться на это таинственное свидание размалеванной, было некое... отчаяние. Все равно что зажечь неоновую рекламу, демонстрируя страсть и намерения. А вдруг все окажется вполне заурядно? Не выставится ли она конченной дурой, если оденется соблазнительно, а он просто хочет проверить, что она сделает? Да и кто вообще знает, что у него на уме? Гейб был не из тех, кто спешит поделиться с миром мыслями и чувствами.

Ровно без одной минуты десять Миа выскочила из лифта и поспешила в приемную «ХКМ». Элинор приветливо улыбнулась и поздоровалась. У Миа не было времени задаться вопросом, не спятила ли она, согласившись на эту встречу. Она не успевала даже собраться и успокоиться перед прыжком в неизвестность. У нее была минута на то, чтобы дойти до кабинета Гейба.

— Гейб назначил на десять, — выдохнула Миа.

— Сейчас сообщу о вашем приходе, — сказала Элинор, берясь за трубку.

Миа отвернулась. Она не знала, выйдет ли Гейб в приемную или будет ждать у себя. Приходя к Джейсу, она всегда сама шла в его кабинет. И ждать не приходилось, никто ей ничего не назначал.

— Можете пройти, — объявила Элинор.

Миа быстро повернулась, кивнула, сделала глубокий вдох и устремилась по коридору. Она миновала дверь кабинета Джейса и дошла до конца, где находился просторный угловой кабинет Гейба. У двери Миа остановилась и взглянула на сверкающие носки сексуальных туфель на высоких каблуках, также надетых по совету Кэролайн.

И вдруг Миа почувствовала себя редкостной идиоткой. На Гейба что-то нашло — неважно что. Она же наверняка неправильно его поняла и вырядилась в надежде сразить мужское сердце.

Миа уже подумывала метнуться к лифту — лишь бы не подвели каблуки, но дверь распахнулась, и на пороге возник Гейб Хэмилтон, окинувший ее пристальным взглядом.

— Я уже начал сомневаться. Вдруг ты передумала?

Миа виновато покраснела, отчаянно надеясь, что Гейб не прочтет ее мысли. Чувство вины было написано на ней крупными буквами.

— Я пришла, — сказала она отважно и задрала подбородок, чтобы смотреть Гейбу в глаза.

Гейб отступил и взмахнул рукой:

— Входи.

Миа набрала в легкие воздуха и шагнула в логово льва.

Она уже бывала у Гейба, давно, когда брат устроил ей экскурсию по этажу, занимаемому корпорацией «ХКМ». Но тогда у нее голова шла кругом от впечатлений, и ей запомнились лишь внушительные размеры кабинета. Теперь Миа изучала интерьер с неподдельным интересом.

Кабинет был роскошный, в классическом стиле. Красное дерево, блестящий мраморный пол, частично закрытый дорогим восточным ковром. Мебель с темной кожаной обивкой, изготовленная под старину. Три стены украшали картины, четвертая же была занята встроенными стеллажами, забитыми книгами самых разных авторов и жанров.

Гейб любил читать. Джейс и Эш дразнили его книжным червем, но Миа разделяла его увлечение. В то Рождество, когда Гейб подарил ей ожерелье и сережки, в которых она появилась вчера на открытии отеля, Миа преподнесла ему первое издание романа Кормака Маккарти с автографом писателя.

— Ты нервничаешь, — заметил Гейб, нарушая ход ее мыслей. — Я не кусаюсь, Миа. Во всяком случае, пока.

Он указал ей на место возле стола, выдвинул стул и принудил сесть, положив на плечо руку. Его прикосновение обдало Миа жаром, она вздрогнула, и он, когда она села, не сразу убрал ладонь.

Гейб провел пальцами по ее плечу и только тогда отошел и занял свое привычное место за столом. Он долго ее рассматривал и молчал, пока Миа не залилась краской. Он не просто смотрел. Он пожирал ее взглядом.

— Ты хотел меня видеть, — тихо произнесла она.

Он криво улыбнулся:

— Я хочу большего, Миа, чем просто тебя видеть. Если бы я хотел только на тебя посмотреть, то вчера пробыл бы с тобой подольше.

У Миа сбилось дыхание, затем она на миг вообще просто забыла, что нужно дышать. Она облизнула губы и от волнения еще раз провела языком по нижней губе.

— Миа, ради бога.

— Что? — Она широко раскрыла глаза.

Его ноздри раздулись, а руки, лежавшие на столе, сжались в кулаки.

— Я хочу, чтобы ты у меня работала.

Миа ожидала чего угодно, только не этого. Она изумленно смотрела на Гейба и пыталась переварить услышанное. Он всего лишь предлагал ей работу. Боже милостивый! Она все отчетливее сознавала, какой непроходимой дурой выставила себя перед ним. Ее лицо застыло от унижения.

— Ты прекрасно знаешь, что у меня есть работа, — сказала Миа.

Гейб снисходительно махнул рукой и с нетерпением пробурчал:

— Ты прекрасно знаешь, что эта работа не для тебя. Там не нужны ни твои способности, ни твое образование.

— Это не навсегда, — попытался защититься Миа. — Ко мне хорошо отнеслись, им не хватает людей, и я обещала помогать, пока они не наймут кого-то еще.

— Сколько времени они это твердят? — скривился он. Миа покраснела и потупила взор. — Кассирша в кондитерской — не царское дело. Джейс не для того платил, а ты не затем училась, чтобы возиться с пончиками.

— Я не собираюсь там задерживаться!

— Отрадно слышать. Скажи им, что уходишь, и перебирайся ко мне.

Откинувшись в кресле, Гейб пристально разглядывал Миа в ожидании ответа.

— Что за работу ты предлагаешь?

— Будешь моим личным ассистентом.

У Миа поползли мурашки от одного его тона. Он совершенно отчетливо выделил слово «личным».

— У тебя нет личных ассистентов, — парировала Миа. — И никогда не было. Ты их ненавидишь.

— Верно. Ты будешь первой после долгого перерыва. Уверен, ты окажешься очень толковой работницей.

Теперь настал черед Миа уставиться на него. Она прищурилась, изучая его напряженное, задумчивое лицо.

— Зачем тебе это? — напрямую спросила она. — Гейб, чего ты на самом деле хочешь? И если я уже оказалась здесь, объясни мне свое вчерашнее поведение. Я не знаю, что думать.

Он улыбнулся медленно и с восхитительной надменностью:

— Надо же, моя кошечка показывает коготки.

Его кошечка? От Миа не ускользнул смысл этого словечка.

— Не играй со мной. Здесь явно что-то еще. С чего тебе вдруг понадобилось брать меня на работу?

Гейб смотрел на нее, раздувая ноздри. У него подрагивала верхняя губа.

— С того, что я тебя хочу, Миа.

Повисла тишина, и только кровь стучала в ее ушах.

— Я н-не понимаю.

Он улыбнулся, и его хищная улыбка накрыла Миа, словно тончайшее шелковое покрывало.

— А я думаю, понимаешь.

Внутри у Миа все оборвалось. В груди заныло, дыхание прервалось. Нет, не может быть, это сон.

— Это невозможно, — сказала она. — Если я буду у тебя работать... нам никак...

— Да неужели? — насмешливо переспросил Гейб. Он глубже завалился в кресле и чуть развернулся, самоуверенно и лениво, чтобы вытянуть свои длинные ноги. — Твоей главной задачей будет постоянно находиться при мне. И я буду иметь тебя, когда захочу и как захочу.

Ее затопило жаром. Миа заерзала на стуле, сцепила руки:

— Это уже слишком.

Жалкие слова. Так не возражают, но что ей сказать? Все слова улетучились.

Сердце Миа грозило выпрыгнуть из груди. Она знала: это не все. В его темных глазах таилась бездна смыслов. Она почувствовала себя дичью. За ней охотились.

— Иди сюда, Миа.

Это был приказ, хотя и мягкий, дошедший до нее сквозь туман. Ее глаза округлились, когда она поймала взгляд Гейба и поняла: он ждет.

Миа встала, поджилки тряслись. Она провела руками по джинсам, пытаясь успокоиться. И сделала роковой шаг: обогнула стол и приблизилась к Гейбу, восседавшему в начальственном кресле.

Он потянулся к ее руке и, когда их пальцы переплелись, подался вперед, подхватил Миа и усадил к себе на колени. Она не села, а неуклюже плюхнулась, но Гейб подвинулся глубже, чтобы Миа могла прижаться к его груди и упереться ему в бок. Свободную руку он запустил ей в волосы.

— Я предлагаю тебе нетрадиционные отношения, — заявил Гейб. — А потому не хочу, чтобы ты бросалась в них очертя голову, не понимая, что происходит и чего тебе ждать.

— Вот спасибо, — сухо отозвалась Миа.

— Маленькая стерва. — Гейб слегка дернул ее за волосы. Теперь он смотрел на Миа из-под полуприкрытых век. Потом высвободил руку и провел пальцем по ее губе. — Я хочу тебя, Миа. И предупреждаю заранее: я привык поступать по-своему и не терплю возражений.

— Значит, ты хочешь, чтобы я у тебя работала, и еще хочешь... меня. В смысле — телесно.

— О да, — пробормотал Гейб. — Именно так.

— А как понимать «нетрадиционные отношения»? Какой смысл ты вкладываешь в эти слова?

Он ответил почти сразу:

— Я буду владеть тобою. Телом и душой. Ты будешь принадлежать мне.

Стоп. Это... грозило ее раздавить. Смысл не укладывался в голове. Во рту пересохло, и Миа хотела было облизнуть губы, но не стала, вспомнив его недавнюю реакцию.

— Я научу тебя, — уже мягче продолжил Гейб. — Я не собираюсь бросать тебя на съедение волкам. Я буду терпелив, пока ты не усвоишь, каких отношений мне хочется.

— Даже не знаю, что сказать, — вырвалось у Миа.

Рука Гейба скользнула с ее подбородка к щеке. Их глаза были вровень, дыхание смешивалось.

— А ты мне сейчас все сама объяснишь, — подсказал Гейб. — Хочешь ли ты меня так же сильно, как я тебя?

Боже милостивый, неужели это не сон? Посмеет ли она сказать это вслух? Все равно что стоять на крыше небоскреба и заглядывать вниз. В лицо дует ветер: один неверный шаг — и конец.

Его губы приблизились, миновав ее рот, и чуть коснулись щеки. Гейб прикусил ей мочку уха, и Миа задрожала всем телом, покрывшись гусиной кожей.

— Отвечай, — приказал Гейб хрипло.

— Д-да, — выдавила Миа.

— Да — что?

— Да, я хочу тебя.

Признание вырвалось вместе со вздохом и далось тяжело. Миа не смела поднять глаза.

— Миа, посмотри на меня.

Наверное, эта спокойная властность передавалась ей, обостряла чувство его мужского присутствия. От этого ее желание еще больше усилилось.

Миа подняла голову, увидела огонь в его глазах. Гейб снова чуть дернул ее за волосы, играя с прядками.

— Я подготовил контракт, — сказал Гейб. — Он охватывает все нюансы предлагаемых тебе отношений. Я хочу, чтобы ты очень внимательно изучила его на выходных, а в понедельник приняла решение.

Миа моргнула, настолько ошеломленная, что не сразу нашлась с ответом. Ее язык вдруг стал тяжелым и неповоротливым.

— Контракт? Ты хочешь, чтобы у нас был контракт?

— Не надо так пугаться, — спокойно произнес Гейб. — Он тебя защитит. И меня.

Миа, вся в смятении, замотала головой:

— Я совершенно не понимаю, о чем речь.

— Я люблю крайности, Миа. Прочти контракт. Повторяю: очень внимательно. А потом прикинь, сможешь ли ты согласиться на отношения, которых мне хочется.

— Ты... серьезно?

Гейб сдвинул брови и поджал губы. Затем придержал Миа за талию, чтобы не свалилась, нагнулся и вынул из ящика приличную пачку сшитых листов. Он бросил контракт ей на колени:

— Займись на выходных. Перечитай. Убедись, что все понятно. В понедельник утром я жду ответа. Если чего-то не поймешь — обсудим.

— Вот оно как, — пробормотала Миа, все еще потрясенная. — Я еду домой, читаю твой контракт, а в понедельник мы встречаемся и окончательно обговариваем условия наших отношений?

Он вновь поджал губы, но согласно кивнул:

— Если вкратце, то да, хотя в твоём изложении все выглядит намного бесцветнее.

— Да уж куда бесцветнее. Напоминает переговоры о постройке отеля или курорта.

— Ошибаешься, — мягко возразил Гейб. — Никаких переговоров. Запомни это, Миа. Ты читаешь контракт и либо подписываешь его, либо нет. Но если подпишешь, это будет означать, что ты соглашаешься на его условия.

— Да уж куда бесцветнее. Напоминает переговоры о постройке отеля или курорта.

— Ошибаешься, — мягко возразил Гейб. — Никаких переговоров. Запомни это, Миа. Ты

читаешь контракт и либо подписываешь его, либо нет. Но если подпишешь, это будет означать, что ты соглашаешься на его условия.

Миа взяла контракт, глубоко вздохнула и слезла с колен Гейба. Ноги подкашивались, и ей пришлось опереться о стол. Только бы не упасть.

— Как ты сюда добиралась? — спросил Гейб.

— На такси, — ответила она еле слышно.

Гейб взял за телефон:

— Мой шофер отвезет тебя домой, а в понедельник он за тобой заедет.

— Ты так уверен в себе, — пробормотала Миа. — И во мне.

Гейб отвел трубку:

— Пока я уверен только в одном. Я ждал чертовски долго, чтобы заполучить тебя.

Глава четвертая

Вместо того чтобы ехать домой, где ее с нетерпением ждала Кэролайн, Миа попросила водителя высадить ее на Восемьдесят первой улице, в двух кварталах от Восемьдесят третьей, где она работала. Там был небольшой парк, не слишком людный с утра, когда в нем гуляли с детьми.

Прижимая к себе сумку с контрактом и желая уединиться, Миа выбрала скамейку подальше от игровой площадки.

На работе она должна была появиться к полудню, но Миа испытывала потребность посидеть и подготовиться к чтению контракта. В ее мозгу до сих пор звучали властные слова Гейба, требовавшего, чтобы она ушла с этой работы.

Она не собиралась работать в кондитерской до конца жизни, но ей нравились хозяева, пожилая супружеская чета. Эти люди были добры к ней. В прошлом Миа часто заходила к ним, и постепенно они сдружились. Конечно, такая работа не стоила денег, которые Джейс вложил в ее учебу. Однажды, повинувшись импульсу, она спросила, не нужна ли им помощница. Работа давала ей время обдумать будущее и согревала тем, что Миа перестала быть полностью зависимой от брата. Он и так немало потратился, и ей не хотелось обременять его впредь.

Усевшись на скамейку, она огляделась. Ближайшие скамейки пустовали, а издали невозможно было увидеть, что она читает. Миа вынула из сумки контракт и нервно перевернула титульный лист, чтобы сразу перейти к тексту.

По мере чтения ее изумление росло. Она машинально листала страницы, пока в ней боролись неверие и странное любопытство.

Гейб не солгал, сказав, что намерен целиком владеть ею и что она будет принадлежать ему телом и душой. Если Миа подпишет контракт, вся ее власть над собой перейдет к нему.

От нее недвусмысленно требовалось постоянно быть под рукой. Ей предстояло сопровождать

его в поездках и быть в его полном распоряжении. Продолжительность рабочего дня тоже определялась Гейбом, и ее время в эти часы целиком принадлежало ему.

О боже, он подробно расписал и все, что касалось секса.

У Миа вспыхнули щеки. Она поспешно вскинула голову — вдруг кто-то подглядывает и точно знает, что у нее в руках? О нет, только не это, никто не должен видеть эти страницы.

Подписав контракт, она передаст Гейбу власть не только в спальне, но и во всех аспектах их отношений. Все решения будет принимать он, а она должна безоговорочно подчиняться.

Ее особенно насторожило следующее: при всей детальности контракта о том, что может потребовать от нее Гейб, было написано чрезвычайно туманно, ибо все охватывалось одной фразой: Миа обязана повиноваться ему во всем, везде и всегда.

За это Гейб гарантировал ей удовлетворение всех ее телесных и финансовых потребностей. Об эмоциональных не говорилось ни слова. Это было не в стиле Гейба. Миа знала о нем достаточно. Если дело касалось женщин, Гейб сразу прятался в панцирь. У них будет секс. Будут якобы отношения, как утверждалось в контракте, но никакой душевной близости и никаких эмоций.

Гейб оставлял себе право когда угодно разорвать контракт и мог это сделать при нарушении ею любого условия. От строчек веяло холодом, как от стандартного трудового договора о приеме на работу с перечислением причин возможного расторжения. Миа как будто предлагались две должности сразу: личного ассистента Гейба и его любовницы. Игрушки. Личной собственности.

Должность личного ассистента являлась ширмой для беспрепятственного доступа к Миа. Гейб хотел, чтобы она постоянно была при нем в кабинете и во время деловых поездок. Но он шел дальше и притязал не только на ее рабочее время, но и вообще на все.

Хмурясь, Миа дочитала последнюю страницу. В устах Гейба это звучало мило — прочти на выходных контракт, а в понедельник скажи, что решила, однако документ лишь констатировал факт: она соглашается целиком отдать себя во власть Гейба, отказываясь от всяких прав распоряжаться собой. И никаких пояснений! Что это означает? Чего он хочет от нее?

Может, он собирается привязать ее к своему столу и трахать через каждые полчаса? Или чтобы она делала ему минет по ходу видеоконференции? Она нашла только пункт, пояснявший, что секс может и будет включать элементы садомазохизма: связывание, фиксацию и игры с причинением боли.

Миа не могла даже предположить, о чем идет речь.

В вопросах секса она отнюдь не была наивной дурочкой. Она успела лишиться невинности, и у нее бывали интимные отношения с парнями. Но это был нормальный секс, где никто никого не унижал и не издевался. Миа вполне устраивал такой уровень интимной близости. Ее никогда не тянуло на извращения.

Все это отдавало неприкрытой порнографией. Но еще глупее было сознавать, что она держит в руках настоящий контракт, предлагавший ей отказаться от власти над собственным телом.

Чем дольше она сидела и вчитывалась в контракт, тем сильнее ее охватывало раздражение.

Миа быстро пробежала глазами абзац, где подчеркивалось, что она должна полностью сознавать, в какие отношения вступает. Подписывая контракт, она, среди прочего, соглашалась не раскрывать отношения с Гейбом ни перед кем, включая средства массовой информации.

Мать честная! Средства массовой информации?! Она что же, обратится в программу «Доброе утро, Америка» и перед всеми назовется игрушкой Гейба Хэмилтона?

Следующий абзац ошаршил ее еще сильнее.

Ей будет передан подробный отчет о состоянии здоровья Гейба, составленный его личным врачом. Ей тоже вменялось в обязанность пройти обследование, чтобы стороны имели исчерпывающие сведения о здоровье друг друга и отсутствии болезней. Кроме того, Миа должна была регулярно принимать противозачаточные препараты, а презервативы допускались лишь в случае ее контакта с другим мужчиной.

Дочитав до этого места, Миа выронила контракт. У нее отвисла челюсть. Что это значит, черт побери? Ей предстоит улаживать кого-то еще по выбору Гейба?

Голова у нее пошла кругом от догадок.

Нет, она неспроста сомневалась в способности ужиться с таким мужчиной, как Гейб, настолько далеким от ее круга, что было даже не смешно. Миа не знала и половины вещей, оговоренных в контракте.

Она вспомнила его обещание быть терпеливым и направлять ее в обучении. Ее начал раздражать смех. Да уж, для такого путешествия ей понадобится опытный проводник. Потом придется посидеть в Google и разобраться, о чем идет речь, так как большая часть осталась за гранью ее понимания.

Дрожащими руками Миа снова взяла контракт и прочла последнюю страницу. Это было безумием. Но еще большим безумием было то, что она до сих пор не разорвала его в клочья и не сказала Гейбу, куда он может засунуть свое «произведение».

Неужто она и впрямь собирается согласиться?

Ее чувства исчерпывались возгласами «о боже!» и «ну, блин!». Какая-то часть ее стремилась выяснить степень извращенности Гейба. Судя по этому контракту, он далеко ушел от всего, что считалось традиционным.

Миа плохо помнила обстоятельства его развода с Лайзой, но это было давно, и она по молодости лет многого не понимала. Знала лишь, что развод стоил Гейбу нервов и серьезно повлиял на его отношения с женщинами, но было ли с Лайзой так же? Может, он оттого и свихнулся? Нормальные люди не станут подробно прописывать каждую мелочь.

Затем она задумалась о других его женщинах. Она их, конечно, не знала, но слышала разговоры Джейса и Эша. Коль скоро контракт уже был готов, Гейб, видимо, заключал его со всеми подряд.

Во рту появился кислый привкус. Миа не надеялась быть отличной от прочих, но было приятно воображать себя особенной или хотя бы оригинальной, чтобы не слиться с вереницей женщин, с которыми спал Гейб.

Но затем она подумала, что Гейб был с ней достаточно откровенен и не пытался сбить с толку. По крайней мере, она знала, чего от него ожидать. Гейб подчеркивал: он хочет, чтобы она приняла его с широко открытыми глазами. Какого черта — они вообще не закроются после его контракта.

Миа глянула на часы: времени в обрез. Если пойти сию минуту, она не опоздает. Засунув контракт в сумку, она направилась в сторону кондитерской «Ла патиссери».

На ходу Миа достала мобильник. Так и есть: Кэролайн послала ей полдюжины сообщений. Лучшая подруга сгорала от желания узнать, как прошла встреча с Гейбом, и грозила прибить ее, если та не ответит в ближайшее время.

А что ответить Кэролайн? Не напишешь же: «Гейб хочет сделать меня своей игрушкой». Чего доброго, Кэролайн хлопнется в обморок.

Господи, но если узнает Джейс...

У Миа перехватило дыхание. Джейс — это серьезная проблема. Брат может просто спятить, узнай он нечто подобное. Гейб наверняка об этом думал. Или не думал?

Нет, брат не должен об этом узнать ни при каких обстоятельствах. Иначе их дружбе с Гейбом конец — как и бизнесу. Не говоря о том, что он никогда ее не поймет и между ними вырастет стена.

Она размышляла над этим. Деваться некуда, коль скоро она взялась учесть все мыслимые препятствия. В своем ли она уме?

Ей следовало бежать без оглядки, однако...

Она пришла в кондитерскую «Ла патиссери» на десять минут раньше. Привычно звякнул колокольчик. Миа поздоровалась с хозяевами — Грегом и Луизой.

— Привет, Миа! — крикнула Луиза из-за прилавка.

Миа помахала в ответ и нырнула в подсобку, где повязала передник и надела чудаковатый французский берет. Она считала, что выглядит в нем глупо, но таково было требование хозяев.

Когда она вернулась в зал, Луиза подозвала ее к себе:

— Я сегодня за прилавком, Грег не отходит от печи. Получили большой заказ, к вечеру нужно управиться. Ты не займешься столиками?

— Конечно, с удовольствием, — ответила Миа.

В крошечном кафе стояло всего пять столиков. Кондитерская торговала навынос, предлагая кофе, круассаны и сладости, но были и завсегдатаи, регулярно приходившие в обеденный перерыв. Еще четыре столика располагались снаружи, но они находились на самообслуживании.

— Ты ела? — спросила Луиза.

Миа улыбнулась. Луиза всегда волновалась, что Миа питается кое-как, забывает поесть, и потому постоянно стремилась ее накормить.

— Я завтракала. Перекушу у вас перед уходом.

— Не забудь попробовать новые сэндвичи Грега. Он обязательно спросит твое мнение. С утра уже попотчевал клиентов, потом расспрашивал. Хочет добавить эти сэндвичи в меню.

Миа кивнула и направилась к столику, за который только что села супружеская пара.

Наступило время ланча. И следующий час Миа только и делала, что принимала заказы и убирала грязную посуду. Хотя мысли о Гейбе по-прежнему занимали ее, целиком сосредоточиться на них она не могла. И все же сегодня она была рассеянной и даже перепутала два заказа, чего с ней почти не случалось.

Луиза с беспокойством поглядывала на нее, но Миа делала вид, что ей некогда. Меньше всего ей хотелось, чтобы хозяйка забеспокоилась или, не дай бог, начала выяснять, в чем дело.

В два часа наплыв посетителей схлынул, и вскоре кафе совсем опустело. Миа уже собиралась присесть и чего-нибудь глотнуть, как вдруг в дверях увидела Гейба.

Она споткнулась и чуть не растянулась на полу. Гейб успел подбежать и поймать ее. Он продолжал и дальше ее поддерживать, хотя Миа больше не грозило падение. Она зарделась от смущения и быстро огляделась: не видел ли кто.

— Порядок? — тихо спросил Гейб.

— Полный, — выдавила Миа. — Зачем ты здесь?

Уголки его рта изогнулись в полуулыбке, и Гейб удостоил Миа своим фирменным ленивым взглядом.

— Заехал тебя проведать, зачем же еще?

— Можешь отведать кофе. У нас его отлично готовят.

Гейб посмотрел на столик в дальнем углу, продолжая держать Миа за локоть.

— Гейб, мне надо работать, — сердито прошептала она.

— Вот и прими у меня заказ, — сказал он, усаживаясь за столик.

Миа закатила глаза:

— Эта кондитерская не твоего уровня. Ты и сам знаешь. Даже представить не могу, чтобы ты ел в таком месте.

— По-твоему, я сноб? — удивился он.

— Нет, обычное наблюдение.

Гейб взял меню, быстро просмотрел и положил обратно.

— Кофе и круассан.

Миа покачала головой, но пошла к прилавку, чтобы взять круассан и налить чашку кофе. Луиза, слава богу, ушла к Грегу и не видела этой сцены. Миа не хотелось объяснять хозяйке,

кто такой Гейб.

Ей пришлось подождать, пока утихнет дрожь в руках. Тогда она взяла чашку, тарелочку с круассаном и отнесла их Гейбу. Но тот вцепился ей в руку и не дал отойти от стола.

— Посиди, Миа. В зале все равно никого нет.

— Гейб, я не могу расслаживаться. Я на работе.

— Посиди, Миа. В зале все равно никого нет.

— Гейб, я не могу расслаживаться. Я на работе.

— А тебе разрешаются перерывы?

Миа не стала ему рассказывать, что именно это она и собиралась сделать перед его приходом. Вполне в стиле Гейба, черт побери: дожидаться, когда кондитерская опустеет, и заявиться.

Сокрушенно вздохнув, Миа села напротив:

— И все-таки зачем ты приехал? Ты же сказал, что у меня есть время до понедельника.

— Хотел взглянуть на конкурентов, — без обиняков ответил Гейб. Он оглядел кондитерскую и вопросительно посмотрел на Миа: — Неужто ты этого хочешь, Миа? Тебе и вправду здесь хорошо?

Миа обернулась. Ни Грегга, ни Луизы. Когда она вновь посмотрела на Гейба, у нее дрожали колени.

— В контракте... много странного. — Она произнесла это с великим трудом и потупилась, не в силах больше выдержать его взор. — Много о чем нужно подумать.

Когда же она украдкой взглянула на Гейба, то обнаружила, что он полностью удовлетворен.

— Значит, ты уже прочитала.

— Прочитала, — соврала Миа, стараясь говорить как можно непринужденнее и чуть загадочнее, как будто подобные предложения ей поступали по сто раз на дню. — Вечером читаю внимательно.

— Хорошо. Я хочу, чтобы ты была уверена. — Он потянулся через стол и тронул ее запястье. Всего лишь прикосновение, но даже оно участило ее пульс, а по руке побежали мурашки. — Бросай ты эту работу, Миа, — сказал Гейб негромко, чтобы слышала только она. — Сама знаешь: тебе здесь не место. Я открою тебе совсем другие горизонты.

— Мне или себе? — спросила она вызывающе.

Гейб снова улыбнулся так дьявольски соблазнительно, что Миа чуть не растаяла на месте.

— У нас будет взаимовыгодное соглашение.

— Я не могу оставить их сейчас. Это будет некрасиво, Гейб.

— Я обещаю найти им временную замену, пока они не подыщут кого-то еще. Миа, вокруг полно

людей, которым позарез нужна работа. Миллеры просто не хотят тебя отпускать. Они никого и не ищут, потому что ты их вполне устраиваешь и они думают, что ты будешь работать у них, пока им удастся тебя удерживать.

Миа помялась и нервно откинула волосы:

— Я подумаю об этом.

Гейб снова улыбнулся, его глаза лучились теплом. И вдруг, не успела она воспротивиться, привлек ее к себе и чуть приподнял ей подбородок. Она не шелохнулась и не отпрянула. Она млела, делаясь податливой и погружаясь в его объятия, а поцелуй становился все более страстным. У Миа перехватило дыхание. Она не двигалась и не пыталась вырваться.

* * *

Гейб подразнил ее языком, просунув его в ее рот, потом отступил. Лизнул губу, чуть прикусил и сосал.

— Подумай об этом, Миа, — шепнул он. — Я буду ждать твоего решения. — Он разомкнул объятия, встал и вышел из кондитерской к ожидавшей его машине.

Гейб уехал, а Миа еще долго смотрела на улицу. После его поцелуя у нее покалывало губы, и она приложила пальцы ко рту. Она еще помнила его запах, его объятия.

Из ступора Миа вывел звякнувший колокольчик. В зал вошел покупатель. Тут же появилась Луиза и спросила, чего он желает. Миа унесла со стола полупустую чашку Гейба и нетронутый круассан.

Ее рабочий день почти закончился. Она трудилась несколько часов — главным образом во время ланча, когда все столики были заняты. Иногда хозяева просили ее выйти с утра в субботу и воскресенье.

Миа побрела в подсобку, чтобы снять передник и берет. В голове царил кавардак. Грег хлопотал возле печи, туда же вернулась и Луиза. Миа долго стояла в дверях, пока Грег не поднял голову и не увидел ее.

— Миа, у тебя что-то случилось? — спросил он.

Она глубоко вдохнула и медленно выдохнула:

— Мне нужно вам кое-что сказать.

Глава пятая

— Так ты уволилась? Ну, блин! — воскликнула Кэролайн.

Миа медленно кивнула. В кастрюле закипала вода. Миа посолила ее, затем опустила туда спагетти.

— Не томи, рассказывай. Что это с тобой? Я уж думала, ты метишь в какие-нибудь главные кондитеры.

— Ты говоришь как Гейб, — пробормотала Миа.

— Это ты из-за него ушла? — прищурилась Кэролайн. — Ну-ка, девочка, выкладывай. Ты же про вашу встречу ни слова не сказала. Я тут умираю от любопытства!

Миа молчала, плотно сжав губы. Не могла она рассказать Кэролайн ни о контракте, ни о встрече с Гейбом вообще. Если она согласится подписать контракт — а она обдумывала это уже всерьез, — ей совершенно не хотелось разглашать подробности ее личной жизни... с Гейбом. Даже лучшей подруге.

Но что-то сказать придется. Миа выбрала меньшее из двух зол:

— Он предложил мне работу.

У Кэролайн округлились глаза.

— погоди. Вчера он тебя целовал. Грозился оттрахать прямо на террасе. И все ради работы?

Миа и сама понимала, насколько глупо это звучит, но говорить о проклятом контракте не собиралась.

— Может, не только поэтому, но пока он предложил мне быть его личным ассистентом. Он считает, что в «Ла патиссери» я гроблю свои способности.

Кэролайн разлила вино и подтолкнула к Миа бокал. Та помешала спагетти и добавила соус.

— В общем-то, я с ним согласна. Не для того ты получала диплом, чтобы разносить кофе и круассаны, — сухо заметила Кэролайн. — Но личный ассистент? Думаю, он по-своему понимает слово «личный». — (Миа промолчала, не заглотив наживку.) — Значит, ты все решила, коли ушла из кондитерской. Так?

— Ничего я еще не решила, — вздохнула Миа. — Мне можно думать до понедельника.

— Тут не о чем думать, если хочешь знать мое мнение. Он богат, хорош собой и хочет тебя. Чем плохо-то? — пожала плечами Кэролайн.

— Ты несправима! — воскликнула Миа. — Ты же знаешь, что деньги — это еще не все.

— И это говорит та, кого избаловал старший брат, у которого денег больше, чем у самого Господа.

Миа не могла отрицать ни того, что Джейс был богат не меньше Гейба, ни того, что он и вправду много для нее сделал. Он купил ей эту квартиру, хотя ему не нравилось, что она ходит на работу за двадцать кварталов. Она не нуждалась в соседке, но Кэролайн было негде жить, а Миа любила компанию. Но она старалась не зависеть от брата целиком. У нее были скромные запросы. Она фактически научилась жить экономно на деньги, зарабатываемые в кондитерской.

— Меня, конечно, разбирает любопытство, — призналась Миа. — Мне всегда было интересно, что он за человек. Меня давно тянуло к нему.

— Что ж, любопытство — серьезная причина, чтобы подцепить мужика, — согласилась Кэролайн. — Как узнать, каково с ним, если не броситься в омут?

Омут был подходящим сравнением. Только ей предстоял не короткий прыжок, а затяжной, со скалы. Ее подмывало снова вытащить чертов контракт и еще раз вчитаться, но сделать это при Кэролайн она не могла. Придется подождать.

Миа подцепила спагетти вилкой, попробовала.

— Готовы. Доставай тарелки.

— Я принесу еще вина, — предложила Кэролайн. — Ты потрясающе готовишь, Миа. Мне бы твой кулинарный талант. Мужики любят пожрать.

— Можно подумать, у тебя проблемы с мужиками, — засмеялась Миа.

Она не лукавила. Кэролайн была просто загляденье. Чуть выше ростом, чем Миа, с более пышными формами, на которые мужчины слетались как мухи на мед. У Кэролайн были роскошные медно-рыжие волосы, на солнце игравшие оттенками от красного до золотистого. Добавить темно-карие глаза, лучившиеся теплом, — и вот перед вами солнечная красавица, в которую влюблялся каждый встречный.

— Проблема одна — хороших нет, — с тоской отозвалась Кэролайн.

Миа съежилась, жалея о бездумных словах. Пока дело касалось влечения, у Кэролайн и вправду не было проблем с мужчинами. Они липли к ней. Но последний, кого она привлекла, доставил ей кучу неприятностей.

— Выпьем за них, — стремясь загладить свой ляп, сказала Миа и подняла бокал.

* * *

Зазвонил телефон, но Гейб не обращал внимания на его трели и продолжал составлять памятную записку. Рабочий день закончился, и нечего звонить в неурочное время.

Звонки прекратились, но через несколько секунд ожил мобильник. Взглянув на высветившийся номер, Гейб прикинул, не перевести ли вызов на голосовую почту. Затем вздохнул и нажал кнопку ответа. Проиигнорировать материнский звонок не позволяла совесть, хотя он заранее знал, о чем будет речь.

— Алло, — произнес Гейб.

— Гейб, это я. Сначала позвонила тебе в офис. Ты в последнее время сидишь допоздна. Ну почему не взять отпуск?

Да, неплохая идея. Еще лучше было бы прихватить с собой Миа. Может, и впрямь сбежать на несколько дней и ввести ее в его мир? Об этом стоит подумать.

— Привет, мам. Как дела?

Это был дежурный вопрос, но Гейб все равно спрашивал. Проблема была в том, что мать, в отличие от большинства людей, вежливо отвечавших «прекрасно», будь то правда или нет, всегда понимала его буквально.

— Поверить не могу, что он вытворяет, — с возмущением сказала она. — Выставляет на посмешище и себя и меня.

Гейб вздохнул. После почти сорокалетней совместной жизни его отец вдруг ушел от матери, подав на развод, и теперь, похоже, спешил оприходовать как можно больше телок, в основном фотомоделей. Мать, вопреки ожиданию, воспринимала это болезненно, и Гейб, увы, оказался единственной жилеткой, куда могла поплакаться несчастная женщина.

Он любил отца, но его нынешний закидон Гейб не понимал. Как можно прожить с человеком столько лет и в одно прекрасное утро объявить, что уходишь?

Гейб сомневался, что сам он решился бы развестись с Лайзой. Это она его бросила. Возможно, было и глупо сохранять отношения, в которых уже не осталось ни любви, ни страсти, но он уберег бы Лайзу от боли и унижений, сопряженных с разводом. А вот она его не пощадила. Он не злился на бывшую жену за развод как таковой. Возможно, он сам виноват, что довел до него. Но он не догадывался, насколько несчастна была с ним Лайза. А вот чего он не мог ей простить, так это грязного шоу, в которое она превратила их бракоразводный процесс.

— Гейб, это просто позор. Ты видел утренние газеты? Он там красуется с двумя женщинами. Ну скажи, зачем ему две женщины сразу?

Гейб не знал, что ответить. Он содрогался, едва представлял, как отец... Нет, лучше в это не вникать.

— Мама, перестань читать светскую хронику, — терпеливо посоветовал Гейб. — Ты же знаешь, как тебя это расстраивает.

— Он делает это нарочно, чтобы меня наказать, — с нарастающим раздражением сказала она.

— С какой стати тебя наказывать? Что плохого ты ему сделала?

— Он дает понять, что, пока я сижу дома и оплакиваю свой брак, он радуется жизни. Такие снимки красноречивее слов. Вот, мол, смотри: жизнь продолжается и без тебя веселее.

— Сочувствую, мама, — мягко сказал Гейб. — Я понимаю, это обидно. Вышла бы ты из дома и чем-нибудь занялась. У тебя есть друзья. Полно четвероногих домашних питомцев, на которых ты жертвуешь и вообще тратишь время. Ты еще молода и красива, любой мужчина был бы счастлив привлечь твое внимание.

— Я пока не готова развлекаться, — сухо возразила мать. — А завязывать отношения с другим мужчиной, когда после развода прошло так мало времени... Если твой отец ведет себя как беспринципный проходимец, то это не значит, что я должна следовать его примеру.

— Ты бы меньше тревожилась, что подумают люди, а занялась бы своим счастьем, — выпалил Гейб.

Повисло долгое молчание, затем мать вздохнула. Гейбу были невыносимы ее страдания. Ее боль разрывала его самого. Он старался держаться в стороне от родительских забот, но с недавних пор это стало практически невозможно. Теперь мать звонила ему ежедневно, чтобы пожаловаться на отцовские выходки, а отец разливался перед Гейбом соловьем, расписывая очередную подружку. Беда была в том, что каждый раз у него была новая. Отец лихорадочно заделывал брешь в отношениях с сыном, не понимая, что та лишь растет от изобилия пассий. Принятие — вот чего добивался его отец. Прощения и принятия. И если простить отца Гейб еще мог — тот жил своей жизнью и имел свое представление о счастье, — то он не мог принять другую женщину в роли жены отца.

— Ты прости меня, Гейб, — тихо сказала мать. — Я понимаю, мои звонки тебе осточертели. Я только и жалею на твоего отца. Я не должна это делать. Что бы он ни натворил, он остается твоим отцом, и я знаю, что он тебя любит.

— Давай в эти выходные пообедаем вместе, — предложил Гейб, чтобы хоть немного поднять ей настроение. — Свожу тебя в «Трибека грилл».

— Но ты же наверняка занят.

— Для тебя у меня всегда найдется время. Я имею право пообедать с матерью. Ну, договорились?

— С удовольствием, — ответила мать, и ему показалось, что она улыбнулась. — Я сто лет нигде не была.

— Отлично. Тогда я за тобой заеду.

— Да перестань! — воскликнула она. — Я вызову такси.

— Я же сказал, что заеду, — настоял Гейб. — Пока будем ехать, поговорим. А после обеда я велю шоферу отвезти тебя домой.

— Я буду ждать, — обрадовалась мать.

Гейб успел забыть, когда она так искренне радовалась. Сейчас он похвалил себя за попытку вытащить мать из добровольного затворничества. Ей пора было выйти в мир и убедиться, что тот не рухнул вместе с ее браком. Гейб дал ей достаточно времени на скорбь в стенах дома, откуда ушел отец. Хватит. Возможно, он даже убедит ее продать дом в Уэстчестере и перебраться в город. Больше там незачем оставаться — слишком много болезненных воспоминаний. Пусть начнет с чистого листа.

О чистом листе Гейб знал все. После развода в его жизни наступил период, во многом похожий на тот, что переживала мать. Ему тоже хотелось, чтобы его оставили в покое. Он все понимал, но знал и другое: чем раньше мать вылезет из своей скорлупы и начнет полноценно жить, тем скорее оправится.

— Я люблю тебя, сынок, — сказала она с чувством.

— И я тебя люблю, мама. Ну, до субботы?

Гейб завершил разговор и посмотрел на фотографию, все еще украшавшую его стол: родители в день тридцать девятой годовщины их свадьбы. На снимке они выглядели счастливыми. Все это было ложью. Через две недели отец ушел и моментально нашел себе другую.

Гейб покачал головой. Он все яснее понимал, что ни один брак не застрахован. Развод угрожает любой супружеской паре. Это был веский довод против пут, чреватых разрывом и потрясениями, а также в пользу защиты от крупных финансовых потерь. Разводы обходятся намного дороже свадеб.

Он был вполне доволен своим нынешним состоянием. Никакого риска — ни финансового, ни эмоционального. Никакого ущемленного самолюбия. Никакой душевной боли. Никакого предательства.

Он снова взялся за мобильник и отыскал фотографию Миа, сделанную несколько недель назад. Она и не подозревала, что ее снимают. Она не видела Гейба и не знала, что он рядом.

Миа выходила из магазина на Мэдисон-авеню, буквально в нескольких шагах от Гейба. Он был околдован. Она ловила такси, и ее волосы развевались на ветру.

Гейб был почти парализован желанием. Такое бывало и раньше, но в тот момент он вдруг осознал, что *должен* обладать ею. Его неодолимо тянуло к Миа. Восхищение ею превратилось в одержимость. Он сфотографировал Миа без ее ведома. Зато теперь в любой момент мог открыть снимок и увидеть Миа такой, какой она была в тот день.

Юной, трепетной. Несказанно прекрасной. А улыбка! Когда она улыбалась, весь мир играл красками. Прохожие шли, но Гейб никого не видел, кроме нее.

Она... покоряла.

Гейб не вполне понимал, что в ней особенного. Возможно, всего лишь запретный характер их отношений. Она была младшей сестрой его лучшего друга, на четырнадцать лет моложе Гейба. Женщиной, от которой он должен был держаться подальше.

Но долг разительно отличался от намерения.

Он хотел Миа и был готов на все, только бы завладеть ею.

Глава шестая

Понедельник, офис «ХКМ», настоящее время

Миа стояла в дверях и смотрела на Гейба.

Похоже, он вовсе не был уверен в ее приходе, как ей казалось. В его синих глазах явственно читалось облегчение.

Миа открыла рот, собираясь сказать, что еще ничего не решила, но побоялась дразнить Гейба. Он и так был на взводе, и меньше всего ей хотелось рассердить его сразу.

— Я пришла, — хрипло сказала она.

Гейб взял ее за руку и повел в другой конец кабинета, где стоял кожаный диван.

— Выпьешь чего-нибудь? — спросил он.

Миа покачала головой:

— Нет, спасибо. Все в порядке. Слишком нервничаю, чтобы пить.

Гейб усадил ее на диван и сел рядом, положив ее руки себе на колени.

— Я не хочу, чтобы ты нервничала или боялась меня. Это совершенно не в моих планах. Я очень подробно описал характер наших будущих отношений. Думаю, это должно снять все страхи и всякое смущение. Я просто хочу, чтобы ты точно знала, о чем мы договариваемся. Но у меня и в мыслях не было тебя пугать.

Миа смотрела на него, отчаянно стараясь быть уверенной и откровенной.

— Я верю тебе, Гейб. И всегда верила. Поэтому и решила принять твое предложение.

В его глазах мелькнуло что-то первобытное. Миа почувствовала себя беззащитной, но это было сладостное ощущение, отозвавшееся дрожью во всем теле.

— Но у меня есть несколько своих условий, — сказала она осторожно.

Брови Гейба взлетели, губы дрогнули.

— И каких же?

Если она не будет твердой и не настоит на своем, эти отношения ее сомнут. Уступит она власть или нет, нельзя быть бесхребетной дурочкой, которая жметя и не говорит по существу.

— Там был пункт, который... меня... насторожил.

— Какой именно?

Миа старалась не покраснеть, потому что ей было стыдно даже произнести это вслух.

— Где говорится о противозачаточных средствах и презервативах.

— Разве тебе сложно предохраняться? — нахмурился Гейб. — Это же не проблема, Миа. Я бы никогда не заставил тебя делать что-то в ущерб здоровью. Хотя я не люблю презервативы, я готов ими пользоваться, если иные средства будут недоступны.

— Дай мне договорить, — покачала головой Миа. —

В контракте написано, что презервативы только... для других. Я не понимаю, что это значит. Но если я догадываюсь правильно, то за мной должно оставаться право отказаться. Ты что же, по своей прихоти можешь заставить меня трахаться еще с кем-то? Меня это бесит... точнее, пугает, — поправила она.

Лицо Гейба смягчилось. Он потянулся, чтобы погладить ее по щеке.

— Миа, послушай меня. Контракт немного грешит против истины, когда гласит, что я получаю полный и безраздельный контроль над тобой. В известном смысле это так. Но уверяю, я не сделаю ничего, если почувствую, что тебе это крайне неприятно. Моя задача — находиться в гармонии с твоими потребностями, желаниями и капризами. Немного же я стою как мужчина, если не сумею этого сделать для женщины, которую взял под опеку. В конечном счете власть останется у тебя, так как ты контролируешь мои действия. Мне хочется доставлять тебе удовольствие. Мне это очень важно. Я хочу, чтобы ты была удовлетворена. Чтобы ты была настолько избалована, изнежена и испорчена, что тебе не захотелось бы никого, кроме меня, всегда и везде.

Миа проглотила слюну, едва сдержав вздох облегчения.

— Что-то еще? — спросил Гейб, и Миа кивнула. — Слушаю, — сказал он, убирая руку с ее лица.

— Там ничего не сказано о стоп-слове, — выпалила Миа. — Я достаточно разбираюсь в... таких отношениях... и знаю, что большинство пользуется стоп-словом. Но в контракте о нем ничего не говорится.

— Даже интересно, что же, по-твоему, я буду с тобой делать? — пробормотал Гейб.

— Там были слова «связывание» и «боль». Есть чего испугаться, — заметила Миа.

— Да, — согласился Гейб. — О стоп-слове не сказано, потому что мне достаточно, если ты просто скажешь «нет».

— В контракте четко написано, что я этого не смогу, — нахмурилась Миа. — Если я подпишу, то откажусь от права говорить «нет».

— Я же не чудовище, — вздохнул Гейб, — чтобы тебя истязать. Ты права, я действительно недолюбливаю слово «нет», однако надеюсь, что оно не будет звучать часто. Я оставлю его для тех редких случаев, когда тебе будет по-настоящему страшно или неприятно. Но я не хочу, чтобы оно вылетало сплошь и рядом лишь потому, что ты не уверена и отвергаешь идею, даже не попробовав. Но если ты действительно окажешься в неприемлемой ситуации, тебе достаточно сказать «нет». Мне это может не понравиться, но я услышу. Обязательно. Даю тебе слово. Мы обсудим, в чем дело, и либо разберемся и снимем страхи, либо оставим затею и двинемся дальше.

— Я же не чудовище, — вздохнул Гейб, — чтобы тебя истязать. Ты права, я действительно недолюбливаю слово «нет», однако надеюсь, что оно не будет звучать часто. Я оставлю его для тех редких случаев, когда тебе будет по-настоящему страшно или неприятно. Но я не хочу, чтобы оно вылетало сплошь и рядом лишь потому, что ты не уверена и отвергаешь идею, даже не попробовав. Но если ты действительно окажешься в неприемлемой ситуации, тебе достаточно сказать «нет». Мне это может не понравиться, но я услышу. Обязательно. Даю тебе слово. Мы обсудим, в чем дело, и либо разберемся и снимем страхи, либо оставим затею и двинемся дальше.

— Ты хочешь сказать, чтобы я не паниковала раньше времени?

— Совершенно верно.

Ее напряжение стало спадать, тревоги отчасти улетучились. Миа охватило приятное волнение при мысли, что она вплотную приблизилась к исполнению ее давней мечты — тогда еще детской, на самом пороге юности.

— У тебя есть еще какие-нибудь условия? — выжидающе спросил Гейб.

Миа кивнула и сделала глубокий вдох. Возможно, ему не понравится, но в этом она не уступит.

— В контракте очень подробно расписана моя обязанность быть верной тебе. Однако там ничего не сказано о твоей верности мне.

Он выглядел изумленным.

— А для тебя это так важно?

— Еще как, — отозвалась она с напором большим, чем хотела. — Если я по контракту твоя, то нужно, ей-богу, написать, что и ты — мой.

Гейб запрокинул голову и рассмеялся:

— Хорошо. Ничего не имею против этого пункта. Ну, теперь все?

Миа медленно покачала головой:

— Есть еще одна вещь, и это очень серьезно. Самая важная часть любого нашего соглашения.

Он чуть отстранился и сдвинул брови, изучая ее.

— Похоже, без этого все сорвется.

— Так оно и есть, — кивнула Миа.

— Я слушаю.

— Если мы заключим с тобой контракт... Джейс не должен об этом узнать, то есть не должен узнать правду. — Ей не понравилось выражение его лица, и она поспешила добавить: — Это не то, что ты думаешь. Я не стыжусь тебя — и вообще. Но если Джейс узнает, он ни за что не смирится. Ты должен был это учесть, Гейб. Такие вещи нельзя предлагать, не подумав, как это повлияет не только на дружбу, но и на бизнес. Джейс никогда не поймет. Для него я по-прежнему младшая сестренка, и он нянчится со мной, как с маленькой. Он, черт возьми, до сих пор проверяет, с кем я встречаюсь.

— Ничего удивительного, — проворчал Гейб.

— Можешь представить его реакцию, если он узнает, какие у нас отношения?

— Я не собирался посвящать Джейса в детали, — спокойно ответил Гейб. — Ему достаточно знать, что ты работаешь у меня. Если на то пошло, я достаточно осторожен. Мне вовсе не хочется, чтобы пресса трубила о моей личной жизни, как это было при разводе с Лайзой. Люди могут болтать что угодно, но фактов они не получают.

— Джейс тоже не терпит сплетен, — пробормотала Миа. — Но я не хочу ему врать.

— Соврать ты можешь только нечаянно. А если мы поведем себя осмотрительно, то сплетничать будут только по поводу того, есть между нами что-то или нет. Джейс знает, что это такое. Он будет в курсе, что ты работаешь у меня, и разговоры неизбежны. Пока мы сами не дадим ему повода для подозрений, Джейс будет злиться и делать все, чтобы пресечь слухи.

— Я понимаю. Но это не сработает, если мне придется все время находиться с тобой. У меня есть своя квартира, друзья... — Миа замолчала, сообразив, что начинает оправдываться, даже не начав отношений.

Она ненавидела это слово. Ей хотелось, чтобы Гейб его не употреблял. Оно звучало слишком... мерзко, как будто Гейб был женат, а она была его любовницей. Или его грязным секретом, но Миа, склонная все перевернуть, предположила обратное: это Гейб становился ее маленьким грязным секретом.

— Миа, у тебя есть право выбора, — уже жестче сказал Гейб. — Я ведь тебя не принуждаю. Но если ты согласишься, я надеюсь, что мы будем действовать сообща. Мы придумаем, как обойти препятствия. Я не говорю, что у тебя не останется других интересов. Просто мои интересы будут на первом месте.

Его высокомерие было столь велико, что впору было бежать без оглядки. Ей бы разозлиться, но Миа находила слова Гейба настолько сексуальными и влекущими, что у нее захватывало дух.

— Ты же не думаешь, что я перееду?..

— Нет. Я понимаю: если мы не хотим, чтобы Джейс догадался, ты должна сохранять видимость независимой жизни. А значит, формально ты продолжишь жить у себя. Но ты будешь много времени проводить со мной там, где я выберу. Уверен, что Кэролайн прикроет тебя.

— Откуда ты знаешь про Кэролайн? — насторожилась Миа.

Гейб хищно улыбнулся:

— Я знаю о тебе почти все.

Миа в ужасе закусила щеку. Она вообще не думала, что Гейб ее замечает. Да, он делал ей подарки по особым случаям. Он был на ее выпускных вечерах в школе и в колледже. Но Миа и вообразить не могла, что ему знакомы подробности ее личной жизни. С какой стати ему интересоваться? Она была всего-навсего младшей сестрой его лучшего друга. Случайное знакомство. Подумаешь, какая-то девчонка, которую он иногда видел у Джейса.

До нее начало доходить, что интерес Гейба к ней был намного глубже и пробудился значительно раньше, чем можно было вообразить. Она не знала, радоваться этому или бить тревогу.

— Так каков твой ответ? — спросил Гейб. — Мы договорились? Я развеял твои страхи или тебя волнует что-то еще?

В его голосе звучало нетерпение. Он выглядел как бизнесмен, заключающий важную сделку. Гейб стал жестким. Неуступчивым. Бескомпромиссным. Но он уже пошел на уступки. Он сделал поблажки, на которые она не рассчитывала, и это ее успокоило. Ей казалось, что баланс сил соблюден и у нее осталась какая-то власть.

Конечно, неравенство сохранится, весы склонятся в сторону Гейба, но и она сможет выбрать. Он уже проявил известную гибкость, и это вселяло в нее уверенность.

— Мы договорились, — тихо сказала Миа.

Она достала из сумочки контракт, на котором уже стояла ее подпись, и протянула Гейбу, ненавидя неловкость, вызванную тем, что ее сексуальная жизнь стала предметом деловых переговоров.

— Я не знала, как быть с изменениями. Я имею в виду пункты, которые я хотела изменить, и еще часть, связанную с Джейсом. Я подумала, что пусть все будет в письменном виде, и кое-что добавила, подправила. Поставила инициалы.

Он был застигнут врасплох, но потом громко расхохотался, отчего внутри Миа все завибрировало.

— Значит, ты была готова уйти, если бы тебе не понравились мои ответы?

Миа подняла голову, встретилась с ним глазами, выдержала его взгляд и кивнула.

Гейб с улыбкой взял контракт:

Гейб с улыбкой взял контракт:

— Хорошо. Бизнес силен умением отказаться от сделки, если тебя что-то не устраивает. Ты вовсе не мышка, как кажется Джейсу. Думаю, из тебя выйдет отменный ассистент.

Гейб встал и подал ей руку. Миа протянула свою, упиваясь теплом и силой его хватки. Теперь, когда их отношения перешли в новую фазу, ее затопило предвкушение иной близости. Его прикосновения больше не были случайными. Теперь они наполнялись глубоким смыслом. Она стала его женщиной. Его собственностью. Она принадлежала ему.

— Идем к столу, я заверю твои поправки и распишусь. Мой адвокат все оформит и пришлет тебе экземпляр.

Миа поморщилась, и Гейб замер на полпути. Он вопросительно поднял брови, а она вздохнула:

— Это звучит чересчур... Мне даже не подобрать слово. Я знаю, это глупо. У меня еще не было отношений, которые начинались с адвоката. Это звучит слишком... холодно.

Гейб коснулся ее щеки, успокаивая:

— Я защищаю себя и тебя. Но одно, Миа, я тебе гарантирую: наши отношения никогда не будут холодными. Какими угодно, но только не такими.

Он убрал руку, оставив ее раздумывать над жаром его взгляда и чувственностью прикосновения. Нет, Миа не думала, что их отношения окажутся холодными. Наоборот, они будут пылкими. Страстными, всепоглощающими, перехватывающими дыхание. Все это она представляла легко, но только не холод.

Гейб подошел к столу, торопливо проставил инициалы и расписался рядом с подписью Миа. Затем оттолкнул контракт и повернулся к ней:

— У нас много дел. Я договорюсь с моим личным врачом. Ты пройдешь обследование, и он подберет противозачаточные средства, если ты их еще не принимаешь. Ты получишь копию данных моего последнего обследования, а также результаты всех моих анализов крови. Но сначала отправишься в кадры. Тебя оформят на работу, оговорят условия и, разумеется, назначат зарплату и премии.

— Хорошо, — охрипшим голосом ответила Миа, ошеломленная стремительностью, с которой менялась ее жизнь.

Готова ли она к этому?

— Все будет хорошо, — шепнул Гейб. — Доверься мне, и я о тебе позабочусь.

Она вдруг успокоилась. Ее охватило ликование, сравнимое с тем, какое бывает на американских горках, где возносишься, чтобы тут же нырнуть вниз, а ветер бьет в лицо, и бешено колотится сердце.

— Я верю тебе, Гейб. Иначе я бы сегодня не пришла.

Наверное, еще недавно это было не так. Она соврала бы, сказав, что не побаивалась откусить больше, чем в состоянии проглотить. Но, очутившись в его кабинете, услышав его слова и восприняв их силу и искренность... Миа действительно доверяла Гейбу — должна была доверять, в противном случае она была бы беспробудной дурой, переписавшей на него свою жизнь.

Она надеялась, что ей не придется жалеть о принятом решении.

Глава седьмая

Остаток дня прошел как в тумане. Она провела час в отделе кадров, заполняя бумаги и слушая разъяснения насчет зарплаты и премий. Сумма, положенная личному ассистенту Гейба, ее потрясла. Миа никак не думала, что ей столько заплатят за мнимую деятельность, маскировавшую отношения с Гейбом. Она даже не знала, сколько придется работать фактически, но Гейб, возможно, хотел сделать ей сюрприз.

Ее, однако, утешило, что она не будет всецело зависеть ни от Гейба, ни от Джейса. Миа сразу решила откладывать как можно больше на случай, если Гейб охладит к ней. Она была не настолько глупа и наивна, чтобы верить, будто протянет с ним дольше других женщин.

Миа не знала подробностей, но однажды подслушала разговор Джейса и Эша и выяснила, что Гейба хватает не больше чем на год, а чаще отношения с очередной женщиной заканчивались через полгода.

За одно Миа была благодарна Гейбу: он дал ей понять, что она заслуживает большего, чем работа в «Ла патессери». Она и сама понимала: окончив колледж, глупо разносить кофе и круассаны. Но была слишком мягкосердечной, чтобы уйти от Грегга и Луизы. А может, какая-то ее часть просто боялась войти в опасный мир бизнеса.

И разве работа у Гейба — не лучший способ туда попасть? Она хотя бы приобретет опыт и улучшит резюме. Ей будет легче устроиться, когда Гейб ее бросит. Куда угодно...

Миа не уставала напоминать себе, что отношения с Гейбом не затянутся. Она заранее приучала себя к мысли о неизбежности их расставания, чтобы, когда это случится, спокойно принять удар судьбы.

Она уже не была подростком, пусть Гейб и провоцировал в ней сугубо подростковые реакции. Пора и вырасти, черт возьми, чтобы вести себя по-взрослому.

После беседы в кадрах Миа немедленно отвезли в клинику за несколько кварталов от «ХКМ». Ее обслужили стремительно, как важную персону. Никаких бумаг, что показалось ей странным. Она помочилась в баночку, затем у нее взяли кровь, после чего врач задал ей массу вопросов, в том числе о желательном способе предохранения, и осведомился, не нужна ли его помощь.

Если подруги Миа шли в ногу со временем, подыскивая альтернативу ежедневным пилюлям, то Миа с одними методами не ладила, а других боялась. Поэтому она оставалась верна таблеткам.

Миа вышла из клиники усталая и выжатая как лимон. Странно, но Гейб не велел ей завтра выходить на работу. Напротив, он предложил ей хорошенько отдохнуть, будто заранее знал, насколько ее вымотает этот насыщенный день.

Благодарная за лишний день на осмысление договора, Миа отправилась домой. Гейб выделил ей машину. Водителю было приказано заехать за ней послезавтра. Тот вручил Миа свою визитку и сообщил, что будет к ее услугам в любое время, достаточно позвонить по номеру, указанному на карточке. За всю дорогу он больше не сказал ни слова.

Похоже, Гейб уже завладел ее жизнью, проник во все щели и трещины. Он занял все мысли Миа, скоро приобретет и тело.

В лифте ее охватила дрожь. Миа взглянула на часы, надеясь, что Кэролайн нет дома. Ей требовалось время, чтобы спокойно подумать. Посидеть в тишине и мысленно перебрать события дня. Наконец, представить размах ожидавших ее перемен.

Они пугали Миа до смерти и в той же мере возбуждали.

Войдя в квартиру, Миа задохнулась от ужаса, застав в гостиной не только Кэролайн, но и трех общих подруг — Чесси, Триш и Джину. Увидев ее, девицы вскочили и начали выкрикивать поздравления.

Ошеломленная, Миа глядела на них. Кэролайн подошла, улыбнулась, приобняла за плечо:

— Я разболтала им о так называемой работе на сексуальное божество по имени Гейб Хэмилтон.

— Каро, угомонись, — пробормотала Миа.

Но вот подруги окружили ее, и раздражению не осталось места. Они забросали ее вопросами, и Миа подмывало рассказать им все. Взять и выложить, на что она согласилась. Но ей тут же вспомнились условия контракта, и она решила не рисковать. Этого не расскажешь даже лучшим подругам.

— Что, мужик накачанный? А член большой? — спросила Чесси, лениво растягивая слова.

— Ну да, на собеседовании вынул и показал свое хозяйство, — поддакнула Миа.

Все покатались со смеху и стали отпускать скабрзные шуточки на тему Гейба, достающего член.

— Спорим, он знает, как с ним обращаться, — вождленно сказала Триш. — Не то что мой бойфренд. Надо заслать его к Гейбу на выучку.

— Этот Гейб никакой не гигант, — фыркнула Джина. — Может, он даже гей. А то вы не знаете, что все эти сердцееды — дохлый номер. Конечно, я бы при случае взялась за него, поменяла бы ему ориентацию.

— Никакой он не гей, — простонала Миа.

— А ты откуда знаешь? — вскинулась Чесси.

— Он лучший друг Джейса, я выросла у него на глазах, — раздраженно ответила Миа. — Он был женат, да и вообще не страдал от нехватки женщин.

— Может, еще не нашел подходящего мужика, — пожала плечами Джина.

— Я бы согласилась быть его женщиной, — сказала Триш. — И в ассистенты пошла бы. Везучая же ты, Миа.

— А я бы взялась за Джейса, — заявила Чесси. — Для него бы работала сверхурочно.

Миа заткнула уши и застонала громче:

— Прекрати! Ты меня пугаешь. Не хочу, чтобы потом газеты полоскали тебя вместе с Джейсом и печатали ваши снимки. Он мой брат! И я не хочу слышать грубых шуток в его адрес. Поняла, Чесси?

— Пойдемте куда-нибудь, отметим это дело, — предложила Кэролайн.

Миа удивленно глянула на нее. Остальные насторожились в ожидании продолжения.

— Завалимся в какой-нибудь клуб, — сказала Кэролайн. — Если Миа будет занята с девяти до пяти, тогда прощай наши поздние развлечения. Во всяком случае, по будням. У меня есть знакомый вышибала в «Вайбе». Он обещал пропустить, если приду с подругами.

— Черт, мне завтра рано вставать, — досадливо поморщилась Триш.

— Да оттянись, — стала настаивать Чесси. — Твою работу можно и во сне делать. Или после доспишь. Сегодня мы веселимся. Сто лет никуда не выползали.

Триш колебалась, но в итоге кивнула:

— Ладно, иду с вами.

— А ты, Миа? — спросила Кэролайн.

Все глаза обратились на Миа. Подругам не терпелось узнать, что она скажет. По правде говоря, ей очень хотелось остаться одной и спокойно обдумать минувший день, поведение Гейба и все остальное. Но она любила подруг и в глубине души знала, что отныне их общению положен предел. Во всяком случае, пока она будет с Гейбом.

— Я иду, — улыбнулась Миа. — Но мне надо переодеться. Это деловой костюм. Не хочу в клубе выглядеть как секретарша.

— И так сойдет, — возразила Чесси.

— Слушайте, я тоже одета не для клуба, — спохватилась Триш. — Мне надо сгонять домой и переодеться.

— И мне, — согласилась Джина.

— Хорошо, убедили, — подняла руки вверх Кэролайн. — Вы в темпе переодеваетесь, наводите марфет и через полтора часа встречаемся у клуба. Договорились?

Подруги уже спешили к двери, шумно прощаясь на ближайšie полтора часа.

Миа тоже встала и пошла к себе переодеваться. Кэролайн остановила ее:

— Что-то случилось, Миа? Ты как будто... пришибленная. Какая-то не такая.

— Да ничего у меня не случилось, Каро, — улыбнулась Миа. — Устала немного. Станный был день.

— Может, тебе лучше никуда не ходить? — тревожно спросила Кэролайн. — Позвоню девчонкам, все отменю. Они поймут.

— Нет, пойдем, — покачала головой Миа. — Теперь неизвестно, как у меня будет со временем.

Во всяком случае, пока не разберусь, что к чему. Я не знаю графика. Думаю, мой рабочий день будет длиться столько же, сколько у самого Гейба.

Миа дошла до двери, и Кэролайн окликнула ее вновь:

— А ты уверена, что ты этого хочешь? Я имею в виду — работать у Гейба.

Миа выдержала ее взгляд, и у нее немного отлегло от сердца.

— Да, хочу.

Она хотела Гейба. Служба была лишь способом заполучить его. А если она приобретет навыки, отличные от ее работы в кафе, это будет дополнительный плюс.

Пока Миа причесывалась и красилась, пришло сообщение. Миа достала мобильник из брошенной под раковину сумочки и увидела незнакомый нью-йоркский номер.

Завтра отдыхай, но к 7 часам вечера приезжай ко мне.

Не опаздывай.

Гейб

Миа задохнулась. Рука с телефоном дрожала, а текст эсэмэски не исчезал.

Вот и началось.

Глава восьмая

Водителю было велено забрать Миа в половине седьмого. Памятуя о требовании не опаздывать, она собралась заранее и теперь ждала машину. Ей хотелось спать, и она с трудом подавляла зевоту. Накануне они с девчонками засиделись, но это не могло служить оправданием. У нее был целый день, чтобы выспаться и оправиться от похмелья. Правда, она не могла уснуть при мысли о предстоящей встрече с Гейбом.

Это было нелепо, и Миа надеялась, что со временем она привыкнет и перестанет нервничать, оказываясь рядом с ним. Ради всего святого, ей предстоял с ним секс, а она до сих пор таяла при одной только мысли о нем. Как будто она стыдливая девственница, ни разу не видевшая голого мужчину. Хотя какого черта, таких, как Гейб, она точно не видела.

Мужчины, которые у нее были до сих пор... мальчишки, иначе не скажешь. Молодые ребята, почти столь же неискушенные, как и она. Единственный достойный опыт Миа приобрела с последним партнером. Она не хотела называть его «эпизодом», так как они встречались несколько раз. Его звали Дэвид. Он был старше других и намного опытнее.

Стараниями Дэвида она больше не желала смотреть на сверстников и в фантазиях зациклилась исключительно на Гейбе. В постели этот Дэвид был великолепен. Очень жаль, что в остальном оказалось иначе.

Интуитивно Миа знала: Гейб окажется вне конкуренции и после секса с ним ореол Дэвида потускнеет. Это уже говорило о многом. После мальчишек, которые у нее были до Дэвида, тот казался ей эталоном.

Водитель подкатил к дому Гейба без пяти семь. Открыл дверь, помог Миа выйти и довел до входных дверей. И все это молча. Водитель приезжал, отвозил, затем исчезал, чтобы появиться точно ко времени, когда настанет пора возвращаться домой. Это немного нервировало, как будто ему запретили с ней разговаривать.

В вестибюле находился не консьерж, а настоящий пост охраны, поскольку дом, где жил Гейб, был не просто жилым домом, но чем-то вроде отеля, с той разницей, что вместо однокомнатных и многокомнатных номеров здесь были квартиры.

Миа протянула дежурному охраннику свою идентификационную карточку. Тот позвонил Гейбу и спросил, можно ли ее пропустить. Миа надеялась, что ей не придется подвергаться этой малоприятной процедуре всякий раз, когда Гейб захочет увидеться.

Миа протянула дежурному охраннику свою идентификационную карточку. Тот позвонил Гейбу и спросил, можно ли ее пропустить. Миа надеялась, что ей не придется подвергаться этой малоприятной процедуре всякий раз, когда Гейб захочет увидеться.

Проводив Миа к лифту, охранник вставил карточку-ключ с номером этажа. Гейб, разумеется, занимал пентхаус. Вежливо кивнув Миа, охранник ушел.

Миа вознеслась на пятидесятый этаж. Лифт доставил ее прямо в прихожую пентхауса Гейба, и тот уже стоял там в ожидании. Он впился в нее взглядом, едва она вышла из кабины. Двери плавно закрылись, и они остались наедине.

Миа не могла отвести от него глаз. Она редко видела Гейба в джинсах, и они ему чертовски шли. Поношенные, выцветшие, явно любимые, которые рука не поднималась выбросить. Джинсы дополняла футболка с эмблемой «Нью-Йорк янкиз», облегавшая его мускулистый торс.

Похоже, Гейб серьезно занимался спортом. Иначе было не объяснить, почему человек, постоянно торчавший в офисе, так хорошо выглядел и имел столь тренированное тело.

Миа вдруг показалось, что на ней слишком много надето, хотя и было-то лишь простое темно-синее платье чуть выше колен. Туфли на высоком каблуке она выбрала неспроста: они прибавляли роста. Но и в них она ощущала себя маленькой.

Он был неотразим даже в вытертых джинсах и футболке. Он подавлял. В нем чувствовалась какая-то неукротимость. То, как он смотрел на Миа, заставляло и ее чувствовать себя значительнее.

Гейб лениво осмотрел ее, и Миа почувствовала тепло, как от физического прикосновения. Встретившись с ней глазами, он улыбнулся и непринужденно протянул руку.

Миа подошла к нему и взяла его ладонь. Гейб стиснул ей пальцы, притянул к себе и поцеловал. Он слегка покусал ее губы, потом стал облизывать, пока она не разжала губы и не впустила его язык к себе в рот.

— Я заказал обед. Ты, наверное, голодная, — хрипло произнес Гейб.

— Ужасно, — призналась она.

— Ты что, сегодня не ела? — нахмурился он.

— Выпила апельсинового сока. Есть вообще не хотелось, если честно.

Она умолчала о том, что накануне перебрала с подругами, не выпалась и до сего момента ей делалось дурно при одной мысли о еде.

Гейб провел ее к элегантному обеденному столу, стоявшему возле огромного венецианского окна с видом на Манхэттен. Панорама завораживала: вечернее небо, темные силуэты зданий и море разноцветных огней.

— Все нервничаешь? — спросил Гейб, усаживая Миа за стол.

— Гейб, я в неизведанных водах, — засмеялась Миа. — Тебе ли не знать.

Он удивил ее поцелуем в макушку и вышел. Через секунду Гейб вернулся с двумя тарелками. Перед Миа оказался ароматнейший стейк, настолько соблазнительный, что у нее немедленно заурчало в животе.

— Больше не смей морить себя голодом, — снова нахмурился Гейб.

Она кивнула. Гейб сходил на кухню и принес бутылку вина. Он сел напротив и наполнил бокалы.

— Я плохо знаю, что ты любишь. У нас будет много времени, чтобы разобраться. Но я подумал, что со стейком не ошибусь.

— Конечно нет, — сказала Миа. — Стейк вылечит что угодно.

— Согласен целиком и полностью.

Она принялась за еду, украдкой поглядывая на Гейба из-под ресниц. В голове роился миллион вопросов, но ей не хотелось его додумать. Он же сказал, что у них впереди масса времени, чтобы узнать друг друга. Большинство стремится сперва познакомиться, а уж потом ложиться в постель, но Гейб, как убедилась Миа, предпочитал действовать по-своему и плевал на то, что и кем принято. К тому же они не были совершенно незнакомыми людьми. Она следила за Гейбом много лет, пусть и издалека.

Ели молча. Миа чувствовала на себе его взгляд и знала: Гейб наблюдает за ней, как и она. Они напоминали двух настороженных противников, изучающих друг друга перед битвой. Правда, Гейб не был неловок и скован. Наоборот, он излучал уверенность, как хищник, приближающийся к жертве.

У Миа внизу живота появилась нервная дрожь, и, чтобы ее уменьшить, пришлось плотно сжать ноги.

— Ты ничего не ешь, — заметил Гейб.

Она посмотрела в тарелку и убедилась, что он прав. Половина жаркого оставалась несъеденной, а кусок на вилке давно остыл. Миа положила вилку и спокойно взглянула на Гейба:

— Гейб, я волнуюсь. Все это ново для меня. Я никогда не оказывалась в подобной ситуации. Я не знаю, как себя вести, что говорить, а чего не говорить. Может, я вообще должна молчать! Ты сидишь и смотришь на меня, будто я десерт. Я даже не знаю, как все это назвать. Обычным

обедом? Сеансом расслабления? Помоги, я блуждаю в потемках.

Его губы тронула полуулыбка. В глазах мелькнул веселый огонек.

— Миа, дорогая, ты и есть десерт.

Она тяжело задышала, поняв, что голод в его глазах не имел ни малейшего отношения к стейку.

— Ешь, — тихо сказал он.

Короткое слово, произнесенное тоном, не допускающим возражений. Это был приказ, которого она не смела ослушаться.

— Я не наброшусь прямо за столом. Предвкушение и ожидание делают награду значительно сладостнее.

Миа послушно взялась за вилку и нож, разрешила стейк, но вкуса не почувствовала. Она ела механически, всем телом улавливая сигнал опасности. Гейб явно не собирался церемониться, иначе он не был бы Гейбом. Ему всегда было нужно все, целиком. Это был его стиль, позволивший преуспеть в бизнесе. Гейб намечал цель и шел к ней, не думая ни о чем. Сейчас такой целью была Миа.

Она отхлебнула вина, чтобы заполнить неловкую паузу. Она сама не знала, хочет ли растянуть обед и выкроить себе лишнее время или стремится скорее покончить с ним и перейти к... десерту.

Гейб доел раньше и невозмутимо потягивал вино. Он не сводил глаз с Миа, следя за каждым ее движением. Он казался спокойным и даже отрешенным, пока она не заглянула ему в глаза. Они горели нетерпением и излучали жар.

Оставив совсем немного, Миа отодвинула тарелку и настороженно откинулась на спинку стула. Она молчала, но между ними витало: *что дальше?* Габриель неспешно окинул ее взглядом и сказал:

— А теперь, Миа, выйди на середину гостиной.

Сглотнув и судорожно вздохнув, Миа встала со всем изяществом, на какое была способна, решив быть уверенной и спокойной. Этот мужчина ее хотел. Ее, а не кого-то еще. Пора вести себя соответственно.

Ее каблуки застучали по паркету. Дойдя до середины комнаты, она медленно повернулась и увидела, что Гейб направился к креслу, стоявшему под углом к кожаному дивану.

Он сел и положил ногу на ногу. Его непринужденная поза показывала, насколько он расслаблен. Хотелось бы Миа сказать то же самое о себе. Она почувствовала себя на аукционе, где Гейб поедал ее взглядом.

— Разденься для меня, — велел он, и звук его голоса отозвался в ней дрожью.

Она таращилась на него, осмысливая приказ.

— Миа? — Гейб вопросительно поднял бровь.

Она начала снимать туфли, но Гейб ее остановил:

— Туфли оставь. Только их.

Миа медленно расстегнула все три пуговицы на платье. Затем повела плечами, позволив ему соскользнуть. На ней остались лифчик и трусики.

Глаза Гейба вспыхнули. В них горел звериный голод, а в чертах его лица появилось что-то первобытное. По спине Миа пробежал безотчетный озноб. Соски затвердели, упершись в шелк лифчика. Этот мужчина был смертельно опасен, а ведь он еще даже до нее не дотронулся. Но этот взгляд! Он жег ее огнем, неспешно ощупывая с головы до ног.

— Что сначала — лифчик или трусики? — хрипло спросила Миа.

— Да, Миа, я не ошибся, зрелище достойное, — улыбнулся он. — Трусики.

Она взялась большими пальцами за узкую полоску и медленно потянула вниз. Ее инстинктивным желанием было прикрыться, сохранив хотя бы крупицу скромности, но Миа заставила себя уронить полоску ткани на пол. Более того, носком туфли она отшвырнула трусики подальше.

Потом она снова подняла руки, чтобы дотянуться до застёжки лифчика. Чашечки съехали, обнажив груди.

— Откинь волосы назад, — негромко распорядился Гейб.

Одной рукой удерживая расстегнутый лифчик, другой Миа откинула волосы. Потом она опустила лифчик, позволив бретелькам соскользнуть с плеч. Лифчик упал туда же, где валялась вся ее одежда.

— Замечательно, — похвалил Гейб, чей голос сейчас напоминал рычание зверя, предвкушающего добычу.

Она стояла, беззащитная, в ожидании следующего приказа. Было ясно, что Гейб не торопится. Он впервые видел ее обнаженной и хотел растянуть удовольствие.

Ее руки метнулись к животу, потом к груди.

— Не прячься от меня, — мягко сказал Гейб. — Иди сюда, Миа.

Вся дрожа, она сделала шаг, потом еще и еще, пока не оказалась почти рядом с креслом.

Гейб опустил ногу и раздвинул колени, создав пространство между ногами. Ширинка его джинсов заметно оттопыривалась. Гейб поманил Миа.

Она шагнула в пространство между его бедрами и взяла за руку. Он потянул ее к себе.

Миа села на него верхом, ее колени уперлись в его бока, а ноги вклинились между ним и подлокотниками кресла. Она напряглась всем телом, ожидая его дальнейших действий.

Гейб обвел пальцем ее пупок, затем притянул к себе и довольно грубо поцеловал. Его быстрое и жаркое дыхание обжигало ей лицо. Его пальцы двигались выше, к волосам. Гейб намотал на руку несколько прядей, чтобы держать ее еще крепче.

А потом он быстро оттолкнул Миа, по-прежнему крепко держа ее за волосы. Он прерывисто дышал, грудь тяжело вздымалась. В глазах кипела похоть, и Миа содрогалась от его нестерпимого жара.

— Не знаю, понимаешь ли ты, как сильно я тебя хочу, — пробормотал Гейб.

— Я тоже тебя хочу, — прошептала Миа.

— Ты получишь меня, Миа. Во всех мыслимых вариантах.

Обещание скользнуло по ней, будто шелковая ткань, теплое и зовущее, сиплое и порочное.

Гейб оставил ее волосы в покое. Его ладони легли на ее живот и поползли вверх, пока не сомкнулись вокруг груди. Держа их, Гейб нагнулся и взял в рот ее сосок.

Миа застонала и выгнулась. Вцепившись в подлокотники, она запрокинула голову, а Гейб облизывал напрягшуюся плоть.

Он играл ее грудями, трогая то одну, то другую и попеременно беря в рот соски. От этой ласки они затвердели и выпятились, словно ждали новых прикосновений.

Потом рука Гейба скользнула к животу и ниже, между расставленных ног. Он бережно пробрался сквозь завитки волос до чувствительной плоти влагища. Его палец порхал над ее клитором, и она отзывалась всем существом.

Гейб будоражил влажную плоть, обводя ее указательным пальцем и успевая дотрагиваться большим до крошечных нервных узлов.

— Гейб, — не столько прошептала, сколько простонала Миа.

Она опустила голову, чтобы смотреть на него сквозь полуприкрытые веки. На его рот, прильнувший к ее соску. Ощущение было невероятно будоражающим и эротичным, наполняло ее безудержным желанием.

Его палец скользнул ей внутрь, и Миа вновь застонала. Гейб надавил сильнее, продолжая ласкать ей влагище. Потом он слегка закусил сосок, прихватив набухший ареол.

Руки Миа оказались у него на плечах, ее пальцы впились в его кожу. Миа извивалась всем телом, чувствуя приближение оргазма. Она просто не могла оставаться неподвижной. Все тело напряглось, и центр напряжения сосредоточился внизу живота.

— Кончи для меня, Миа, — потребовал Гейб. — Я хочу почувствовать, как ты кончишь мне в руку.

Его палец проник еще глубже, надавив на ее эрогенную зону. Миа задохнулась, когда он нажал на клитор и вновь сомкнул губы на ее соске. Как только ее накрыло, она зажмурилась и, сокрушенная оргазмом, выкрикнула его имя.

— Правильно. Это я, Миа. Повтори еще раз. Я хочу слышать.

— Гейб, — выдохнула она.

Она выгнула спину, а Гейб безостановочно толкал ее, заставляя подниматься все выше и выше. Миа взвилась в его руках и повалилась вперед, глотая воздух и успокаивая дыхание.

Гейб медленно вывел руку из ее влагалища, потом обнял Миа и притянул к себе, в свое тепло. Она уткнулась ему в плечо и закрыла глаза, сокрушенная силой пережитого оргазма.

Гейб гладил ее по спине. Потом потянул Миа за волосы, чтобы она посмотрела на него.

— Держись за меня, — велел он.

Миа едва успела обхватить его шею, как Гейб подался вперед и встал с ней на руках.

— Обхвати меня ногами за талию.

Гейб поднял ее еще выше, поддерживая под ягодицы, и Миа послушно обвила его ногами. Гейб вынес ее из гостиной и прошел по коридору в спальню.

Он осторожно опустил Миа на кровать, затем выпрямился и стал срывать с себя одежду. У Миа от возбуждения кружилась голова. Все тело вибрировало после недавнего оргазма. Влагалище пульсировало и приятно ныло. Она хотела еще. Она хотела *его*.

Приподняв голову, Миа увидела, как Гейб расстегнул и торопливо стащил с себя джинсы. Он весь пылал, член напрягся. Глаза источали жар. Он был воплощенным желанием. Миа могла бы смотреть на него часами. Он был невероятно красив, настоящий альфа-самец, привыкший повелевать. Схватив Миа за ноги, Гейб грубо дернул ее на край кровати, развел ей ноги и встал между них.

— Миа, я больше не могу, — хриплым и напряженным голосом проговорил он. — Войти в тебя мне важнее, чем дышать. Я должен войти. *Сейчас*.

— Я согласна, — прошептала она, глядя в его глубокие синие глаза.

Гейб подтянул ее к самому краю, и Миа почувствовала, как головка члена вошла в жаркую пещеру ее влагалища. Помедлив мгновение, Гейб ввел член целиком.

Гейб подтянул ее к самому краю, и Миа почувствовала, как головка члена вошла в жаркую пещеру ее влагалища. Помедлив мгновение, Гейб ввел член целиком.

Их стоны слились. Едва ощутив его в себе, Миа сразу кончила. Неужели второй ее оргазм мог наступить так скоро?

Она изнемогала от его присутствия внутри. Она была наполнена. До краев. Стенки влагалища так плотно сомкнулись вокруг его члена, что она удивилась, как Гейб ухитрился его протолкнуть, да еще так глубоко.

Его пальцы впились ей в ляжки, затем прикосновение стало нежнее, как будто Гейб вспомнил об осторожности. Он гладил ей бедра, живот, груди, чуть покручивая соски.

— Я сделал тебе больно? — прохрипел он.

Казалось, необузданное желание обладать ею полностью подавило в нем самоконтроль. И все же в его голосе Миа уловила заботу. Она не сомневалась: стоит ей сейчас сказать «нет», и он остановится. Невзирая на неистовое желание, двигавшее им.

Но до чего же ей нравилось ощущать это его неистовое желание. Он хотел ею обладать. Хотел ее.

— Нет, — помотала она головой. — Мне совсем не больно. Пожалуйста, не останавливайся.

Это была просьба. Это была мольба. Если он сейчас остановится, она умрет.

Он сжал ее груди. Миа коснулась его рук, наслаждаясь ощущением их силы. Она чувствовала, что может трогать его бесконечно.

Гейб стиснул на миг ее запястья, а затем закинул ей руки за голову, яростно дернув их. Миа была потрясена: лицо Гейба приобрело свирепое выражение, глаза превратились в щелочки, а из горла вырвалось глухое рычание.

Гейб придавил ее руки к постели, удерживая все ее тело так, что она не могла ни сопротивляться, ни вообще шевелиться.

Трепет, зародившийся в глубине живота, растекся по телу, и это почти не отличалось от наркотика. С Гейбом Миа ловила кайф из-за его силы и контроля над нею. Из-за его господства.

Она жаждала лишь одного: чтобы он оставался на ней и внутри ее. Жаждала почувствовать его безраздельную власть. У нее перехватило дыхание. От возбуждения и предвкушения кружилась голова.

Гейб вышел из нее и тут же снова вошел, всколыхнув ее тело силой вторжения.

Его взгляд настолько обжигал, что Миа затрясло. Гортанным, неотразимо сексуальным голосом он прохрипел:

— Нет уж, черта с два я остановлюсь. Я слишком долго ждал.

«Слишком долго ждал». Да от одних этих слов она чуть не кончила. Сводила с ума сама мысль о том, что этот далекий от ее круга мужчина вообще находил возможным ее воцелеть. Миа и представить не могла, что Гейб зациклен на ней.

Она приближалась к оргазму. Возможно, «зацикленность» в его случае — это сильно сказано. Миа не представляла, в чем выражалась его зацикленность на ней. Хватало того, что она сама часами мечтала оказаться с ним рядом. Под ним, придавленная его тяжестью, с его членом, глубоко проникшим в нее.

Не сказать чтобы инструмент был уж совсем здоровенный. Но явно больше, чем у ее прежних любовников. И черт побери, Гейб хорошо умел им пользоваться.

Он отпустил ее руки. Но стоило ей пошевелить ими, как Гейб свирепо посмотрел на нее и тут же снова закинул их назад. Этот приказ не нуждался в словах, и Миа повиновалась, оставив руки там, куда их положил Гейб. Она смотрела на него и, затаив дыхание, ждала, что он будет делать.

Гейб нагнулся, схватил ее за ноги, резко поднял их и обвил себе вокруг талии. И снова — этот *взгляд*. Сексуальный, бросающий в дрожь, повелевающий держать ноги так, как он сделал. Затем его руки скользнули ей под ягодицы, и он начал жестко, с силой вталкивать в нее член; ритмичные движения гнали волны наслаждения по всему телу Миа.

Ей инстинктивно хотелось потянуться к нему. Миа нуждалась в якоре, чтобы не сгинуть в буре, которым обернулось его господство. Но Гейб снова ожег ее взглядом и стиснул зубы. Миа

уронила руки.

— В следующий раз я свяжу их, — пригрозил он. — Не смей меня трогать, Миа! Здесь я команду. Я распоряжаюсь тобой. Ты — моя. И запомни: не двигать руками, пока не скажу. Понятно?

— Да, — прошептала Миа, настолько близкая к оргазму, что было трудно дышать.

Ее пульс учащался, готовый взорваться. Удары сбивались под действием грубого, агрессивного выражения на лице Гейба. Но его взгляд сулил многое — все, что Гейб сделает с ней. Все, что заставит сделать ее. И она, помоги ей Боже, не могла дождаться.

Он вновь сотряс ее, вторгшись. Миа закрыла глаза и плотно сжала зубы, чтобы сдержать крик.

— Глаза! — рыкнул он. — Смотри на меня, Миа. Всегда смотри на меня. Не смей кончать с закрытыми глазами. Когда я внутри, я хочу видеть все. Не смей от меня отгораживаться.

Миа послушно устремила взгляд на него и резко выдохнула.

Он вышел, снова вошел, крепко сжимая ее ягодицы. Она подумала, что на коже останутся следы. Удерживая ее, Гейб еще шире развел ей ноги. Его член уподобился молоту. Она больше не могла. Она не выдержит. Слишком много... *всего*.

— Имя, Миа. Чья ты? Кому ты принадлежишь?

— Тебе, — прошептала она. — Тебе, Гейб. Только тебе.

Его глаза удовлетворенно вспыхнули, но выражение лица было свирепым и хозяйским, подбородок выпячен.

— Правильно, малышка. Только мне. Говори мое имя, когда кончаешь.

Подсунув руку и не переставая двигаться, Гейб нащупал клитор и принялся его мять.

— Кончи, — потребовал он. — Еще раз. Сделай это для меня, Миа. Я хочу почувствовать, как внутри тебя дрожит, становится мягким, шелковым и плотно обхватывает мой член. Это трахорай.

Миа пронзительно вскрикнула. Ее возбуждение достигло предела. Оргазм расцвел: мощный, взрывной, сильнее прежнего. Гейб был глубоко внутри ее. Невероятно глубоко. Настолько, что она не чувствовала ничего, кроме его твердой пульсирующей плоти.

Он бился бедрами о ее зад, сотрясая все тело. Миа выгнула спину. Ей хотелось еще, ей было нужно больше. А он все так же интенсивно двигался, его лицо превратилось в напряженную маску.

— Мое имя, — потребовал он. — Имя, когда кончаешь!

— Гейб!

У него вспыхнули глаза. Он торжествующе смотрел, как она извивается под ним в оргазме, которого не могла и вообразить.

Миа обмякла на кровати — без костей, изнеможенная и довольная. А Гейб продолжал свои

движения внутри ее, хотя и медленнее, словно хотел насладиться каждым мгновением. Он закрыл глаза, вошел, потом вышел. Затем, сжав губы, с удвоенной силой возобновил движения, проникая глубоко и жестко.

И вот он напрягся, на груди и руках вздулись мышцы. Его руки оставили в покое ее зад и переместились к ее рукам — за голову. Его ладони вдавились в ее ладони, утапливая их в матрас. Гейб навалился на нее всем телом.

— Моя, — прошептал он сквозь стиснутые зубы. — Моя Миа.

Ее тело стало липким от пота. И тут в нее хлынула его сперма. Влажные толчки продолжались. Гейб двигался, изливаясь в нее. Казалось, его извержению не будет конца. Весь лобок Миа стал мокрым, и теперь, когда Гейб входил и выходил, раздавались хлюпающие звуки.

Потом он проник в нее совсем глубоко и остановился, затем медленно опустился на Миа, полностью накрыв ее своим телом. Его грудь тяжело вздымалась, дыхание обжигало ей шею. Он по-прежнему находился внутри ее. Его член оставался твердым как камень, даже сейчас, извергнув всю сперму. Боже, как это было здорово.

— Можно тебя потрогать? — шепотом спросила Миа.

Ей нужно было коснуться его. Она больше не могла сдерживаться. Это была всепоглощающая потребность, не поддающаяся контролю.

Гейб молча убрал свои руки, и Миа расценила его жест как согласие.

Она осторожно провела по его плечам и, не услышав возражений, осмелела. Она шарил по его телу, наслаждаясь теплом, сохранившимся после соития. Ее руки какое-то время скользили по его спине, а затем устремились вверх, лаская Гейба так же, как он ее.

Он что-то довольно промычал, и Миа вся сжалась. Когда ее пальцы обхватили его член, он снова застонал от удовольствия, а потом поцеловал ее в шею.

— Красивая, — прошептал он. — И моя.

Когда Гейб назвал ее красивой, Миа испытала блаженство, но притязание возбудило ее сильнее. Ибо сколько бы ни продлились их отношения, она была его. Она искренне принадлежала ему. Так, как бывает с немногими.

В ней не было ни клеточки, которая не ощущала бы власть Гейба. Миа устала, у нее приятно ныло влагилице. Она была полностью удовлетворена. Шевелиться не хотелось, и она просто ждала, наслаждаясь тем, что лежит рядом с ним, и тем, что он остается внутри ее.

Глава девятая

Гейб лежал рядом с Миа, слушая ее тихое дыхание. Она была теплая, мягкая, и его охватило чувство странного... счастья. Она положила голову ему на руку, и рука затекла, но он не хотел двигаться, потому что ему нравилась ее близость.

Он не любил обниматься. Со времен брака он перестал быть проникновенным. Нет, он спал с женщинами, но всегда возводил почти неошутимый барьер.

С Миа так не получилось. Едва он вышел из нее и вытер следы, Миа прикорнула под боком и заснула. И он ее не тронул. Вместо этого он лежал и думал о вывертах их сближения.

Гейба снедало чувство вины. Он обещал быть терпеливым и постепенно вводить Миа в тонкости их сексуальных отношений. Ему следовало действовать медленнее и деликатнее. Он должен был увериться, что держит себя в руках.

Но если говорить начистоту, то как только Миа переступила порог, его мгновенно охватило непреодолимое желание ее отыметь. В их сексе не было никакой деликатности. Он оттрахал ее с упоением, которого сам не мог объяснить.

Гейб смотрел на ее закрытые глаза, спутанные волосы, бугорки груди, плотно прижатые к его боку. Он воображал, что, утолив похоть, обуздает свою мнимую одержимость и будет обращаться с Миа как с прочими. А получилось, что его желание лишь усилилось. Он жаждал еще. Неистовый секс ничуть не уменьшил его жгучей потребности снова трахнуть ее. Он опять хотел Миа. Проклятье! Он хотел ее прямо сейчас.

Гейб позабыл все свои обещания терпеливо знакомить ее со своими привычками и не требовать слишком многого сразу. Ему хотелось связать Миа руки и трахать, пока оба не лишатся чувств. Сделать с ней миллион вещей, ни одна из которых не имела ничего общего с неспешным знакомством и введением во что бы то ни было. Ввести он хотел только себя. В нее. Но никакой легкости. Гейбу хотелось трахать ее жестко, долго и глубоко, пока у нее не останется и тени сомнения, что она принадлежит ему.

Миа шевельнулась, чмокнула губами во сне, и ее рука скользнула по его груди. Гейб погладил ее, испытав отчаянную потребность в прикосновении. Веки дрогнули, Миа открыла глаза и сонно посмотрела на него:

— Я долго спала?

— Не очень. Может, час.

Она стала неуверенно подниматься.

— Прости. Я не собиралась спать. Наверное, мне пора идти.

Гейб нахмурился, грубо опрокинул ее на спину и провел рукой по всем изгибам, задержавшись на груди. Черта с два она уйдет! Она его, что, непонятно? А его женщина не выползает из постели через минуту после оргазма.

— Позвони своей соседке, пусть соберет твои вещи — щетку, белье. Я пришлю за ними машину. На работу поедем вместе.

— Но что о нас подумают? — встревожилась Миа.

Гейб нахмурился сильнее:

— Это будет выглядеть как утренняя деловая встреча за завтраком. Мы обсудили твои обязанности и вместе поехали на работу. — (Миа молча кивнула.) — Телефон у кровати. Позвони Кэролайн.

Гейб убрал руку, чтобы Миа перекатилась, и долго смотрел на ее голую спину и округлую попку. Боже, как она прекрасна!

Заставив себя оторвать взгляд от Миа, Гейб потянулся за мобильником. Пока та вполголоса разговаривала с подружкой, он быстро позвонил водителю и приказал забрать из квартиры Миа сумку с вещами.

Повернувшись обратно, Гейб обнаружил ее сидящей на постели. Лицо ее выражало недоумение. Наверное, она и чувствовала себя неловко.

Ему хотелось подмять ее под себя и вонзить член, давно стоявший, твердый как камень. Гейб прикрылся простыней, чтобы Миа не видела, насколько он возбужден. Конечно, скоро она и так узнает. Но не сейчас. Он сам не знал почему, ибо испытывал сильнейшую потребность вновь оказаться внутри ее, раздвинуть восхитительные бедра и обнажить дивное влагище.

Будь сейчас на ее месте другая, Гейб либо удовлетворил бы свою похоть, либо предложил спать и отвернулся бы без всяких церемоний. Но с Миа возникли иные... потребности, которых он даже не понимал. Он и не слишком стремился заниматься анализом и копать глубоко. Гейб сомневался, что ему понравится результат.

— Иди сюда. — Он протянул руку, чтобы Миа легла как прежде.

Она нырнула под одеяло и свернулась калачиком, положив голову ему на плечо.

Они довольно долго лежали молча, потом Миа повернулась к нему лицом.

— Ты ведь не заставишь называть тебя хозяином или типа того?

Гейб вскинул брови, но потом заметил в ее глазах озорной блеск. Он покачал головой. Миа его развеселила, и он обнаружил, что готов рассмеяться.

— Нет. Это же смешно. Я не любитель ритуалов и стереотипов.

— Никаких «да, сэр» и «нет, сэр»?

Гейб принял это добродушное подтрунивание и слегка шлепнул Миа по заду. Ему было уютно с ней, и он вдруг понял, что наслаждается этим... моментом. Черт знает, как это назвать. Ему бы трахать ее, а он балдеет оттого, что просто лежит рядом, от ее невинной улыбки и кокетства. Вот же дьявол — если она разыграется так с кем-то другим, он за себя не ручается.

— Да ты расшалилась, нахальная девчонка. Нет, не надо называть меня сэром. От этого мне будет казаться, что я твой отец. Мне и так хватает разницы в возрасте. Незачем заострять внимание.

Миа приподнялась и посмотрела на него. Ее волосы упали ему на грудь. Боже, какая красивая. До чего же роскошные у нее волосы. Внезапно у Гейба пропало все желание наслаждаться ее игривостью. Он вновь испытал жгучее желание навалиться на нее и трахать часа четыре без передышки.

— Неужели тебя так волнует мой возраст? — спросила Миа. — А если да, то почему ты захотел... этого? Я имею в виду наши отношения.

Гейб вздохнул, пообещав себе сдерживаться еще несколько минут. Его член требовал ее влагища, но Миа хотелось поговорить, и он решил уступить ей.

— Раньше волновало. Теперь — почти нет. Но я старше тебя на четырнадцать лет. Ты намного

моложе. Нас разделяет целая жизнь.

Миа чуть нахмурилась и погрузилась.

— О чем ты думаешь? — спросил он с любопытством, не понимая ее колебаний.

Она сделала глубокий вдох.

— Ты намекал, что... давно меня хотел. Как давно, Гейб?

Он замолчал, подбирая слова. Оборот, который приняла беседа, смутил его, но в глазах Миа стоял вопрос. Раз он сам спросил, о чем она думает, придется отвечать.

— Это было, когда ты вернулась из Европы. Я помню, как ты прервала учебу и отправилась путешествовать. Я тогда редко тебя видел. Только по праздникам, с Джейсом. И еще на выпускном, после колледжа. Я больше не считал тебя девочкой, сестренкой Джейса. Передо мной была желанная женщина. Та, кем я хотел обладать. Это стало полной неожиданностью.

— Но почему ты решился только сейчас? — тихо спросила Миа. — Почему не тогда, а сейчас?

На этот вопрос у него не было ответа. Гейб мог лишь рассказать о дне, когда сделал снимок. Его как будто ударили под дых. Все его подавляемые желания вырвались наружу. Миа превратилась в занозу, которую было не вытащить. Даже сейчас, когда он ее заполучил, зуд не прошел, наоборот, усилился.

— Мне понадобилось время, — признался он просто. — А ты, Миа? Когда ты поняла, что хочешь меня?

Она покраснела и отвела взгляд. Ее щеки приобрели очаровательный розовый оттенок.

— Я влюбилась в тебя еще подростком. Годы жила фантазиями о тебе, но понимала, насколько ты далек от моего круга.

Что-то в ее тоне насторожило Гейба. Даже потрясло. Он только сейчас сообразил, насколько разрушительными могут оказаться для Миа их отношения, если она не научится отличать чувства от секса. Возможно, он потому и медлил до последнего. Помимо разницы в возрасте, Миа была девушкой. Молодой женщиной без эмоционального опыта, присущего прежним подругам Гейба.

— Не влюбляйся в меня, Миа, — предостерег он. — Не принимай наши отношения за что-то большее, чем есть на самом деле. Я не хочу тебя травмировать.

Миа сощурилась и недовольно скривила губы. Она перевернулась на спину, отодвинулась. Гейбу это не понравилось. Он хотел, чтобы она лежала вплотную к нему, теплая и мягкая.

Он потянулся и развернул ее, чтобы она вновь оказалась у него на груди. Она осталась безучастной. Скверно. Могла бы говорить о чем угодно, пока он ее трогает.

Она продолжала хмуриться. Прелестная, восхитительная, но об этом лучше молчать, иначе совсем взбесится. Его губы начали растягиваться в улыбке, но он подавил ее и внимательно посмотрел на Миа в ожидании продолжения.

— Ты слишком самонадеян, Гейб. И вообще высокомерный придурок. Ты четко расписал, что у нас будет. Я же не идиотка. Неужели ты думаешь, что каждая твоя баба мгновенно влюбляется

и жить без тебя не может?

Гейб все же не выдержал и улыбнулся, и Миа это, похоже, не понравилось. Она смахивала на обиженного котенка, выпустившего коготки. Гейб испытал облегчение. Да, он старался, чтобы она уяснила условия их соглашения, но все-таки не хотел обижать. Если он разобьет ей сердце, его дружбе с Джейсом конец. Но Гейб не хотел этого делать — разве только иначе будет никак. Миа была просто очередной женщиной, с которой он занимался сексом.

— Принято, — уступил Гейб. — Я больше не буду.

Она снова сердито зыркнула и упрямо отодвинулась. Нет, котенок! Он дернул ее, она шлепнулась ему на грудь, и ее губы очутились в нескольких дюймах от его рта.

Гейб поцеловал ее и зарычал, не дождавшись ответного поцелуя. Он опустил руку, скользнул по ее животу, потом ниже, к мягкой, бархатной плоти. Он начал массировать клитор, пока она не застонала и не впустила его язык к себе в рот.

— Вот так-то лучше, — выдохнул он и впился в ее рот.

— А как же твой водитель? — спросила она между поцелуями.

— Время есть. — Он потянулся к ее бедрам, поднял ее и посадил на себя верхом. Скомкал и отшвырнул одеяло и простыню. Он хотел ее неистово, *болезненно*.

— Положи руки мне на плечи и привстань, — приказал он.

Когда Миа повиновалась, он взял в одну руку свой напрягшийся член, а другой уперся ей в ляжку, помогая ей принять его в себя.

— Скачи на мне, Миа!

На ее лице отразилась такая неуверенность, что Гейб схватил ее за талию, выгнул спину и протолкнул член на всю глубину ее влагалища. Продолжая удерживать Миа руками, он стал управлять ритмом движений, помогая Миа найти ее собственный ритм. Он знал: эта скачка будет быстрой, горячей и необузданной. Похоже, с нею он вовсе не контролировал себя.

— Так, малышка, — прошептал он. — Замечательно.

Он ослабил хватку. Миа двигалась увереннее, все лучше понимая, чего он хочет. Ее влагалище было жарким, влажным и мягким, как шелк. Но этот шелковый плен сжимал член, словно тисками. Твою мать! Сейчас он кончит, а ей еще далеко.

Словно прочитав эти мысли, Миа наклонилась и поцеловала его, впервые перехватив инициативу. Боже, как это было приятно. Он чувствовал ее вкус, ощущал соблазнительную мягкость ее губ. Черт, она принадлежала ему. Никаких сомнений. Он не собирался ее отпускать, пока полностью не насытится.

— Не жди меня, — прошептала она.

Он взял ее лицо в ладони и прижался к губам в жарком поцелуе. Он выгибал бедра, чтобы обогатить скачку. Потом впился пальцами в ее ляжки, зная, что оставит следы. Но это лишь подстегивало его желание, пока оно не превратилось в пылающий ад, рвавшийся наружу.

Наконец он извергся — с болезненной силой. Гейб еле сдерживал крик победы, торжества и

удовлетворения. Он чувствовал себя так, словно настиг добычу. Она была здесь, в его руках, его член внутри. Она принадлежала ему. Хватит ждать. Никакой примитивной одержимости. Он захватил ее целиком, и теперь она в его власти. Он может делать с ней что угодно.

Безумные мысли вскипали в нем, и их было много, очень много. Он видел Миа связанной по рукам и ногам, неспособной сопротивляться, в то время как он отчаянно трахает ее, удовлетворяя свою похоть. Он ставит ее раком и трахает сзади, кончает ей в рот. Имеет ее во всех мыслимых и немыслимых позах, пока в ее голове не останется никаких мыслей, кроме одной: о том, что она принадлежит ему.

Безумные мысли вскипали в нем, и их было много, очень много. Он видел Миа связанной по рукам и ногам, неспособной сопротивляться, в то время как он отчаянно трахает ее, удовлетворяя свою похоть. Он ставит ее раком и трахает сзади, кончает ей в рот. Имеет ее во всех мыслимых и немыслимых позах, пока в ее голове не останется никаких мыслей, кроме одной: о том, что она принадлежит ему.

Гейб притянул ее к себе, чтобы ее грудь уперлась в его. Миа взлетала и падала, подчиняясь его движениям. Ее спутанные волосы лезли ему в лицо. Обхватив Миа сзади, он снова выгнулся, стремясь войти глубже и слиться с ней, насколько возможно.

Боже, он был беззащитен перед напором своего желания. Он никогда не испытывал ничего подобного и сомневался, что ему это нравится. Происходящее тревожило его и вселяло неуверенность, заставляло пересмотреть свои намерения.

Спору нет, он был эгоистичным придурком. Он привык получать все, что хотел. Всегда. Но Миа вынудила его захотеть... стать лучше. Ему разонравилось быть хищным чудовищем, способным лишь брать, ничего не отдавая. Ему хотелось быть нежным с нею и ставить ее удовольствия выше своих. Он не знал, как это сделать, но хотел попытаться.

Если после случившегося она не сбежит из его постели, это будет чудом. Он ведь грубо обошелся с нею, и не один раз, а дважды. Отымел почти с садистской жестокостью. Во второй заход она даже не кончила.

Гейб закрыл глаза и попытался собраться. Миа так и лежала на нем, и он обнимал эту нежную, мягкую женщину.

Наконец он перекатился с ней вместе, выскользнул из ее жаркого влагища. Гейб неуклюже поцеловал Миа в лоб, не находя слов, и в итоге вообще ничего не сказал, а просто слез с постели.

Миа следила за ним, пока он стоял голый. Ее взгляд не выдавал никаких чувств. В нем не было ни осуждения, ни отвращения, но и принятия тоже. Она просто наблюдала за ним, и он покрылся мурашками под ее задумчивым взглядом.

Гейб отвернулся и произнес, нагнувшись за одеждой:

— Лежи здесь. Когда доставят вещи, я их принесу.

— Хорошо, — тихо сказала она.

Он надел трусы, понимая, что выглядит старым козлом. Сейчас он был очень далек от обычного имиджа недосыгаемой фигуры. Гейб не хотел, чтобы кто-то увидел его таким. Особенно Миа.

Удовлетворенная, Миа уснула, погрузившись в теплый туманный кокон. Ее сновидения были полны ярких картин, и в каждой присутствовал Гейб. А затем ее выдернули из сна, и Гейб, реальнее некуда, стащил с нее натянутое до подбородка одеяло.

Снова тот взгляд — чарующие синие глаза, пронзавшие Миа насквозь. Она инстинктивно подобрала ноги, усмиряя мгновенно вспыхнувшую боль.

— На колени!

Черт, она поплыла от одной команды.

Миа не вполне понимала, чего от нее хотят. Просто встать на колени, выпрямившись? Или на четвереньки? Если последнее... Миа содрогнулась, представив, чем это грозит.

Когда глаза Гейба нетерпеливо сощурились, Миа поспешно перевернулась на бок, затем на живот. Не дав ей встать на колени, Гейб положил руку ей на спину и крепко прижал к ложу.

— Погоди немного. Будет легче, если я сделаю это сейчас.

«Что именно он хочет сделать сейчас?»

Ее сердце гулко стучало. Миа зажмурилась, решив, что можно, коль скоро она лежит ничком и не смотрит на Гейба.

Гейб осторожно взял ее руку, потом другую и свел на поясице. Глаза Миа широко распахнулись. Веревка! Она вдруг поняла, что он... связывает ей запястья.

«Ну, блин!» Значит, все эти садомазохистские штучки, упомянутые в контракте, — вовсе не шутка!

Миа не осознавала, насколько напряжена, пока Гейб не наклонился к ней и не коснулся губами уха.

— Расслабься, Миа. Я не сделаю тебе больно, и ты это знаешь.

Обещание, произнесенное шепотом, расслабило ее мышцы, и Миа утонула в простынях. Мозг был перегружен. Она была встревожена, испугана, но все-таки больше возбуждена. Ее чувства обострились до предела. Соски затвердели, уткнувшись в матрас, а влагиалище сжалось, вздрагивая от предвкушения.

Гейб приподнял ей зад так, чтобы его колени оказались под нею. Теперь ее задница торчала вверх. Руки, плотно стянутые веревкой, замерли на поясице.

Он принялся ласкать ее ягодицы. Движения были мягкими, успокаивающими. Потом палец Гейба вошел в ложбинку между ягодицами, ненадолго замерев возле ее анального отверстия.

— Мне не терпится оттрахать тебя в твою сладкую попочку, — взбудораженным голосом объявил Гейб. — И я это сделаю. Пока ты еще не готова, но всему свое время, и я буду наслаждаться каждой секундой, засаживая тебе по самые яйца. — Миа невольно вздрогнула. Ее тело покрылось гусиной кожей. — Пока я оттрахаю тебя в киску, но буду смотреть на твою задранную крепенькую попочку и представлять, будто долбаю туда.

Миа закусила губу, сама охваченная похотью, пылающая и отчаянно жаждущая его прикосновения и обладания ею.

Кровать просела, Гейб навалился всем телом. Его руки скользнули по ее спине, потом легли на связанные запястья. Он погладил стиснутые пальцы и потрогал узел, словно проверяя, крепки ли тот.

Миа не могла вздохнуть. Ей было не осмыслить шквал ощущений. Она сознавала свою полную беспомощность, но в то же время знала: ей ничего не угрожает. Гейб не сделает ей больно. Он не пойдет так далеко.

Одна его рука осталась на связанных запястьях Миа, а другая скользнула вниз и накрыла промежность. Гейб довольно долго вставлял член, водя головкой и распаяя ее, потом вошел в нее совсем неглубоко.

— Ты сейчас такая красивая, — произнес он севшим голосом. — В моей постели, на коленях, со связанными руками, когда способна лишь брать то, что я даю.

Миа была готова кричать от досады. Она достигла предела, а головка члена словно застряла на входе в ее влагалище. Она качнула бедрами, понуждая его проникнуть глубже.

Она никак не ожидала, что получит за это сильный шлепок по заду. Потом Гейб усмехнулся. Он смеялся!

— Какая ты нетерпеливая, — с нескрываемым изумлением заметил он. — Нет, Миа, мы будем делать по-моему. Ты уже все забыла. Я хочу оказаться внутри ничуть не меньше тебя. Но я наслаждаюсь каждым мгновением, видя тебя связанной. Как только я полностью войду в тебя, мне долго не продержаться, вот я и растягиваю удовольствие.

Миа закрыла глаза и застонала.

Гейб снова усмехнулся и ввел член еще на дюйм. Она вздохнула, напряженная, ждущая, предвкушающая. Все ее тело дрожало и сжималось, влагалище засасывало член глубже. Миа хотела его целиком. Она хотела Гейба.

— Миа, ты хочешь всего меня? — хрипло спросил он.

«Да, черт побери».

— Да, — выдавила она.

— Миа, ты хочешь всего меня? — хрипло спросил он.

«Да, черт побери».

— Да, — выдавила она.

— Не слышу.

— Да, черт побери!

— Попроси вежливо, — произнес он елейным тоном. — Давай, малышка, попроси у меня о том, чего тебе хочется.

— Я тебя хочу, — сказала она. — Пожалуйста, Гейб.

— Ты хочешь меня или мой член?

— Обоих, — сдавленно отозвалась она.

— Хороший ответ, — пробормотал Гейб, нагнулся и поцеловал ей спину.

Он сдвинул ее связанные запястья и вошел еще глубже. Миа шумно вздохнула, ее глаза округлились, а рот оставался открытым в беззвучном крике.

— Чертовски хороший ответ, — прошептал Гейб, наклоняясь к уху.

Его тело накрыло ее, обмяло, вжимаясь в связанные руки. Миа выгнула спину и принялась извиваться, не находя выхода для отчаянной жажды большего.

Никогда, даже в самых неистовых фантазиях она предположить не могла, что за одну ночь столько раз кончит. За считанные часы! Это настолько опрокидывало ее представления, до того выбивало из привычного мира и превосходило самые необузданные мечты о близости с Гейбом, что разум был опустошен.

Гейб остановился и начал медленно извлекать член, стиснутый скользким, набухшим влагищем. Головка опять застыла на выходе.

— Гейб, прошу тебя!

Она умоляла его. Ее голос был сиплым, в нем слышалось отчаяние, но это ее не волновало. Ей было наплевать, что она нарушает правила, что Гейб может ее отчитать. Она даже надеялась заработать новый шлепок, ибо любое его действие могло сейчас ввергнуть ее в сладостное забытие.

— Тсс, малышка, — произнес он так, что можно было кончить от одного звука. — Теперь я позабочусь о тебе. Доверься мне.

— Я верю тебе, Гейб, — прошептала она.

Она повернулась, и ей хватило краткого мгновения, чтобы увидеть в глазах Гейба огонь свирепого удовлетворения. Казалось, эти простые слова ударили его под дых. И они ему понравились.

Он схватил ее связанные запястья, чтобы подавить всякое движение ее рук, хотя она и так не могла пошевелиться. Держась за них, как за поручень, Гейб снова втолкнул в нее член и начал двигать им. Глубоко, жестко, с задержками.

Миа задрожала всем телом. От напряженной позы у нее ослабели ноги. Колени вдавились в матрас. Она чувствовала, как оседает. Мышцы превратились в кисель, ожидая скорого оргазма.

Бабочки в животе запорхали, разлетелись, устремились по венам. Гейб был наркотиком. Его медленные, сладостные скольжения внутри ее пьянили.

Послышались тихие стоны, и Миа догадалась, что стонет она сама. Она была не в силах их подавить. Они неслись откуда-то из ее глубины, из той части, которая до сегодняшней ночи оставалась накрепко закрытой.

Потом Гейб отпустил ее связанные запястья и стал наматывать ее пряди себе на пальцы. Затем потянул Миа за волосы: сначала слегка, затем все сильнее и яростнее.

Теперь он собрал ее волосы в кулак и тянул за них, пока она не повернулась к нему лицом.

— Глаза, Миа.

Приказ был резким, она не смела ослушаться. Миа открыла глаза и боковым зрением увидела Гейба. У нее перехватило дыхание.

В нем было что-то дикое. Глаза неистово блестели. Он не вводил, а вгонял свой член, заставляя Миа сотрясаться всем телом. Всякий раз, когда он останавливался, хватка немного ослабевала и Миа могла шевельнуть головой.

Ей не было больно. А может, и было, однако наслаждение настолько опьянило ее, что она не отличала его от боли. Возбуждало даже то, что он держал ее за волосы. Ей нравилось, как он запрокидывал ей голову, желая видеть, как она кончит.

Он хотел видеть ее глаза.

И она еще больше запрокинула голову: пусть смотрит, если хочет. Миа сосредоточилась на его лице, прекрасном мужской красотой и крайне довольном. Он наслаждался, и это ему давала она.

Их взгляды встретились, и Миа выдержала его взгляд. В нем было что-то, пробиравшее Миа до самых печенок, прожигавшее ее насквозь. Ее место здесь, в постели Гейба Хэмилтона. Она подвластна ему и зависит от него. Об этом она и мечтала.

И все это она получила.

— Скоро? — спросил Гейб дрожащим от напряжения голосом. Она недоуменно посмотрела на него, и он уже мягче спросил: — Малышка, скоро кончишь?

— Совсем скоро. Вот-вот, — прошептала она.

— Тогда кончи для меня, красотка. Дай мне увидеть это в твоих глазах. Я люблю, когда они затуманиваются. У тебя такие выразительные глаза, Миа, — зеркало души. Черт побери, я единственный мужчина, который может видеть, как ты кончаешь. Понятно?

Она кивнула, не в силах произнести ни слова. Комок в горле был слишком велик.

— Скажи мне, — тихо велел он. — Скажи, что эти глаза — мои.

— Они твои, — прошептала Миа. — Только твои, Гейб.

Его пальцы, сжимавшие ей волосы, немного разжались. Потом его рука скользнула по ее спине. Прикосновение было теплым и успокаивающим. Он обхватил ее за талию и опустился еще ниже, к ляжкам.

Потом он стал массировать ей клитор, и Миа вскрикнула, словно тело пронзил электрический разряд.

— Не бойся, малышка. Расслабься. Я хочу тебя, Миа. Хочу все, что у тебя есть. Это мое. Отдай мне. Сейчас. — Он снова задвигался внутри ее, каждый раз ударяя бедрами по ее ягодицам, а

пальцем растирал напряженный клитор.

— Боже мой, — выдохнула она. — Гейб!

— Ты быстро учишься, малышка. Когда кончаешь, не забывай произносить мое имя и смотреть на меня.

Она чуть не отвела взгляд. Окружающий мир утратил четкость. Миа выкрикнула его имя, не узнав собственного голоса. Она не помнила, чтобы когда-либо говорила так громко и хрипло. Ее голос был полон страсти, отчаянного желания. Это была мольба, обращенная к Гейбу. Миа просила дать ей то, в чем она так нуждалась.

И он дал.

Гейб позаботился о ней. Дал то, чего она хотела, в чем нуждалась.

Себя.

Ее влагалище переполнилось его жарким семенем. Миа было трудно смотреть на Гейба. Ее тело обмякло, она прижалась щекой к простыне. Ей не хватало сил повернуть голову, даже чуть-чуть. Глаза закрылись. Миа не знала, вполне ли она в сознании, поскольку ощущала себя по уши в дерьме, но зато в прекраснейшем месте мира.

Парящая. Ликующая. Полностью удовлетворенная.

И счастливая.

Но упреков не последовало — только нежные поцелуи, запечатленные на спине и за ухом. Гейб шептал слова, которых она даже не понимала. А затем он вышел из нее, и Миа мгновенно разразилась протестами. Ее грубо выдернули из теплого забвения в пустой и холодный мир.

— Тише, малышка, — прошептал Гейб. — Мне нужно тебя развязать и позаботиться о тебе.

Она лишь промычала в ответ. Ей были приятны его слова. Гейб о ней позаботится. Ей это понравилось.

Она лишь промычала в ответ. Ей были приятны его слова. Гейб о ней позаботится. Ей это понравилось.

Вскоре Гейб развязал ей руки и стал осторожно растирать запястья. Затем он перевернул Миа и подхватил на руки.

Он поднял ее с кровати, прижимая к груди, как ребенка. Она свернулась плотным клубком, буквально вдавившись в него. Ее руки обхватили его за шею, как будто больше не желали отпускать.

Боже милостивый, она чувствовала себя такой незащищенной. Такой... открытой. Она была совершенно ошеломлена случившимся. Конечно, она ехала к Гейбу в ожидании секса. Но такое? Это был не просто секс. Да разве слово из четырех букв, обозначающее все многообразие соитий, способно описать ту неистовую, неудержимую, infernalную бурю, через которую она только что прошла?

Это было сродни землетрясению. Миа знала, что такое хороший секс, но ни один мужчина не потрясал ее до самых основ.

Гейб прошел с ней в ванную, открыл душ и подождал, пока кабина наполнится горячим паром. Тогда он внес Миа внутрь и, по-прежнему крепко прижимая к себе, медленно опустил на ноги. Теперь душевые струи омывали их обоих.

Убедившись, что Миа стоит твердо, Гейб потянулся за мылом и собственноручно вымыл ее целиком. Он не пропустил ни одного участка ее тела, намывая ее и лаская.

Когда Гейб закончил, Миа едва держалась на ногах. Стоило ему чуть отойти, как она едва не упала ничком. Гейб бросился к ней, бормоча проклятия. Он вновь подхватил Миа на руки, посадил на столик возле умывальника и взял с полки полотенце.

Гейб закутал ее в полотенце, и Миа вздохнула, прижавшись лбом к его мокрой груди.

— Со мной все нормально, — прошептала она. — Вытирайся. Я посижу здесь.

Посмотрев на него, Миа увидела, что Гейб улыбается, а глаза светятся изумлением. Он потянулся за полотенцем для себя, продолжая внимательно следить за нею.

Гейб быстро вытирался, и Миа наслаждалась каждой секундой этого зрелища. Он был прекрасен. Великолепен, можно сказать. А его зад! До сих пор она не приглядывалась, так как ее внимание было поглощено передней частью тела Гейба. У него был красивый пенис.

Да, странно было назвать его красивым, поскольку на самом деле эта штука весьма уродлива. Но пенис Гейба? Сам Гейб был прекрасен и хорошо сложен. Даже его член. Она живо воображала, как берет его в рот. Пробует на вкус. Приводит Гейба в неистовство, как он ее.

— О чем ты думаешь, черт побери? — поинтересовался Гейб.

Миа моргнула и обнаружила, что он стоит совсем близко, между ее ног и с интересом смотрит на ее лицо. У Миа мгновенно вспыхнули щеки. Дурацкая реакция, учитывая, что только что она предавалась горячему, грубому и в чем-то извращенному сексу. И что же, краснеть от желания сделать Гейбу минет?

Его вопрос не оставлял ей надежды.

— Я обязательно должна отвечать? — спросила она.

Гейб удивленно поднял брови.

— Да, обязательно. Особенно теперь, когда ты вся покраснела.

Миа вздохнула и боднула его в грудь:

— Я тебя разглядывала.

Гейб схватил ее за плечи и отстранил, чтобы видеть ее глаза.

— Да ну? Разглядывала и от этого застыдилась?

Миа помешкала, затем со вздохом призналась:

— У тебя потрясающий член. Я восхищалась им.

Гейб подавил смех. Вернее, почти подавил, поскольку из горла вырвался звук, похожий на

стон.

Прежде чем окончательно смешаться, Миа выпалила:

— И я фантазировала о... — Она чувствовала, как ее щеки из розовых становятся пунцовыми.

Гейб пошире раздвинул ее ноги и притиснулся вплотную. Двумя пальцами поднял ее подбородок и устремил на Миа пристальный, испытующий взгляд:

— О чем ты фантазировала?

— О том, чтобы взять у тебя в рот, — прошептала она. — Попробовать на вкус. Довести тебя до безумия, как ты меня доводил.

Он напрягся всем телом. Глаза вспыхнули неукротимой похотью. Это было похоже на адский пламень.

— У тебя, малышка, будет такая возможность. Это я тебе гарантирую.

И вновь ее мозг взорвался образами. Яркими и живыми, где ее губы плотно обхватывают его здоровенный член, а язык облизывает каждый его дюйм.

Гейб нагнулся и нежно поцеловал ее в уголок рта.

— Нам нужно поспать, — пробормотал он. — Я не собирался... заниматься этим допоздна. Завтра у тебя будет усталый вид.

Последние слова Гейб произнес почти с сожалением. Он погладил ей подбородок и пощекотал щеку костяшками пальцев. Потом снова поцеловал. Это был нежный, сладостный поцелуй — прямая противоположность его недавнему дикарскому неистовству.

— Идем, малышка, — позвал он хрипло. — Я отведу тебя в постель, поспи хоть несколько часов.

Глава одиннадцатая

Открыв глаза, Миа увидела склонившегося над нею Гейба. Он осторожно трогал ее за плечо.

— Эй, пора на работу, — сказал он.

Миа протерла глаза, пытаясь разогнать туман.

— А сколько времени?

— Шесть. Если хочешь, прими душ и одевайся. Позавтракаем по пути на работу.

Прогнав сонливость, Миа увидела, что Гейб уже полностью оделся. Она даже не заметила, как он вылез из постели. От него пахло свежестью и мылом, а еще — несказанно приятным одеколоном. Он был в слаксах, рубашке и галстуке, который небрежно висел на шее, так как верхние пуговицы рубашки были незастегнуты.

Он выглядел... недосыгаемым. Холодным, собранным. Разительный контраст с мужчиной, который трахал ее полночи.

Миа села и спустила ноги с постели:

— Я быстро.

— Можешь не торопиться. Я сегодня не спешу. Собрание в десять, до этого я свободен.

Миа проковыляла в ванную, подошла к зеркалу. Если не считать недосыпа, в ее лице ничего не изменилось. Ей же почему-то казалось, что весь мир узнает, чем они занимались с Гейбом минувшей ночью.

Пустив воду, она не сразу встала под душ. Несколько минут она просидела на стульчаке. Ей было нужно собраться. Она никогда не участвовала в сексуальном марафоне. Все протекало намного медленнее и ограничивалось одним оргазмом.

За ночь Гейб отымел ее четырежды. Всякий раз он потом угрюмо извинялся, будто ему было тяжело это делать. В его глазах читалось искреннее сожаление. Он говорил, что собирался действовать аккуратнее, не подгоняя событий, как обещал, но не смог удержаться, поскольку безумно ее хотел.

И что теперь, огорчаться?

Совсем неплохо, когда мужчина до того охвачен желанием, что не в силах сдержаться. Он ее ничуть не обидел. Да, у нее все болело. Да, на теле остались отметины от его рук и губ. Но даже будь она в полубессознательном состоянии, то и тогда наслаждалась бы каждой минутой их близости.

Миа вошла в душевую кабину и подставила лицо под горячие струи. Помня, что Гейб уже одет и готов к выходу, она быстро вымылась и торопливо схватила полотенце.

Миа вошла в душевую кабину и подставила лицо под горячие струи. Помня, что Гейб уже одет и готов к выходу, она быстро вымылась и торопливо схватила полотенце.

Только сейчас она сообразила, что не захватила с собой белье. Она даже не знала, куда Гейб поставил сумку, собранную Кэролайн. Намотав на голову полотенце, Миа приоткрыла дверь ванной и выглянула.

Гейб сидел на кровати, ее одежда была разложена рядом. Когда Миа подошла, Гейб подцепил ее трусики и швырнул на пол.

— Они тебе не понадобятся, — заявил он. У Миа округлились глаза. — Никаких трусов на работе. Они только мешают, — сказал Гейб, глядя на нее сверкающими глазами.

Миа посмотрела на свою юбку и топик, потом снова на Гейба:

— Я не могу ходить в юбке без трусиков!

Гейб поднял брови.

— Миа, ты будешь делать так, как я хочу. Ты подписала контракт.

— О господи! А вдруг увидят?

— Как же они увидят, если ты сама не покажешь? — засмеялся он. — Я хочу смотреть на тебя и знать, что у тебя под юбкой ничего нет. И мне гораздо проще задрать тебе подол и вставить.

Миа сглотнула. Она понимала: работа — всего лишь ширма. Возможность для Гейба постоянно держать ее под рукой. Но она никак не рассчитывала, что ему захочется секса в кабинете. Она представила, как кто-то входит в самый разгар их занятий сексом, и ей захотелось спрятаться под кроватью.

— И так ежедневно, Миа. Никаких трусиков. Если посмеешь надеть, я сорву их, а тебя отшлепаю так, что на твоей милой попке останется красный след.

Она затрепетала всем телом и молча посмотрела на Гейба, шокированная своим возбуждением из-за возможности быть отшлепанной. Что же она за извращенка?

Гейб подал ей юбку, топик и лифчик:

— Шевелись. Через полчаса выходим.

Миа машинально взяла одежду и отправилась в ванную. Перед глазами стоял Гейб, имеющий ее в кабинете. Его рука на ее заднице. Миа тревожило, что это ужасает ее меньше, чем полагалось. Конечно, ей не хотелось, чтобы кто-нибудь вдруг заглянул в кабинет, когда Гейб перегнет ее через стол, но мысль быть застигнутыми врасплох ее возбуждала.

Да что же с ней такое, черт побери?

Она стала одеваться и обмерла, натянув юбку на голое тело. Странное ощущение. Танга и трусиками-то назвать можно было с трудом, но даже ничтожная полоска ткани казалась лучше, чем ничего.

Миа высушила и расчесала волосы. Она не знала, что ждет ее в это утро, и потому не стала возиться с прической, а просто завязала их узлом и закрепила большой заколкой. Потом она поколдовала над макияжем, замазала круги под глазами, глубоко вздохнула и посмотрелась в зеркало.

Конкурс красоты ей не выиграть, но в остальном неплохо.

Почистив зубы и пройдясь по губам помадой, она вышла из ванной за туфлями, которые ждали ее на кровати. Обувшись, Миа запихнула ночную одежду в сумку и отправилась искать Гейба.

Он стоял на кухне у барной стойки и пил сок. Увидев Миа, допил все залпом и поставил стакан в мойку.

— Готова?

— Да, — набрав в грудь воздуха, ответила она.

Гейб кивнул на дверь и протянул руку за сумкой.

— Это мы оставим здесь. Незачем тащить это на работу. Все сразу поймут, что мы провели ночь вместе. Вряд ли тебе нужна такая реклама. Если хочешь, пришлю тебе сумку после работы.

Миа без возражений отдала ему сумку. Гейб вызвал лифт.

Они спускались в молчании, хотя Миа заметила, что Гейб постоянно поглядывает на нее. Она нервничала и отводила глаза. Казалось бы, чего теперь стесняться? Но Миа вдруг стало неловко, и болтовня ни о чем была бы наигранной. Поэтому она молчала, когда выходила из

дома и садилась в машину.

— Позавтракаем в «Розарио» и пешком дойдем до работы, — сказал Гейб, имея в виду кафе, находившееся в двух кварталах от офиса «ХКМ».

Миа умирала от голода. И еще от усталости, а ведь день едва начался. Если Гейб намерен и дальше устраивать такие ночи, на работе она превратится в зомби.

К ее удивлению, Гейб повернулся и сжал ей руку, их пальцы сплелись. Миа показалось, что он прочел ее мысли и хочет подбодрить.

Миа тоже повернулась к нему, согретая этим жестом, и улыбнулась.

— Вот так-то лучше, — улыбнулся он в ответ. — А то совсем засыпала. Я не хочу, чтобы в первый же рабочий день ты ощущала себя как на каторге.

Ее улыбка стала шире. Миа немного расслабилась. Все будет хорошо. Она справится, голова варит. Она умела схватывать на лету, пусть даже Гейб иногда выставлял ее круглой душой. Придется трудно, но она освоится. Да, она не питала иллюзий и знала, что Гейб устроил ее к себе не ради мозгов, но ничто не мешало ей проявить себя ценным приобретением не только в спальне.

Они не спеша позавтракали и в половине девятого, миновав пару кварталов, вошли в здание, где находился офис «ХКМ», и поднялись на свой этаж. В приемной, проходя мимо Элинора, Миа вновь испытала нервную дрожь.

— Доброе утро, Элинора, — официальным тоном поздоровался Гейб. — В десять у меня совещание, а до этого времени я буду инструктировать Миа. Хочу побыстрее показать ей круг ее обязанностей. Проследите, чтобы нам не мешали. Когда я уйду на совещание, проведите Миа по кабинетам и познакомьте с сотрудниками..

— Да, сэр, — коротко ответила Элинора.

Миа подавила смешок, вспомнив разговор насчет слов «хозяин» и «сэр». Наверное, он подумал о том же, поскольку бросил на нее красноречивый взгляд.

Войдя в кабинет, Миа с удивлением увидела у противоположной стены второй письменный стол. Все переставили, а два стеллажа убрали вовсе.

— Вот твое рабочее место, — сказал Гейб. — Поскольку ты должна постоянно находиться при мне, я решил, что отдельный кабинет тебе ни к чему. — Его голос приобрел искушающий бархатный оттенок. — Ты всегда будешь рядом.

Он словно обещал, и Миа вздрогнула. Как ей вообще работать, сидя напротив него и зная, что он может трахнуть ее в любой момент?

Но преамбула завершилась, и перед ней возник жесткий и деловой Гейб. Он подошел к столу, выдвинул ящик и вынул пухлую папку:

— Это личные данные наших инвесторов, деловых партнеров и прочих важных для нашего бизнеса людей. Внимательно прочти и постарайся запомнить. Здесь записано все: что они любят и чего не любят, имена их жен и детей, хобби, пристрастия и так далее. Мне важно, чтобы эти сведения прочно засели в твоей памяти и ты могла бы их извлекать при личном

общении и на совещаниях. Каждый из этих людей должен видеть в тебе не безликого ассистента, а обаятельную, отзывчивую женщину, которая не забудет спросить о здоровье жены и успехах детей. В бизнесе требуется много времени, чтобы научиться вникать во все детали и использовать любое преимущество. Твоя задача как моего ассистента — помогать мне очаровывать этих людей. Нам нужны их деньги и поддержка. Ошибиться нельзя.

Глаза Миа расширились. Она взяла увесистую папку. Объем информации, которую ей предстояло запомнить, был велик, но Миа отогнала панику. Ничего, она справится. Она отлично справится.

— Не буду мешать, — сказал Гейб. — Мне нужно до совещания проверить электронную почту и прочие сообщения. Когда закончу, поговорим о других твоих обязанностях.

Кивнув, Миа повернулась и пошла к своему столу. Она уселась в роскошное кожаное кресло, раскрыла папку и начала поглощать сведения о чужих жизнях и пристрастиях.

Глава двенадцатая

— Миа!

Она оторвалась от бумаг, которые читала, и увидела стоящую в дверях кабинета Элиноор.

— Если вы готовы, я проведу вас по нашему офису и представлю сотрудникам.

Миа откинулась на спинку кресла и покрутила затекшей шеей. Голова лопалась от информации. Приход Элиноор был как нельзя кстати, и Миа наградила ее улыбкой.

Элиноор всегда была любезна с нею и работала в «ХКМ» со дня основания. Хотя Миа была здесь лишь несколько раз, она часто говорила с Элиноор по телефону. Та всегда отвечала, когда Миа звонила Джейсу, а тот иногда просил секретаршу позвонить ей и что-нибудь передать, обычно — когда опаздывал на встречу.

Миа посмотрела на Элиноор, пытаясь понять, догадывается ли та о чем-нибудь. Неужели ее не удивляло, что Миа пошла работать не к Джейсу, а к Гейбу? Или она умеет хорошо скрывать свои эмоции? А вот от других сотрудников подобного ждать не приходилось.

Как только Миа представят, они сразу поймут, кто она. Приятного будет мало.

Миа встала, собрала документы и убрала их в папку. Потом смущенно оправдала юбку, моля Бога, чтобы никто не понял, что она без трусиков. Затем вышла из-за стола и вместе с Элиноор отправилась на экскурсию.

— Сейчас мы пройдем туда, где расположены кабинеты, а затем навестим другое крыло. Там у нас находятся все отделы.

Миа кивнула. Они быстро миновали приемную и вышли в противоположный коридор. Остановившись у первой двери, Элиноор заглянула внутрь:

— Джон? Я хочу вас кое с кем познакомить.

Как только Элиноор с Миа вошли, Джон оторвался от бумаг. Он был старше Миа, но младше Гейба. Очки, спортивная рубашка с короткими рукавами. Когда он встал, Миа увидела на нем

обычные слаксы. Гейб явно не заставлял работников соблюдать дресс-код.

— Это Миа Крестуэлл, новый личный ассистент мистера Хэмилтона, — представила ее Элино́р. — (Джон удивленно вскинул брови, но ничего не сказал.) — Миа, это Джон Морган, наш директор по маркетингу.

Они обменялись рукопожатием.

— Рад познакомиться, Миа. Думаю, вам у нас понравится. Мистер Хэмилтон — потрясающий босс. Работать с ним — настоящее удовольствие.

— Я тоже рада, — улыбнулась Миа.

— Поскольку вы ассистент мистера Хэмилтона, нам придется тесно сотрудничать.

Миа еще раз улыбнулась и кивнула, не зная, что сказать. Она не была сильна в светских беседах.

Словно почувствовав ее замешательство, Элино́р поспешила ее увести.

— Не смеем отрывать вас от работы, Джон. Вижу, вы заняты, а мне еще надо познакомить Миа со всеми.

— Счастливо, — отозвался Джон. — Добро пожаловать в нашу команду.

— Благодарю, — пробормотала Миа.

Она вышла вслед за Элино́р. Церемония повторилась в кабинетах еще пяти высших руководителей компании. Вице-президент по финансовым вопросам оказался суетливым, нервным человеком — крайне занятым и не сумевшим скрыть свое раздражение. В его кабинете даже Элино́р ограничилась кратким официальным представлением и поспешила увести Миа.

Еще два вице-президента оказались женщинами. Одной было лет тридцать. Миа понравилась ее теплая улыбка и умные глаза. Вторая была постарше, лет сорока, и оказалась болтушкой. Элино́р не сразу удалось от нее отделаться. Теперь их путь лежал в другое крыло.

Там оказалась масса людей, и Миа даже не надеялась запомнить их имена. Было несколько любопытных взглядов, когда ее представили как личного ассистента Гейба. Миа не винила их, зная, что Гейб много лет управлялся один. Но при этом она была родной сестрой Джейса, и стоило Элино́р назвать ее фамилию, как наступило мгновенное узнавание, колесики повернулись, и люди взглянули на Миа по-новому.

О да, теперь она станет сенсацией дня.

Когда процедура знакомства закончилась, Элино́р проводила Миа в комнату отдыха, показала холодильник и прекрасно оборудованную кухню, где чего только не было. К ней примыкала столовая с большим выбором закусок, блюдами быстрого приготовления, напитками и кулером.

— Ну вот, наше турне подошло к концу. Ах да! Туалет находится между комнатой отдыха и крылом, где расположены отделы.

— Спасибо, Элино́р, — тепло улыбнулась Миа, — что нашли для меня время, все показали, везде провели.

— Не за что. Если что-то понадобится, не стесняйтесь, обращайтесь ко мне. Мне пора возвращаться на свое рабочее место, а то Шарлотта уже заждалась.

Миа тоже вышла, но отправилась не в кабинет, а в туалет. Мочевой пузырь был полон, к тому же ей хотелось умыться. Последствия бурной ночи сказывались, и Миа была уверена, что вид у нее похмельный.

В туалете она выбрала самую дальнюю кабинку и заперлась. Почти сразу же входная дверь отворилась вновь, и вошли несколько женщин. Брр. Миа терпеть не могла мочиться на людях. Но вошедшие женщины и не собирались в кабинки. Кто-то открыл воду, и это позволило Миа доделать дела. Она уже приготовилась выйти, как вдруг замерла.

— Как вам новая помощница Гейба?

Голос был полон удивления и недоверия. Миа чуть не застонала. Полдня не проработала, а уже пошли сплетни. Что и следовало ожидать, но она надеялась, что ей не придется их выслушивать лично.

— Это что, младшая сестра Джейса Крестуэлла? — спросила другая женщина.

— Вот-вот. Понятно, как она получила место.

— Бедная. Небось, и не знает, во что вляпалась.

— Да уж, хотя отчасти могу ее понять, — сказала первая. — Богатый, видный. Говорят, в постели он просто зверь в прямом смысле слова. Слышали, кстати, что он со всеми своими бабами сначала заключает контракт и только потом укладывает в постель?

— Воображаю, какой контракт она подписала, — со знанием дела отозвалась вторая.

Послышался смех. Похоже, женщин было не менее трех. Замечательно. Междусобойчик в туалете мог затянуться. И Миа почувствовала себя в ловушке. Она подобрала ноги, чтобы никто их не увидел. Только бы не ломанулись в ее кабинку!

— Я бы предпочла стать «начинкой» сэндвича из Джейса и Эша, — заявила одна из женщин. — Два доминантных миллиардера в койке. Как вам?

Миа выпучила глаза и содрогнулась. Еще и про брата слушать?

— Я бы предпочла стать «начинкой» сэндвича из Джейса и Эша, — заявила одна из женщин. — Два доминантных миллиардера в койке. Как вам?

Миа выпучила глаза и содрогнулась. Еще и про брата слушать?

— Что у них за заскок, как по-твоему? — спросила первая женщина. — Они постоянно берут одну на двоих. Довольно странно. Нет, я не против побыть с обоими, но у них не бывает иначе.

— Может, бисексуалы?

У Миа отвисла челюсть. Ну, блин! Она не особенно верила сплетням, но сейчас говорили о Джейсе и Эше. Их считали с большим приветом, значит, Гейб не был в этой компании одиноким ковбоем.

Миа даже мысленно не хотелось представлять брата в таких ситуациях.

— Десять к одному, что Гейб трахается с сестрой Джейса. Представляете, если Джейс пронюхает? Все знают, что он с нее пылинки сдувает.

Миа вздохнула. Напрасно она надеялась, что сможет ходить на работу и не служить постоянной темой для сплетен.

— А может, он и знает, да ему плевать, — предположила другая женщина. — Она уже взрослая.

— Взрослая-то взрослая, только намного моложе Гейба. Если он заставил ее подписать контракт, Джейсу вряд ли такое понравится.

— Может, ей это в кайф.

— Слушайте, девочки, — робко произнес новый голос. — Я знаю: этот контракт никакие не выдумки. Однажды я засиделась на работе. Ну и залезла к нему в кабинет. Любопытство заело. Сами знаете, про контракт давно шепчутся. Он держит в столе шаблон. Очень увлекательно. Короче, если женщина соглашается с ним спать, она на все это время передает ему права на свою жизнь.

Миа уткнулась в колени лбом.

— Да иди ты! Смеешься, что ли?

— Ты спятила? Ты хоть понимаешь, что было бы, если бы он тебя застукал? Мгновенно бы вылетела, а он бы вдогонку еще даже не знаю что сделал.

— Как ты вообще туда попала? Гейб всегда запирает кабинет.

— Ну, я подобрала ключ. Не такой уж там хитрый замок. Такой открыть — раз плюнуть, — призналась та.

— Ну, подруга, ты играешь со смертью. На твоём месте я бы не шастала по кабинетам боссов.

— Девочки, пора в стойло. К двум часам отчет должен быть готов, а Гейб не Эш. Проволочек не прощает. Скорее бы Джейс с Эшем вернулись. С ними куда легче, чем с Гейбом.

Зашуршали бумажные полотенца, хлопнула крышка мусорного бачка, застучали каблук. Скрипнула дверь, выпуская сплетниц. Миа испустила глубокий вздох облегчения.

Встав со стульчака, она торопливо поправила юбку. Потом приоткрыла дверцу кабинки и осторожно выглянула. Убедившись, что в туалете пусто, она подбежала к раковине и быстро вымыла руки и лицо. Затем, стараясь не скрипеть, отворила дверь на дюйм и высунулась.

Там никого не было. Миа опрометью выбежала из туалета и вернулась в кабинет Гейба.

Сколько же всего она успела узнать за неполный рабочий день!

Гейб будет в ярости, если узнает, что кто-то проник в его кабинет и прочел его личные бумаги. Нет, она не собиралась стучать в первый же день. Миа даже не знала, что это за женщина и из какого отдела. Имена и голоса перемешались в ее голове.

К счастью, Гейб еще не вернулся с совещания. Миа опустила в кресло, раскрыла папку и продолжила чтение. Ей предстояло усвоить очень много.

Телефонный звонок заставил ее подпрыгнуть. Миа нервно покосилась на аппарат, затем нерешительно взяла трубку.

— Миа Крестуэлл, — сказала она.

Ответить «алло» казалось ей непрофессиональным, к тому же она не хотела выглядеть полной идиоткой.

— Миа, я немного задерживаюсь, — донесся теплый, чувственный голос Гейба. — Хотел пойти на ланч вместе, но не получается. Я скажу Элино, чтобы ланч принесли тебе прямо в кабинет.

— Хорошо. Спасибо, — пробормотала Миа.

— Она провела тебя по кабинетам? Познакомила с сотрудниками?

— Да.

— И как? Порядок? Все были вежливы?

— Конечно. Все очень приветливые. Я уже на месте. Ах да, ты же со мной говоришь. Изучаю утреннюю папку.

— Только не забывай есть, — заботливо предупредил Гейб. — Увидимся после ланча.

Миа не успела попрощаться, Гейб отключился. Она тоскливо положила трубку и вернулась к чтению.

Примерно через полчаса в кабинет заглянула Элино. Миа жестом пригласила ее войти. В руках Элино был пакет с логотипом какого-то ресторана. Она подошла и аккуратно положила пакет на стол перед Миа.

— Мистер Хэмилтон сказал, что вы любите тайскую кухню. Тут неподалеку есть отличный ресторан, и я рискнула заказать у них. Скажите, что вы любите, и в будущем я буду учитывать ваши желания.

— Все замечательно, — отозвалась Миа. — Спасибо. Не стоило беспокоиться.

Элино нахмурилась:

— Мистер Хэмилтон велел проследить, чтобы вы все съели. Да, если он не сказал: у него есть мини-холодильник с напитками. Берите, что вам понравится. Холодильник в шкафу, снизу.

— Спасибо, Элино. Вы очень добры.

Элино кивнула и удалилась.

Миа показалось странным такое повышенное внимание к своей персоне. Она всего лишь ассистент Гейба, а следовательно, играет вспомогательную роль. Не та это должность, чтобы остальные сотрудники находились у нее на побегушках. Миа надеялась, что, кроме Элино, больше никто не получил от Гейба таких инструкций. Иначе ее имя втопчут в грязь, и все поймут, что она действительно спит с Гейбом, а ее должность — лишь ширма для прикрытия сексуальных услуг.

Пусть даже так оно и было.

Тьфу! Похоже на проститутку. Может быть, проститутка и есть. Она же подписала контракт на секс. Если после этого она не девочка по вызову, то что еще нужно сделать?

Утешала лишь мысль, что он не платит за секс.

Но тут она чуть не взвыла от собственной тупости. Он платит! И много! Гейб оплачивает ей заучивание подробностей жизни его клиентов, инвесторов и других важных для него людей. Она числилась в штате, и вряд ли в ее личном деле стояла пометка «сексуальная игрушка». Но они оба знали, кто она такая — рабыня, наложница на зарплате.

Миа опустила голову на стол и вздохнула. Она не считала себя такой уж безропотно подчиняющейся рабыней. Нет, но она могла ею быть. В соответствующей ситуации. Однако это не было ее сутью, и подчинение не являлось залогом счастья.

Это было... извращением. Миа никогда не думала, что склонна к чему-то подобному. Она до сих пор не знала, как относиться к этим связываниям, подчинению и прочим вопиющим условиям контракта.

Но она согласилась. Она добровольно поставила свою подпись. А потому должна со всем этим разобраться.

Глава тринадцатая

Миа была погружена в работу, когда вошел Гейб. Она вскинула голову, поедая его взглядом. Их глаза встретились, и у обоих вспыхнул огонь предвкушения. У Миа зашумело в голове, а по телу пробежала дрожь. Она все поняла, и атмосфера в просторном кабинете мгновенно накалилась.

В глазах Гейба она увидела неприкрытое желание, и оно отозвалось спазмом в ее желудке. И тут же дала о себе знать ее женская природа. Могучая химия секса, которую они оба собирались выпустить наружу.

— Иди сюда, — коротко и властно приказал он.

Миа тут же встала, повинувшись его команде. Они встретились на полпути, и Гейб грубо обнял ее.

Его поцелуй был отчаянным и болезненным, словно за время отсутствия он думал только о ней. Мысль показалась Миа странной, но верной, ибо Гейб буквально пожирал ее рот. Их жаркие, влажные языки сошлись. Ее помада стерлась. Но стоило ей подумать об испачканных ее помадой губах Гейба, как ее желание разожглось еще сильнее.

Он оставлял отметины, но и она тоже, пусть ненадолго. Свою печать, личное клеймо. Она принадлежала ему, но и он, пока действовало их соглашение, принадлежал ей.

Миа уловила аромат чужих духов, и ее охватила жгучая ревность, хотя она понимала бессмысленность подобных эмоций.

Внезапное собственническое чувство поразило Миа. Она никогда не считала себя ни ревнивицей, ни собакой на сене, но мысль о посторонней женщине рядом с Гейбом породила желание оскалиться и зарычать. Неплохо было бы навесить на него невидимый ярлык: «Руки

прочь! Он — мой».

Гейб схватил ее и потащил к своему столу. Миа не имела ни малейшего представления о его намерениях, но была начеку.

Гейб сел в кресло, немного выдвинув его из-за стола.

— Снимай юбку, — приказал он.

Миа нервно оглянулась на дверь и быстро перевела взгляд на Гейба.

— Не волнуйся, дверь заперта, — сказал он весь в нетерпении. — Давай снимай юбку.

Отбросив колебания, Миа стала медленно стягивать юбку. Гейб жадно пожирал глазами ее обнажившееся тело.

К ее удивлению, он не велел снимать топик и лифчик. Вместо этого он снова схватил ее за руку, дернул к себе и зажал между ног. Миа потрясенно охнула, когда он усадил ее на край стола. Гейб слегка подвинул ее, чтобы она не упала, и вернулся в кресло.

— Ночью я был невнимателен к тебе, — угрюмо сказал он.

Миа пришла в смятение, и это ясно читалось на ее лице.

— Обычно я не такой эгоист. Извиняет лишь то, что ты разожгла меня. Я должен был тобой обладать. — Гейб говорил нехотя, словно не хотел в этом признаваться. Нежелание так и сквозило в его взгляде, однако слова звучали искренне. — Откинься, — велел он уже мягче. — Упрись ладонями в стол, пока я наслаждаюсь десертом.

О черт! Ее дыхание пресеклось, странные звуки вылетели из ее рта. Миа подчинилась и села, как он просил. Гейб осторожно раздвинул ей ноги, открывая ее влагалище для взгляда и касаний.

Он провел пальцем по половым губам, затем раздвинул их, обнажив сокровенную часть ее лона. Он наклонил голову, и Миа напряглась всем телом, догадываясь о его дальнейших действиях.

Когда язык Гейба коснулся клитора, ее словно пронзил электрический разряд. Миа дернулась, и ее руки чуть не соскользнули со стола.

Гейб играл с этим чувствительным бугорком, облизывая его, посасывая и осторожно втягивая губами. Внизу живота Миа разливалось желание, растекавшееся по телу. Каждое движение его языка возбуждало ее все сильнее. Она стремительно приближалась к оргазму, и вскоре ей уже не хватало воздуха.

Гейб наклонился еще ниже. Теперь он целовал и лизал ее промежность. Он искусно водил языком по влагалищу, время от времени проникая внутрь, короче говоря, трахал ее языком.

Миа ощущала боль. Ее тело с каждым движением его языка напрягалось все больше. Оргазм стремительно приближался. Ей нужно было кончить, иначе ее разорвет. Но Гейб не торопился. Похоже, он пребывал в полной гармонии с ее телом. Он доводил Миа до грани неистовства, после чего сбавлял темп и возвращал ее в прежнее состояние нежными поцелуями и легкими прикосновениями языка.

Никто и никогда не дарил ей такого наслаждения, причем столь мастерски. Пусть Гейб требователен и эгоистичен — он сам признался. Но он умел доставить женщине удовольствие и точно знал, что делает. Сейчас он доводил Миа до абсолютного безумия.

— Гейб, пожалуйста, — прошептала она. — Мне нужно кончить.

Он хмыкнул, и ее клитор задрожал. Даже такая малость ее возбуждала. Гейб поцеловал бугорок и ввел свой длинный палец во влагалище.

— Не сейчас, Миа. Не торопись. Здесь командую я. Кончишь, когда я тебе разрешу.

Властность и соблазн, прозвучавшие в его голосе, отозвались в Миа новой волной содроганий, и она держалась с великим трудом.

— На вкус ты очень сексуальна, — глухо прорычал Гейб. — Так бы и ел твою киску весь день.

Она бы столько не выдержала. Она была готова взмолиться, но вместо этого плотнее сжала губы. Однако он знал. Да, он знал.

— Умоляй меня, Миа, — потребовал он, продолжая мучить ее пальцем. — Попроси хорошенько, и я позволю тебе кончить.

— Прошу тебя, Гейб. Ты мне нужен. Дай мне кончить.

— Чья ты?

— Твоя, Гейб. Ты мной владеешь.

— А чью киску я сейчас ублажаю?

— Твою, — выдохнула Миа, дрожа всем телом.

— А если я захочу ее трахнуть, когда закончу? Ведь это мое право?

— Боже, да. Только сделай это, Гейб!

Он опять засмеялся и засунул ей во влагалище уже два пальца, а губами впился в клитор с удвоенной силой. Взрыв был ослепителен. Миа не владела собой. Ее ладони поехали по столу, и она упала навзничь. Гейб навис над ней со свирепой улыбкой, полной темного искушения.

Он расстегнул ширинку, вытащил член и одним резким движением втолкнул в нее, в самые волны оргазма. Гейб поднял ей ноги, подтянул к себе. Он был глубоко внутри нее, даже глубже, чем ночью. Казалось, само влагалище удлинилось, чтобы его вместить.

— Смотри на меня, — потребовал Гейб.

Миа послушно подняла глаза.

От его медлительности и нежности не осталось и следа. Он трахал ее яростнее, чем прежде. Тело Миа елозило по столу вслед за его толчками. Бедро Гейба громко шлепались о ее зад. Но тут он вытащил член и обхватил рукой.

Какое-то время он мастурбировал, потом подался вперед и кончил Миа на лобок. Гейб смежил веки, и на лице его отразилось напряжение, схожее с тем, что испытывало ее тело. Почти

агония, но когда он открыл глаза, они сияли от удовлетворения.

Этот взгляд послал Миа новую волну возбуждения.

Под светом лампы на ее лобке блестели теплые островки его спермы. Когда твердокаменный член выбросил последнюю струю, Гейб вздохнул, потом медленно отступил, заправил рубашку и застегнул брюки.

Его руки скользнули по ее бедрам. Он победно взирал на доказательство своей власти.

— Мне нравится, как ты сейчас выглядишь, — заявил он. — На моем столе. С красной вспухшей киской, которую я натер своим дружком, вся в моей сперме. Я бы с удовольствием так тебя и оставил, чтобы просто любоваться.

Его руки скользнули по ее бедрам. Он победно взирал на доказательство своей власти.

— Мне нравится, как ты сейчас выглядишь, — заявил он. — На моем столе. С красной вспухшей киской, которую я натер своим дружком, вся в моей сперме. Я бы с удовольствием так тебя и оставил, чтобы просто любоваться.

Гейб отошел. Неужели он и впрямь заставит ее лежать полуголой, в сперме, трепещущим лоном кверху? Но Гейб вернулся с салфеткой, смоченной теплой водой, и тщательно вытер все, затем помог Миа сесть и снял ее со стола.

Она стояла, не зная, одеваться ей или нет. Гейб показал, что делать, взяв с кресла юбку. Он помог Миа одеться, поправил топик, разгладил складки.

— К кабинету примыкает моя личная ванная. Там тебе никто не помешает. Приведи себя в порядок, потом возвращайся за свой стол.

Ей было позволено уйти.

Миа нетвердыми шагами дошла до двери, находившейся в нескольких футах от его стола. Ванная была небольшой и оборудована для мужчин, но Миа могла здесь хотя бы очухаться, избегнув любопытных взглядов и не став предметом разных домыслов.

Она пустила прохладную воду и плеснула себе на лицо. Потом, за столом, можно будет подкраситься.

Когда она вернулась, Гейб разговаривал по телефону. Миа неслышно села за свой стол, достала из сумки пудреницу и губную помаду, подправила макияж и взялась за дело. Беда была в том, что возбуждение никуда не исчезло даже после головокружительного оргазма.

Его грубое обладание разожгло следующий, и Миа, вся истомившись, ерзала на стуле, пытаясь найти удобное положение. Ее лоно не желало успокаиваться. Стоило Миа пошевелиться, как живот сводило судорогой.

Это была своего рода попытка: смотреть на сидящего напротив Гейба и испытывать отчаянное желание кончить еще раз.

Чтобы хоть как-то отвлечься, Миа стала прислушиваться к разговору. Гейб обсуждал какой-то прием. Неужели этим вечером? Гейб уверял собеседника, что обязательно будет. Более того, ждет встречи с нетерпением. Скорее всего, Гейб врал. Он ненавидел светские сборища, даже

если блистал на них.

Он был слишком прямолинейным и нетерпеливым, чтобы поддерживать учтивые разговоры и искренне радоваться окружающим его людям. Но этого требовал бизнес. А потому Гейб околдовывал и очаровывал инвесторов, опустошая их бумажники.

Эш был куда общительнее, с природным обаянием. Он им лучился. Миа всегда удивлялась, почему из двух лучших друзей ее брата тянуло к Гейбу. Эш был великолепен с головы до пят. От его улыбки женщины сходили с ума.

Но Эш ее не манил. Она воспринимала его почти так же, как Джейса. Эш казался ей еще одним старшим братом, готовым баловать ее и всячески потакать ее капризам. А Гейб? Миа ни разу не усмотрела в нем брата. Ее мысли о нем были во многом причудливыми — возможно, потому, что Гейб был дальше и загадочнее. В нем присутствовал вызов.

Нет, Миа была не настолько глупа, чтобы мечтать о покорении этой вершины. Гейб был Гейбом. Человеком, не привыкшим извиняться. Жестким и грубым. Не желавшим меняться. Это было хуже всего, так как в дальнейшем ей, похоже, предстоит долго искать мужчину, который дотягивал бы до Гейба.

Она не исключала, что после Гейба будет сравнивать с ним всех мужчин. Что несправедливо для них и напрасная трата времени для нее. На свете есть только один Гейб. Так что наслаждайся им, пока можешь, а потом иди дальше.

Миа вздохнула: сказать-то легко. Она уже наполовину влюбилась — задолго до того, как легла с ним. Некоторые любовные истории так и не заканчиваются. Напротив, они крепнут, превращаясь в нечто устойчивое, навязчивое и всепоглощающее.

Даже если бы она была рассудительнее и больше знала о нем, все равно не справилась бы с лавиной эмоций, которые он в ней пробуждал. Любовь ли это? Она сомневалась. Ее одержимость Гейбом можно было назвать множеством других слов. Она не считала длительной ни одну свою связь. Любовью там и не пахло. Просто развлечение. Прежние мужчины ей нравились, но к Гейбу она относилась совершенно иначе и не имела понятия, любовь это или одержимость.

Сейчас это всяко не имело значения. Любовь — ловушка, от которой нужно держаться как можно дальше, поскольку Гейб никогда не ответит ей взаимностью. Но сердце ее не слушалось, а управлять им Миа никогда не умела.

Кэролайн твердила, что нужно брать от жизни все, ловить момент и не тревожиться о будущем, жить настоящим. Хороший совет, к нему стоило прислушаться. Но Миа знала себя: она всегда будет мучиться и ломать голову, анализируя каждое слово Гейба, любой его поступок, стремясь выдать их отношения за что-то другое.

Она вздохнула, так как содержимое папки перемешалось в голове. В первый рабочий день она не потрясла мир усердием, если не принимать в расчет сексуальное наслаждение, доставленное боссу прямо на его столе.

— Надеюсь, ты сумела познакомиться с личными данными тех, о ком я говорил.

Голос Гейба вернул Миа на землю. Вскинув голову, она увидела, что он закончил разговор и теперь смотрит на нее.

— Сегодня мы идем на прием. Вечеринка с коктейлями, которую устраивает наш потенциальный инвестор. Мы рассчитываем, что он вложится в калифорнийский курорт. Его зовут Митч Джонсон. Он есть в этой папке. Ты должна знать как можно больше о нем, о его жене и троих детях, о его увлечениях и обо всем остальном. Будут и другие, так что постарайся запомнить как можно больше имен из папки. Но Митч важнее всех.

Миа понадобилась вся ее воля, чтобы не выказать панику. Из огня да в полымя!

— В котором часу начнется прием? И что мне надеть?

— А что у тебя есть? Только не та тряпка, в которой ты явилась на открытие, — проворчал Гейб. — Пусть платье будет не такое открытое. Я пойду в костюме.

Теперь уже нахмурилась Миа, вспоминая свой гардероб. Джейс купил бы ей что угодно, но после того, как он купил ей квартиру, она старалась не обращаться к брату по пустякам. Ее гардероб был в лучшем случае скромным, и платье, которое она надела на открытие, было единственным подходящим для более официальных приемов.

Гейб посмотрел на часы, затем снова на Миа:

— Если мы поторопимся и уйдем сейчас, успеем купить тебе что-нибудь подходящее.

— Гейб, в этом нет необходимости, — покачала головой Миа. — Я как раз прикидываю, что бы надеть по такому случаю.

Гейб поднялся, оставив ее протест без внимания:

— Миа, это часть нашего контракта. Ты — моя. Я щедр с теми, кто мне принадлежит. Тебе понадобится не одно новое платье, но сегодня у нас нет времени. Может быть, хозяйка магазина узнает твои вкусы, поймет, что тебе идет, и потом сможет подобрать для тебя и другие платья.

Миа хлопала глазами, не поднимаясь с места, и Гейб нетерпеливо дернулся и посмотрел на нее так, что она поняла: пора немедленно встать и идти.

Миа хлопала глазами, не поднимаясь с места, и Гейб нетерпеливо дернулся и посмотрел на нее так, что она поняла: пора немедленно встать и идти.

Она подхватила сумку, расправила юбку и поспешила за Гейбом. После занятий сексом на столе у нее до сих пор дрожали колени. И это был только первый рабочий день! Она не представляла, как развивались бы их отношения, если бы Гейб был более терпеливым и не таким торопливым.

Глава четырнадцатая

Наблюдать за хозяйкой бутика, исполняющей сейчас роль продавщицы, было для Миа захватывающим зрелищем. Гейб действовал с поразительной точностью, мгновенно отвергая вещи, которые ему не нравились, и еще быстрее отбирая то, что пришлось по вкусу.

Миа еще никогда не покупали одежду, не спрашивая ее мнения. Ей было странно и в то же время очень любопытно.

Она сразу поняла, что Гейб хорошо разбирается в женских нарядах и обладает хорошим вкусом. Он также не желал, чтобы на ней было платье мало-мальски открытое. Сексуальное — да. Он выбрал несколько, способных взволновать сердце любой женщины, и Миа не была исключением. Ей не терпелось их примерить. Но они и близко не напоминали платье, которое она надела на церемонию открытия отеля.

Когда примерка наконец состоялась, Миа чуть не упала в обморок, увидев цену, неприлично высокую. Глядя на себя в зеркало, Миа попыталась закрыть ценник, но тот постоянно вылезал, как назойливая реклама.

Впрочем, ей до цены нет никакого дела, поскольку платить будет Гейб. Наряд был словно специально сшит для нее, великолепно подходя ей по фасону и гармонируя с цветом лица. Красное облегающее платье чуть выше колен, подчеркивающее бедра. Без выреза и рукавов, руки открыты, но грудь и спина — нет.

Миа вообще не носила красное. Скорее всего, потому, что считала этот цвет слишком... дерзким. Однако цвет ей потрясающе шел. Она была похожа на сексапильную сирену. И хотя оно было закрытое, ткань соблазнительно обрисовывала ее грудь.

В этом платье Миа выглядела... утонченной. Такой облик ей нравился, так как создавал ощущение принадлежности к миру Гейба.

— Миа, дай-ка мне посмотреть на тебя.

Нетерпеливый голос Гейба просочился в примерочную. Удивительно, что он не раздел ее прямо в торговом зале. К их приезду хозяйка специально закрыла бутик и отпустила продавцов. Миа с Гейбом оказались единственными покупателями. Коль скоро Гейб был готов столь щедро раскошелиться, Миа не нашла в этом ничего странного.

Она осторожно выглянула в зал. Гейб сидел в уютном кресле напротив. Едва выйдя, Миа сразу прочла в его глазах восхищенное одобрение.

— Великолепно, — изрек Гейб. — Его и наденешь.

Он повернулся и подозвал хозяйку, которая поспешила к нему.

— Подберите к этому платью туфли. К тому, что мы отобрали, можете добавить еще что-нибудь на ваше усмотрение. Пусть все упакует и отправят мне на дом.

— Да, сэр, — просияла та и посмотрела на ноги Миа. — Мисс Крестуэлл, какой у вас размер обуви?

— Шестой[2].

— Думаю, у меня есть замечательные туфли. Сейчас принесу.

Она исчезла и вскоре вернулась с парой туфель на серебряных шпильках дюймов по пять. Миа хотела сказать, что не сможет ходить на таких каблуках, но Гейб ее опередил. При виде туфель он нахмурился:

— Она же убьется. Найдите что-нибудь попроще.

Хозяйка умчалась и вернулась с новой парой: черные сексуальные лодочки, но каблуки больше

не были похожи на зубочистки.

— Вот эти годятся, — одобрил Гейб.

Он взглянул на часы, и Миа поняла, что дело сделано. Она молча вернулась в примерочную и сняла платье, стараясь его не помять. Одевшись, она отдала платье хозяйке, и та упаковала его вместе с туфлями.

Когда Миа вышла из примерочной, Гейб уже ждал ее. Они направились к выходу. Рука Гейба, лежавшая у нее на спине, обжигала. Интересно, она всегда будет так реагировать на его прикосновения? Наступит ли время, когда он, дотронувшись до нее, не вызовет дрожи во всем теле? Вряд ли. Они были подобны магнитам, которые неудержимо тянуло друг к другу.

Расплатившись, Гейб вывел Миа из магазина. Они сели в машину и поехали к нему домой. Зная, что Кэролайн томится в неведении, ломая голову, что происходит с подругой, Миа достала мобильник и быстро набрала эсэмэску.

Я с Гейбом. Не знаю, останусь ли у него. Нам нужно быть на приеме. Занимались покупками. Обалдеть. Расскажу потом.

Гейб с любопытством посмотрел на нее, но промолчал. Миа едва успела убрать телефон, как тот ожил. Рингтон выдал, что звонит Джейс, и Миа снова полезла в сумочку.

— Джейс, — шепнула она Гейбу.

Тот кивнул.

— Привет, Джейс.

— Миа, как ты там? Все в порядке?

— Конечно. А ты как? Когда вы с Эшем возвращаетесь?

Она страшилась услышать дату. Когда Джейс вернется, от него не удастся скрыть, что она работает у Гейба. И неизвестно, сколько сплетен про них достигнет ушей Джейса. Рассказать? Только не сейчас. Может быть, никогда.

— Рассчитываем вернуться послезавтра. У нас все нормально. Просто хотел услышать твой голос и убедиться, что у тебя все хорошо.

На заднем плане что-то сказал Эш, донесся приглушенный женский смех. Миа застыла, мгновенно вспомнив подслушанный в туалете разговор.

— Где ты? — спросила она.

— В отеле. Завтра у нас еще одна встреча, а вечером идем на прием, который организуем для местных инвесторов. Вылетим утром пораньше и к полудню будем в Нью-Йорке.

Если брат с Эшем находились в отеле, то с ними и вправду была женщина. Да, Миа многого не знала о брате. Внезапно услышать о его сексуальных пристрастиях было странно и мерзко. Нет, она не хотела знать никаких подробностей. Ей это было крайне неприятно. Она не имеет ни малейшего желания представлять, как Джейс и Эш вдвоем развлекаются с одной женщиной.

— Ладно, тогда пока.

— Давай куда-нибудь сходим, когда я вернусь, пообедаем. Мне до сих пор стыдно, что мы разминулись на открытии. Я уже давно тебя не видел.

— Давай, с удовольствием.

— Отлично. Значит, замечано. Я позвоню, как только приеду и разберусь с делами.

— Люблю тебя, — сказала Миа, почувствовав сильный прилив нежности к старшему брату.

Джейс был важнейшей частью ее жизни. Он не заменил ей погибшего отца, но она с малых лет постоянно ощущала его присутствие и поддержку. Когда не стало родителей, Джейс сам был еще очень молод, а она и вовсе ребенок. Мало кто из мужчин, оказавшись в таком положении, согласится взвалить себе на плечи заботу о младшей сестре.

— И я люблю тебя, малышка. До скорой встречи.

Миа закончила разговор и какое-то время сидела, глядя на телефон. Ее снедало чувство вины. Конечно, можно было возразить: она уже взрослая и в состоянии сама принимать решения. Но не стоило забывать, что Джейс с Гейбом были близкими друзьями и деловыми партнерами. Миа вовсе не хотелось вставать между ними. Но в то же время ей было не совладать с неодолимой тягой к Гейбу.

Миа закончила разговор и какое-то время сидела, глядя на телефон. Ее снедало чувство вины. Конечно, можно было возразить: она уже взрослая и в состоянии сама принимать решения. Но не стоило забывать, что Джейс с Гейбом были близкими друзьями и деловыми партнерами. Миа вовсе не хотелось вставать между ними. Но в то же время ей было не совладать с неодолимой тягой к Гейбу.

— Он тебя чем-то огорчил? — спросил Гейб.

Миа подняла голову и изобразила улыбку:

— Что ты, вовсе нет. Джейс хочет со мной пообедать, когда вернется. — Она замолчала и помрачнела, вспомнив об исключительном праве Гейба распоряжаться ее временем. — Я надеюсь, это не страшно?

— Миа, я же не деспот, чтобы лишать тебя общения с друзьями и близкими, — с досадой ответил Гейб. — Особенно с Джейсом. Я знаю, как вы дружны. Конечно, иди с ним. Хотя потом ты поедешь ко мне.

Миа кивнула, обрадованная его быстрым согласием. Гейб был собственником, стремящимся все держать под контролем. Миа знала это еще до контракта. Однако она не представляла, где кончается ее свобода и насколько буквально понимает Гейб условия контракта.

— Гейб, хочу тебя кое о чем спросить. — (Он вопросительно поглядел на нее.) — Эта работа... твоим личным ассистентом — это все маскарад? Дело в том, что вот меня сегодня представили, познакомили, а потом Элинор вдруг заказывает мне ланч и лично приносит его. Знаешь, мне стало неловко. И так уже идут разговоры.

— Какие разговоры? — Гейб поднял руку, в глазах его внезапно вспыхнул гнев.

— Я к этому еще вернусь, — ответила она нетерпеливо. — Я хочу знать, будет ли от меня реальная польза. Ты готов платить мне кучу денег, и я хочу их зарабатывать не только... сам понимаешь как.

Гейб удивленно поднял брови:

— Миа, ты не какая-нибудь шлюха. Если еще раз услышу что-то подобное — надаю по заднице.

Она испытала облегчение, хотя и не думала, что Гейб считает ее шлюхой. Скорее, она сама была о себе такого мнения, и это ей очень не нравилось.

— Что касается твоего вопроса, то если я в первый день не завалил тебя работой, не думай, что так будет и впредь. Я введу тебя в курс дел и познакомлю с нюансами. Учти, это нам обоим в новинку. Я привык обходиться без ассистента, и мне придется менять свои привычки.

— Гейб, я всерьез хочу работать, а не просто получать деньги. Мне это важно. Ты много говорил, что в кондитерской я себя гроблю. Не хочу, чтобы меня нанимали только ради сексуальных услуг.

— Понятно. Теперь давай о сплетнях. Что случилось, черт побери? Тебе сказали какую-то гадость? Я надеру им задницы.

— В лицо мне никто ничего не говорил. Я услышала случайно. Это не было предназначено для моих ушей. Их бы удар хватил, узнай они, что я слышу их разговоры. Я не знаю тех, кто говорил. Я не могла всех запомнить, пока Элинор водила меня по отделам. Я пряталась в кабинке туалета, когда туда зашли какие-то женщины.

— Пряталась в туалете? — поразился Гейб.

— Я зашла в туалет, когда там никого не было. Залезла в кабинку, закрыла дверцу, — затараторила Миа. — И почти сразу же появились эти женщины. Как только они начали говорить, я затаилась. Разговор был не из приятных.

— И что они сказали?

— Ничего неожиданного.

— Миа! — зарычал Гейб. — Говори, что ты слышала.

— Они гадали, трахаешь ты меня или нет. Потом заговорили про Джейса с Эшем. И вот после его недавнего звонка я задумалась: может, в их словах и есть доля правды?

— Да, я трахаю тебя, — отозвался он буднично. — Это никуда не денется. Но никто не знает наверняка. Мы это уже обсуждали. Они могут думать что угодно, ничего не попишешь. Я не идиот, чтобы разубеждать их. Если им что-то втемяшится, то изменить ничего не удастся. Мне вообще наплевать, что о нас думают. Но пусть изволят относиться к тебе с уважением. Если только я услышу или до меня дойдет, что кто-то сказал тебе нечто подобное в глаза, я немедленно вышвырну его вон.

Добавить было нечего.

Миа намеренно не рассказала о женщине, проникшей к Гейбу в кабинет, хотя ее мучили угрызения совести. Разве он не должен знать, что в его личной жизни копаются? Если на то

пошло, то разве правильно утаивать, что о контракте узнали, по крайней мере, в конторе?

От этих мыслей Миа стало не по себе. Она была предана Гейбу. Она ничем не обязана этим женщинам. Если Гейб выяснит, что она знала о том, что кто-то залез в его кабинет, и не сказала, он расшвыряет.

Миа вздохнула, ненавидя положение, в котором оказалась.

— Что еще? — вскинулся Гейб.

Она виновато посмотрела на него, снова вздохнула, потом ответила:

— Гейб, есть еще кое-что, о чем тебе следует знать.

— Я слушаю.

— Я рассказала не все. — (Он стал мрачнее тучи.) — Там было несколько женщин, и я понятия не имею, кто они. Но они обсуждали... твой контракт. Сначала только гадали. Потом одна сообщила, что контракт не выдумка, она его видела собственными глазами.

— Да как она, черт возьми, могла его видеть?

Миа чувствовала: Гейб не поверил, а если она выложит подробности, то он разозлится всерьез. Оставалось надеяться, что его гнев не испортит им вечер, так как ей вовсе не улыбалось остаться на ночь с разъяренным Гейбом, размышляющим о коварстве его работников.

— Она утверждала, что подобрала ключи и залезла в твой кабинет. Ей было любопытно узнать насчет контракта, и она стала рыться в твоём столе.

— Твою мать!

Его возглас взорвал салон автомобиля, и Миа съежилась, как от удара хлыстом.

— Давай по порядку. Она утверждает, что подобрала ключ к двери моего кабинета, потому что ей захотелось узнать, правду ли обо мне говорят? Я правильно понял?

Ярость, звучавшая в его голосе, напугала Миа. Гейб буквально корчился от злости.

— Да, так она сказала, — тихо подтвердила Миа.

— Завтра я этим займусь. Если придется уволить всех, я так и сделаю. Не собираюсь работать с людьми, которым не доверяю.

Миа закрыла глаза. Меньше всего ей хотелось, чтобы с ее приходом в компании начались скандалы. Ее целью было только предупредить Гейба о необходимости соблюдать осторожность. Возможно, навести его на мысль, что не стоит хранить в кабинете столь важные документы личного характера.

Но вот Гейб совладал со своим гневом. Подвинувшись ближе, он взял ее за руку и успокаивающе пожал.

— Миа, тебе не о чем волноваться. Они же тебя не видели. Ты вне подозрений. Она решит, что ее заложили подружки.

— Мне все равно неприятно думать, что из-за меня кто-то лишится работы, — пролепетала она.

— Ты слишком мягкосердечна. Если эта особа предала меня, ее нельзя оставлять в компании. Я не потерплю вероломства.

Миа сочла это справедливым, но лучше бы Гейб узнал о вторжении в свой кабинет не от нее.

Машина подъехала к его дому. Они вышли. Гейб забрал из багажника коробки и повел Миа к входным дверям.

Едва лифт поднял их в квартиру, Гейб свалил коробки в прихожей, а Миа потащил в гостиную, на толстый мягкий ковер из мерлушки.

— На колени, — приказал он.

Обескураженная Миа повиновалась. Ее колени утонули в ковре.

Гейб расстегнул ширинку и вынул член. Тот не успел встать, и Гейб помог ему рукой, жадно глядя на ее рот.

Миа замороженно следила, как набухал и твердел член, становясь длиннее и толще. Рука Гейба гуляла взад-вперед по стволу — красиво и эротично. Атмосфера наполнилась предвкушением. Миа чувствовала, как сильно Гейб возбужден, и понимала, что возбуждение требует выхода.

Рука Гейба скользнула к головке члена и чуть сдавила ее. Миа знала, чего сейчас потребует от нее Гейб. Ей оставалось лишь стиснуть бедра, чтобы унять нарастающую боль. Ее рот наполнился слюной. Ей не терпелось поскорее взять его член в рот, ощутить его вкус.

Гейб обещал, что у нее будет такая возможность. Время пришло.

— Сегодня все было для тебя, Миа. Теперь все будет для меня. Открывай рот.

Миа едва успела подчиниться, как Гейб с силой вогнал туда член, глубоко и жестко. Контраст с мягким ковром, на котором она стояла, был настолько велик, что обострил ее ощущения. Она сделала глубокий вдох, наслаждаясь запахом и вкусом его члена. Миа до боли хотела Гейба, жаждала его власти. Она не могла им насытиться.

Гейб схватил ее за волосы, придержал голову, вынул член и тут же засунул снова.

— Ах, Миа! У тебя такой сладкий ротик. Я мечтал о нем. Мечтал трахнуть тебя в эти ласковые губки и спустить тебе прямо в горло.

Миа закрыла глаза. Ее тело сотрясалось от его движений, становившихся все интенсивнее. Она была не мастер брать в рот, но все-таки понимала в оральном сексе и собиралась удовлетворить Гейба так, чтобы он забыл обо всех женщинах, лизавших ему член.

Она сосала и облизывала, позволяя Гейбу вталкивать член ей в рот и вытаскивать наружу. Похоже, она все делала правильно, так как с губ Гейба сорвался стон наслаждения. Это придало ей уверенности и подхлестнуло ее желание. Миа перехватила инициативу и всосала член как можно глубже.

— О черт! — воскликнул Гейб. — Правильно, малышка. Бери его глубоко. Соси жестче. Обожаю чувствовать твой рот. Обожаю, когда вокруг моего дружка сжимается глотка. Соси его. Сильнее. Бери целиком. Вот так.

Его пальцы впились ей в волосы, и теперь Миа было не пошевелить головой. Она поняла: Гейб и здесь хотел командовать. Ее движения должны были подчиняться его желанию. Она уступила и отдала ему бразды правления.

Расслабившись, Миа запрокинула голову, чтобы еще глубже протолкнуть его член себе в рот. Она заставляла себя подчиняться ему в каждой мелочи, делать так, как он требовал. Ей хотелось полностью удовлетворить его. И не только. Ей хотелось взорвать мир его сексуальных пристрастий.

Гейб не ввел, а буквально всадил член ей в рот, ухитрившись проникнуть глубже прежнего. Ее нос упирался ему в пах. Когда она стала задыхаться, Гейб вытащил член, позволив ей глотнуть воздуха.

Затем все повторилось. Он снова крепко держал ее за волосы. Прежде чем ввести член, он поводил головкой по ее губам, а затем со всей силой запихнул ей в рот.

— Боже, что ты делаешь со мной! — произнес Гейб срывающимся голосом. — Стой спокойно, Миа. Не шевелись. Я сейчас кончу тебе в рот и хочу, чтобы ты проглотила все до капли.

Миа уже ощущала вкус предэякулята и знала: Гейб на пределе. Его тело сжалось и напряглось. Еще один признак надвигающегося оргазма. Это не было медленным чувственным танцем, неспешным приближением к завершению. Это было удовольствие из разряда «быстро и грязно».

Гейб обращался с ее ртом как с влагищем, ускоряя и усиливая толчки. Чмокающие звуки достигали ее слуха, и каждый такой толчок сотрясал ей щеки. Хотя она и знала о скором выбросе спермы, первая струя застала ее врасплох.

Рот заполнился горячей, солоноватой, вязкой жидкостью. Но Гейб не останавливался. Миа глотала его сперму, пытаясь удерживать ее во рту, стараясь поспевать за его движениями. Гейб больно натянул ей волосы, но Миа не обращала на это внимания. Затем он встал на цыпочки и засадил член до предела, так что Миа едва не задохнулась. Гейб замер, дожидаясь, пока завершится последний выплеск. Потом его пальцы, державшие волосы, разжались, и он медленно вытащил член из ее рта.

Миа глотала сперму, кашляла, снова глотала. Ее глаза были полны слез, но она заставляла себя смотреть на Гейба, желая видеть его удовлетворение. Его одобрение.

Однако в его глазах была не радость, а сожаление, даже раскаяние. Он нагнулся и осторожно поднял Миа с колен. Его руки легли ей на плечи, скользнули по рукам, вернулись от запястий к предплечьям. Все это время Гейб неотрывно смотрел на нее.

— Миа, я безнадежен. Я даю тебе обещания, которые не могу сдержать. Когда я с тобой, я теряю голову. Я даже не уверен, что нравлюсь себе таким. Но я не могу остановиться. Господи, даже если ты возненавидишь меня, я не смогу остановиться. И не хочу. Меня сжигает потребность в тебе, и она не слабеет.

Шокированная его откровенным признанием, Миа могла лишь смотреть на него. Она делала выводы, и сердце ее колотилось еще сильнее. Гейб погладил ее по щеке. В его синих глазах сохранялась печаль.

— Иди одевайся, нам скоро выходить. Мы там долго не задержимся, а потом поедем ужинать.

Пока они ехали на прием, который устраивался в одном из джаз-клубов Гринвич-Виллиджа, Гейб сидел насупившись и молчал. Миа то и дело бросала на него вопросительные взгляды, но он, видя в ее глазах неуверенность, не находил сил ее успокоить. Да и что он мог сказать?

Он спятил. Его ужасало, насколько он не владел собой в присутствии Миа. Никогда, ни с одной женщиной он не слетал с катушек. Его действия и реакции всегда были выверенными. Но с Миа Гейба покидали спокойствие и отстраненность, которыми он отличался еще подростком.

Проклятье! Он же ее истязал. Изнасиловал в рот, если называть вещи своими именами. Когда они вернулись домой, он поволок ее в гостиную, поставил на колени и грубейшим образом поимел ее в рот, заставил глотать сперму. Его самоедство не знало границ, и в то же время он не раскаивался в содеянном. Хуже того, Гейб знал, что будет делать это снова и снова. Ему уже не терпелось поскорее вернуться домой, чтобы уложить Миа в постель и трахать, трахать, трахать.

Его взбесило, что работники компании не отнеслись к Миа с должным уважением, — каков лицемер! Он уважал ее еще меньше, обращаясь с нею как со шлюхой, а она сама считала себя шлюхой. Гейб никогда, даже мысленно не назвал ее шлюхой. Но его дела расходились со словами. Он думал не мозгом, а членом, а тому было наплевать, что его хозяин хотел действовать медленно и не брать Миа в оборот с самого начала. Член хотел большего. Руки и рот тоже хотели большего. Похотливое желание не ослабевало ни на йоту — наоборот, с каждым разом, когда он занимался с ней любовью, оно лишь возрастало.

Его взбесило, что работники компании не отнеслись к Миа с должным уважением, — каков лицемер! Он уважал ее еще меньше, обращаясь с нею как со шлюхой, а она сама считала себя шлюхой. Гейб никогда, даже мысленно не назвал ее шлюхой. Но его дела расходились со словами. Он думал не мозгом, а членом, а тому было наплевать, что его хозяин хотел действовать медленно и не брать Миа в оборот с самого начала. Член хотел большего. Руки и рот тоже хотели большего. Похотливое желание не ослабевало ни на йоту — наоборот, с каждым разом, когда он занимался с ней любовью, оно лишь возрастало.

«Занимался любовью». Гейба разбирал смех. Слишком деликатное название для того, что он делал. Не иначе, он выбрал его, чтобы повысить самооценку. Он трахал ее до потери пульса. Он балансировал на очень тонкой грани, за которой начиналось откровенное издевательство. Он мог сожалеть, мог раскаиваться, однако прекрасно знал, что в следующий раз все повторится. Он мог сказать, чего хочет, но был изощренным лгуном и понимал это.

— Гейб, мы приехали, — сказала Миа, дотрагиваясь до него.

Гейб вернулся к действительности и увидел, что они стоят на углу возле клуба. Быстро взяв себя в руки, он вышел из машины, отворил дверь со стороны Миа и помог ей выйти.

Она выглядела чертовски привлекательно, и Гейб знал, что выбранное им закрытое платье ничуть не уменьшит внимания к ней и на Миа будут пялиться так, как если бы она пришла в том же виде, в каком явилась на церемонию открытия отеля.

Миа была красивой женщиной и обладала изюминкой, привлекавшей людей. Одень ее в дерюгу — она и тогда выделялась бы из толпы.

Поддерживая Миа под локоть, Гейб повел ее ко входу. Он усилием воли отогнал желание

обнять ее за талию, заявляя таким образом, что она — его. Он не хотел смущать Миа и ставить под удар ее — и свои — отношения с Джейсом. Достаточно было помнить, что за закрытыми дверями она безраздельно принадлежит ему. Но будь он проклят, если позволит другим мужчинам увиваться за ней.

Когда они подошли к дверям зала, где подавали коктейли, Гейб отступил от Миа на почтительное расстояние. Все его инстинкты требовали держаться рядом, посылая мужчинам невидимые сигналы — руки прочь, и тем не менее Гейб заставлял себя оставаться хладнокровным и соблюдать дистанцию. Миа прибыла по делам. Здесь она ему не любовница, не подруга, не женщина, даже если им обоим известно, что это не так.

Митч Джонсон сразу заметил их в толпе и, махнув рукой, стал пробираться к ним.

— Шоу начинается, — пробормотал Гейб.

Миа быстро оглядела собравшихся, затем сосредоточилась на приближавшемся Митче. Она сердечно улыбалась, исполненная учтивого внимания.

— Гейб, просто здорово, что вы выбрались, хотя приглашение пришло поздно, — сказал Митч, протягивая руку.

— Я не мог не прийти, — в тон ему отозвался Гейб. Он повернулся к Миа. — Митч, позвольте представить вам моего личного ассистента Миа Крестуэлл. Миа, познакомьтесь с Митчем Джонсоном.

Тепло улыбаясь, Миа протянула руку:

— Рада знакомству, мистер Джонсон. Спасибо за приглашение.

Митч явно был восхищен, и Гейб сделал стойку, но одумался. Митч был женат и счастлив в браке. Он не ходил налево. Но Митч глазел на Миа, и Гейба это бесило.

— Я тоже очень рад, Миа. Зовите меня просто Митч. Не желаете ли чего-нибудь выпить? Гейб, здесь есть люди, с которыми мне хочется вас свести.

— Спасибо, Митч, мне пока ничего, — скороговоркой произнесла Миа.

— Я не прочь, но попозже, — ответил Гейб.

Митч указал на толпу.

— Если вы не откажетесь пройти со мной, я вас представлю. Я успел переговорить с коллегами. Они очень заинтересовались вашим калифорнийским проектом.

— Замечательно, — отозвался довольный Гейб.

Сопровождаемые Митчем, они с Миа прошли сквозь толпу. Митч подводил их к разным группам гостей, знакомя с потенциальными инвесторами. Разговоры были только о деле. Миа держалась рядом с Гейбом, выражая заинтересованность обсуждаемыми вопросами. Умница. Адская скука, но она не подает виду.

Миа поразила его, когда они остановились возле очередной компании и она, взглянув на Трентона Харкорта, спросила:

— А как успехи вашей дочери в Гарварде? Ей по-прежнему нравится учеба?

Сначала Трентон смешался, но через несколько секунд просиял:

— Она отлично справляется. Мы с женой очень гордимся ею.

— Уверена, что торговое право — труднейшая отрасль, зато представьте, какой ценной помощницей станет вам дочь, когда закончит университет. Всегда приятно, когда родственные и деловые связи переплетаются, — заметила Миа, продолжая улыбаться.

Все рассмеялись, а Гейб напыжился от гордости. Молодец, не зря сегодня корпела над папкой.

Гейба поражало, с какой уверенностью Миа поддерживает разговор, как уместны ее реплики. А мужчины были очарованы ею. Гейб настороженно следил, пытаясь уловить хотя бы один неуважительный взгляд. Но все вели себя чрезвычайно любезно.

— Простите, а вы не родственница Джейса Крестуэлла? — воспользовался паузой Митч.

Миа чуть замялась, но совладала с собой.

— Он мой брат, — просто ответила она, но по ее голосу чувствовалось, что она готова обороняться, однако вряд ли это кто-нибудь заметил.

— Я успел первым, — нарочито растягивая слова, произнес Гейб. — Миа умна и идеально подходит для должности личного ассистента. Еще посмотрим, кто посвятит ее в тонкости бизнеса — Джейс или я.

Окружающие рассмеялись.

— Вы молодец, Гейб, — сказал Трентон. — Акула бизнеса. Но так и должно быть — ведь победитель получает все?

— Точно, — поддакнул Гейб. — Миа — ценное приобретение, и я не могу ее упустить.

Миа покраснела, но радость в ее глазах была очевидной — Гейб ценит ее и как работника. Он постарался дать ей это понять.

— С вашего разрешения, мы вас покинем. Я вижу еще кое-кого, с кем нужно поздороваться, — сказал Гейб учтиво.

Взяв Миа под локоть, он повел ее на другой конец зала, где собирался заказать выпивку себе и ей, но случайно бросил взгляд на дверь — и замер. Гейб выругался сквозь зубы, но Миа расслышала и стала удивленно оглядываться. Она не сразу поняла, в чем дело, а когда посмотрела туда же, то поморщилась.

В зал вошел отец Гейба. На руке у него повисла роскошная блондинка, которая была намного моложе его. Принесла нелегкая! Что он здесь делает? Мог бы предупредить, тогда бы Гейб морально подготовился. Гейб вспомнил, как на выходных встречался с матерью, всячески старался поднять ей настроение, и сейчас его разозлило появление отца под ручку с очередной подружкой.

Миа сочувственно коснулась руки Гейба. Встречи было не избежать: Хэмилтон-старший уже заметил сына и теперь пробирався к нему сквозь толпу.

Миа сочувственно коснулась руки Гейба. Встречи было не избежать: Хэмилтон-старший уже заметил сына и теперь пробирался к нему сквозь толпу.

— Гейб! — воскликнул отец, явно обрадованный встречей. — Здорово, что я тебя застал, давно не виделись.

— Привет, папа, — коротко поздоровался Гейб.

— Стелла, знакомься: это мой сын Гейб. Гейб, это Стелла.

Гейб сухо кивнул, но руки не подал. Он отчаянно хотел поскорее убраться отсюда. Перед глазами стояла мать, ее грустное лицо. Она до сих пор не оправилась от предательства мужа, с которым прожила тридцать девять лет.

— Очень приятно, — хриловато произнесла Стелла, мгновенно устремив взгляд на Гейба.

— Как поживаешь, сынок? — спросил отец.

Если он и заметил недовольство сына, то никак не отреагировал. Возможно, Хэмилтон-старший вообще не задумывался о своих действиях и не считал, что принес семье много горя.

— Работаю, — лаконично ответил Гейб.

— Тоже мне новость, — отмахнулся отец. — Нельзя работать сутки напролет. Сделай перерыв — приходи в гости, расскажешь мне обо всем.

— В какие гости? — Тон Гейба мог заморозить пламя.

— Я же купил дом в Коннектикуте, — весело сообщил Хэмилтон-старший. — Приезжай, пообедаем. У тебя на неделе найдется свободный вечер?

Гейб до боли стиснул зубы. Миа негромко кашлянула и с дружеской улыбкой шагнула вперед:

— Мистер Хэмилтон, не желаете чего-нибудь выпить? Мне нужно отлучиться, а на обратном пути я могу принести вам с Гейбом чего-нибудь освежающего.

Отец Гейба изумленно взглянул на нее и почти сразу узнал:

— Миа? Миа Крестуэлл? Неужели это ты?

Хэмилтон-старший видел ее всего пару раз, когда она была намного моложе, да и то мельком. Гейб удивился, что отец ее запомнил.

— Да, сэр, — кивнула Миа. — Теперь я работаю у Гейба личным ассистентом.

Отец улыбнулся и поцеловал ее в щеку:

— Надо же, как ты выросла. Я же видел тебя совсем крохой, а теперь ты превратилась в очаровательную юную леди.

— Благодарю вас. Так как насчет выпить?

— Виски со льдом, — ответил Хэмилтон-старший.

— Мне ничего не надо, — отрезал Гейб.

Миа послала ему полный сочувствия взгляд и поспешила к дамской комнате. Гейб не мог ее упрекать, напряжение достигло пика.

Гейб смотрел ей вслед и испытывал жгучее желание оказаться подальше отсюда — в своей квартире, за закрытыми дверями. Обнимать Миа, иметь ее снова и снова.

— Ну, как насчет обеда? — допытывался отец.

* * *

В дамской комнате Миа облегченно вздохнула. Она пришла не по нужде, а сбежала от неприятного диалога между Гейбом и его отцом. Достав из сумочки губную помаду, Миа остановилась перед зеркалом.

К ее удивлению, дверь распахнулась, вошла Стелла и встала перед соседним зеркалом. Полюбовавшись собой, она тоже достала тюбик и принялась подкрашивать губы.

— А скажите-ка, — начала Стелла, успевая говорить и водить помадой по губам, — это правда, что Гейб Хэмилтон сам не свой до женщин?

Миа чуть не выронила свой тюбик, поймав его в последний момент. Беспочвенность Стеллы застигла ее врасплох.

— Даже если бы мне были известны подробности личной жизни мистера Хэмилтона, я не стала бы их разглашать.

Стелла выкатила глаза:

— Да бросьте! Мы же обе женщины. Я не прочь познакомиться с ним поближе. Подозреваю, в постели он просто зверь. Думаю, мы сумели бы найти общий язык..

— Вы же пришли с его отцом, — покачала головой Миа.

— Ну да, — презрительно отмахнулась Стелла. — Таскаюсь с ним из-за денег. Но у Гейба их гораздо больше. А потом, он намного моложе и крепче своего папаши, да и по мужской части его обскачет. Если можно заполучить Хэмилтона-младшего, то на кой черт нужен старший? Давайте научите меня! Вы же у него работаете. Наверняка пересекались с его бывшими.

Миа не должна была удивляться, и все же ее ошарашила беспардонная прямолинейность блондинки. Не представляя, что ответить, она просто развернулась и вышла. По пути к бару она продолжала качать головой, отказываясь верить в такую наглость.

Миа заказала виски со льдом и подождала, пока бармен выполнит заказ. Затем обвела глазами зал в поисках Гейба и его отца. Они стояли на том же месте, и вид у Гейба был весьма суровый.

Холод в лице и сталь в глазах. Казалось, он говорил не с отцом, а с конкурентом, которого собирался стереть с лица земли.

У Миа перехватило дыхание. Паршиво, когда родители через столько лет расстаются. Гейб вырос в здоровой домашней среде, тогда как они с Джейсом собирали мир по кускам, когда погибли мать и отец. Развод родителей Гейба чем-то напоминал их утрату, хотя оба остались живы. Но мир уже не будет прежним, ибо семья распалась и Гейбу приходилось учиться

воспринимать родителей порознь.

Миа состроила мину, увидев, что Стелла вернулась к мужчинам. Эта особа бесцеремонно взяла Гейба под руку и занялась откровенным флиртом, сияя улыбкой в сотню ватт.

Еще издали Миа услышала звонкий смех Стеллы. К ее удивлению, Гейб ответил блондинке своей убийственной искушающей улыбкой. Миа опешила. Это была охотничья улыбка, и Гейб пускал ее в ход, когда хотел продемонстрировать интерес.

Что, черт возьми, происходит?

Миа остановилась в нескольких шагах. Ни Гейб, ни его отец ее не заметили. Она попыталась подавить вспышку жгучей ревности и гнева, заструившегося по жилам. Она напомнила себе, что не ревнива.

Да к черту! Она сходила с ума от ревности и хотела одного: вцепиться блондинке в волосы и вырвать их с корнем. Гейб спятил, что ли? Или он западает на таких женщин? На тех, кому важно лишь денег срубить?

Но ведь он предпочитал не заморачиваться с эмоциями. Он требовал этого и от Миа. У него с ней контракт, а потому крутить с какой-то прошмандовкой он будет только через ее труп. Иначе она надерет задницу им обоим.

Миа протолкнулась вперед и подала отцу Гейба бокал.

— Спасибо, моя дорогая, — сердечно поблагодарил Хэмилтон-старший.

— Потанцуйте со мной, Гейб. — Стелла выпятила губы. — Музыка все играет, а мне давно хочется размяться.

Гейб усмехнулся, и его смешок больно резанул по нервам Миа.

— С твоего позволения, — сказал он отцу и, даже не взглянув на Миа, увлек Стеллу на танцпол.

Не веря глазам, Миа смотрела, как рука Гейба обвила талию блондинки. Потом он прижался к ней — слишком тесно для танца с незнакомой женщиной. Он улыбался Стелле. Улыбался! А ведь он вообще редко кому улыбался.

Гейб поддался уговорам блондинки и бросил Миа в компании своего отца. Хэмилтон-старший тоже чувствовал себя неловко. Миа не могла даже сказать, что ей надо в дамскую комнату. Это разовая уловка.

Хэмилтон-старший мрачно следил за танцующими Гейбом и Стеллой. Миа смотрела туда же, не в силах отвести взгляд. Ее гнев возрастал с каждой минутой. И тут она увидела, как рука Гейба скользнула ниже талии блондинки.

С нее хватит! Она не собирается стоять тут как дура и глазеть на Гейба, который клеится к папашинной любовнице! Она выполнила свои обязанности, была любезна и расточала комплименты. Она ублажала его инвесторов, изрекая банальности и изумляя познаниями об их жизни, почерпнутыми из папки.

Найдется занятие получше. Поехать домой и выложить все Кэролайн.

— Нет, каков мерзавец! — воскликнула Кэролайн. — Поверить не могу, что он позволил этой шлюшке вот так взять и прилипнуть к нему. Особенно когда у него есть ты!

Миа с улыбкой внимала яростному негодованию подруги. Обе расположились на диване. Придя домой, Миа сразу же сбросила красное платье, которое теперь олицетворяло для нее эту идиотскую вечеринку. Какой вообще смысл надевать дорогие тряпки, если Гейб повелся на первую же юбку?

Поскольку об их отношениях никто не знал, никто и не заподозрил бури в ее душе, но от этого пережитое унижение не становилось слабее.

— Кто знает, о чем он думает, — устало проговорила Миа. — Я просто не могла стоять столбом и смотреть, как они строят друг другу глазки. Меня тошнит от этого.

— Ну вот еще — оставаться там! — подхватила Кэролайн.

Глаза подруги вдруг вспыхнули. Это был сигнал: сейчас начнутся расспросы. Хоть домой не возвращайся.

— Слушай, он в койке действительно бесподобен?

— Каро, умоляю тебя, — недовольно вздохнула Миа.

— Ну расскажи хоть немножко! У меня сейчас нет ничего, кроме фантазий. А у тебя — живой мужик.

— Он — бог, достаточно? Он превзошел все мои ожидания. Прежние в подметки не годятся, а мне есть что вспомнить. Но чтобы так...

— О-о, — скорбно произнесла Кэролайн. — Когда ты позвонила и попросила собрать сумку, я сразу поняла: Гейб даром времени не теряет. Ты и дня не проработала, а уже в койку. Шустрый чувак, согласись.

— Да уж куда шустрее, — скривилась Миа.

— Давай что-нибудь закажем? А потом полакомимся мороженым. В холодильнике еще осталось. Или ты сыта?

Миа покачала головой:

— Мы собирались на ужин после приема, но потом появилась эта Блонди[3].

— Пицца устроит? — Кэролайн потянулась к мобильнику.

— Божественно, — выдохнула Миа.

Кэролайн искала номер пиццерии, и тут сработал домофон. Миа встала.

— Ты заказывай, а я узнаю, кто это. — Она подошла к домофону, нажала кнопку. — Да?

— Миа, отрывай задницу от дивана и быстро вниз! — раздался свирепый голос Гейба.

Кэролайн вытаращила глаза и выронила мобильник.

— В чем дело, Гейб? — спросила Миа, не скрывая своего раздражения.

— Ей-богу, если ты сейчас же не спустишься, я поднимусь и сам выволоку тебя из квартиры. И мне будет наплевать, одета ты или нет. Даю три минуты на сборы.

Миа швырнула трубку домофона. Ярость переполняла ее. Она вернулась к дивану и шумно плюхнулась рядом с Кэролайн.

— Слушай, — протянула Кэролайн, — если он внизу и требует, чтобы ты спустилась, то он всяко отклеился от этой Блонди.

— Думаешь, я поведусь на это спесивое хамство? — изумилась Миа.

— Давай так, — пожала плечами Кэролайн. — Я абсолютно уверена, что он поднимется и вытащит тебя из квартиры. Может, лучше пойти по-хорошему и напрямую спросить про шашни с Блонди? В конце концов, он здесь, а она — нет. — Кэролайн посмотрела на часы. — У тебя две минуты до того, как он разнесет квартиру.

Вздыхнув, Миа опрометью кинулась в спальню, сама не понимая, почему после случившегося еще разговаривала с Гейбом. Ее до сих пор мучило. Однако она поспешно натянула футболку и джинсы, затем вспомнила про работу и побросала в сумку еще кое-какие вещи. Лучше подготовиться, чем потом пожалеть.

Заскочив в ванную за туалетными принадлежностями, она промчалась мимо Кэролайн и послала воздушный поцелуй.

— Напиши мне, что жива, иначе я подумаю, что он тебя прибил, и начну звонить в полицию, — сказала Кэролайн.

Миа махнула ей, выскочила из квартиры и влетела в лифт. Когда двери открылись, Миа увидела Гейба. Он стоял в нескольких футах, выпятив челюсть и свирепо вращая глазами.

Он направился к ней, не дав ей сделать ни шагу. Здоровенный, разъяренный альфа-самец, явившийся взять свое.

Гейб грубо схватил ее за руку и поволок мимо насторожившегося консьержа. Миа успела ободряюще тому улыбнуться. Ей вовсе не хотелось, чтобы консьерж вызвал полицию. Гейб держал ее мертвой хваткой, от него исходили жаркие волны злости.

Что он себе позволяет? С чего он так вызверился? Можно подумать, что это она подцепила кого-то и пошла танцевать.

Открыв заднюю дверь, Гейб втолкнул Миа в салон, обошел вокруг машины и сел сам. Как только он очутился внутри, автомобиль тронулся.

— Гейб...

Он повернул к ней перекошенное от злости лицо:

— Лучше заткнись, Миа. Ни слова! Я слишком сердит, чтобы соображать. Я должен успокоиться, а там подумаю, говорить ли с тобой вообще.

Миа равнодушно пожала плечами и отвернулась, не желая больше смотреть в его налитые яростью глаза. Он был несказанно подавлен, и она это чувствовала. Она даже слышала, как он тихо рычит от раздражения и нетерпения. Но сейчас ей не было до него дела. Она отвернулась к окну, за которым сверкали и перемигивались разноцветные огни вечернего города.

Лучше ей было бы остаться дома, но ей хотелось драки. В ней тоже кипела злость, а раз Гейб пошел в наступление, она была вооружена и готова.

Они ехали молча, хотя злость Гейба, разлитая по всей машине, ощущалась без всяких слов. Миа ни разу на него не взглянула, не желая показывать даже малейшие признаки слабости. Она знала, что такое поведение злит его еще больше.

Когда машина остановилась, Гейб распахнул дверь, схватил Миа за руку и выволок наружу. Его пальцы были как клещи, он подвел ее к лифту.

В прихожей Гейб еще плотнее сжал губы, стараясь не растерять остатки самообладания.

— В гостиную! — приказал он. — Разговор будет долгий.

— Да пожалуйста, — пробормотала Миа.

Она вырвалась из его хватки и пошла в гостиную, где села на диван и выжидающе посмотрела на Гейба.

Тот ходил взад-вперед, останавливался, зыркал на нее. Наконец Гейб шумно втянул воздух и покачал головой:

— Мне даже трудно начать разговор, настолько я зол.

Миа выгнула брови, демонстрируя равнодушие. Это она была зла, имела право.

— Это ты-то зол?! — воскликнула она. — С чего бы? Что, эта блондинистая шлюха сказала, что ты не в ее вкусе? Да быть не может. Она была готова залезть тебе в штаны.

— Это ты-то зол?! — воскликнула она. — С чего бы? Что, эта блондинистая шлюха сказала, что ты не в ее вкусе? Да быть не может. Она была готова залезть тебе в штаны.

— Что ты несешь? — опешил Гейб.

Когда Миа уже обрадовалась, что наконец-то все выплеснет, Гейб жестом велел ей молчать.

— Сначала изволь выслушать, почему я так завелся. Потом, когда успокоюсь, я распишу тебе задницу.

— Сейчас, разбежался, — огрызнулась Миа.

— Ты смылась! — выкрикнул Гейб. — Я понятия не имел, куда ты делась и что с тобой. Может, какой-нибудь хлыщ тебя сманил. Может, тебе стало плохо. О чем ты думала своими долбаными мозгами? Тебе не хватило ума объяснить? Сказала бы, что хочешь домой, и я бы сам тебя отвез.

От такого махрового эгоизма Миа, вне себя от ярости, вскочила на ноги. Неужели он и вправду такой чурбан?

— Мог бы и догадаться, но ты приклеился к отцовской подружке!

В его глазах мелькнуло понимание. Он вздохнул и покачал головой:

— Ах вот в чем дело. Стелла.

— Да, Стелла, или как ее там.

— А ты ревнива, Миа, — снова покачал головой Гейб. — Чертовски ревнива.

— Ревнива? А ты, Гейб, высокомерный законченный эгоист. Дело не в ревности, а в полном отсутствии элементарного уважения ко мне. У нас отношения, пусть и необычные. Но мы подписали контракт. Бог свидетель, ты принадлежишь мне, как и я тебе. И я не собираюсь делить тебя с какой-то белокурой вертихвосткой.

Гейб был ошеломлен ее негодованием. Он запрокинул голову и расхохотался, еще сильнее рассердив Миа. Его плечи продолжали трястись от смеха, когда он сказал:

— Ты меня достаточно утешила, чтобы отшлепать тебя по попке. Марш в спальню, Миа! И раздевайся.

— Это еще что за херня?

— Следи за своим языком. За такие слова Джейс намылил бы тебе рот.

— Не будь ханжой, Гейб. Вы с Джейсом сами похабники.

— В спальню, Миа. Сейчас же! Бегом. За каждую минуту промедления получишь пять дополнительных ударов. Если думаешь, что я шучу, — проверь. Двадцать ты уже заработала.

Миа, разинув рот, смотрела на него, но, когда Гейб взглянул на часы, поспешила в спальню. Наверное, она рехнулась. Ей бы бежать не в спальню, а прочь из квартиры! Но она торопливо раздевается, чтобы он мог ее отшлепать.

Ее охватила дрожь. Низ живота отозвался знакомым предвкушением — но чего? Какая-то бессмыслица. Сама идея телесного наказания казалась дикой и в то же время... соблазнительной и эротичной. Его ладонь на ее ягодицах. Наглядное утверждение власти над нею.

Нет, она явно спятила, но эта мысль не была новой. Само подписание контракта уже заставляло усомниться в ее вменяемости.

Когда Гейб вошел, Миа уже разделась донага и сидела на краю постели, притихшая и пытающаяся представить процедуру экзекуции. В голове царил сумбур. Она не была уверена, что наказание ей понравится. Почти наверное — наоборот. Вызовет лишь злость и отвращение. Но какая-то часть ее существа была взбудоражена и заинтригована идеей этой порки.

Сердце Миа ушло в пятки, когда Гейб остановился перед нею — сильный, властный, подавляющий своим присутствием.

— Вставай, Миа, — спокойно приказал он.

В его голосе не осталось и следа недавнего гнева.

Она поднялась, ноги тряслись. Гейб сел на кровать, подтянулся к изголовью, устроился на подушках и подался к Миа. Она залезла на кровать и робко приняла его руку. Гейб разложил

ее у себя на коленях, лицом вниз, задница выставлена вверх — близкая и доступная.

Гейб погладил ее крепкие круглые ягодицы и слегка помассировал их.

— Двадцать ударов, Миа. Считать будешь сама. В конце скажешь спасибо за порку, а потом я отымею тебя по полной.

В ее голове замелькало: «Стой», «Какого черта» и «Да пожалуйста». Нет, она точно сошла с ума! Другого объяснения ее поведению не было.

Первый шлепок был неожиданным, и она вскрикнула не то от боли, не то от удивления.

— Сейчас получишь дополнительный шлепок, — мрачно произнес Гейб. — Считай, Миа.

«О черт!»

Гейб замахнулся и ударил.

— Раз, — выдохнула она.

— Очень хорошо, — промурлыкал Гейб.

Он погладил ее по заду и шлепнул снова.

— Два, — спохватилась она, прежде чем он успел назначить штрафной.

Ягодицы пощипывало — сначала обожгло, а потом возбуждение возросло, становясь глубоким и сладостным. Оно проникало в живот. Влагалище сжалось, и Миа беспокойно заерзала, пытаясь унять подступившую боль.

Три. Четыре. Пять. К двенадцатому шлепку Миа возбудилась до такой степени, что стала извиваться на коленях у Гейба. Удары чередовались с ласками, и это сводило Миа с ума. Чем нежнее были ласки, тем жестче становились удары. И все-таки Гейб не лупил ее со всей силой, на какую был способен. Он держался на грани, и к шестнадцатому удару Миа взмолилась: еще... и жестче.

Весь ее зад пылал, но это было на редкость приятно. Миа в жизни не испытывала ничего подобного. Она почти подошла к оргазму; ей и в голову не приходило, что можно кончить от обычных шлепков по заду. И уж чего она даже не могла представить, так это того, что порка ей понравится.

— Лежи спокойно и не вздумай кончить, — предупредил ее Гейб. — Осталось два удара, и если ты словишь оргазм, я постараюсь, чтоб остальные шлепки не показались тебе медом.

Затаив дыхание, Миа закрыла глаза и напряглась всем телом, притормаживая всепоглощающий оргазм.

— Девятнадцать, — еле слышно прошептала она.

— Громче, — потребовал Гейб.

— Двадцать!

Слава богу, все кончилось. Она в изнеможении скатилась на постель. От попытки задержать

оргазм у нее перехватило дыхание и напряглось все тело. Влагалище горело, словно Гейб отхлестал и его, и каждый удар отзывался в клиторе, который напряженно пульсировал. Стоило Гейбу лишь дунуть на него, как она бы взорвалась.

И это сердило Миа. Никакого самоконтроля плюс навязанное удовольствие от вещей, которые нормальная женщина сочла бы отвратительными.

Гейб дал ей полежать и успокоиться. Он убедился, что приближающийся оргазм отступил. Тогда он осторожно приподнял Миа, перевернул на спину и навис над нею, расстегивая ширинку и стягивая брюки.

Его рот нашел ее груди. Гейб сосал их, одновременно возясь с одеждой. Когда он скинул рубашку, Миа решила, что сейчас он раздвинет ей ноги и оттрахает по полной, как обещал. Но Гейб слез с кровати, взял Миа за ноги и подтащил к самому краю.

Он раздвинул ей ноги, прижал член к влагалищу и пристально посмотрел на нее. Его глаза сверкали.

— Миа, тебе понравилась порка?

— Пошел на хрен! — грубо ответила Миа, все еще гневаясь на свою реакцию.

Он выбил у нее почву из-под ног, заставил сомневаться в себе самой, и ей это совершенно не нравилось.

Он выбил у нее почву из-под ног, заставил сомневаться в себе самой, и ей это совершенно не нравилось.

Гейб стиснул зубы, застигнутый врасплох ее наглостью:

— Нет, моя дорогая Миа. Это ты на него пойдешь.

В подтверждение своих слов Гейб с силой вогнал член в ее влагалище. Миа вскрикнула, выгнула спину; пальцы вцепились в простыни.

— Благодарю меня за порку, — потребовал Гейб.

— Иди к черту!

Гейб вытащил член и стал водить головкой по промежности и половым губам.

— Неправильный ответ, — промурлыкал Гейб. — Благодарю, да повежливее.

— Заканчивай, что начал, — сказала Миа с растущим отчаянием.

Ей не хотелось быть слабой и клянчить, но рядом с ним она рисковала утратить всякую гордость.

Гейб поцеловал ее, но это был поцелуй-наказание с целью напомнить, что здесь решает не она. И все же Миа возжелала его еще сильнее, обезумев вконец.

— Миа, дорогая, ты забываешь, кто тут устанавливает правила, — тихо произнес Гейб, покусывая ей подбородок. — Ты моя собственность. Твои желания меня не заботят. Важно лишь то, чего хочу я.

Она сощурилась, выпятила губы:

— Гейб, хватит пороть чушь!

Он медленно скользнул членом по распухшей плоти ее влагалища.

— А у меня есть контракт, где все написано, — сказал он вкрадчиво и грубо втолкнул в нее член. От неожиданности и силы толчка Миа вздрогнула.

— Могу порвать его, когда захочу, — с вызовом бросила ему она.

Ее подмывало исполнить угрозу хотя бы для того, чтобы разозлить Гейба, как он разозлил ее. Но она не хотела, и они оба это знали.

Гейб замер. Его тело нависло над нею, его губы остановились на полпути к ее шее, скользнув над грудями. Ее соски отвердели в ожидании продолжения, а сама Миа в молчаливой мольбе подалась вверх. Ей хотелось ощутить его губы. Она была на грани оргазма, но в ней полыхала и ярость.

— Да, можешь, — лениво произнес Гейб. — Ты этого хочешь, Миа, или чего-то другого? Хочешь разорвать контракт и уйти прямо сейчас? Или ты хочешь, чтобы я тебя трахнул?

Проклятье! Этот человек сводил ее с ума. Он прекрасно знал, чего она хочет, но собирался заставить ее признаться в этом. И не просто сказать, а попросить.

Его взгляд стал пронзительнее. Он повторил толчок, но член не вывел. Миа извивалась под ним, безмолвно умоляя продолжать, но Гейб не шевелился. Он ждал.

— Скажи это, Миа.

Она была готова расплакаться от досады. Ей нужно кончить. Тело настолько перевозбудилось, что ей не под силу лежать спокойно.

— Спасибо, — пробормотала она.

— Спасибо за что?

— Спасибо за то, что отлупил меня!

— А теперь скажи, чего ты хочешь, — усмехнулся Гейб.

— Я хочу, чтобы ты меня трахнул, черт побери!

— Добавь «пожалуйста», — настаивал он.

— Пожалуйста, Гейб, — хрипло сказала она, ненавидя отчаяние в своем голосе. — Пожалуйста, трахни меня. Кончи это... пожалуйста.

— Когда ты слушаешься, все хорошо. Не забывай об этом, Миа. Помни, когда тебе в следующий раз взбредет в голову уйти, не сказав мне ни слова.

Гейб наклонился и погладил Миа по голове. Потом он взял Миа за плечи, чтобы изменить ее позу на более удобную для его целей. А затем начал в бешеном ритме двигаться взад-вперед, словно поршень. Толчки следовали один за другим, заставляя Миа забыть обо всем на свете,

кроме Гейба.

Она не сразу поняла, какие слова выкрикивает. «Не останавливайся! Не останавливайся!» Она умоляла. Хриплым, неистовым голосом она молила Гейба не останавливаться. По лицу Миа струились слезы, спина выгнулась дугой.

Гейб окружил ее собой, его руки сомкнулись вокруг нее. Он нашептывал ей нежные, успокаивающие слова. Он гладил ей волосы, не прекращая трудиться.

— Тихо, Миа, дорогая моя. Все хорошо. Теперь уже все хорошо. Ты — моя. Я о тебе позабочусь.

Миа была опустошена случившимся. Она не узнавала себя. Ее не привлекали извращения, побои и жесткий секс. Ей нравилось, когда все происходило медленно и нежно, в приятном темпе, когда ее никто не подгонял. А занимаясь сексом с Гейбом, ей казалось, что она попадает в ад. Он был силой, с которой она никогда не сталкивалась и больше не столкнется.

Гейб снимал с нее слой за слоем, обнажая незнакомые пласты ее личности. Она становилась беззащитной и неуверенной. Что ей делать с этой новой Миа?

Он лежал на ней, целовал виски и гладил по волосам. Она вжималась в него, желая его тепла и силы. Гейб был надежной гаванью среди бурь ее разума, тела и сердца.

Он только что был властным и требовательным, а теперь его поцелуи наполнились нежностью и трепетом. До чего же сладко. Они напоминали любовников, помирившихся после затяжной ссоры и отметивших примирение пылким слиянием. Одна беда: ей было трудно назвать любовью избиение с последующим жестким сексом.

Это был только секс. Горячий, сумасбродный, сотрясающий тело, бесчувственный. И было опасно хотя бы ненадолго принять его за нечто другое.

Глава семнадцатая

Гейб лежал в темноте и смотрел в потолок, но не видел его. Миа покоилась рядом, свернувшись калачиком. Он знал, что она не спит, иначе дышала бы не так и обмякла. Но она лежала тихо, как мышка, — наверное, прокручивала в уме события дня.

Гейб знал, что он сволочь. Он даже отчасти раскаивался, но понимал: ему не остановиться. Он нарушил все обещания, которые давал Миа, и будет нарушать их и дальше. Он не станет ее приучать; никакой деликатности, никакого терпения. Она сводила его с ума и срывала все тормоза.

Он открыл рот, потом снова закрыл. Он понимал, что должен объясниться насчет приема, но гордость не позволяла рассказать все как было. Его взбесил ее уход, но в то же время — позабавил. Классно, что ей хватило смелости послать его подальше.

Будь у нее не он, а кто-то другой, Гейб мог бы приветствовать ее решимость. Он первый посоветовал бы ей бежать без оглядки от такого кавалера. Потом набил бы морду мерзавцу, посмевавшему так с ней обойтись.

Но он твердо знал: если она попытается уйти от него всерьез, он ее не отпустит. Он использует все средства, вплоть до того, что привяжет к кровати и запрет в своей квартире. Она никуда не

уйдет. Не сейчас.

— Сегодня было не то, о чем ты подумала, — сказал Гейб, удивляясь словам, сорвавшимся с его губ.

Черт побери! Он не хотел ее приплетать, никогда и ни в коем случае. Если она бросилась бежать, вместо того чтобы понаблюдать и понять происходящее, то зачем ему сейчас все объяснять?

«Потому что она другая. Потому что ты вел себя как идиот. И теперь ты обязан рассказать, что произошло на самом деле».

Миа шевельнулась, приподнялась на локте, и волосы упали на плечо. Гейб потянулся и включил ночник. Ему вдруг захотелось увидеть ее лицо, когда она станет осыпать его упреками.

Миа шевельнулась, приподнялась на локте, и волосы упали на плечо. Гейб потянулся и включил ночник. Ему вдруг захотелось увидеть ее лицо, когда она станет осыпать его упреками.

Миа была прекрасна, иначе не скажешь. В ней было нечто до боли сладостное и мягкое. Когда не бесилась, конечно, но как только она превратилась в расшвырянутого котенка, выпустившего коготки, Гейбу захотелось немедленно трахнуть ее, чтобы эти коготки впились ему в спину.

— А мне и так все ясно, — прищурилась Миа. — Эта Блонди увязалась за мной в туалет и заявила напрямую, что ее куда больше интересует молодой и богатый Хэмилтон, нежели его отец. Потом стала расспрашивать о твоих особенностях, чтобы побыстрее затащить тебя в постель. Естественно, я не стала с ней говорить и ушла. А потом я увидела, как вы танцуете. Ты приклеился к ней, схватил ее за задницу, не говоря о прочих местах.

Миа замолчала и сделала глубокий вдох. Гейб чувствовал, как в ней опять закипают злость и обида, но его восхищало, что она их не сдерживает. Она не боялась его, и ему это нравилось. Невзирая на требования полного ему подчинения, он не хотел видеть рядом пугливую мышку. Подчинение и бесхребетность не одно и то же.

Ему была нужна сильная, независимо мыслящая женщина, которую не подавляет его власть. Миа могла прекрасно подойти, но он не знал, что с этим делать.

— Я помню, что мы не афишируем наши отношения. Я пришла на прием как твой ассистент, чтобы работать. О нас никто не знает. Казалось бы, какое мне дело, с кем танцует и любезничает мой босс? Но я чувствовала себя униженной и ничего не могла с этим поделать. Мне хотелось заползти под стол и умереть. Ведь мы с тобой подписали контракт. Это не просто бумажка. Если я принадлежу тебе, то и ты принадлежишь мне, и никак иначе. А я видела, что тебе совсем неплохо в обществе Блонди и ты с удовольствием ее лапаешь. Гейб, ты улыбался ей. А ты ведь никому не улыбаешься. — В ее голосе звучала боль, и у Гейба защемило в груди. Миа не упрекала его, она обвиняла. — Я была зла на тебя. Чувствовала себя растоптанной. Я пыталась думать логично, но все мысли возвращались к одному: если ты запал на эту блондинку, значит я тебя не удовлетворяю. Тебе меня не хватает. У нас и было-то всего несколько раз, а ты уже захотел новый контракт?

— Ну и чушь ты несешь, — возразил Гейб, злой оттого, что причинил ей боль. — Бред сумасшедшего. Да, я танцевал с ней. Я дал ей раскрыться во всей красе, чтобы отец увидел, с

кем связался. Она не таилась, и я думал: пусть папочка смотрит. Мне стало противно, как только они пришли, а потом еще хуже, когда она начала ко мне липнуть у него на глазах. Я так и не оправился после развода родителей. Что ни неделя, то у отца новая баба, я к этому не могу привыкнуть. Мать живет затворницей, оплакивает погибшую семью, а папочке ровным счетом наплевать. Поэтому я не мешал этой шлюшке распускать хвост, подыгрывал ей, чтобы отец увидел, на кого он променял мою мать.

Взгляд Миа смягчился, гнев немного улегся. Она коснулась руки Гейба:

— Тебе неприятно видеть отца с другими женщинами.

— Еще как, — выдохнул Гейб. — Я на них насмотрелся. Когда Лайза затеяла развод, это был плевок мне в лицо. Я воспринял это как величайшую катастрофу, потому что перед глазами был пример родителей. Они почти сорок лет прожили вместе и как-то ладили, несмотря на различия, а я не протянул и трех лет. Я думал, что у них образцовый брак. Наглядное подтверждение, что любовь жива и способна творить чудеса, если потрудиться. И вдруг отец заявляет, что уходит от матери, и подает на развод. Я до сих пор его не понимаю. Для меня это полный абсурд. Мне ненавистно, как он поступил с моей матерью. Я страшно зол на отца и в то же время люблю его. Он подвел меня, подвел нашу семью. Я не могу ему этого простить.

— Понимаю, — тихо сказала Миа. — Когда мои родители погибли, я была очень зла на них. Правда глупо? Они были ни в чем не виноваты. Они не собирались умирать. Виноват пьяный водитель. И я все равно сильно злилась: как они посмели бросить меня? Если бы не Джейс, не знаю, что бы я натворила. Он был мне опорой. Никогда не забуду, что он для меня сделал.

Гейб прижал ее к себе. Он помнил, как тяжело переживала Миа гибель родителей. Джейс сам был выбит из колеи, не зная, как жить дальше и чем помочь сестре. Горе и злость на погибших родителей окружали Миа незримым барьером, который Джейсу было не прошибить. Она замкнулась в себе, и все попытки брата предложить ей свою любовь и поддержку наталкивались на невидимую стену.

Потом этот барьер рухнул. Джейс растил Миа, став для нее всем — братом, отцом, матерью. Защитник, единственная опора. Не многие мужчины отважились бы на то, что сделал он. Ответственность за младшую сестру помешала ему создать собственную семью и даже найти постоянную подругу. Гейб восхищался им.

Миа помедлила и чуть отодвинулась, и Гейбу это не понравилось. Он захотел покрепче ее прижать, но не стал. Это было бы жестом отчаяния, доказательством того, что он в ней нуждается. А ему не хотелось ни в ком нуждаться.

— Гейб... — нарушила молчание Миа.

В ее глазах читалась неуверенность. И вопрос. Похоже, в ней шла борьба и она решала, стоит ли спрашивать.

Гейб ждал, сам не зная, хочет ли услышать вопрос, ради которого Миа набиралась смелости.

— Что произошло у вас с Лайзой? Я знаю, тебя это до сих пор гложет. Мне известно, что инициатором была она и все это имело далеко идущие последствия.

Гейб молчал. Меньше всего ему сейчас хотелось говорить о Лайзе и ее предательстве и своем мучительном преодолении случившегося. Обязан ли он рассказывать об этом Миа? Нет. Он вообще никому ничем не обязан. И все же у него вдруг возникло желание кое-что объяснить

ей. Быть может, тогда она поймет, зачем нужен контракт и откуда взялись четкие требования. После развода он не раскрывал душу ни одной женщине. Ему вовсе не хотелось приобретать такую привычку. Но Миа была другой, и он понимал это вкупе с опасностью ее отличия.

— Я уверен, что этот контракт... кажется тебе... крайностью, — начал Гейб. — Чем-то холодным. Бессердечным, закрепляющим мое господство. Наверное, я кажусь редкой сволочью. Много слов приходит на ум.

Миа молчала, но по глазам чувствовалось, что она понимает. Она не стала возражать, не поторопилась заверить, что все не так уж и плохо. Она вообще не делала попыток его утешить, и Гейбу это понравилось. В ее взгляде не было осуждения. Только... любопытство.

— В наших отношениях с Лайзой главным был я. В подробности вдаваться не стану. Некоторые вещи лучше принять за данность. Это было... является... моей потребностью. У меня не было тяжелого детства, чтобы все свалить на него. Никакой эмоциональной неустойчивости. Можешь называть это извращением. Но это больше чем извращение, в этом я весь. Я не могу и не хочу меняться ради кого бы то ни было. Мне удобно оставаться таким, со всеми моими желаниями и нуждами.

— Понимаю, — кивнула Миа.

— Не знаю, почему Лайза ушла. Возможно, я перестал ее удовлетворять. Может быть, ей надоели отношения, которые у нас были. Может быть, она просто мне подыгрывала, пытается сделать меня счастливым. Не исключено, что сама она счастлива не была. Не знаю. Сейчас меня это уже не волнует. Но когда она ушла, она выдвинула против меня множество необоснованных обвинений. На суде и в интервью, которые она щедро раздавала, Лайза буквально распинала меня. Каждому, кто соглашался слушать, она твердила, будто я издевался над ней, утверждая свою власть. Она говорила, что наши отношения не строились на взаимном согласии, но это было чудовищным враньем. Я сразу сказал, чего хочу. Я раскрыл ей все карты еще до свадьбы.

Миа погрузилась, готовая сострадать. Гейбу стало тошно. Он не нуждался ни в чьей жалости. Он вовсе не изливал ей душу в слащавой сентиментальности после соития. Он просто хотел, чтобы Миа поняла.

— Если бы ей разонравились такие отношения, я бы не рассердился. Ей нужно было бы лишь честно сказать мне об этом, сказать, что она хочет уйти от меня. Я не стал бы противиться. Я обеспечил бы ей безбедную жизнь. Но вместо этого Лайза пошла в атаку и выставила меня монстром-извращенцем. Этого я ей никогда не прощу. Мой брак преподнес мне очень суровый урок. С тех пор я не вступал в отношения с женщиной, не обезопасив себя от подобных обвинений. Пусть это кажется крайностью, но я действительно не признаю связи без подробного контракта, подписанного обоими. Я не любитель женщин на одну ночь. У меня не бывает случайного секса. Если женщина намерена делить со мной постель, она заранее узнаёт обо мне все необходимое и подписывает контракт, защищающий нас обоих.

— Может быть, она не могла уйти, не убедив себя в том, что ты злодей, — тихо сказала Миа. — Не думаю, что разводиться легко.

— Скажи это моему отцу, — усмехнулся Гейб. — Ты наивна, Миа. Мила, но наивна. Люди разводятся ежедневно. Я никогда не понимал, как можно однажды проснуться и заявить жене или мужу: «А знаешь, брошу-ка я тебя». Верность — не пустой звук, но сегодня никто не хочет усложнять себе жизнь. Все стало проще: нанял адвоката — и вперед.

Миа ласково, без задней мысли, положила руку ему на грудь. Гейбу понравилось ее прикосновение. Святой боже, он не знал, сможет ли когда-нибудь ею насытиться. Он был готов черпать из нее, пока в ней ничего не останется. Пока она не станет второй Лайзой и не заявит, что больше не вынесет. Он не хотел, чтобы еще одна женщина прошла с ним через то, что выпало Лайзе. Куда приятнее получить удовольствие и смыться — именно в этом, однако, он обвинял отца и Лайзу. Возможно, он ничуть не лучше их.

— Не все же предатели, — сказала Миа. — Вокруг много верных людей. Ты не можешь контролировать все. Не можешь управлять ни тем, что движет людьми, ни их отношением к тебе. Ты можешь управлять лишь собственными реакциями, своими поступками, мыслями и чувствами.

— Ты слишком мудра для своих лет, — криво усмехнулся Гейб. — И почему мне кажется, что меня учит жизни девчонка на четырнадцать лет младше?

Миа наклонилась к нему и вдруг, к его удивлению, поцеловала. Ее губы замерли, теплые и сладкие. Соски терлись о его грудь, и у него немедленно напрягся член.

— Ты слишком придираешься к возрасту, — произнесла она. — Может, я просто умная.

Гейб усмехнулся и снова потянулся к ее губам, пробуждаясь к жизни, но Миа не спешила с очередным поцелуем. Посерьезнев, она отодвинулась. Гейб напрягся. Он хотел, чтобы она легла рядом, но разговор еще не закончился.

— Давай кое-что уточним. Ты хотел показать отцу, на кого он променял твою мать. Я это понимаю. Но мог бы предупредить, никто бы не умер. Мне было противно и унижительно смотреть, как ты танцуешь с этой Блонди и прижимаешься к ней. Если подобное повторится, я просто уйду, как ушла сегодня. Только в следующий раз ты не возьмешь меня ни угрозами, ни ласковыми словами. Я помню, что по контракту ты главный, но там не сказано, что я должна стоять и смотреть, как ты любезничаешь с другой.

Миа опасно посмотрела на него, словно была уверена, что он рассердится, но Гейб лишь запрокинул голову и расхохотался. Такая реакция ее удивила и даже раздосадовала.

— Ты очаровательна, когда злишься, — сказал он, продолжая улыбаться. — Раз ты согласилась на это безумие, ты не настолько умна, как тебе кажется.

— Или это лучшее решение в моей жизни, — неожиданно серьезно ответила Миа.

— Вопрос, конечно, спорный, но я не собираюсь тратить время и сомневаться в моей удаче, — сказал Гейб.

Он обнял Миа и перекатил под себя, его член уже терся о ее промежность. Гейб надеялся, что она готова, так как сам не мог ждать. Он больше не вынес бы ни секунды вне ее тела.

Но что-то связанное с их разговором — этот ее взгляд и странная отзывчивость — заставило Гейба остановиться. Черт бы побрал его прыть. На этот раз все будет медленнее. Он даст ей то, чего она достойна, а не прежний жесткий секс, который мало отличался от животного.

Ему незачем быть холодным и недоверчивым. Может же он хоть раз сосредоточиться не на своих удовольствиях, а подумать о женщине, которая рядом. Он мог и хотел это сделать для Миа. Меньшего она не заслуживала.

И Гейб не стал торопиться. Вместо этого он поцеловал Миа, но не так агрессивно, как прежде. Он осторожно покусывал и посасывал ее губы, призывая открыть рот, а когда это случилось, стал играть с ее языком. Прикосновения были частыми, легкими и быстрыми.

Гейб поласкал ей ухо, просунул язык внутрь. Потом коснулся шеи в самом чувствительном месте, бережно закусив складку. Он ощущал ее дрожь и был несказанно рад возможности доставить Миа наслаждение.

Ее тело покрылось гусиной кожей, соски затвердели.

Не в силах противиться искушению, Гейб поцеловал ложбинку между грудей, затем стал целовать каждую грудь, постепенно приближаясь к соскам.

— Гейб...

Его имя слетело с ее губ легким вздохом, и это сразу сказалось на его возбужденном теле. Головка члена терлась у нее между ног, но Гейб не спешил входить в Миа. Он хотел убедиться, что она возбуждена не меньше, чем он, а потом взять свое. Пусть она возжелает его так же неистово, на меньшее Гейб был не согласен.

Обхватив член рукой, Гейб стал водить им по влажным половым губам, одновременно лаская и клитор. Потом чуть ввел, не скрыв даже головку. Лизнул сосок, медленно и лениво проведя языком по твердому бугорку.

— Тебе нравится? — шепнул он.

— Да, — выдохнула она. — Соси их, Гейб. Я так люблю, когда ты ласкаешь меня ртом.

Черт, он и сам это любил. Он был на пределе, он нуждался в ней. Ему было необходимо владеть ею. Ему хотелось с прежней силой и скоростью вогнать в нее член, без слов напомнив, кому она принадлежит. Ему было чертовски трудно сдерживать свои порывы, но сейчас Гейб владел собой.

— Тебе нравится? — шепнул он.

— Да, — выдохнула она. — Соси их, Гейб. Я так люблю, когда ты ласкаешь меня ртом.

Черт, он и сам это любил. Он был на пределе, он нуждался в ней. Ему было необходимо владеть ею. Ему хотелось с прежней силой и скоростью вогнать в нее член, без слов напомнив, кому она принадлежит. Ему было чертовски трудно сдерживать свои порывы, но сейчас Гейб владел собой.

Он нежно взял в зубы сосок, лизнул ареолу и наконец стал его сосать, вобрав в рот целиком. Гейб растягивал удовольствие, осторожно двигая языком и наслаждаясь ощущением и вкусом. Не было лакомства слаще. Не было наслаждения изысканнее, чем лежать на Миа, действуя ртом и руками: лакомясь ею, касаясь и исследуя ее. Она принадлежала ему. Целиком. Он мог войти в нее в любое время, причем столько раз, сколько захочет. Это было подобно пиру для голодного, где можно есть до отвала. Гейбу хотелось всего и сразу. Потеряться в ней, забыв обо всем.

Рука Миа погрузилась ему в волосы, ногти вонзились в кожу. Миа не хотела, чтобы он отрывался от ее грудей. Впервые она показала, что может быть агрессивной и в постели. Правильнее сказать, проявить намек на агрессивность. Гейбу это понравилось. Чертовски

понравилось. Значит, она здесь, с ним; она разделяет его извращенную одержимость. Значит, он не одинок.

Миа изогнулась, пытаясь вобрать член во влагалище. Гейб знал: Миа более чем готова, однако заканчивать не спешил. Он хотел, чтобы из ее головы вылетели все мысли. Хотел доставить ей наслаждение, какого она никогда не знала.

Встав на колени и покачивая тугим, задраным вверх членом, Гейб поцелуями проложил дорожку от груди до живота. Когда кончик языка коснулся ее пупка, Миа вздрогнула и застонала. Гейб немного поиграл с ним, наслаждаясь хаотичными движениями Миа, выдававшими острое, непрерывно возрастающее желание.

Гейб добрался до лобка, затем принялся за внутреннюю поверхность бедер, покрывая кожу нежными, сладостными поцелуями. Его язык заскользил по ноге в опасной близости от влагалища. Достигнув сокровенного места, он остановился.

Ее вздох отчаяния заставил его улыбнуться.

Гейб куснул ее за внутреннюю поверхность бедра, потом прошелся языком вверх по ноге, а затем спустился вниз, пока наконец не добрался до лодыжки.

Пальцы у нее на ногах были маленькие и изящные, ногти покрыты розовым лаком. Все это было по вкусу Гейбу. Взяв в рот большой палец, он принялся его сосать, словно грудь. Затем приласкал остальные, облизал ступню.

— Боже, ты даже простыми вещами разжигаешь пожар, — выдохнула Миа. — Мне никто не сосал пальцы ног. На первый взгляд это кажется вульгарным, но твой рот — это грех в чистом виде.

Гейб посмотрел на Миа поверх ее ноги.

— Вульгарным?

— Забудь. Продолжай.

Он рассмеялся, опустил ее ногу, припал губами к другому бедру, и все повторилось. Он добрался до второй ступни, облизал подошву и стал с удвоенным пылом сосать пальцы.

Ему было отраднее, что Миа глубоко женственна, но в то же время сильна и не намерена безропотно сносить всякое дерьмо. Она была воплощенный вызов — желанный, не свойственный женщинам, к которым он привык. Чувствовалось, что в ближайшие месяцы скучать ему не придется.

Гейбу хотелось до бесконечности баловать Миа и исполнять все ее желания. Он был готов потакать любым ее женским слабостям. Ему хотелось видеть ее улыбку и знать, что она радуется ему. Если это превратит его в корыстного, эгоистичного придурка, он как-нибудь переживет.

Закинув ногу Миа себе на плечо, Гейб коснулся пальцем влагалища, а затем ввел внутрь, ощутив тугие тиски. На лбу выступил пот. Ему до смерти хотелось войти в нее, поскольку находился на грани семязвержения.

Наклонившись, он стремительно провел языком по промежности до клитора. Миа взвилась,

чуть не свалившись с кровати. Она громко выкрикнула его имя. Взмолилась о наслаждении. Гейб чувствовал: она теряет терпение — и хорошо, благо он сам не мог больше ждать.

Пригнувшись ниже, Гейб схватил перевозбужденный член и вставил во влагалище, немного поиграл им, то вводя на дюйм, то выводя, пока Миа не зарычала от досады.

На губах Гейба расцвела улыбка. Он начал проникать глубже — неторопливо, наслаждаясь тем, как Миа хватает его за талию и пытается подмахнуть бедрами.

— Ты дразнишь меня, да? — осмелела она. — Гейб, давай оттрахай меня как следует!

Гейб опустил ей ноги и поменял позу, чтобы войти в нее как можно глубже. При этом он успевал целовать Миа и повторять:

— Ишь какая ненасытная.

Миа в доказательство с силой притянула его голову, запечатлев жадный поцелуй.

Член скользил взад-вперед, а Гейб опускался все ниже, пока их бедра не встретились.

— Твою мать, что ты делаешь со мной? — измученно прошептал Гейб.

Миа обвила его ногами, упершись лодыжками в ягодицы. Она приподнялась, она хотела большего. Черт, он и сам хотел большего. Ему никогда не будет достаточно.

Гейб уперся ладонями в кровать по обе стороны от головы Миа и стал отчаянно вторгаться, извлекая член почти целиком. Он доходил до предела, на секунду замирал, отступал, чтобы в следующий миг повторить. Это был пыточный, эротичный ритм.

— Скажи, чего ты хочешь? — ухитрился спросить он. — Ты скоро кончишь, Миа? Что тебе нужно?

— Тебя, — просто ответила она, одним словом пронзив ему сердце. — Только тебя.

Гейбу не понадобилось напоминать ей, куда смотреть. Ее взгляд был прикован к нему — нежный, всепонимающий, полный тепла.

Гейб ускорил толчки, извиваясь с ней в унисон. Он ощутил ее близкий оргазм. Ее рука обхватила член и с силой сжала, подхлестнув и его.

Гейба словно вывернуло наизнанку. Такого натиска он не знал. Мощнейший выброс адреналина.

Первое извержение спермы оказалось болезненным и до того сладостным, что Гейб забыл обо всем, кроме своего члена, извергавшего семя в ее влагалище. Миа обмякла. Она кончила, не сводя с него глаз. Ее грудь быстро поднималась и опадала. Гейб, даже разрядившись, продолжал двигаться, не желая расстаться с испытанным ощущением.

Ее руки соскользнули с его плеч. Прошлись по спине, взметнулись и замерли. Ее ногти вонзились ему в кожу. Гейб застонал и содрогнулся всем телом. Сделав последний толчок, он без сил опустился на нее.

Он взял Миа под ягодицы и приподнял, не желая разъединиться. Будь такое возможно, он бы остался в ней навсегда, стал ее частью. На свете не было чувства слаще и прекраснее.

— Падение в пропасть, — сонно пробормотала Миа. Голос у нее был сонный. Голос полностью удовлетворенной женщины.

Гейб молчал, ибо не находил слов, способных передать его сокрушенное состояние. Ему не хотелось показывать ни ей, ни кому-то еще, насколько он сейчас уязвим.

Гейб молчал, ибо не находил слов, способных передать его сокрушенное состояние. Ему не хотелось показывать ни ей, ни кому-то еще, насколько он сейчас уязвим.

Он поцеловал Миа в висок — осторожно, чтобы остаться в ней. Он не собирался выходить из нее. Это было очередным безумием, но ему нравилось, что Миа была столь же одержима им, как и он ею.

Она крепко прижалась к нему. Их тела переплелись. Гейб подумал, что теперь она уснет, но Миа тихо произнесла его имя.

Гейб приподнял голову ровно настолько, чтобы видеть ее, и большим пальцем отвел прядь волос с ее лба.

— О чем ты думаешь? — спросил он.

Гейб не привык к разговорам в постели, но по глазам Миа понял, что дело серьезно.

— О контракте, — прошептала она.

Гейб напрягся и приподнялся еще, чтобы видеть лицо. Эрекция не проходила, он оставался внутри, был ее неотъемлемой частью, и ему хотелось, чтобы ничего не менялось: Миа, лежащая под ним, придавленная им, принадлежащая ему. Особенно если они собрались обсуждать этот чертов контракт.

— Что с ним не так?

— Я вспоминала пункт о «других мужчинах», — вздохнула она. — Это что, обязательное условие? Или на всякий случай?

Посторонний мужик, дотрагивающийся до Миа, был последним, о чем хотелось думать и говорить Гейбу сейчас, когда он был в ней по самые яйца, а она лежала в его объятиях голая и удовлетворенная. Но во взгляде Миа он уловил любопытство. Не страх. Искренний вопрос, как будто она всерьез обдумывала такую возможность...

— А ты сама как считаешь? — без обиняков спросил Гейб. — Тебя это заводит? Мысль, что кто-то трогает тебя, а я наблюдаю?

Миа начала отводить взор.

— Смотри в глаза! — скомандовал Гейб. — Коли возник такой разговор, смотри мне в глаза.

Она подчинилась, залилась краской и облизнула губы. Гейб уловил ее нервную нерешительность.

— Ладно, признаюсь. В общем... да, мне действительно интересно. То есть... я не могу сказать точно, хочу ли этого, но мне любопытно. Я знаю, что Джейс и Эш...

— Не хочу ничего слышать про Джейса и Эша, — скривился Гейб. — Даже не желаю думать о

них голых.

Миа засмеялась. Ее глаза сверкнули. Напряжение покинуло ее, и Гейб это сразу почувствовал.

— Я просто хотела сказать, что знаю про их тройки. Мне было интересно, как это. Да не с ними же, господи. — Ее передернуло. — Вообще. Когда одна женщина и двое мужчин. Когда я впервые прочла об этом в контракте, то пришла в ужас. Хотела завопить: «Ни за что!» Но потом стала раздумывать, на что это похоже. — Последние слова Миа прошептала, с беспокойством поглядывая на Гейба. — Тебя это злит? — помолчав, спросила она.

— Раз я сам обозначил подобную возможность, мне не на что сердиться, — вздохнул Гейб. — В твоём любопытстве нет ничего плохого, и я рад, что ты не боишься. Тебя это возбуждает? Когда тебя трогает другой мужчина, а я наблюдаю и команду?

Она медленно кивнула. Ее соски тотчас отвердели, а влагилице сжалось, плотно обхватив его член и породив в паху приятное волнение. Да, секс втроем возбуждал Миа, но Гейб сомневался, что он способен доставить ей такое удовольствие. Он не был уверен, что в силах стоять и смотреть, как кто-то лапает его достояние.

Гейб нагнулся и поцеловал ее, не желая делиться своими соображениями.

Он начинал ненавидеть этот гребаный контракт.

Глава восемнадцатая

Сработал интерком, и Гейб разозлился. Еще одна помеха! Мало того что он постоянно отвлекался на сидевшую напротив Миа, так еще этот звонок в самый неподходящий момент. Гейб пытался свести воедино источники финансирования на строительство островного курорта. Он четко и ясно велел Элинор ни с кем его не соединять.

— Что там еще? — рявкнул он в трубку.

— Мистер Хэмилтон, — нервно ответила Элинор, — я помню ваше распоряжение, но пришел ваш отец. Он говорит, что у него к вам важное дело. Я подумала, что должна вам об этом сказать.

Гейб стал мрачнее тучи. Миа встревоженно подняла голову.

— Сейчас выйду, — после секундного колебания бросил в трубку Гейб.

Он не знал, что заставило отца явиться к нему на работу, и не хотел, чтобы Миа слышала их разговор.

— Гейб, я могу выйти, — робко предложила она, видя, что он встает.

Гейб покачал головой. Нет, пусть лучше останется в кабинете, подальше от сплетен и пересудов. Он уже нашел любительницу открывать замки и шастать по чужим кабинетам. Ему не пришлось слишком долго убеждать ее коллег. Они быстро назвали имя взломщицы. Он немедленно ее уволил без каких-либо объяснений. После всего случившегося Гейбу хотелось оградить Миа от этого гадюшника.

Выйдя в приемную, Гейб увидел отца, стоявшего возле стола Элинор. Вид у Хэмилтона-

старшего был задумчивый и какой-то понурый. Гейб никогда не видел его таким, особенно на людях.

— Привет, папа, — поздоровался Гейб. — Чем могу быть полезен?

Отец помрачнел еще больше, в его глазах читалось сожаление.

— Было время, когда я приходил сюда и ты не спрашивал зачем. Ты был мне рад.

Чувство вины несколько приглушило раздражение Гейба.

— Обычно ты сначала звонил. Я тебя сегодня не ждал. Испугался — не случилось ли чего.

Отец помедлил, затем сунул руки в карманы своих дорогих брюк и произнес:

— Случилось. Мы можем где-нибудь посидеть? Ты уже пообедал? Я надеялся, ты выкроишь для меня время.

— Для тебя у меня всегда найдется время, — уже мягче ответил Гейб, вспомнив слова, недавно сказанные матери.

Он привык видеть их вдвоем, а не порознь.

В тревожных отцовских глазах появилось некоторое облегчение.

— Сейчас вызову машину, — сказал Гейб. Он повернулся к Элинон: — Машину к подъезду. И проследите, чтобы Миа не пропустила ланч. Передайте ей, что я не знаю, когда вернусь. Если меня не будет до четырех, пусть идет домой.

— Да, сэр, — ответила Элинон.

— Ну что, идем? — обратился Гейб к отцу. — Когда спустимся, машина будет уже ждать.

Они вошли в лифт и молча поехали вниз. Повисла неловкая пауза, но Гейб не пытался исправить дело. Он сомневался, что ему удастся залатать брешь, возникшую между ним и отцом. На приеме он вел себя как последняя сволочь. Наверное, отца шокировало, что его блондинка так быстро переметнулась к сыну. Гейб этого не хотел. Он злился на отца за уход из семьи и до сих пор не понимал, как такое могло случиться, однако любил его и вовсе не думал причинить ему боль. Гейб лишь стремился показать, с кем тот связался.

Машина подъехала почти сразу, как только они вышли из здания. Гейб велел водителю ехать в «Ле Бернарден» — один из любимых отцовских ресторанов.

Всю дорогу отец молчал. То же было и в ресторане, пока официант не принес заказанные блюда. Только тогда отец заговорил, и Гейбу почудилось, что помолчи он еще немного — и слова хлынут сами. Лицо Хэмилтона-старшего превратилось в маску печали и раскаяния.

Всю дорогу отец молчал. То же было и в ресторане, пока официант не принес заказанные блюда. Только тогда отец заговорил, и Гейбу почудилось, что помолчи он еще немного — и слова хлынут сами. Лицо Хэмилтона-старшего превратилось в маску печали и раскаяния.

— Я совершил чудовищную ошибку, — признался отец.

Гейб замер. Положил на стол салфетку, которую так и не развернул, — лишь бы сделать что-то.

— Я тебя слушаю.

Отец поскреб щеку. Только теперь Гейб увидел, как он измучен, как будто состарился за одну ночь. Под глазами залегли тени, морщины сделались глубже.

Хэмилтон-старший поерзал на стуле, затем сделал глубокий вдох. Все его лицо исказилось гримасой. К ужасу Гейба, в отцовских глазах блестели слезы.

— Дурак я был, что ушел от твоей матери. Это грубейшая ошибка моей жизни. Не знаю, о чем я тогда думал. Я ощущал себя таким несчастным, мне казалось, что я в ловушке, а потому решил на этот безумный шаг. Думал, сделаю то, сделаю это. И если попытаюсь начать все заново, дела наладятся и стану счастливее.

Гейб шумно выдохнул.

— Черт возьми! — вырвалось у него. Он был готов к чему угодно, но не к этому.

— Твоя мать ни в чем не виновата. Она просто святая, если столько лет терпела меня. Наверное, все началось в тот день, когда я проснулся и подумал: «Я стар». Следом явилась мысль, что мне не так уж много осталось. Я запаниковал, а потом... свихнулся. Иначе это не назовешь, потому что я начал винить ее. Представляешь? Твою мать! Женщину, которая все эти годы преданно шла со мной рука об руку, подарила мне замечательного сына. Но я винил ее, потому что видел в зеркале старика. Тот воображал, что достаточно перевести стрелки назад, и годы повернут вспять. Мне хотелось снова почувствовать себя молодым. Но вместо этого я оказался мерзавцем, который обосрал жену, семью... тебя, сынок. Да, я обосрал вас обоих, и мне не выразить словами, как я теперь раскаиваюсь.

Гейб не знал, что сказать. Он был взвинчен отцовским выплеском. Значит, все дело лишь в чертовом кризисе возраста? Схватка с неизбежной старостью? Боже мой!

— Мне тяжело и тошно об этом говорить, но я не знаю, что еще делать. Вряд ли Матрис захочет даже поздороваться со мной. Я обидел ее. Я не жду, что она меня простит. Если бы мы поменялись ролями и она так обошлась бы со мной, я бы ее не простил.

— Черт побери, папа. Ты мастер все изгадить.

Отец молчал, сосредоточенно и скорбно разглядывая свою рюмку.

— Я просто хочу вернуться... как будто ничего и не было. Твоя мать — добрая женщина. Я люблю ее и всегда любил.

— Тогда какого черта ты издевался над нами, красуясь со своими подружками на страницах газет? — огрызнулся Гейб. — Ты хоть представляешь, как ты ее оскорбил?

Лицо Хэмилтона-старшего вконец посерело.

— Представляю. Эти женщины ничего для меня не значили.

— Пап, не надо, — презрительно отмахнулся Гейб. — Прекрати. Не повторяй штампы из бульварных книжонок. Думаешь, мама поверит? Или надеешься, что она будет лучше спать, зная о твоей вечной любви, когда ты трахаешь кого-то вдвое, а то и втрое моложе?

Отец покраснел и нервно огляделся по сторонам, так как Гейб невольно повысил голос.

— Я не спал с ними, — тихо произнес Хэмилтон-старший. — Вряд ли Матрис поверит. Но тебе я клянусь, что ни разу не нарушил брачный обет.

Гейб раздражался все сильнее, готовый взорваться.

— Да нет, нарушил. Спал или нет, ты все равно предал маму и свои брачные клятвы. Ты изменил если не физически, то духовно, а это бывает намного труднее простить.

Отец устало поднес руку к лицу, на котором было написано смирение перед судьбой.

— Значит, по-твоему, мне ее не вернуть?

— Я этого не сказал, — вздохнул Гейб. — Но ты должен понять, что ты ей сделал, и лишь потом думать, как помириться. У мамы ведь тоже есть гордость, и ты ее растоптал. Если ты действительно хочешь вернуться, запасись терпением. Не думай, что мама растает от твоего звонка и тут же позовет тебя обратно. Возможно, понадобится не одна попытка, но ты не должен сдаваться. Если мама для тебя что-то значит, придется побороться.

— Понимаю, — кивнул отец. — Да, она мне нужна. Всегда была нужна. Как все это глупо. И какой же я дурак. Старый дурак, обманывавший себя. Так все испортить!

— Позвони ей, пап, — смягчился Гейб. — Скажи ей все, что говорил мне. Только будь терпелив, поскольку тебе придется много чего выслушать. Перетерпи все эпитеты, которыми она тебя наградит. Ты заслужил. Ты должен дать ей право выговориться, спокойно принимая все, что от нее услышишь.

— Спасибо, сынок. Ты же знаешь, я люблю тебя. Мне страшно сознавать, что я ранил не только Матрис, но и тебя. Я подвел вас обоих.

— Только не наломай дров, — тихо произнес Гейб. — Верни маме счастье, и мне этого будет достаточно.

* * *

— Привет, Гейб, надо поговорить...

Миа подняла голову и на пороге увидела Джейса. У нее заколотилось сердце, вскипела кровь. Брат должен был вернуться позже, и она собиралась преподнести ему новость о своей работе у Гейба совершенно иначе.

Из-за плеча Джейса высунулся Эш и вскинул брови при виде Миа.

Лицо Джейса помрачнело. Он переводил взгляд со стола Гейба на сестринский, пытаясь осмыслить картину.

— Какого черта ты тут делаешь? — спросил он.

— И тебе здарсьте, — сухо ответила Миа.

Джейс прошел в кабинет и остановился возле нее.

— Ну и ну, Миа. Ты меня озадачила. Никак не ожидал тебя здесь увидеть. — Он присел на край стола, внимательно изучая кипу бумаг и ее ноутбук. — Что вообще ты тут делаешь? И где носит Гейба?

Судя по голосу, Джейс был напрочь сбит с толку. Миа глотнула воздуха и решила быть предельно откровенной. Только так можно унять подозрения брата. Чем дольше она будет отмалчиваться, тем скорее изобличит себя. Она не умела скрывать чувства, и лет в двенадцать это доставляло ей немало бед. И врать Джейсу, с невинным видом глядя в глаза, она тоже не умела. Сейчас она молила Бога, чтобы брат не копнул глубоко, иначе ей несдобровать.

— Я работаю у Гейба, — спокойным тоном сообщила Миа.

Губы Эша сложились в букву «О», и он попятился к двери.

— Я подожду снаружи.

Джейс был похож на удивленного ребенка с рекламного плаката. Едва за Эшем закрылась дверь, он напряженно повернулся к Миа:

— А теперь выкладывай, что тут творится. Говоришь, работаешь у Гейба? В какой должности? И почему я только сейчас об этом узнаю?

— Гейб предложил мне работу. Я его личный ассистент. Тебя не было, и я не хотела сообщать по телефону.

— Почему, черт возьми?

Миа выкатила глаза:

— Потому что знала твою реакцию — вот она, налицо. Ты первым же рейсом рванул бы в Нью-Йорк разбираться на месте.

Миа выкатила глаза:

— Потому что знала твою реакцию — вот она, налицо. Ты первым же рейсом рванул бы в Нью-Йорк разбираться на месте.

— Когда это случилось? — напрямик спросил Джейс.

Миа повела плечом.

— Вскоре после вашего отъезда. Ты же знаешь, я встретила Гейба на церемонии открытия отеля. Он пригласил меня в офис поговорить насчет работы. Вуаля. И вот я здесь.

— И только? — скептически хмыкнул Джейс.

Его глаза сощурились. Он буравил сестру взглядом, будто собирался заглянуть ей в черепную коробку.

— Гейб правильно сказал. Работа в «Ла патиссери» — дисквалификация и неуважение к деньгам, которые ты потратил на мое обучение. Там было уютно. Наверное, я побаивалась выйти в реальный мир, но когда-то же надо это сделать. А здесь можно набраться хоть какого-то опыта.

Лицо Джейса смягчилось:

— Если тебе вздумалось работать, почему не обратилась ко мне? Я же всегда пожалуйста.

Миа тщательно подбирала слова. Ей не хотелось показаться неблагодарной. Она горячо любила Джейса. Брат многим жертвовал ради нее и все же сумел построить процветающую деловую империю. Только повзрослев, она поняла, сколько времени уходило у Джейса на возню с ней.

— Я хотела сама, — тихо сказала Миа. — Знаю, ты бы мигом нашел мне место. И может быть, совершенно неважно, что меня нанял Гейб. Я уверена, что будь это ты, вышло бы то же самое. Все косятся и шепчутся: «А, сестренка Джейса Крестуэлла, семейственность в чистом виде». И потом, мы бы с тобой не сработались, сам знаешь. — Миа озорно улыбнулась. — Мы в первый же день поубивали бы друг друга.

— Наверное, — усмехнулся Джейс. — Но только потому, что ты слишком упертая.

— Я не упертая, — замотала головой Миа. — Просто знаю, как лучше.

— Но я все равно рад тебя видеть. В Калифорнии без тебя было скучно.

— Значит, завтра ты ведешь меня обедать, — нахально заявила Миа.

— Давай послезавтра, — поморщился Джейс. — Мы с Эшем забили вечер. Мы неспроста вернулись раньше — деловой обед с инвесторами. Тоска смертная, перецелуем тысячу жоп.

— Хорошо, но это уже заматано, — сказала Миа. — И ты не отвертисься.

— Да чтоб я сдох. Заматано. После работы забежишь домой, быстро переоденешься, и я заеду. — Затем он нахмурился. — А как ты едешь на работу и обратно?

— Гейб присылает машину. Она же потом отвозит меня домой.

Миа старалась говорить как можно небрежнее, словно Гейб и не мог не подумать о транспорте для ассистента.

Она без труда обошла тот факт, что чаще всего уходила с работы вместе с Гейбом и ехала к нему на квартиру. Теперь, когда Джейс вернулся, им придется быть намного осторожнее. Ему вынесет мозг, если он узнает, чем они с Гейбом занимаются за закрытыми дверями кабинета.

Джейс кивнул.

— Ладно, успокоила, — кивнул Джейс. — Не хочу, чтобы ты ходила пешком или ездила в метро. — Он взглянул на часы, потом снова на сестру. — Не знаешь, когда Гейб вернется? И вообще, куда его понесло? Я думал, он сегодня не занят.

— Он куда-то уехал с отцом. Сказал, что не знает, когда вернется и будет ли вообще.

— Дальше можешь не объяснять, — махнул рукой Джейс. — Это кранты.

Джейс не знал и половины дела.

Он потянулся и взъерошил сестре волосы.

— Ладно, не буду тебя отрывать. Гейб — жуткий зануда и педант. Надеюсь, ты понимаешь, во что ввязалась. Лучше бы устроилась к Эшу, он к тебе равнодушен.

— Не волнуйся, — засмеялась Миа. — Мы с Гейбом поладим. Вам с Эшем что, больше некого

обхаживать?

— Ну да, инвесторы, — пробормотал Джейс. — Будь умницей, сестренка. Жду обеда, есть о чем потрепаться.

Едва брат ушел, Миа облегченно вздохнула. Правда, сердце еще продолжало бешено биться. Миа подалась вперед и закрыла лицо руками. Встреча с братом прошла даже лучше, чем она ожидала.

* * *

Выйдя из машины, Гейб не успел сделать и трех шагов, как увидел идущего навстречу Джейса. Вид у того был мрачный. Похоже, он его караулил. Черт! Джейс собирался вернуться завтра. Гейб отчаянно надеялся, что Миа все уладила. Но что бы она ни сказала, Джейс, похоже, остался недоволен.

— Надо поговорить, — бросил Джейс, когда Гейб поравнялся с ним.

— Давай, — спокойно согласился Гейб. — О чем? Что-то не так в Калифорнии?

— Не юли и не беси меня. Ты прекрасно знаешь, зачем я тебя дожидался.

— Миа, — вздохнул Гейб.

— Она самая. Что за дела? Почему ты не сказал, что хочешь взять на работу мою сестру?

— Это разговор не для улицы.

— Надеюсь, мой кабинет подойдет.

Гейб кивнул. Они вошли в здание, вызвали лифт. Поскольку в кабине они были не одни, пришлось молчать. Они доехали до своего этажа и так же молча прошли в кабинет Джейса.

Джейс притворил дверь, подошел к окну и резко повернулся к Гейбу:

— Я жду.

— Не понимаю, с чего ты взвился, — невозмутимо ответил Гейб. — Я же тебе говорил, что встретил ее на открытии. Она искала тебя. Ей было скучно. Я пригласил ее потанцевать, и мы разговорились. Я предложил ей утром приехать ко мне в офис, а потом отправил в машине домой.

— Мог бы мне сказать. Черт, да мы же были у тебя тем же утром.

— Да, — кивнул Гейб, — но я понятия не имел, как она воспримет мое предложение. Могла и отказаться. Зачем трубить заранее? И потом, мне не нужно твое разрешение, чтобы нанять ассистента.

Джейс закаменел.

— Да, но только не когда речь заходит о Миа. Это моя сестра. Понимаешь, Гейб? Она моя. Она все, что у меня осталось, вся моя семья, и я буду оберегать ее до последнего вздоха. Она не твоего круга, Гейб.

— Да не гневи Бога, Джейс! Я же не бессердечная скотина и не сдеру с нее кожу. Между прочим, она росла и у меня на глазах. Я ее пальцем не трону.

Но даже сами слова ожгли Гейба чувством вины. Его ждет ад. Он отправится в вечное пламя.

— Я просто хочу в этом убедиться, — парировал Джейс, стараясь сдерживаться. — Во всех смыслах. Слышишь, Гейб? Держись от нее подальше. Уважай. Даже не думай переступить черту, иначе ответишь.

Гейб сдержал злость. Нельзя упрекать Джейса в желании защищать Миа. На его месте он сделал бы то же самое. Но раздражало другое: Джейс настолько не доверял ему, что находил способным погубить невинную душу.

А чем он, собственно говоря, занимался, пользуясь Миа в свое удовольствие? Равнодушный ко всему, кроме желания ею владеть?

— Ясно, — процедил Гейб. — Если это все, у меня еще остались дела.

— Мы с Эшем сегодня обедаем раньше — деловая встреча. Но мы управимся быстро. Может, потом увидимся, выпьем? — предложил Джейс прежним дружеским тоном.

Это был призыв к миру. Сначала выволочка, потом на попятную. Теперь Джейс пытался заверить Гейба, что все в порядке. Вот дерьмо! У Гейба имелись свои планы на вечер. Изысканный обед в приятном месте, а потом возвращение домой и утоление другого голода.

Это был призыв к миру. Сначала выволочка, потом на попятную. Теперь Джейс пытался заверить Гейба, что все в порядке. Вот дерьмо! У Гейба имелись свои планы на вечер. Изысканный обед в приятном месте, а потом возвращение домой и утоление другого голода.

И что делать теперь? Но ему не хотелось ссориться с Джейсом и Эшем. Придется установить хрупкое равновесие: сохранить в тайне отношения с Миа и при этом потихоньку отдалиться от Джейса и Эша, но так, чтобы они ничего не заподозрили.

— Давай попозже. Где-то после девяти, — предложил Гейб, лихорадочно соображая, как совместить это с Миа.

— Устраивает, — кивнул Джейс. — Я передам Эшу.

Глава девятнадцатая

Войдя в кабинет, Гейб запер дверь, и Миа сразу похолодела. Она знала, чего ожидать, и с опаской следила за его медленным приближением. Глаза Гейба горели похотью.

— Гейб... — начала Миа. — Джейс здесь. Он вернулся раньше.

Гейб не остановился. Он выдернул Миа из кресла и толкнул к своему столу.

— Когда дверь заперта, ни Джейс, ни Эш сюда не сунутся. Им хватает своих забот, у них сегодня деловой обед.

Он говорил отрывисто, как будто ему не нравилось объяснять свои действия. На словах хорошо, но она не хотела, чтобы Джейс стал ломиться в запертый кабинет, когда Гейб будет

выделять с ней черт-те что. Джейс и Эш привыкли в любое время свободно заходить к Гейбу. Она не представляла, как продолжать этот офисный разврат, зная, что брат рыщет поблизости.

Гейб полез ей под юбку, и его рука замерла, соприкоснувшись с трусиками. Черт побери! Она забыла. Она вообще не подумала. Она привыкла надевать трусики и делала это машинально. Как запомнить, что надо без них? Минувшей ночью она устала от бесконечных притязаний Гейба, и это условие совершенно вылетело из головы.

— Сними их, — потребовал Гейб. — И юбку. Ложись на стол задницей кверху. Я тебя предупреждал, Миа, чем это может закончиться.

Черт, черт, черт! Зад еще болит после вчерашнего. Он что, хочет снова выпороть ее?

Миа нехотя стянула трусики. Потом расстегнула и сбросила юбку, вздохнула и наклонилась над столом.

— Ниже, — велел Гейб. — Упрись щекой, а задница чтобы торчала.

Закрыв глаза, Миа подчинилась, в сотый раз спрашивая себя, не сошла ли она с ума.

К ее неопишуемому ужасу, его пальцы скользнули ей в анальное отверстие и принялись осторожно втирать смазку. Потом они на секунду вышли и вернулись с новой порцией.

— Гейб! — задохнулась Миа.

— Тсс! — оборвал он ее. — Ни слова. Сейчас я тебе вставлю в зад затычку. Ты с ней проходишь до конца дня, а в конце рабочего дня напомни мне, чтобы я ее вытащил. Завтра утром, как только придешь, ты перво-наперво выставишь попку, чтобы я ее снова заткнул. Будешь ходить так весь день, пока не выну. Каждый день я буду увеличивать размер затычки, пока не увижу, что твое анальное отверстие достаточно расширилось, чтобы впустить мой член.

Словно поставив точку, Гейб прижал к ее тугому сфинктеру что-то тупое и надавил, проталкивая затычку глубже.

— Миа, расслабься и выдохни, — сказал он. — Себе же сделаешь хуже.

Ему легко говорить! Его никто не перегибал через стол и не засовывал в зад инородные тела.

Миа глотнула воздуха, выдохнула и попыталась, насколько возможно, расслабиться. Едва она это сделала, Гейб сильным толчком вогнал затычку. Она задохнулась, когда ее обожгла боль. Миа извивалась и ерзала, но добилась только шлепка — чудовищного тем, что затычка вошла еще глубже.

Миа слышала, как Гейб отошел. Затем чуть скрипнула дверца шкафа. Гейб возвращался. Его шаги были все ближе. У Миа перехватило дыхание, когда она почувствовала, как по ее ягодицам похотливо скользнуло что-то непонятное... кожаное?

Потом ее зад вспыхнул огнем, и она взвыла, дернувшись вверх.

— Лечь! — резким тоном скомандовал Гейб. — Замри, Миа. Ты примешь наказание, как послушная девочка, и будешь вознаграждена.

Миа зажмурилась и заскулила, получив новый удар плеткой. Наверняка плеткой. На ощупь это напоминало ремень, но было небольшим и поражало лишь малый участок.

Удар заставил ее утробно застонать. Затычка сводила Миа с ума. При каждом ударе она жгуче врезалась в ткани, и это одновременно возбуждало и злило Миа. Во влагалище стало так мокро, что чудом не капало.

Немного выждав, Гейб потянул затычку, чуть вытащил и снова вогнал. Миа не могла лежать неподвижно. Ей казалось, что она вот-вот всерьез лишится рассудка. Она горела. Ее мучил зуд. Она корчилась в пламени, не в силах выбраться.

Она приготовилась к новому удару, но его не последовало. Зато она услышала звук растегаемой молнии. Потом ощутила грубые руки Гейба. Они схватили Миа за ноги, перевернули на спину и уложили на стол. Теперь ноги чуть свешивались со стола. Гейб снова приподнял их и пристроился между ними.

Боже милосердный! Он собирался трахнуть ее, не убрав затычку.

Все равно что двумя членами сразу, Миа не думала о таком даже в самых буйных сексуальных фантазиях.

Затычка сузила вход во влагалище. Гейб с силой надавил, проталкиваясь внутрь.

— Потрогай себя, — напряженно потребовал Гейб. — Работай пальчиками, Миа. Впусти меня. Хочу, чтобы тебе было хорошо. Я не собираюсь делать тебе больно.

Миа послушно взялась за клитор. Боже, как было приятно.

— Вот так, — промурлыкал Гейб. — Впускай меня, малышка. Трогай себя, раздвигай свою щель. Пусть нам обоим будет хорошо.

Он втиснул член наполовину, после чего резким толчком вогнал до конца. Миа едва не свалилась со стола. В горле застыл крик. Ей пришлось убрать руку, иначе она кончила бы прямо сейчас. Но ей хотелось продлить удовольствие, наслаждаясь каждой секундой.

Это было грубо, жестко и грязно. Своеобразная скачка, в которой призом будет его оргазм. Гейб трахал Миа долго и беспощадно, заставляя извиваться на столе и подчиняя своему неистовому ритму. У нее то и дело перехватывало дыхание.

— Если не будешь спешить, то все пройдет отлично, — прохрипел он. — Давай помогай мне, Миа. Я долго не продержусь.

Миа тут же снова дотронулась до клитора, надавливая и вращая бугорок.

— Боже мой, боже мой, — приговаривала она.

— Вот так, малышка. Вот так. Сейчас я тебя натолкаю доверху. Но будет еще лучше, когда я доберусь до твоей сладкой попочки.

Эти грязные, отвратительные слова гнали ее к оргазму. Миа выгнулась. Свободная ладонь хлопнула по столу, а влагалище взорвалось. Горячее семя ударило, облегчая проход, и Гейб продолжал трахать ее, пока сперма не потекла вниз и не достигла сидевшей в зад у затычки. Гейб устал, он обливался потом, но когда он открыл глаза, в них горело прежнее пламя первобытной страсти.

Он долго смотрел на нее, продолжая сотрясать бедрами ее зад. Потом извлек член, оставив

изнемогшую и удовлетворенную Миа лежать на столе.

— Потрясающе я тебя отымел! — прорычал он. — Мое семя стекает по твоей заднице на пол. Твоя киска разбухла от моих сливок. Все как и должно быть.

Миа сходила с ума от его сальностей. Она содрогнулась, и влагилице, сократившись, плеснуло часть спермы.

— Ох, Миа. Ты круто трахаешься. Не дождусь, когда вбрызну тебе в задницу.

Гейб опустил ее ноги, потом взял за руки и помог слезть со стола. Едва Миа встала на ноги, сперма хлынула по ляжкам. Миа шаталась, не в силах восстановить равновесие.

— Иди приведи себя в порядок, — хрипло велел Гейб. — Затычку не трогай, я сам ее вытащу.

Миа заковыляла в туалет, не чуя ног. Затычка жгла и возбуждала при каждом шаге.

Гейб ждал. Когда Миа вышла, он грубо притянул ее к себе и удостоил карающим поцелуем, едва не лишив чувств.

— Больше не смей вольничать, — предупредил он.

— Прости, — ответила она тихо. — Я забыла.

Он устремил на нее горящий взгляд.

— Держу пари, что больше не забудешь.

Глава двадцатая

Насупиться и надуть губки — это уж совсем по-детски. Но, черт побери, Миа и вела себя как обиженная двухлетняя девчушка. Проклятый Гейб точно знал, что он с ней делает, и теперь она всерьез обдумывала, как заставить страдать *его*.

Она не успокоилась даже после головокружительного оргазма, ей хотелось еще. Проклятая затычка сводила ее с ума, и Гейб это прекрасно понимал.

Он снова сидел за столом напротив Миа и вел себя как ни в чем не бывало, будто они не спаривались только что на том же столе, как обезьяны.

Вскоре сработал интерком — обычное дело, которое Миа попыталась проигнорировать, погрузившись в очередное задание. Но стоило ей услышать слова Элинор, как она моментально обратилась в слух, лишь притворяясь, что ей совершенно неинтересно.

— Мистер Хэмилтон, пришла миссис Хэмилтон.

Гейб оторвался от чтения бумаг, выпрямился и нахмурился:

— Моя мать? Конечно, проводите ее в мой кабинет.

В трубке смущенно кашляли.

— Нет, сэр. Она говорит, что она ваша жена.

Миа чуть не разинула рот. Однако! Баба с яйцами, если явилась к бывшему мужу в офис и назвалась миссис Хэмилтон.

— У меня нет жены, — ледяным тоном отрезал Гейб.

В трубке послышался вздох Элинон, и Миа стало жаль секретаршу.

— Сэр, она говорит, что не уйдет, пока не увидится с вами.

Дело дрянь, добром это не кончится.

Миа взглянула на Гейба, ожидая увидеть его взбешенным. Нет, он был спокоен, как будто бывшая супруга являлась к нему по сто раз на дню.

— Подержите ее минуту, а затем пропустите, — бесстрастно распорядился Гейб. Он повернулся к Миа: — Извини, но тебе придется выйти. Можешь посидеть с Элинон или в комнате отдыха.

Миа встала. Ей самой не хотелось задерживаться в кабинете, где вдруг стало холодно, словно температура упала на двадцать градусов. Миа быстро, насколько позволяла затычка, вышла из кабинета и столкнулась с бывшей женой Гейба.

Миа не впервые видела Лайзу. Она помнила снимки в газетах. Лайза была красивой женщиной: высокой, элегантной, ухоженной. Идеальная жена для такого мужчины, как Гейб.

И Миа была вынуждена признать: Гейб и Лайза смотрелись впечатляющей парой. Светлые, с серебристым отливом волосы Лайзы великолепно контрастировали с почти черными волосами Гейба. У нее были красивые зеленые глаза, у него — темно-синие.

Проходя мимо Миа, Лайза чуть улыбнулась. Для Миа было убийственно стоять с затычкой, только что всунутой Гейбом ей в задницу, и смотреть на его бывшую жену, дефилирующую мимо. Миа чувствовала, что щеки у нее пылают.

— Благодарю, — пробормотала Лайза.

Миа вышла, закрыла дверь и на мгновение задумалась, правильно ли поступает.

А, плевать. Что случится — то? Новая порка?

Она прижалась ухом к двери, одновременно поглядывая на коридор — не идет ли кто. Миа умирала от любопытства — совсем как девчонка, взбудораженная и немного испуганная приходом Лайзы. Появление бывшей жены заставило Миа ощутить шаткость своего положения и... ревность. Да, она ревновала Гейба. В конце концов, у Лайзы было то, чего у нее нет и никогда не будет.

Сердце Гейба.

Миа прислушивалась. Вскоре голоса зазвучали громче, и она стала различать слова.

— Гейб, я совершила ошибку. Неужели ты не можешь меня простить? Ты действительно хочешь похоронить все, что у нас было?

— Ты ушла, а не я, — произнес Гейб настолько холодно, что Миа пробрала дрожь. — Это был твой выбор. Еще ты выбрала ложь и насмешки над нашей жизнью, сделав ее всеобщим

достоянием. Я ничего не хоронил, Лайза. Это ты все похоронила.

— Я люблю тебя, — уже гораздо тише сказала Лайза. — Я скучаю по тебе. Я хочу, чтобы мы снова были вместе. Я знаю: у тебя остались чувства ко мне. По глазам видно, что это так. Гейб, я готова валяться у тебя в ногах. Я сделаю все, только поверь, что я раскаиваюсь.

Проклятье, они отошли от двери! Миа перестала что-либо различать.

— Чем это ты занимаешься?

Миа резко выпрямилась. От страха у нее перехватило дыхание.

— Иди ты к черту, Эш!

Эш стоял, скрестив руки на груди, и с нескрываемым любопытством разглядывал испуганную Миа.

— Зачем ты прилепилась ухом к двери Гейба? Никак он тебя выставил? Что, уже допекла босса? Вот почему надо было идти ко мне. Я бы тебя холил и лелеял, слова грубого не сказал бы.

— Эш, заткнись, пожалуйста. Я хочу подслушать.

— Это я уже понял, — сухо констатировал Эш. — И что там такое?

— К нему пришла Лайза, — прошипела Миа. — Тише, а то услышат!

Улыбка на лице Эша мгновенно испарилась.

— Какая Лайза? — нахмурился он. — Его бывшая?

— Она самая. Я пыталась выяснить, о чем они говорят. Поняла лишь, что она жалеет о разводе и хочет вернуться.

— Только через мой труп, — пробормотал Эш. — Подвинься, я тоже послушаю.

Миа посторонилась, и оба припали к двери. Эш поднял палец, приказывая молчать. Кто из них больше болтает?

— А, черт, она разревелась, — откомментировал Эш. — Плачущая женщина — гибель для Гейба. Он не выносит женских слез. Его клинит, а эта сука знает его слабость.

— А не резко ты с ней? — спросила Миа.

— Она на... Короче, она вываляла его в дерьме с головы до ног. Ты была еще мала. А мы с Джейсом помогали Гейбу выбираться из этого дерьма. Не веришь — спроси у брата. Он тебе расскажет, какая вонь стояла, когда она вылезла со своим враньем. Гейб будет последней задницей, если не вышвырнет ее вон.

— Вот это я и хочу услышать, но ты куда громче.

— Молчу, — сказал Эш, и они вновь обратились в слух.

— Гейб, я не сдамся, — твердила Лайза. — Я знаю, ты меня не разлюбил, и я тебя по-прежнему

люблю. Я буду ждать. Я знаю, что у тебя есть гордость.

— Не трудись! — гаркнул Гейб.

— Они идут к двери. Сваливаем! — шепнул Эш.

Схватив Миа за руку, он потащил ее по коридору и втолкнул в свой кабинет.

— Садись, — скомандовал он. — Притворись, что мы давно сидим и болтаем.

Он поспешно сел сам и закинул ноги на полированную поверхность стола. Не прошло и трех секунд, как по коридору стремительно прошла Лайза. Ее лицо было красным от слез. Она на ходу надела темные очки, чтобы никто не видел ее заплаканных глаз.

— Посиди здесь, — тихо предложил Эш. — Пусть лев успокоится в своем логове, иначе и тебе достанется.

Шаги в коридоре заставили их обернуться, но это был Джейс. При виде Миа он в недоумении остановился, затем вошел. Вид у него был угрюмый, и Миа внутренне застонала. Положение было идиотским. Джейс застал ее в кабинете Эша, с затычкой в зад, вставленной Гейбом, а сам Гейб в это время переваривал визит бывшей жены.

— Что такое? Почему Миа здесь?

— Что, нельзя поболтать со старой подружкой?

— Кончай кривляться, Эш, и не строй из себя дурака! — рявкнул Джейс. — Никак тут побывала Лайза? Я мельком видел ее в приемной.

— Ага, — ответил Эш. — Потому Миа и сидит у меня. Зачем попадаться Гейбу под горячую руку? Пусть перебесится.

— Какого черта ее принесло? — удивился Джейс.

Было ясно, что ни Эш, ни Джейс не жаловали Лайзу. Их верность Гейбу была непоколебима, а после его развода их триумвират лишь укрепился.

— Мы с Эшем подслушивали под дверь, — сообщила Миа.

— И ты рассчитываешь удержаться на работе? — изумился Джейс. — Гейб вышвырнет тебя, и даже я не смогу помочь.

— Ты хочешь знать, что мы услышали, или нет? — спросила Миа.

Джейс выглянул в коридор, посмотрел, а потом плотно прикрыл дверь и сказал:

— Валяйте.

— Она хочет его вернуть, — сообщил Эш, как обычно растягивая слова. — Устроила целый спектакль.

— Вот стерва! — пробормотал Джейс. — Надеюсь, он выпер ее?

— Я толком не расслышала, что он сказал, — призналась Миа. — Кое-кто бубнил под ухом и

мешал слушать.

— Гарантирую, что Гейб не поведется на такое дерьмо, — заявил Эш, откидываясь в кресле и скрещивая руки на груди.

У Миа такой уверенности не было. Гейб прожил с Лайзой почти три года. Развод преподавал ему жестокий урок, который и лег в основу дальнейших отношений с женщинами, в том числе с Миа. Из этого было видно, насколько он задет. Злиться он умеет, кто бы сомневался, но гнев еще не означал, что у него не осталось ни капли любви к Лайзе и он не попытается наладить их жизнь на своих условиях.

— В случае чего я ему задницу начищу, — угрюмо пообещал Джейс.

Он глянул на Миа, подошел и привычно взъерошил ей волосы.

— Ну как, наш обед в силе? Когда за тобой заехать?

— Что? А меня не зовут? — ужаснулся Эш.

— Некого доводить? — осведомился Джейс.

У Эша на миг вытянулось лицо, видимо, он что-то вспомнил.

— Семейное сборище, — пробурчал он. — Реабилитируюсь.

Миа смягчилась, и даже Джейс посмотрел на друга сочувственно. Эш практически не общался с родственниками. Никак. Он даже не пытался притворяться. Как только родня пыталась затащить его к себе, Эш старался оказаться подальше. Чаще всего он заруливал либо к Джейсу, либо к Гейбу.

— Давай возьмем Эша, — невинно сказала Миа, чтобы брат не догадался о мотиве. — При нем ты не станешь выговаривать мне за все подряд. Эш за меня заступится.

— Гляди, я ей нравлюсь больше, — ухмыльнулся Эш.

— Ладно, сдаюсь, — поднял руки Джейс. — Так в какое время заехать за тобой?

— В шесть. Меня устроит. А вас, ребята? Я быстро соберусь. Мы просто перекусим или что?

— Я знаю классный паб как раз неподалеку от тебя. Туда и в джинсах пускают, — сказал Джейс.

Он подстраивался под нее, так как сам не жаловал пабы.

— Отлично, — только и успела произнести Миа.

В дверь просунулась голова Гейба. Вид у него был озадаченный.

— Привет, парни, вы не видели...

Заметив Миа, он осекся и подозрительно посмотрел на Джейса и Эша.

— Я вам помешал?

— Ничуть, — невозмутимо ответил Эш. — Мы развлекали Миа, как могли, пока ты целовался и миловался со своей бывшей.

Миа поразились дерзости Эша. Сейчас он угодит в переплет, да и ее прихватит.

— Эш, заткни пасть! — прорычал Гейб.

— Милое дело, — заметил Джейс, словно рассуждая сам с собой. — Только что ты Миа спасал, а теперь толкаешь в ту же преисподнюю.

Миа встала, надеясь уйти, пока Эш не разошелся.

— До завтра, мальчики, увидимся за обедом, — торопливо сказала она, выпроваживая Гейба из кабинета.

Она быстро закрыла дверь, отрезав Гейба от друзей и их гипотетических комментариев. Не дожидаясь его, она проследовала в его кабинет.

Гейб вошел следом. Она чувствовала его давящее присутствие. От него растекался жар. Он был подобен разъяренному льву. Эш неспроста помянул львиное логово.

— Ты будешь обедать с ними обоими?

Она обернулась, уловив в его голосе странные нотки.

— Да. Эш сам себя пригласил. Джейс заедет за мной в шесть. После работы я сразу поеду домой.

Гейб придвинулся, глядя пристально и пытливо.

— Только не забывай, Миа, кому ты принадлежишь.

Она изумленно моргнула, а потом рассмеялась:

— Ты же не думаешь, что Эш...

Она покачала головой, не желая даже произносить вслух такую нелепость.

Гейб коснулся ее подбородка, заставляя смотреть ему в глаза.

— Напомнить никогда не помешает.

В его голосе и всем существе была сила, заставившая Миа молча повиноваться.

— На колени.

Она подчинилась, встав так, чтобы затычка мешала меньше. Гейб чиркнул молнией и вытащил наполовину вставший член.

— Соси, — приказал он. — Сделай так, чтобы я кончил. Я хочу, чтобы твой красивый ротик полностью вобрал моего дружка.

Он запрокинул ей голову, вцепился в волосы, а потом притянул к напрягшемуся члену. Головка покачивалась у самых ее губ. Гейб буквально впихнул член ей в рот, заставив раскрыть губы.

Оказавшись внутри, он стал энергично двигаться взад-вперед, скользя членом по ее языку. Он был неистовее, чем обычно, и Миа подумала, что на него повлиял приход Лайзы. Не пытался ли он оральным сексом стереть следы ее присутствия?

Затем Миа увидела его глаза и сразу смягчилась. Гейб был сердит, но не на нее. Он отчаянно ее хотел, это ощущалось даже в его взгляде. Его руки бродили по ее лицу и голове, касаясь и лаская, словно он извинялся за эту неудержимую вспышку желания.

Затем Миа увидела его глаза и сразу смягчилась. Гейб был сердит, но не на нее. Он отчаянно ее хотел, это ощущалось даже в его взгляде. Его руки бродили по ее лицу и голове, касаясь и лаская, словно он извинялся за эту неудержимую вспышку желания.

Миа обхватила пальцами его член и чуть оттолкнула Гейба, чтобы встать поудобнее. Она замедлила его бешеный ритм и неспешно, даже лениво начала сосать.

Не будет ему никакого безмозглого оргазма. Пусть почувствует ее любовь, даже если не хочет. Он в этом нуждался. Он бы скорее умер, чем признался, что нуждается в ней.

Рука двигалась в едином ритме с губами. Миа вынула член изо рта, облизала его, пощекотала головку. Затем она снова вобрала его почти целиком и стала сосать.

— Боже, Миа, — задыхался Гейб. — Что ты со мной делаешь?

Его бедра дрогнули, и ее рот наполнился горячей, солоноватой спермой. Но Миа продолжала сосать, проталкивая член все глубже. Ей хотелось ощущать не только его член, но и всего Гейба. Она дарила ему всю любовь и внимание без остатка и все так же медленно и сладостно работала ртом, позабыв о недавнем неистовстве.

Она облизала ему весь член, от головки до яичек, не пропустив ни дюйма.

Наконец Миа разомкнула губы и дала члену выскользнуть. Она смотрела на Гейба, воплощая смирение и покорность. Пусть увидит ее такой, во всей неприкрытости.

Гейб вздрогнул, затем сам опустился на колени, и теперь их глаза были почти на одном уровне. Он простер руки, обнял Миа и крепко прижал к себе. Она чувствовала, как тяжело он дышит и как вздымается его тело после дарованного облегчения.

— Я не могу без тебя, — прошептал Гейб. — Миа, ты должна остаться.

Она погладила его по спине и голове, затем с любовью обняла.

— Гейб, я никуда не уйду.

Глава двадцать первая

Миа перегибалась через стол Гейба, упираясь ладонями в полировку. Юбка была задрана. Гейб вынимал затычку. Когда чужеродный предмет покинул ее анальное отверстие, Миа облегченно вздохнула. Весь день она ходила на взводе. Эта штучка не только напрягала ее, но и возбуждала. Может, теперь отпустит.

Гейб тщательно вытер смазку, опустил юбку, дал себе труд разгладить складки и потрепал Миа по заду.

— Собирай вещи. Сейчас сгоняем ко мне, переоденемся и поедем обедать.

Миа хотелось улечься на стол, закрыть глаза и четверть часа просто полежать, приходя в себя от долгого возбуждения. Гейб не стал ее отчитывать. Он привлек Миа к себе и взял на руки.

Она прильнула к его плечу, наслаждаясь теплом и пряным запахом его тела. Поцеловав ее в темя, Гейб прошептал:

— Я знаю, что гоню лошадей, но не могу иначе, ей-богу.

Миа улыбнулась и стиснула его в объятиях. Тот, казалось, был удивлен. Гейб на мгновение замер, потом обнял ее крепче и зарылся лицом в волосы.

— Не позволяй мне тебя переделывать, Миа, — прошептал он. — Ты совершенство.

Но он ее уже переделал. Бесповоротно. Ей никогда не стать прежней.

Опустив Миа на пол, Гейб тут же отвернулся, недовольный собой. Миа расправила юбку, делая вид, что не замечает его смущения. Она прошла к своему столу, взяла сумочку.

— Ну что, идем? — улыбнулась Миа.

Гейб жестом пригласил ее вперед, она подчинилась, и его рука легла ей на спину. В приемной они простились с Элиной, тоже собравшейся уходить, а возле лифта столкнулись с Эшем.

У Миа екнуло сердце. Почему он не на обеде с Джейсом? Боже, вдруг он пытался зайти к Гейбу и обнаружил дверь запертой? Или, еще хуже, что-нибудь слышал?

— Я думал, ты уехал с Джейсом, — беззаботно заметил Гейб.

Эш улыбнулся, и Миа невольно им залюбовалась.

— Забыл папку со сведениями насчет сотрапезников. Джейс остался их развлекать, а я помчался сюда.

— Джейс развлекает инвесторов светской болтовней? — удивилась Миа. — Эш, это ведь твоё амплуа. Как ты ухитрился слинять за папкой? Он небось уже кипятком писает.

Эш потрепал ее по щеке, притянул к себе:

— Я соскучился по тебе, малышка. А братца твоего поставил перед фактом. Он и вякнуть не успел, как я уже смылся.

Миа ответила ему дружеским объятием. Ей было приятно его внимание. Она слишком давно не виделась с Эшем и Джейсом, скучала по ним. С ними ей всегда становилось спокойнее.

— Мне тоже тебя не хватало. Сто лет не виделись. Я уж начала думать, что ты меня разлюбил.

Они вошли в лифт.

— Я? Тебя разлюбил? — с притворным ужасом переспросил Эш. — Ради тебя я готов убивать драконов и штабелями складывать у твоих ног. Я обожаю тебя.

Миа закатила глаза:

— Не перетрудишься со своими чарами, а то потратишь все на меня — и впустую.

Эш обнял ее за плечи, улыбаясь во весь рот.

— Мечтать не вредно, — театрально вздохнул он. — Придет время, ты будешь моей.

— Ага, только сначала Джейс оторвет тебе яйца, — мрачно вставил Гейб.

Эш поморщился, что сделало его еще обаятельнее. И почему она не запала на Эша? Позор, наверняка он неотразим в постели. Ветреный. Веселый. Готовый к любому сексу — неистовому и гадкому. Но если не врут, что Эш и ее брат предпочитали делить женщин, то вышло бы крайне неудобно...

Миа передернуло. Были вещи, которых она не желала знать. Увидев Джейса голым с Эшем, она могла бы растерять всякие добрые чувства к Эшу. Это было бы печально, так как Миа связывали с ним сентиментальные воспоминания.

— Салют, Гейб, до вечера. — Эш первым выпорхнул из лифта. — Джейс и впрямь заждался, и если я сейчас не появлюсь, то никого не очарую, все разбегутся.

Эш прыгнул в машину, и Гейб с Миа помахали ему, затем Гейб усадил Миа в свою машину.

— Ты вечером встречаешься с Эшем? — спросила Миа, когда они устроились на заднем сиденье. — Значит, мы не поедем обедать?

Гейб поджал губы.

— Нет, поедем. Я встречаюсь с Джейсом и Эшем около девяти. Посидим, выпьем.

— Надо же. — Миа немного удивилась, хотя в услышанном не было ничего необычного.

Друзья, если не были в разъездах, встречались часто. Если нарушить традицию прямо сейчас, когда Миа начала работать у Гейба, это может показаться подозрительным, особенно Джейсу.

— Что мне надеть? — спросила Миа, меняя тему.

Гейб медленно оглядел ее с головы до ног, пока не раздел глазами.

— Новое платье. Черное, с вырезом на спине.

— Какое-то событие? — удивилась Миа.

Лицо Гейба оставалось непроницаемым.

— Я хочу свозить тебя в тихое, приятное место, чтобы пообедать и потанцевать. Хорошая музыка, хорошая еда, красивая женщина. О чем еще мечтать мужчине?

Миа понравился его комплимент. Она улыбнулась. Он тоже улыбнулся в ответ.

Затем он посерьезнел:

Затем он посерьезнел:

— Ты не просто красивая женщина, Миа. Я хочу, чтобы ты никогда об этом не забывала. Ты

нечто большее. И не позволяй мне забирать столько, что ничего не останется.

Его непонятные предупреждения множились. Миа не знала, как к ним относиться. О ком они — о нем или о ней? Гейб был загадкой. Вне секса она не представляла, о чем он думает.

Они приехали, поднялись в квартиру, и Миа сразу отправилась в ванную приводить себя в порядок. Коль скоро запланирован обед в изысканном месте, она поразит Гейба. Миа хотелось выглядеть утонченной, как будто она принадлежала к его кругу.

Она завила волосы и сделала элегантную прическу, зачесав их наверх и оставив несколько локонов спадающими на плечи. Слегка накрутила ресницы, нанесла на губы неяркую помаду с блеском. Миа знала, что искусно наложенный макияж должен выглядеть так, словно его вообще нет.

Платье было потрясающее. Миа смотрелась в зеркало и не могла поверить: неужели это она? Туфли на высоком каблуке прибавят росту, и тогда в этом длинном платье со смелым вырезом ее ноги покажутся длиннее и стройнее.

Хотя Гейб и возмущался нарядом, в котором она явилась на церемонию открытия отеля, это платье, выбранное им самим, имело всего две ляпочки, перекрещивавшиеся сзади. Спина оставалась практически голой до ягодиц. Поясница так и взывала к мужской руке. Лифчика Миа не надела. Корсаж достаточно поддерживал грудь, слегка обнажая верх.

Гейб пребывал в необычном настроении. До сих пор он зверел, когда окружающие, особенно мужики, видели Миа даже в чуть приоткрытом платье. Нынче она выглядела очень сексуально. Одежда придала Миа уверенности, и это ей очень понравилось.

Когда Миа вышла из ванной, Гейб ждал на краю постели. В его глазах мелькнуло одобрение, и Миа крутнулась. Подняв руки, она сделала полный оборот и замерла лицом к Гейбу.

— Дресс-код соблюден?

— Охренеть не встать! — прорычал он.

Он поднялся, и Миа тоже пришла в восторг. При виде дорогого костюма ее рот наполнился слюной. На другом такой костюм наводил бы тоску. Но на Гейбе... Это было божественно. Черные брюки. Черный пиджак. Белая рубашка с расстегнутым воротом. Он оделся с небрежностью богача, которому было наплевать, что подумают окружающие, и это делало его еще неотразимее.

— Я правильно поняла, что галстуки там — дело добровольное? — съязвила Миа.

— Ради меня они изменят правила, — криво усмехнулся Гейб.

И кто бы не изменил? Кто рискнул бы отказать Гейбу Хэмилтону? Он не только был богаче самого Господа Бога, но и обладал харизмой, привлекавшей и женщин и мужчин. С ним считались. Кто-то боялся его, кто-то ненавидел, но все уважали.

— Выпьешь чего-нибудь перед выездом? — поинтересовался Гейб.

Миа покачала головой. Чем дольше они пробудут в квартире, тем выше вероятность, что они вообще никуда не поедут. А Миа очень хотелось отправиться с Гейбом на настоящее свидание. До сих пор их связывали лишь секс и работа.

Он протянул ей руку, их пальцы переплелись. Гейб вызвал лифт, и они спустились к машине.

По дороге Миа боролась с желанием спросить о Лайзе. Ее снедало любопытство, но не хотелось затрагивать столь болезненную для Гейба тему.

Она поглядывала на него, пока Гейб не перехватил ее взгляд:

— Ты хочешь о чем-то меня спросить?

Миа помешкала, но потом решила не таиться. Гейб все равно не успокоится, пока не узнает.

— Про... Лайзу...

Она не успела продолжить. Лицо Гейба мгновенно заледенело, и он жестом остановил ее на полуслове.

— Я не собираюсь портить на редкость хороший вечер разговорами о бывшей жене, — отрезал Гейб.

Что ж, ничего не попишешь. По правде говоря, Миа не слишком расстроилась. Ей тоже не хотелось портить вечер, но любопытство никуда не исчезло. Интересно, как на самом деле отнесся Гейб к визиту своей бывшей? Может быть, это его немного испугало?

В ресторане их проводили в укромную нишу. Лучше не бывает. Свет был приглушен. На столиках горели свечи, а в ветвях декоративных кустарников сияли разноцветные гирлянды, создававшие праздничную атмосферу. Миа затосковала по Рождеству.

Она любила городские праздники. Джейс всегда возил ее на площадь перед Рокфеллеровским центром посмотреть, как зажигают рождественскую елку, — светлые общие воспоминания.

— О чем задумалась? — спросил Гейб.

Миа моргнула и перевела взгляд на него. Он наблюдал за ней с нескрываемым интересом.

— Должно быть, о чем-то хорошем. У тебя было счастливое лицо.

— Я думала о Рождестве, — улыбнулась она.

— О Рождестве?

Ответ поверг его в замешательство.

— Джейс всегда брал меня посмотреть, как зажигают елку перед Рокфеллеровским центром. У нас с ним много общих воспоминаний, но это одно из моих любимых. Люблю перемигивание огоньков на гирляндах, люблю предрождественскую суету, а перед украшенными витринами могу стоять часами. Это лучшее время года.

Гейб ненадолго задумался, затем пожал плечами:

— Мы с Лайзой всегда проводили Рождество на Лонг-Айленде, а когда развелись, я в праздники просто работал.

— Работал? — изумилась Миа. — Ты работал в Рождество? Гейб, это ужасно. Ты вылитый Скрудж!

— Бестолковый праздник.

Глаза Миа стали как блюдца.

— Жаль, что я раньше не знала. Ты бы встречал Рождество со мной и Джейсом. В Рождество никто не должен оставаться один. Я думала, ты отмечаешь с родителями. — Она тут же осеклась и закусила губу, сообразив, что наступила на большую мозоль. — Прости, пожалуйста, — тихо сказала Миа. — Я не подумала.

Гейб горестно улыбнулся:

— Все нормально. Похоже, отец признал, что накосячил, и хочет вернуться к матери. Одному Богу известно, как это у него получится.

— Он так и сказал? — поразились Миа.

— Да, — устало вздохнул Гейб. — Сегодня за ланчем. На следующий день после попыток его крали залезть ко мне в штаны.

Миа нахмурилась, и Гейб рассмеялся.

— А как к этому отнесется твоя мать?

— Если бы я знал. Скорее всего, отец еще не ползает на коленях, иначе мать оборвала бы мне телефон.

— Не знаю, простила бы я, зная, что он переспал с этими бабами. Наверное, нет, — грустно призналась Миа. — Представляю, каково твоей матери.

— Он говорит, что остался ей верен.

«Я тебя умоляю», — ответила взглядом Миа.

Гейб махнул рукой:

— Я понятия не имею, что он понимает под верностью, и не так уж важно, спал он с ними или нет. Все вокруг думают, что спал. И мама так считает. От такого унижения она не скоро оправится.

— Да и тебе нелегко, — тихо сказала Миа.

Что за поганый день! Сначала отец как снег на голову, а через несколько часов закатывается бывшая жена.

Что за поганый день! Сначала отец как снег на голову, а через несколько часов закатывается бывшая жена.

Гейб отвел глаза. Ему было неловко от сочувствия Миа, и он просиял при виде официанта, несущего заказ.

Они выбрали морскую пищу, и от тарелок исходил божественный запах. Миа заказала жареные креветки, а Гейб — корифену.

— Ух ты, какая потрясная рыбина! — восхитилась Миа.

Гейб улыбнулся, поддел вилкой кусочек и протянул ей. Миа проглотила не сразу, сперва подержала во рту, пробуя, — ровно столько, чтобы успеть пересечься с Гейбом взглядом.

В этом кормлении было что-то крайне интимное. Гейб положил вилку, следя за тем, как Миа жует.

Тогда Миа отрезала кусочек креветки и тоже поднесла к губам Гейба. Тот немного помедлил, но все же открыл рот.

Смутившись своей растроганностью этим обменом, Миа уткнулась в тарелку и сосредоточилась на еде.

— Нравится? — спросил Гейб через несколько долгих минут.

— Очень, — улыбнулась Миа. — Я почти объелась!

Гейб поднял с коленей салфетку, вытер рот и бросил на стол. Как только Миа положила вилку и отодвинула тарелку, он встал и протянул ей руку:

— Идем танцевать.

Робея, словно девчонка на первом свидании, Миа позволила ему поднять ее на ноги и провести через лабиринт столиков к танцевальному пяточку.

Гейб крепко прижал ее к себе. Его рука легла ей на спину, по-хозяйски утвердившись чуть выше места, где кончался вырез.

Миа удовлетворенно вздохнула и закрыла глаза, чувствуя у своего виска щеку Гейба. Они почти не двигались, а мягко покачивались в такт музыке. Миа могла бы плыть в этом странном танце целую вечность и дурачить себя, думая, будто Гейб принадлежит ей, а их отношения распространяются дальше секса.

Ничего плохого, если она немного пофантазирует. Худо будет потом, но сейчас она была настроена жить в мире грез.

Пока они танцевали, Гейб гладил и ласкал спину Миа, прижимаясь всем телом. Она уткнулась ему в шею, вдыхая его запах. Ей очень хотелось закусить ему мочку уха и чуть ниже. Миа нравился вкус Гейба, и ей не часто удавалось его распробовать, потому что во время секса тот контролировал каждое ее движение. Она бы отдала что угодно за одну ночь вольного знакомства с его телом.

Менялись мелодии, а Миа и Гейб все так же покачивались, крепко прижавшись друг к другу, и никто из них не хотел рушить этот маленький интимный мир, приютивший их на танцполе.

Миа мечтательно прикрыла глаза, двигаясь в такт музыке, а Гейб держал ее крепко, и его рука гуляла по ее телу. По сути, они занимались любовью. Не сексом. Не было пылкой, всепоглощающей одержимости, которая охватывала их всякий раз, когда они раздевались.

Сейчас все было слаще, нежнее. Миа наслаждалась каждой секундой их странного танца.

В такого Гейба она могла влюбиться. Уже влюблялась.

— Ты даже не представляешь, как я тебя хочу, — пробормотал он ей в ухо.

Миа улыбнулась и шепнула в ответ:

— Я без трусиков.

Гейб замер в центре танцпола, даже не пытаясь сохранять видимость танца. Он еще крепче сжал Миа и весь напрягся.

— Черт побери, Миа. Разве можно говорить мне такие вещи посреди этого проклятого ресторана?

Миа снова улыбнулась и невинно посмотрела на него:

— Я просто сказала. Решила, что тебе будет интересно узнать.

— Мы немедленно сматываемся отсюда, — прорычал Гейб.

Не дав Миа опомниться, он схватил ее за руку и потащил к выходу. Другой рукой Гейб доставал из кармана мобильник. Как хорошо, что она приехала без сумочки, — та осталась бы на столе!

Гейб лаконично сообщил водителю, что они выходят.

На тротуаре Гейб отступил к стене, держа Миа за руку, словно хотел оградить от прохожих.

— Гейб, а счет? — взвилась она, уstraшенная мыслью о бегстве.

— Не волнуйся, — ответил он терпеливо. — У меня здесь кредит. Я у них постоянный посетитель. У меня даже установлена стандартная сумма чаевых, которую я добавляю к каждому счету, так что не дергайся.

Подъехала машина. Гейб торопливо усадил Миа, потом сел сам. Едва он захлопнул дверцу, автомобиль тронулся. Гейб нажал кнопку, выдвигая защитный экран, отделявший передние сиденья от заднего.

Миа вскипела от предвкушения, словно бутылка с газировкой, которую хорошенько встряхнули.

Гейб дернул молнию, расстегнул ширинку. Еще через мгновение он извлек свой мощный член и чуть потеревил, пока тот не встал окончательно. Миа безотрывно смотрела на Гейба, на его воплощенную мужественность.

— Задери платье и ложись ко мне на колени, — велел он, беря ее за руку.

Ворочаясь на сиденье, Миа послушно задрала платье. Гейб передвинулся на середину, чтобы она смогла раздвинуть ноги.

Потом его рука скользнула по ляжке, прямо к влагалищу, и Гейб, явно довольный, улыбнулся.

— Вот это моя девочка, — промурлыкал он. — Черт, я мечтал отыметь тебя в этом платье и туфлях на шпильке, едва ты вышла из ванной.

Он сунул в нее палец и тут же вынул, поднес к глазам. Тот был мокрым и блестел. Гейб вдруг начал медленно облизывать его, и Миа чуть не кончила. Черт, он убьет ее! Гейб поднес палец к ее губам.

— Соси, — хрипло приказал он. — Угощайся собой.

Испуганная, но полная большого любопытства, Миа робко разжала рот, позволив Гейбу скользнуть туда пальцем и положить его на язык. Она пососала, и у Гейба расширились зрачки. Член подскочил, нетерпеливо коснувшись щели.

Гейб потянулся к нему свободной рукой. Он вытащил палец изо рта Миа и обхватил ее за талию, уложил и глубоко вогнал свой поршень.

Это было какое-то странное, упадническое наслаждение: смотреть, как за окнами пролетает Манхэттен, залитый морем огней, слышать шум уличного движения и ощущать толчки Гейба, трахающего ее на заднем сиденье.

Обхватив ее обеими руками и не давая сдвинуться с места, он нарастил темп. Гейб на секунду вытаскивал член и тут же вторгался вновь. Быстрее. Сильнее. Это была гонка, имевшая целью выяснить, сумеют ли они кончить до приезда домой.

Миа кончила первой. Перед глазами вспыхнул ослепительный свет. Оргазм был похож на внезапно налетевший ураган. Она хватала ртом воздух, а Гейб неугомымо ее долбал. Она схватила его за плечи — крепко, словно они были ее единственной опорой. И тут машина начала замедлять ход.

Гейб взорвался горячим фонтаном. Он засунул член так глубоко, что, когда кончил, места для семени не было. Машина остановилась, и Гейб ударил по кнопке переговорного устройства.

— Томас, подождите немного, — сказал он тихо.

Гейб сидел, а его пенис продолжал пульсировать в Миа. Он взял ее лицо в ладони и поцеловал. Поцелуй был совершенно не похож на их лихорадочное совокупление. Долгий, сладостный, теплый и очень нежный. Гейб словно вкладывал в него то, о чем ни разу не говорил вслух.

Он притянул Миа к себе и стал гладить ей волосы. Она лежала на нем, чувствуя, как ослабевают эрекция.

Наконец Гейб пересадил ее и отодвинулся. Достав носовой платок, он вытер ей влагалище, потом обтер член. Без лишней спешки натянул брюки, застегнул ширинку и разгладил складки. Миа оправила платье.

— Готова? — спросил он.

Она кивнула, слишком ошеломленная автомобильным сексом, чтобы говорить. Все равно слова не смогли бы передать ее чувства.

Гейб открыл дверцу, вышел, обогнул машину и выпустил Миа.

— Сегодня снова останешься у меня, — сказал он, когда они шли к дому.

Это не было предложением, однако в его тоне не было и привычного желания командовать. Он ставил Миа перед фактом, словно других вариантов не существовало. Потом он взглянул на нее, и в его глазах мелькнула неуверенность. Миа заметила это, но мимолетность видения заставила ее усомниться.

Но она кивнула, подтверждая его приказ.

— Конечно, я останусь, — мягко сказала она.

Они поднялись, и Гейб заблокировал дверь, навалившись на Миа всем телом.

— Жди меня в постели, — хриловатым тоном приказал он. — Я быстро.

Она потянулась к его губам, коснулась их.

— Я буду ждать.

В его глазах немедленно отразилось удовлетворение. Гейб подтолкнул Миа, а сам отступил в кабину. Двери тут же закрылись.

Глава двадцать вторая

Место, где друзья собрались посидеть и выпить, не удивляло — был выбран «Рикс», популярный мужской клуб в центре Манхэттена. Гейб, Эш и Джейс были здесь завсегдатаями. Когда Гейб прибыл, Эш и Джейс уже сидели в нише для важных персон и вовсю флиртовали с двумя официантками. При виде Гейба те мгновенно переключились на него.

Гейб не собирался подыгрывать и сухо заказал выпивку. Девушки быстро ретировались.

— Плохой день? — спросил Эш, когда Гейб сел.

Тот чуть не прыснул. «Плохой день» — не то слово. Он был достоин книги рекордов. Гейб не стал таиться от близких друзей. Эш и Джейс были единственными, с кем он мог поделиться личным.

— Сегодня вдруг явился отец, вытащил меня на ланч, — скривился Гейб.

— Ты словно в дерьме искупался, — пробормотал Джейс. — Прости, дружище. Я знаю, каково тебе. А как мама?

— Виделись на выходных, буквально силой вытащил ее в город. Поговорили за обедом. Она так и сидит в этом чертовом доме и зализывает раны. Я даже подумал, не продать ли дом, а ей купить квартиру. Правда, теперь это вряд ли получится.

— Почему? — удивился Эш.

Гейб протяжно выдохнул:

— Отец решил, что наломал слишком много дров, и хочет вернуться. Ради этого он и потащил меня на ланч.

— Твою мать! — присвистнул Эш.

— На хрена ему все это? — нахмурился Джейс. — Он перетрахал половину манхэттенских сосок. На что он рассчитывает?

— Он клянется, что никого не трахал и они вообще ничего для него не значили.

— Круто, — выпучил глаза Эш. — Печальный поворот сюжета.

— А то я не знаю! — мрачно согласился Гейб.

— Да, денек и правда дрянь, — пробормотал Джейс. — Сначала отец, потом Лайза.

— Угу. Стоит папаше засветиться с очередной девкой — и мать обрывает мне телефон. Теперь она изнасилует меня разговорами про мочу, которая ударила ему в голову.

— А ты сам-то хочешь, чтобы они снова сошлись? — любопытствовал Эш.

— Я вообще не хотел, чтобы они расставались, — угрюмо ответил Гейб. — Понятия не имею, что за бес вселился в отца. Когда он берется объяснить свои мотивы, мой разум отказывается что-либо понимать. Сомневаюсь, что отец сам понимает, что произошло... Конечно, я хочу, чтобы они снова сошлись, но пусть будут счастливы. А если отец вернется, а потом возьмется за старое, то лучше им разойтись навсегда. Матери незачем снова проходить через этот ад.

— Да понятно, — поддакнул Джейс.

— Раз уж мы заговорили о примирении, — небрежно произнес Эш. — Зачем приходила эта сучка Лайза?

Гейб скрипнул зубами. Ему крайне не хотелось заводить разговор о Лайзе, но он понимал любопытство друзей. Когда Лайза его бросила, они подставили плечо, вместе с ним отражали ее нападки и теперь, конечно, насторожились, смекнув, что Лайза обозначилась неспроста.

— Надеюсь, ты выгнал эту алчную бабу и велел забыть к нам дорогу? — озабоченно спросил Джейс.

Гейб усмехнулся. Ему полегчало. Он знал, что всегда может рассчитывать на поддержку друзей.

— Я дал ей понять, что не собираюсь ворошить прошлое.

— Она хочет денег, — мрачно изрек Джейс. — Я сделал несколько звонков. Дамочка поиздержалась. Тех денег, что ты даешь, ей еле хватает, чтобы держаться на плаву.

— Ты проверял? — удивился Гейб.

— Разумеется. Я не позволю ей снова развести тебя на деньги, как в прошлый раз, — раздраженно ответил Джейс. — Живет, как будто все еще замужем, — ни в чем не сократилась, сука затратная.

— Не волнуйся, старик, — улыбнулся Гейб. — Я больше на ее удочку не попадусь.

— Приятно слышать, — с заметным облегчением произнес Эш.

Гейб сощурился. Он что, сомневался? Потом до него дошло: Джейс и Эш всерьез беспокоились за него.

— Я справлюсь с Лайзой, — беззаботно заявил Гейб. — Она манипулятор, цепкая стерва. Урок усвоен.

Джейс и Эш одобрительно кивнули. Вернулись официантки с выпивкой и снова стали кокетничать с Джейсом и Эшем. Гейба они не трогали — может быть, поняли, что он не в духе. Зачем ему эти девки, если дома, в постели, его ждала Миа?

Когда официантки ушли, Джейс повернулся к Гейбу.

— Ну и как тебе работается с Миа? — спросил он, отхлебывая из бокала.

Гейб мгновенно насторожился. Сегодня он чуть не сцепился с Джейсом по этому поводу и не хотел, чтобы Миа явилась камнем преткновения. Он собрался ответить, но Джейс продолжил:

— Знаю, я тебя взял за яйца и, наверное, слишком сильно. Просто сделал стойку, когда увидел ее в твоём кабинете. Понимаешь, уж слишком неожиданно это было. Мне самому не нравилось, что она застряла в той чертовой кондитерской, но я хотел дать ей время определиться и понять, чего она хочет. Миа всегда хорошо училась. Возможно, ей понадобилась пауза, чтобы разобраться, и я ее не торопил. У нее есть я. Я дам ей все, что нужно, и не хочу на нее давить.

Гейб испытал столь сильное чувство вины, что чуть не задохнулся. Он еще как давил на Миа. Сомневаться не приходилось. Нет, он не жалел об этом, незачем врать, но все же...

— Она пашет как вол, Джейс, — сказал он как можно непринужденнее. — Девушка умная, в меру амбициозная. Она уже неплохо ориентируется. Схватывает все на лету и не жалуется. Мы тут ходили на деловую вечеринку, так она просто очаровала инвесторов. Сотрудникам она нравится, никто не против. Конечно, многие подумали, что ее взяли как родственницу, но она доказала, что не зря занимает место.

— Да как она может не нравиться? — вклинился Эш. — Приветливая, дружелюбная, сама чистота.

— Если кто-то начнет говорить о ней гадости, я должен знать, — рыкнул Джейс.

— Успокойся, старик, — махнул рукой Гейб. — Конечно, мы не можем заставить всех рассыпаться перед ней в любезностях. Думаю, ты и сам понимаешь: гораздо лучше, что она работает у меня, а не у тебя. Скоро в ней перестанут видеть твою сестру. Я не собираюсь перегружать ее работой, но спрашивать буду. Иначе она ничему не научится. А ты бы с ней только нянчился и потакал.

Эш покотился со смеху:

— А он прав, Джейс. Девочка-то выросла. Работай она у тебя, ты бы ее отправлял домой после каждого чиха.

— Ладно, сдаюсь. Убедили, — улыбнулся Джейс. Потом, уже серьезнее, добавил: — Я просто хочу ей добра и счастья. Она все, что у меня есть.

Гейб и Эш кивнули.

— Я понимаю, — сказал Гейб. — На твоём месте я вел бы себя так же. Но Эш прав: она выросла. Пусть расправит крылья. Ты сам удивишься, на что она окажется способна без твоего кудахтанья.

Но Гейбу было неудобно говорить о Миа, и он сменил тему. Ухмыльнувшись, осведомился:

— А как у вас с брюнеткой? Или вообще никак?

Эш издал вопль, а Джейс набычился.

— Неужели так плохо? — удивился Гейб.

— Дерьмовее не бывает, — пробормотал Эш. — Мы хотели закадрить ее на несколько дней. Не самая светлая наша мысль. Черт, она и сама поняла, что все это ненадолго. Крохотный эпизод.

Джейс угрюмо молчал.

— В общем, ей это не понравилось. Она не врубилась в правила игры и несколько дней подряд обрывала нам телефоны.

Гейб сдвинул брови.

— Вы что, дали ей номера своих мобильных? — поморщился Гейб. — Совсем рехнулись?

— Да нет же, — заговорил Джейс. — Она звонила в офис. Постоянно. Угрожала, что подаст на нас в суд за домогательство, потом все-таки остыла.

— Ну и подружек вы себе выбираете, — засмеялся Гейб.

— Дурдом, — буркнул Эш. — Все же было ясно — не знаю, как ей еще объяснить.

— В следующий раз будьте разборчивее, — пожал плечами Гейб.

— Пожалуй, нам следует взять пример с тебя, — усмехнулся Джейс, — и тоже составлять контракты. Исключить все дерьмо, а уж потом трахаться.

Эш поперхнулся, и Гейб смерил обоих уничтожающим взглядом.

Скоротав час за выпивкой, шуточками и откровенно ребяческими оправданиями Джейса и Эша, Гейб посмотрел на часы. Почти одиннадцать. А, черт! Он же обещал Миа не задерживаться, просил дождаться, а сам точит лясы.

И все же он просидел еще четверть часа, после чего объявил, что ему пора.

Его спасло то, что Джейса и Эша захватило интимное шоу. Гейб таким не интересовался. Только не когда его ждет великолепная, бесподобная Миа.

Сама мысль об этом приносила Гейбу немалое удовлетворение.

Она была дома, в его постели. Она ждала.

Всего этого Гейбу хватило, чтобы проститься с друзьями, сославшись на необходимость рано вставать, и устремиться к выходу. Джейс и Эш повернули головы, пробормотали привычное «пока» и переключились на танцовщиц.

Ехать было недалеко. К лифту Гейб почти бежал, гонимый нестерпимым зудом.

Покинув кабину, он обнаружил, что Миа оставила в прихожей свет. Для него. Он улыбнулся ее заботе и весь напрягся, подумав, что ему ни к чему электрический свет. Его светом была она. Луч солнца в холодный, пасмурный день.

Гейб вошел в спальню, на ходу сбрасывая одежду. Увидев Миа, он остановился и улыбнулся. Она укуталась, свернулась калачиком посреди кровати и крепко спала.

Зато его член уже стоял, пытаясь вырваться из ширинки.

— Ложись, приятель, — шепнул ему Гейб. — Не сегодня.

Тому было наплевать. Он видел цель, и дело выглядело донельзя простым.

Не поддаваясь желанию лечь рядом и засадить ей поглубже, Гейб разделся донага и осторожно откинул одеяло, стараясь не разбудить Миа.

Он скользнул к ней, укрылся. Миа не проснулась, но, словно почувствовав его присутствие, прижалась к нему и по-хозяйски обняла.

Он снова улыбнулся, подвинулся к ней еще ближе и заключил в объятия. Да, он хотел ее, но сейчас ему было и так хорошо.

Глава двадцать третья

На следующее утро Миа проснулась оттого, что ее плотно прижали к матрасу, а бедра раздвинули. Затем в нее вторгся член. Слабо вскрикнув, она полностью проснулась и увидела над собой пронзительные глаза Гейба.

— Доброе утро, — пробормотал он, припадая к ее губам.

Она не сумела внятно ответить. Она пылала, и жар нарастал с каждым толчком.

Гейб крепко удерживал ее бедра, буквально пригвоздив Миа к кровати и не давая пошевелиться. Ей оставалось лежать и принимать неизбежное.

Их соитие было стремительным. Никаких игр. Гейб вздымался и опускался, ударяясь в нее бедрами. Его нос утыкался ей в шею. Потом Гейб прикусил ей мочку уха. Тело Миа покрылось гусиной кожей. Она стонала, чувствуя близкий финал.

— Малышка, не забывай на меня смотреть. И кончай.

Гортанный приказ превратил ее возбуждение в адский пламень. Миа безотрывно смотрела на Гейба, напрягшись каждым мускулом.

— Мое имя, — прошептал он.

— Гейб!

Закрыв глаза и впитав услышанное, он навалился, придавил еще сильнее и излился в нее.

Гейб долго лежал на ней, содрогаясь, в тепле и уюте. Наконец он оперся на локти и поцеловал Миа в нос, вбирая ее лучистый взгляд.

— Вот это начало дня, это я понимаю, — пробормотал Гейб. Он скатился с нее, похлопал по ляжке и сказал:

— Быстро в душ, малышка. Пора на работу.

Ну и энергии в нем!

* * *

Вспоминая вчерашний безумный день, Миа боялась даже думать о том, что приготовил ей день сегодняшний. Неистовый утренний секс не отбил Гейбу память, и едва они очутились в его кабинете, он сразу вставил ей новую затычку.

Она и представить себе не могла, что эти чертовы штуковины бывают разных размеров! Должно быть, осталось немного, больше-то некуда! Походка стала утиной, вразвалочку, и Миа, боявшаяся, что окружающие могут это заметить, почти весь день провела в кабинете, ерзая в кресле. Пробка мешала не только ходить, но и сидеть.

А Гейб работал как проклятый. Три видеоконференции, два совещания плюс бесконечные деловые звонки, входящие и исходящие. Сегодня ему было не до офисного секса, который мог бы хоть немного унять жжение в заднем проходе.

Она снова надулась, хоть это было нелепо.

Когда рабочий день подошел к концу, она испытала огромное облегчение. Скорей бы избавиться от чертовой штуки в заднице и убраться из этого чертова кабинета. Так недолго и вовсе спятить. Спасибо, что предстоял обед с Джейсом и Эшем.

Она снова надулась, хоть это было нелепо.

Когда рабочий день подошел к концу, она испытала огромное облегчение. Скорей бы избавиться от чертовой штуки в заднице и убраться из этого чертова кабинета. Так недолго и вовсе спятить. Спасибо, что предстоял обед с Джейсом и Эшем.

Гейб настоял, что сам отвезет ее домой, и велел водителю сначала ехать к ней. За всю дорогу он перебрался с Миа лишь парой слов, но не выпускал ее руку, как будто нуждался в телесном контакте. Возможно, так оно и было. На работе они почти не общались. Немного утром, пока он ставил затычку, и днем, когда ее вынимал.

Гейб смотрел в окно, рисуя пальцем узор на ее ладони. Миа показалось, что он забыл о ней, но стоило ей попытаться убрать руку, как он немедленно сплел их пальцы.

Возможно, Гейб тосковал по ней ничуть не меньше, чем она по нему. Мысль была дурацкая, но почему-то прочно засела у нее в голове.

На подъезде к дому Миа вспомнила, что они не строили никаких планов на вечер после обеда. Она не имела понятия, чего ждал Гейб. Может, чтобы она поехала к нему? Или он отпускал ее до утра?

Машина остановилась. Миа открыла дверь, чтобы выйти, но Гейб ее удержал.

— Желаю хорошо провести время, — сказал он мягко.

— Постараюсь, — улыбнулась она.

— Увидимся в офисе. Водитель заедет за тобой в восемь.

Это был ответ на ее вопрос. Она получала свободу на весь вечер. Но вид у Гейба, когда она выходила, был печальный из-за того, что ночь они проведут порознь.

— До завтра, — попрощалась Миа, захлопывая дверь.

Машина тронулась. Интересно, о чем сейчас думает Гейб? Вздохнув, Миа вошла в дом, потом в

кабину лифта и нажала кнопку своего этажа. До приезда Джейса у нее оставался час.

Когда она появилась в гостиной, из спальни выглянула изумленная Кэролайн.

— Надо же, ты дома! Офигеть. А я уж решила, что ты перебралась к Гейбу.

— Каро, я по тебе соскучилась, — улыбнулась ей Миа.

Кэролайн стиснула ее в объятиях:

— А уж как я по тебе соскучилась! Мы все соскучились. Пошли в кино?

— Извини, не могу, — досадливо поморщилась Миа. — Где-то через час заедет Джейс, я только поэтому не у Гейба. Они с Эшем пригласили меня пообедать. Ездили по делам, вернулись вчера. Я уверена, что Джейс начнет допытываться про Гейба, раз уж знает, что я у него работаю.

У Кэролайн вытянулось лицо:

— Вот черт. Жаль, что мы почти не видимся. Я за тебя боюсь, ты слишком на него запала. Похоже, он тебя ни на шаг от себя не отпускает.

Миа стало неудобно. Ну что на это ответить Кэролайн? Подруга права: как только она сошлась с Гейбом, девчонки пошли побоку. Не то чтобы они дружили с самого детства, но у них был прочный союз, и если они куда-то шли, то всей компанией.

— В пятницу идем в клуб, — решительно объявила Кэролайн. — Я кликну девчонок, и мы оттянемся.

— Пока не знаю, — уклончиво ответила Миа.

Она действительно не знала планов Гейба на пятницу и выходные.

Взгляд Кэролайн стал пронзительным.

— Только не говори, что спросишь у него разрешения погулять с подругами. Ты не его собственность, Миа.

Миа захлестнуло чувство вины. То-то и оно, что она была собственностью Гейба. Контракт оговаривал его права на ее тело, время и все остальное. Она не хотела рассказывать об этом Кэролайн. Подруги никогда не поймут.

Она вздохнула, зная, что лучшим решением будет отправиться с ними в клуб. Ей не хотелось рвать отношения с девочками. Когда она надоест Гейбу, ей очень понадобится их поддержка. Их многое связывало, и если она отпадет, то в итоге останется одна.

Надо просто сказать Гейбу, что в пятницу она занята, и надеяться на его благоразумие.

— Договорились. В пятницу идем в клуб, — сдалась Миа.

Кэролайн радостно заплясала вокруг:

— Мы клево оттянемся! Как же я соскучилась по тебе, Миа. С тобой все иначе.

Миа вновь захлестнуло чувство вины. Ведь это она позвала Кэролайн жить у нее. Дело было не только в том, что та нуждалась в жилье, — Миа надоело жить одной. А теперь ее нет ни дома, ни с Кэролайн.

— Я позвоню девчонкам, чтобы не занимали пятницу. После обеда вернешься?

— Угу, — кивнула Миа. — Сегодня я ночую дома.

— Отлично. Тогда не наедайся десертом, я что-нибудь испеку и поищу какой-нибудь фильм. Будем валяться на диване.

— Класс! — улыбнулась Миа.

— Тебе ж собираться, — спохватилась Кэролайн. — Давай. Больше не пристаю.

Миа скрылась у себя в комнате и достала любимые джинсы. Дырки на брючинах, карманы, расшитые блестками, и низкий пояс, из-за которого джинсы сидели на бедрах. В них было очень удобно, и Миа следила за весом, чтобы они были впору и через три года. Нет стимула лучше, чем дорогие сердцу штаны.

Она выбрала майку, кофту, оставлявшую одно плечо голым, и отправилась в ванную краситься и причесываться.

Миа с нетерпением ждала обеда. Ей было легко с Джейсом и Эшем. Дружеские, непринужденные отношения, которые устраивали всех троих. По сути, вместо одного брата у нее было два, пусть Эш и постоянно флиртовал с нею. Он был совершенно безобиден; во всяком случае, для нее. Для других женщин он был смертельно опасен, но Миа с детства привыкла считать его членом семьи. Другое дело — Гейб...

Чем дольше она размышляла, тем больше хотела закатиться с девчонками в клуб. Кэролайн была права, когда сказала, что Миа пропала, как только связалась с Гейбом. Гейб был... всепоглощающим наваждением. Подписав контракт, она целиком отдала ему время, подчинилась его желаниям.

Узнай подруги об условиях контракта, они бы сдали ее в психушку.

Миа чуть подкрасила ресницы, нанесла тонкий слой блестящей розовой помады — в тон с ногтями, собрала волосы в небрежный пучок и закрепила крупной заколкой.

Когда она вернулась в гостиную, квартира благоухала шоколадом.

— Каро, я балдею от одного запаха, — простионала Миа.

Кэролайн с улыбкой отвлеклась от плиты:

— Для тебя пожертвую даже орешками.

— Ты слишком щедра.

Миа уселась на барный табурет и облокотилась о стойку:

— Что у тебя на работе?

Кэролайн прекратила мешать в кастрюльке, снова включила нагрев и отложила ложку. Она

сморщила нос и состроила гримасу:

— Босс — безнадежный придурок. Он больше пытается залезть мне в трусики, чем работает. Как только поднакоплю деньжат, поищу что получше.

Кэролайн втянула в себя воздух и посмотрела на Миа:

— Я встретила с тем парнем...

Миа подалась вперед:

— Тогда рассказывай. Он стоит того, чтобы о нем говорить?

— Наверное. Я сама пока толком не знаю. Мы с ним просто болтаем. Обмениваемся эсэмэсками. Знаешь, я чувствую себя школьницей. Ну и моя параноя — после Теда.

— Наверное. Я сама пока толком не знаю. Мы с ним просто болтаем. Обмениваемся эсэмэсками. Знаешь, я чувствую себя школьницей. Ну и моя параноя — после Теда.

Миа вздохнула. Последний роман Кэролайн окончился катастрофой. Встретив Теда, она мгновенно влюбилась и вспылала к нему страстью. Их странные встречи и свидания длились полгода, а потом... Кэролайн узнала, что Тед женат и имеет двоих детей. Случившееся заставило ее всерьез усомниться в себе.

— Ты думаешь, он женат или еще кто-то есть?

Кэролайн приуныла:

— Не знаю. Я не спрашивала. Может, после Теда мне уже мерещится. Какая-то часть меня хочет удрать, пока не привязалась, а другая называет дурой и просит попробовать.

Миа поджала губы, задумчиво глядя на Кэролайн.

— Джейс проверяет всех, с кем я встречаюсь, — сказала она. — Могу попросить его проверить твоего парня. Не помешает быть в теме, пока не легла с ним.

— Ты серьезно? — поразилась Кэролайн.

— К сожалению, да, — засмеялась Миа. — Стоит кому улыбнуться, Джейс тут же начинает расследование.

— Это, конечно, круто, но я не уверена, что хочу проверять Брэндона. — Кэролайн замолчала, и на лице ее отразилась внутренняя борьба. — Но если он женат, — заговорила она, — или с кем-то встречается, то на что он мне сдался?

— Мне нужны подробности, — заявила Миа. — Я прямо сегодня и поговорю с Джейсом. Ничего страшного, если мы немножко покопаемся в личной жизни твоего Брэндона. Это не будет покушением на его свободу, хотя я уверена, что Джейса устроило бы и это.

— Брэндон работает вышибалой в клубе, куда мы намылились в пятницу. Ты знаешь, у меня к таким слабость. Его фамилия — Салливан.

— Ладно, попробую помочь. — Миа крепко сжала руку подруги. — Все будет хорошо.

— Надеюсь, — протяжно вздохнула Кэролайн. — Просто не хочется снова оказаться душой.

— Почему же душой, если влюбилась? Ничего подобного. Это Тед был дураком, а не ты. Кэролайн, ты поверила ему, завязала с ним отношения.

— Знаешь, уж очень мне не нравится, когда мне кричат: «Не лапай чужое!», — отозвалась Кэролайн, и ее передернуло от воспоминаний.

Жена Теда подкараулила Кэролайн возле дома Миа. Сцена, устроенная этой женщиной, была шумной и отвратительной. Коварство Теда ошеломило Кэролайн, а вопли разъяренной ревнивой жены ее просто добились.

У Миа зазвонил мобильник. Это был рингтон Джейса.

— Привет, братец.

— Мы подъезжаем. Ты уже готова или нам подняться и подождать?

— Не надо. Я сейчас спущусь.

— Отлично. Ждем.

Миа отключилась, спрыгнула со стула.

— До вечера, Каро! Уже мечтаю о торте!

Кэролайн махнула ей, и Миа быстро спустилась.

Машина брата уже стояла возле тротуара. Джейс ездил на элегантном черном «БМВ», который и сейчас выглядел так, будто стоял в выставочном зале автосалона.

Из машины вылез улыбающийся Эш и открыл ей заднюю дверь.

— Привет, красавица. — Он чмокнул Миа в щеку.

— Привет, сестренка, — донеслось с переднего сиденья.

В салоне пахло роскошной, очень дорогой мужской парфюмерией.

Миа шмыгнула на заднее сиденье, Эш сел рядом с Джейсом, и автомобиль тронулся.

— Гейб на тебе не отыгрался, когда увел из моего кабинета? — полюбопытствовал Эш. — Лайза его здорово взвинтила. Надеюсь, мой болтливый рот не наделал бед?

Каким-то чудом Миа не покраснела, хотя все к тому шло.

— Нет, что ты, — как можно непринужденнее ответила она. — Молчал, сама задумчивость. Сразу же погрузился в работу. Мы с ним и пары слов не сказали за день.

— Надеюсь, — покачал головой Джейс, — он не купится на ее слезы и вздохи. От нее одни неприятности. Думаю, ее приход можно объяснить только тем, что у нее кончились деньги.

— Ты это точно знаешь? — с нескрываемым любопытством спросила Миа. — Разве он мало дал ей после развода?

Сумма была солидная. Деньги у Гейба водились. Куча денег. По обрывкам разговоров и сплетен Миа знала, что Лайза получила очень прилично. Конечно, Гейб не разорился, но ее отступных иному хватило бы на всю жизнь. Разумеется, при нормальных запросах.

— Меня посетила отличная мысль, — сказал Джейс. — Навести справки, как только она ушла.

Стоп, это уже интересно. Во-первых, то, что у Лайзы возникли финансовые проблемы, а во-вторых — оперативность Джейса. Впрочем, удивляться было нечему. Гейб, Джейс и Эш всегда прикрывали друг друга.

Как только Лайза затеяла развод, Джейс и Эш сразу взяли Гейба под неусыпную опеку. Казалось странным, что Гейб нуждался в поддержке, но дело было в подлинной мужской дружбе. Миа надеялась, что эти узы достаточно прочны и не лопнут, если Джейс проведает о ее отношениях с Гейбом.

Потом она вспомнила просьбу Каро.

— Да, кстати, — сказала Миа, подаваясь вперед и просовывая голову между передними сиденьями. — Джейс, ты бы мог разузнать кое-что о некоем парне по имени Брэндон Салливан? Он работает вышибалой в клубе «Вайб». Просто общие сведения. Женат ли он, есть ли у него постоянная женщина, не связан ли с криминалом?

Джейс затормозил у светофора. Оба синхронно развернулись к Миа и мрачно уставились на нее.

— Ты никак с ним встречаешься? — строго спросил Джейс.

— Миа, зачем тебе вышибала? Детка, ты можешь найти себе что-нибудь получше, — с упреком добавил Эш.

— Это не для меня, — помотала головой Миа, — а для Кэролайн. Я обещала, что попрошу тебя, Джейс, проверить этого парня. От последнего ухажера у нее развилась паранойя.

Джейс вдавил акселератор.

— Да, припоминаю. Какой-то женатый козел пудрил ей мозги. Кажется, несколько месяцев. Ты рассказывала.

— Про то и речь, — вздохнула Миа. — Кэролайн пришла в полный раздрай. Ей не все равно, с кем встречаться. Она бы ни за что не связалась с женатым. Она милая и доверчивая, а этот тип ее обмнул. Я просто не хочу повторения.

— Я займусь, — пообещал Джейс. — Передай Каро, пусть не волнуется. Завтра с утра я наведу справки об этом Брэндоне.

— Ты у меня замечательный.

Польщенный Джейс улыбнулся ей в зеркало заднего вида:

— До чего же я соскучился по тебе, сестренка. Мы в последнее время так редко виделись.

— Я тоже, — тихо призналась Миа.

Она не лукавила. Брат не заметил, как она выросла, а у взрослых людей своя жизнь. Они редко

виделись еще и до Гейба. Джейс целыми днями и даже вечерами пропадал на работе. Потому Миа и решила пойти на церемонию открытия отеля, не зная, что тот вечер резко изменит ее жизнь. Скажи ей кто-нибудь об этом раньше, она бы ни за что не поверила, будто скучнейшая вечеринка с коктейлями способна столь разительно все изменить.

Машину пришлось оставить за квартал от паба. Эш вылез, открыл дверь и протянул руку, помогая Миа выйти. Они пошли по оживленной улице, погружавшейся в сумерки: Джейс — справа, Эш — слева.

В пабе было сравнительно тихо. Народ хлынет позже, и тогда здесь будет не протолкнуться. Эш провел их в угловую секцию, рядом с окном, откуда открывался вид на перекресток. Проворная официантка подлетела мгновенно. На Джейса и Эша она смотрела плотоядно, словно была готова съесть их.

Девушка была явно моложе Миа — лет двадцать, не больше. Наверное, студентка, подрабатывающая в этом пабе. Ее разница в возрасте с Джейсом и Эшем была еще серьезнее. Восемнадцать? Ненамного больше, чем между Миа и Гейбом, но Миа почему-то было неприятно смотреть, как эта девчонка, почти подросток, флиртует с ее братом и его лучшим другом.

Полюбезничав для начала, они ухитрились сделать заказ. У Миа возникло желание устроить себе праздник живота. Дома ее ждал шоколадный торт, но почему бы не оттянуться и здесь? Салаты она может есть с Гейбом, а в обществе Джейса и Эша стесняться нечего. Миа заказала себе начос с полным гарниром.

Это не помешало ей поклевать с тарелок Джейса и Эша.

Они смеялись, шутили и болтали всякую чепуху. Миа, наевшаяся так, что еле дышала, отодвинула пустую тарелку и в порыве чувств обняла Джейса.

— Люблю тебя, — сказала она с нажимом. — Спасибо за вечер — то, что нужно.

Джейс тоже обнял ее и поцеловал в висок:

— У тебя ничего не случилось?

— Все в полном порядке, — улыбнулась Миа, отстраняясь.

Она не лгала. Эта вылазка была ей действительно остро необходима. Ее отношения с Гейбом были бурными и всепоглощающими. Они грозили сузить мир до Гейба и его требований. Тогда исчезнет все: ее брат, Кэролайн, девчонки. Как и она сама.

— У тебя точно все хорошо? — спросил Эш, впиваясь в нее взглядом. — Работа нравится?

Вопрос Эша насторожил Джейса. Брат нахмурился и тоже спросил:

— Может, там происходит что-то, о чем я не знаю?

— Успокойся, Джейс. Все путем.

Она говорила с предельной искренностью. Возможно, она не всегда знала, куда плывет и чем закончится история с Гейбом. Но ей и вправду было хорошо. Она помнила, что ее приключение когда-нибудь прервется, однако она выстоит и станет лучше, чем прежде.

— Обязательно скажи, если возникнут проблемы, — тихо произнес Джейс, не сводя с Миа глаз.

Это не было вопросом ни по сути, ни по тону — просто констатация факта, и Джейс ожидал ее подтверждения.

— Джейс, ты всегда останешься моим Большим Братом. И я, к несчастью, всегда буду бегать к тебе и плакаться в жилетку.

Последние слова Миа произнесла с грустной улыбкой. С самого ее детства Джейс проявлял по отношению к ней удивительное терпение. Она часто пыталась понять, почему брат не женился и не завел своих детей. Только ли потому, что бездну времени тратил на возню с нею? Если да, то печально, потому что из Джейса получился бы прекрасный отец. Но годы шли, а он так никого и не выбрал. И если они с Эшем привыкли ложиться на пару в постель, деля одну женщину на двоих, то Джейсу будет не слишком легко завязать традиционные отношения.

— Никаких «несчастий», сестренка. Иначе и быть не может.

— И еще, — вмешался Эш. — Если Джейса нет на месте, мой кабинет всегда открыт.

Они всерьез беспокоились за нее. Неужели так заметно, что с нею что-то происходит? Может, ее связь читается на лице? Миа не чувствовала в себе никаких изменений и вряд ли переменялась внешне. Но окружающие считывали ее смятение.

— Заботливые какие, — похвалила Миа. — Клянусь, я себя чувствую превосходно. Гейб был прав, в кондитерской я пряталась от мира. Мне понадобился толчок, чтобы я развернулась в правильном направлении. Я не говорю, что собираюсь быть ассистентом до седых волос, но Гейб дал мне возможность приобрести опыт, которого не наберешься, подавая кофе.

— Все, что угодно, лишь бы ты была счастлива, — сказал Джейс. — Ничего другого мне не нужно.

— Я счастлива, — улыбнулась Миа.

Они еще немного поговорили, и Джейс попросил счет. Явилась прежняя официантка, Джейс достал кредитную карточку. Когда он вложил ее в кожаную папку со счетом, Миа заметила высокую брюнетку, целеустремленно шагающую в их направлении.

Сперва Миа решила, что та идет вовсе не к ним, а в туалет, но нет — брюнетка шла, не спуская глаз с Эша и Джейса.

— О черт, — пробормотал Эш.

Джейс поднял голову. Брюнетка остановилась возле их столика. Ее глаза сверкали, а на лице играла фальшивая лучезарная улыбка, но вот она повернулась к Миа, и ее взгляд заледенел.

— Эш, Джейс, — сказала она отрывисто. — Решили сегодня снизойти до простушки?

Миа остолбенела и уставилась в пол. Мать честная, с ног до головы облили помоями! Неужели она на самом деле выглядит простушкой?

Лицо Джейса окаменело. Миа знала этот взгляд и всегда его боялась. Если на лице брата появлялось ледяное спокойствие, это означало, что он всерьез расвирепел.

— Мисс Хьюстон, — отчеканил Джейс. — Это моя сестра Миа. Вам придется извиниться за

вашу хамскую выходку.

Брюнетка залилась краской. Она была убита. Миа почти пожалела ее... впрочем, нет.

Эш разозлился не меньше Джейса. Взяв со стола папку с неоплаченным счетом, он махнул официантке, глядя поверх брюнетки, словно той вообще не было.

— Извините, — хрипло выдавила брюнетка.

Но она не смотрела на Миа, ее взгляд кочевал между Джейсом и Эшем. Миа оставалась для нее пустым местом.

— Вы не отвечали на мои звонки, — обиженно сказала брюнетка.

Все это начинало походило на пошлую сцену ревности. Миа почувствовала, что в ней растет отвращение к брюнетке. Ей захотелось напомнить той о гордости и попросить уйти.

— Мы все сказали, когда расставались, — опередив Джейса, заговорил Эш. — А сейчас позвольте нам остаться с Миа и передать счет официантке, которая ждет у вас за спиной.

Миа без всяких подсказок сообразила, что перед ней участница «тройки». Взгляд мисс Хьюстон выдавал интимное знакомство с обоими.

Джейс встал, задумчивый и мрачный.

— Не позорьтесь, Эрика. Идите домой. Не надо устраивать сцен на публике. Завтра вы об этом пожалеете.

Джейс потянулся к Миа так, чтобы та встала сбоку, подальше от Эрики.

Брюнетка ожесточилась и прищурилась.

— Единственное, о чем я жалею, так это о времени, потраченном на вас.

Она повернулась на высоченных каблуках и пошла прочь, а Джейс и Миа так и остались стоять возле столика.

— Да вас, ребята, преследует ведьма, — вполголоса заметила Миа. — Просто колдовство. Она является точно вовремя и именно в тот ресторан, где мы обосновались, как будто других на Манхэттене нет.

Мужчины не захотели отвечать. Похоже, что оба стремились вообще стереть случившееся из памяти. Миа сочла бы это забавным, не будь они такими взбешенными.

Они молча вышли из паба, дошли до машины Джейса, сели, и тот сказал, глядя в зеркало заднего вида:

— Прости, что так вышло, Миа.

Она улыбнулась:

— Как будто я не знаю, что вокруг вас всегда вьются женщины. Кстати, если снова захотите куда-нибудь отправиться в обществе простушки, позвоните мне. Кормят здесь классно. Я набрала фунтов пять и наберу еще столько же, когда съем торт Кэролайн.

— Ради всего святого, — простонал Эш. — Дай нам забыть ее бредни. Надо же, какая сука. До сих пор в голове не укладывается, что она посмела так тебя оскорбить.

— Сомневаюсь, — пожала плечами Миа, — что меня спасло бы вечернее платье. Она бы и тогда постаралась меня унижить. Как это я посмела быть с вами?

Джейс многозначительно скривился, переглянувшись с Эшем. Вид у обоих был подавленный, и Миа захотелось смеяться. Она знала их секрет, и ей было забавно наблюдать за их стараниями выяснить, много ли ей известно.

Машина подкатила к ее дому. Джейс высадил Миа и Эша, а сам поехал разворачиваться.

— Эш, спасибо за обед. Было весело, — сказала Миа, когда они вошли в холл.

Эш поцеловал ее в щеку, и Миа ступила в кабину лифта.

— До завтра на службе! — крикнул Эш.

Миа помахала ему. Двери закрылись, и он исчез из виду.

До чего интересно обернулся обед. Финальная сцена так и стояла у нее перед глазами.

Мобильник ожил, пришло сообщение. Выйдя из лифта, Миа прочла эсэмэску Гейба.

Надеюсь, ты отлично провела время с Джейсом и Эшем. Напиши, я хочу убедиться, что ты благополучно вернулась домой.

Ее сердце забилося, дыхание пресеклось. Она не знала, забота ли это. Скорее, власть, но эсэмэска взволновала ее до глубины души.

Она быстро набрала ответ и улыбнулась на пороге.

Только пришла. Замечательно посидели. До завтра.

Глава двадцать четвертая

Телефон Гейба зазвонил, едва тот вошел в здание. Гейб приехал раньше обычного. Это успело войти в привычку: ритуал, вызывавший чувство удовлетворения и покоя, особенно когда он приезжал на работу вместе с Миа после ночевки у него дома. Минувшую ночь он провел скверно, без конца просыпаясь. Таким же был и вечер. Гейб долго ворочался, представляя, что и Миа лежит одна.

Такие ощущения ему не нравились. Было нестерпимо сознавать, что он стал зависеть от Миа и успокаивался только в ее обществе. Озабоченный кретин — недопустимое поведение в его возрасте и при его опыте.

Увидев, что звонит мать, Гейб поморщился. Нет уж, пусть пообщается с голосовой почтой. С этой мыслью он вошел в лифт, решив перезвонить из кабинета. Ее слова не предназначались для чужих ушей.

Этаж встретил его тишиной пустых кабинетов. Безлюден был и коридор, по которому он направился в свой кабинет. Миа появится еще часа через полтора, а Гейбу уже не терпелось ее

увидеть, и мысли о ней гнали возбуждение по всему телу. Он вошел в кабинет, сел за стол и некоторое время сидел, сгибая и разгибая пальцы. Надо было заехать за ней. Еще лучше было бы послать к ней машину вчера, после ее возвращения с обеда. Но он решил доказать себе, что не нуждается в постоянном присутствии Миа и не думает о ней, когда ее нет. Он нуждался в дистанции, потому что Миа быстро становилась пристрастием, от которого не существовало спасения.

Увы, пока он не слишком преуспел.

Гейб набрал номер матери и дождался ответа.

— Мам, это Гейб. Извини, что не сразу ответил на твой звонок. Я ехал, и мне было не очень удобно разговаривать.

— Ты не поверишь, — сказала она убитым голосом.

Мать явно не собиралась ходить вокруг да около.

Гейб вздохнул и откинулся в кресле, уже зная, что его ждет. Но все же изобразил неведение:

— Во что я не поверю?

— Твой отец заявил, что хочет вернуться! Ты представляешь? Вчера вечером он приезжал сюда.

— А ты сама чего хочешь? — осторожно поинтересовался Гейб.

Мать запнулась, повисло долгое молчание. Она явно не ожидала, что он останется спокоен. А может быть, даже не задумывалась, чего же ей хочется.

— Он говорит, что не спал с теми женщинами. Уверял, что любит меня, хочет вернуться. Называл свой уход величайшей ошибкой в жизни! — воскликнула мать. Чувствовалось, что она заводит себя. — Он купил дом. Гейб, ты слышишь? Дом! Кто-нибудь купит дом, если не собирается уйти и забыть ту, с кем прожил столько лет?

— Ты ему веришь?

Последовала очередная пауза. Затем мать тяжело вздохнула, и Гейб представил, как она сидит, понуро опустив плечи, готовая вот-вот расплакаться.

— Не знаю, — наконец ответила мать, и голос ее был полон скорби. — Гейб, ты же видел снимки в газетах. Даже если он и не спал с этими девками, люди будут считать иначе. А теперь он приползает ко мне, потому что, видите ли, сделал ошибку. После всех унижений, через которые я прошла, после всего, что мне пришлось вынести, он ждет, что я возьму и прощу его? И мы продолжим жить вместе, словно он не бросал меня на сороковом году совместной жизни?

Гейб помалкивал, потому что сказать ему было нечего. Он не мог решать за нее, равно как и не мог ратовать за возвращение отца. Он знал, что она чувствует. Очень хорошо знал. Судьба посмеялась над ним, заставив в один день выслушивать покаяния отца, желавшего вернуться к матери, и мольбы его бывшей жены. Нет, он никогда не позволит Лайзе вновь войти в его жизнь. И он хорошо понимал чувства матери, ошеломленной и возмущенной отцовским визитом. Гейб будет последним лицемером, если начнет подталкивать мать к прощению. Он этого не сделает, даже если в душе желает воссоединения родителей. Ведь это была его семья.

Двое людей, которых он всегда любил и уважал.

— Мама, я понимаю, почему ты сердишься, — сказал Гейб. — И я тебя не упрекаю. Но ты должна поступить так, как хочется тебе. Разберись, в чем счастье, и наплюй на чужие мнения и чужие слова. Ты его по-прежнему любишь?

— Конечно люблю, — взволнованно ответила мать. — Этому не пройти ни через месяц, ни через два, ни даже через год. Нельзя прожить с человеком тридцать девять лет и мгновенно разлюбить его лишь потому, что ты ему больше не нужна.

— Не спеши, — посоветовал Гейб. — Ты правишь бал, мама. Отцу придется попотеть, чтобы ты поверила в искренность его слов. Не будет никакой беды, если ты подождешь и все взвесишь. Никто не просит тебя соглашаться прямо сейчас.

— Ты прав, — отозвалась мать. — Я и не соглашусь. Слишком многое придется разгрести. Я люблю его, но и ненавижу за то, что и как он сделал. Я не забуду эти снимки, где он стоит под ручку с очередной стервой. Вчера смотрела на него и все равно видела их физиономии.

— Ты прав, — отозвалась мать. — Я и не соглашусь. Слишком многое придется разгрести. Я люблю его, но и ненавижу за то, что и как он сделал. Я не забуду эти снимки, где он стоит под ручку с очередной стервой. Вчера смотрела на него и все равно видела их физиономии.

— Я просто хочу как лучше для тебя, — отозвался Гейб. — Неважно, что это будет. Я тебя поддержу, как бы ты ни решила поступить.

В трубке послышался новый вздох, и Гейб уловил в материнском голосе слезы. Он сжал зубы, стиснул кулак. Будь проклят его папаша за все, что натворил.

— Спасибо, Гейб. Я благодарю Бога за то, что у меня есть ты. Не знаю, как бы я справилась в одиночку.

— Я люблю тебя, мама. И всегда готов тебя выслушать.

Теперь он чувствовал, что она улыбается.

— И я тебя люблю, сынок. Наверное, тебе уже пора приступать к работе. Ты сегодня приехал совсем рано. Помнишь, мы говорили про отдых? Подумай. Нельзя же так напрягаться. Пожалей себя, Гейб.

— Не волнуйся, я обязательно отдохну. Береги себя. Договорились? И если что-то понадобится, сразу звони. Ты знаешь, для тебя я никогда не бываю слишком занят.

Попрощавшись с матерью, Гейб отключился и покачал головой. Значит, отец сделал первый шаг. Выходит, это не было минутным раскаянием. Отец в тот же день отправился к бывшей жене и начал долгий тернистый путь к примирению.

Гейб занялся электронной почтой, то и дело поглядывая на часы. Чем меньше времени оставалось до прихода Миа, тем сильнее он возбуждался. Дважды он собирался было послать ей эсэмэску и спросить, где она находится, и дважды откладывал мобильник. Незачем показывать свое нетерпение.

В ящике стола лежала последняя затычка, которую он намеревался вставить Миа, чтобы облегчить анальный секс. Стоило ему представить ее перегнувшейся через стол и вообразить

ягодицы, разъятые затычкой, как член мгновенно встал колом. Гейб не мог дождаться, когда вместо затычки в ее заднице окажется его член. Его нетерпение нарастало. Он хотел полного доступа к ее телу. Он дал ей достаточно времени приспособиться к его запросам. Настала пора полностью погрузиться в его грязные, разнузданные фантазии.

Он заранее думал о выходных. На следующей неделе ему предстояла деловая поездка за границу. Миа поедет с ним. Но прежде ему хотелось провести несколько дней с нею наедине. Это будет полное ее посвящение в его мир.

По позвоночнику разлилось предвкушение, все его тело отяжелело от нестерпимого желания увидеть Миа связанной, распластанной перед ним. Потом он представил, как будет трахать ее в зад. И в рот тоже. Долго и неистово, пока ее рот не наполнится спермой. Он засадит ей в щелку до упора, и они превратятся в одно целое.

Он уже владел Миа. Он трахал ее без устали. Но то, что ожидало ее впереди, должно было окончательно утвердить ее в мысли о полной и безраздельной принадлежности Гейбу. У нее не должно остаться ни малейших сомнений. Ему хотелось, чтобы каждый ее взгляд нес в себе это знание. Она должна постоянно живо и ярко помнить, как он берет ее и метит.

Если такое поведение низведет его на уровень первобытного самца — пускай. Он и есть первобытный самец, не способный справиться с безудержным влечением к Миа и желанием властвовать.

В половине девятого дверь открылась, и вошла Миа.

Тело Гейба проснулось к жизни, исполнившись облегчения.

— Запри дверь, — скомандовал он негромко.

Миа повиновалась и вновь повернулась к нему. Она стояла слишком далеко. Гейб хотел, чтобы она была рядом, а его прикосновение отпечаталось бы на ней, как татуировка.

— Иди сюда.

Неужели они не виделись меньше суток? Ему показалось, что прошла целая вечность, и сейчас главной его задачей было восстановление господства над ней. Придется напомнить, кому она принадлежит.

Гейб достал из ящика затычку. Сегодня никакого стола и задранной юбки. Он поманил ее к дивану, стоявшему у стены, сел и похлопал себя по колену. Миа легла ничком поперек.

Упершись щекой в мягкую кожу дивана, она повернулась так, чтобы краешком глаза видеть Гейба. Волосы разметались по ее лицу, а глаза были сонными, но в них горело желание.

Сунув руку ей под юбку, Гейб с удовлетворением обнаружил лишь гладкую кожу ее ягодиц. Он обнажил их и потянулся за смазкой, зная, что сегодня ее понадобится больше, так как осталась самая здоровая пробка.

Он помассировал ей анус, потом щедро смазал гелем. Миа напряглась, и он стал гладить ее по спине.

— Расслабься, — пробормотал Гейб. — Доверяй мне, Миа. Я не сделаю больно. Я хочу, чтобы тебе было хорошо.

Миа вздохнула и обмякла у него на коленях. Гейб обожал ее восприимчивость, эту сладостную покорность.

Гейб начал вставлять затычку, постепенно растягивая узкое отверстие. Он осторожно двигал затычкой взад-вперед, постепенно загоняя ее все глубже. Пальцы Миа скрючились, затем сжались в кулаки. Она закрыла глаза. Из полных губ вырвался негромкий стон. Гейб удовлетворенно подумал о том, что эти губы уже подчинились ему. Ему захотелось трахнуть ее. Он представил, насколько плотным и неподатливым стало ее влагалище теперь, со вставленной затычкой.

Она вошла целиком. Миа вскрикнула. Гейб сразу же принялся гладить ее ягодицы, шепча слова утешения.

— Тихо, малышка. Уже все сделано. Дыши глубже. Не сопротивляйся. Тебе немного пожжет там, появится ощущение тяжести и плотности, но ты просто дыши.

Ее грудь ходила ходуном, Миа вздымалась всем телом. Дав ей немного прийти в себя, Гейб опустил ее на ноги. Он велел Миа остаться у него между ног, а сам схватился за молнию, раскрыл ширинку и вытащил член.

Гейб быстро передвинулся к краю дивана, затем положил руки на талию Миа, направляя ее к своему заждавшемуся прибору.

Когда он вошел в ее неподатливое влагалище, она шумно втянула воздух. Теперь ее ягодицы с затычкой покоились у него на коленях. Да, черт побери! Он чувствовал ее напряжение и дрожь. От нее расходилось влажное тепло, которое окутывало и затягивало Гейба.

Сделав несколько толчков, Гейб велел Миа встать, после чего поднялся сам и пристроился сзади. Он изменил ей позу. Теперь Миа стояла на четвереньках на самом краю дивана, выставив зад.

Ее влагалище, ее милая киска была раздвинута, и розовая кожа влекуще блестела. Это был нектар, в который Гейбу не терпелось погрузиться.

Он снова вошел в нее, в ее влагу, возобновив толчки. Ему нравилось трахать ее сзади. Это была одна из его любимых поз.

Гейб обхватил ее бедра, впился пальцами в кожу. Крепко удерживая ее на месте, он принялся с силой входить в ее щелку. Его бедра шлепали по ее ягодицам, и в тишине кабинета эти звуки казались громче.

Он посмотрел вниз, чтобы видеть, как член ныряет и выныривает, липкий от ее соков.

— Давай, малышка. Помогай себе. Успей кончить. Я долго не продержусь, — напряженно произнес Гейб.

Знакомые мысли, знакомая фраза. Похоже, Гейб произносил эти слова всякий раз, когда занимался с Миа сексом. Находясь в ней, он не мог управлять собой. Он знал лишь скорость. Бешеную скорость.

Стенки влагалища обхватили его член, словно взяли в кулак. Мягко, как шелк, и влажно. Это сводило Гейба с ума. Он закрыл глаза. У них так уже бывало, и не раз. Его оргазм подступил, вскипел в яйцах и прорвался горячими струями в самую глубь ее влагалища.

Миа была несказанно хороша. На свете не было ничего слаще. Никто еще не сводил Гейба с ума и не лишал контроля так, чтобы ему делалось хорошо. Он не мог этого объяснить.

Она делала это — и все.

Миа была его наркотиком, его зависимостью, преодолеть которую ему не хватало сил. Более того — он этого не хотел.

Приникнув к ней, Гейб еще некоторое время оставался внутри, наслаждаясь влажным теплом. Потом он вытащил член, помог Миа встать и отправил ее в туалет приводить себя в порядок. Сам он лишь расправил одежду.

Гейб только что пережил ярчайший оргазм, но стоило Миа вернуться, как он был готов повторить. Он заставил себя сдержаться и сел за стол, решив соблюдать некоторые приличия и не уподобляться животному в пору случки.

Взглянув на календарь, Гейб понял, что еще не сказал Миа об их поездке в Париж. Он хотел сделать ей сюрприз и надеялся, что она обрадуется, как он себе это вообразил.

— На следующей неделе я лечу по делам в Париж, — небрежно сообщил Гейб.

— Да ну? — Миа оторвалась от бумаг. — Надолго?

Расстроилась ли она, или ему просто хотелось так думать?

— Ты полетишь со мной, — договорил он с улыбкой.

— Серьезно? — Глаза ее расширились.

— Да. Мы улетаем в понедельник, во второй половине дня. Надеюсь, паспорт у тебя не просрочен?

— Нет, конечно.

Она разволновалась и просветлела.

— Выходные мы проведем вместе. Походим по магазинам, купим тебе все необходимое, — сказал Гейб тоном взрослого, решившего побаловать ребенка.

Миа почему-то перестала улыбаться и даже опустила глаза. То ли она чувствовала себя виноватой, то ли просто избегала смотреть на него. Нахмурясь, Гейб взирал на нее и ждал, пытаясь понять, в чем дело.

— У меня планы на вечер пятницы, — призналась она севшим голосом. — Он был забит давно. То есть раньше, чем мы с тобой...

Гейб уже собирался спросить, что это за планы, и заставить ее рассказать все. Он имел полное право знать. Но на лице Миа отражалось такое смятение, что он решил не переступить черту. Меньше всего ему хотелось загонять ее в оборону и доводить до вранья, а она, будучи припертой к стене, могла солгать.

— Надеюсь, занята только пятница? — сухо осведомился Гейб. — (Миа кивнула.) — Хорошо. Тогда приедешь ко мне в субботу утром. Проведешь со мной выходные, а в понедельник полетим в Париж.

Ее глаза радостно заблестели, на лице вновь появилась ослепительная улыбка.

— Я теперь буду считать дни, — сказала Миа. — Париж — это круто! Мы успеем его посмотреть?

Гейб улыбнулся ее энтузиазму.

— Наверное, нет, но разберемся на месте.

Телефонный звонок заставил его взглянуть на часы. Он потерял счет времени, и видеоконференция была на носу. Гейб махнул Миа, чтобы занялась своим делом, устроился поудобнее и нажал кнопку ответа.

Глава двадцать пятая

— Передай Джейсу спасибо за Брэндона, — сказала Кэролайн, когда они ехали на такси в клуб. — Он просто клад. Мне стыдно, но после Теда меня действительно пробирает дрожь, как только положу на кого-то глаз.

Миа потянулась и сжала ей руку:

— Ничего, Каро, все наладится. Джейс говорит, что с Брэндом все в порядке — достойный чувак, работяга, а главное, холост и живет один.

На лице Кэролайн читалось облегчение, и она вскинулась, как только они подъехали к клубу.

— Да, гора с плеч. Поживем — увидим, правда?

Миа улыбнулась. Такси замедлило ход. Было девять часов вечера. Миа устала на работе и сейчас предпочла бы оказаться у Гейба, где пообедала бы спокойно и занялась всем остальным, что он бы напридумывал. Ей было тошно от своего успешного вранья насчет вечера. Не то чтобы полная ложь, но она не была откровенна. Ей почему-то становилось не по себе при мысли, что она сошлетя на девичник в клубе. А если бы он запретил?

Что говорить, она все равно пошла бы. Да, их связывает контракт, но, боже, как она устала от этого слова. Она дошла до той стадии, когда ей было ненавистно даже думать о бумаге, которую она подписала. Она не сожалела об отношениях с Гейбом, но ей было противно то, что содержалось в этом контракте. Вернее, то, чего он не отражал.

Миа просто не хотелось спорить с Гейбом. Она ведь не по мужикам собралась, а на обычные посиделки с подругами, которыми дорожила, хотя Гейб и определял теперь ее жизнь.

Да, она понимала тревоги Кэролайн. Если бы кто-то из подруг связался с мужчиной и был при нем неотлучно, отказавшись от всего остального, она бы тоже насторожилась — полезно ли это для души?

И ее отношения с Гейбом были, может быть, именно нездоровыми. Миа отлично сознавала ненормальность своей эмоциональной зависимости. Ее несло в опасную пропасть, и, когда катастрофа случится, ей понадобится участие подруг, а потому она не могла и не хотела от них отгораживаться.

Но какими бы ни были их отношения с Гейбом, она не сделалась жертвой. Она не просто

хотела — она жаждала его. Она не была слепа и отлично знала, чем все кончится. Но она стремилась наслаждаться каждым мгновением, дорожить каждой минутой, пока Гейб не отпустит ее на все четыре стороны.

Она переживет. А может, это ей только кажется и она не желает признавать очевидное. Вряд ли бы она выдержала, брось Гейб ее прямо сейчас.

— Эй, подруга, приехали, — услышала она голос Кэролайн. — Миа, очнись!

Миа заморгала, вскинула голову и увидела, что Кэролайн уже снаружи. Расплатившись с таксистом, Миа тоже вышла.

Клуб находился в Митпэкинг-Дистрикт. Чесси, Триш и Джина стояли в стороне от длинной очереди. Галдя, они налетели на Миа, и та со смехом заключила их в объятия. Ее беспокойство частично рассеялось. Им будет весело. Побывать без Гейба — это здорово, иначе можно застрять в его вымышленной вселенной. А здесь... все было настоящим. Рядом стояли подруги, и она оставалась хозяйкой своей жизни.

Пора оттянуться и повеселиться.

Кэролайн повела их ко входу для важных гостей, и там Миа впервые увидела Брэндона. Это был высокий, весьма мускулистый тип — наголо бритый, с козлиной бородкой и бриллиантовой сережкой в левом ухе. При виде Кэролайн он мигом превратился из свирепого вышибалы в обычного человека, выгуливающего забавного щенка.

Брэндон буквально растаял при виде Кэролайн, и если у Миа еще оставались сомнения в его искренности, то теперь они испарились. Он заступил очереди дорогу и махнул Кэролайн.

Пятерка приблизилась, и Брэндон достал из кармана пять пропусков.

Он наклонился к Кэролайн и что-то шепнул ей на ухо. О смысле можно было лишь догадываться, но щеки Кэролайн тут же покрылись румянцем, а глаза радостно заблестели. Брэндон ласково улыбнулся ей и пропустил их компанию в клуб.

— Каро, да он крутой! — воскликнула Чесси, когда они вошли внутрь.

Джина и Триш немедленно согласились, хотя были заняты осмотром переполненного зала. Музыка пульсировала, отражаясь от стен. Просторный танцпол был забит до отказа. Атмосфера наполнилась электричеством. Зал тонул в темноте, но столики и барная стойка были оборудованы неоновой подсветкой. На полу плясали лазерные лучи, отскакивавшие от извивавшихся тел.

— Девочки, я за полный отрыв, — заявила Триш. — Хорошая музыка, танцы, пошло и, надеюсь, горячие парни.

— Я «за», — поддержала ее Чесси.

— И я, — сказала Джина.

Они вопросительно посмотрели на Миа.

— Действуйте, — отозвалась она.

Подруги загалдели и отправились искать столик, зарезервированный Брэндонам.

Кэролайн отвела Миа в сторону и шепотом сообщила:

— Я потом собираюсь поехать к Брэндону. Ты не возражаешь? Одна доберешься? Брэндон сказал, что вызовет тебе такси.

Миа вскинула брови:

— Каро, ты уверена?

— Мы с ним успели поговорить, — кивнула Кэролайн. — Я даже не знаю, буду ли с ним спать. У нас разный график, и до сих пор нам было никак не встретиться.

— Тогда поезжай. Только будь осторожна, ладно?

Кэролайн закивала с улыбкой.

Они нашли свой столик, заказали выпивку и стали ждать. Безумный ритм затопил Миа, и она обнаружила, что стоит и приплясывает. К ней присоединилась Чесси, и вскоре они образовали свой маленький танцпол.

Выпивку еще не принесли, а к их столику уже подошли двое парней. Обворожительно улыбаясь, они заговорили с Чесси и Триш. Миа намеренно отошла к перилам, отделявшим зал от танцпола. Ей не хотелось демонстративно наблюдать за подругами, равно как привлекать внимание этих ребят и сочинять неуклюжие отговорки. Повернувшись к танцполу, она стала притоптывать в одиночестве.

Но вот появились напитки, и парни ушли. Подруги забрали бокалы с подноса, и Кэролайн провозгласила тост:

— За наш потрясающий вечер!

Бокалы сошлись, и гульба началась.

Миа пыталась не отставать, хотя плохо переносила спиртное. Подруги курсировали между танцполом и столиком, заказывая еще и еще.

К полуночи Миа почувствовала, что набралась, и сбавила темп. Подруги, напротив, его ускорили. Чесси закадрила парня, и тот прилип на весь вечер, ходил за ней хвостом и всячески угождал всей компании.

Затем появился Брэндон и отвел Кэролайн в сторону. Они поговорили, и он снова ушел. Кэролайн вернулась за столик, сверкая глазами и улыбаясь во весь рот. Она была захвачена перспективами, все казалось ей праздничным, и Миа радовалась за нее. После краха Каро заслуживала счастья. Возможно, им станет Брэндон.

К двум часам ночи Миа еле держалась на ногах. Она выпила намного больше, чем могла. Поскольку Кэролайн собиралась ехать к Брэндону, Миа не видела причин задерживаться в клубе. Отозвав Кэролайн в сторону, она сказала, что уезжает. Чесси и остальные еще всю танцевали, но все обзавелись кавалерами и скучать по Миа не стали бы.

— Тогда я скажу Брэндону, и мы вызовем такси, — крикнула Кэролайн, перекрывая музыку.

Миа кивнула. Кэролайн ненадолго ушла, затем вернулась с Брэндоном, и они повели ее к выходу. Неподалеку стояло несколько такси. Брэндон подвел ее к машине, открыл дверь и

помог забраться на заднее сиденье.

— Я завтра позвоню, — пообещала Кэролайн, когда Миа устроилась.

— Удачи. Будь умницей.

Кэролайн усмехнулась и захлопнула дверь.

Миа назвала адрес и привалилась к спинке сиденья. В голове гудело и звенело, хотя последнюю порцию она выпила около часа назад. Звякнул мобильник. Она нахмурилась. Третий час ночи. Кому взбрело в голову слать эсэмэски?

Она достала телефон из кармана. В клубе она вообще забыла о его существовании. Миа даже поморщилась: дисплей показал тьму пропущенных звонков. Все были от Гейба. Потом он стал слать сообщения. Последнее было отправлено несколько секунд назад.

Где тебя носит?

Текст не передавал эмоций, но Миа живо представила взбешенного Гейба. В других сообщениях он желал того же: узнать, где она находится и как доберется домой.

Проклятье. Позвонить ему, что ли? Было отчаянно поздно — или рано, но Гейб наверняка не спал и явно волновался, злился или и то и другое сразу.

Миа решила написать ему из дома. По крайней мере, она не соврет, что благополучно вернулась.

Ночью движения нет, и Миа доехала быстро. Такси затормозило у ее дома. Миа расплатилась, вышла и, пошатнувшись, едва ступила на землю.

Машина умчалась. Миа направилась к двери и сразу увидела Гейба.

У нее перехватило дыхание, пульс участился. Спиртное возмутилось в желудке, и ее затошнило.

Разгневанный Гейб высился у дверей. Он устремился к ней, опасно сверкая глазами.

— Наконец-то, добро пожаловать, — процедил он. — Где ты шлялась? Какого черта не отвечала на мои звонки и эсэмэски? Ты хоть представляешь, как я волновался?

Миа качнуло. Гейб выругался и схватил ее за руку, не дав упасть.

— Нажралась, — констатировал он мрачно.

Она замотала головой и сбивчиво возразила:

— Н-нет.

— Да.

Консьерж открыл им дверь, и Гейб втолкнул Миа внутрь. Он быстро потащил ее к лифту, в кабине отобрал у нее ключ и нажал кнопку нужного этажа.

— Идти можешь? — спросил он, хлестнув ее взглядом.

Она кивнула, хотя и сомневалась. Колени тряслись, а рвота подступала все ближе. Миа побледнела, на лбу выступил пот.

Двери лифта разъехались, и Гейб снова выругался. Схватив Миа за руку, он притянул ее к себе и, поддерживая, вытащил из кабины. Он торопливо вставил ключ, отпер дверь, вытащил Миа в квартиру и поволок в ванную.

Очень вовремя.

Едва она склонилась над унитазом, желудок восстал.

Гейб откинул ей волосы с лица. Затем погладил по спине, успокаивая.

Пока ее выворачивало, он не сказал ни слова, и Миа была ему благодарна. Когда спазмы прекратились, он намочил салфетку и тщательно вытер ей лицо.

— О чем ты думала? Ты же знаешь, что не умеешь пить.

Миа уткнулась ему в грудь, закрыла глаза. Она глубоко дышала, испытывая только одно желание: скорее лечь. Даже после рвоты ей было плохо. Она искренне недоумевала: почему? Она не так уж много выпила. Или все-таки много?

— О чем ты думала? Ты же знаешь, что не умеешь пить.

Миа уткнулась ему в грудь, закрыла глаза. Она глубоко дышала, испытывая только одно желание: скорее лечь. Даже после рвоты ей было плохо. Она искренне недоумевала: почему? Она не так уж много выпила. Или все-таки много?

Вечер в клубе вспоминался как в тумане. Танцы. Выпивка. Снова танцы. А может, снова выпивка.

— Хочу почистить зубы, — проямлила Миа.

— Ты уверена, что устоишь на ногах? — (Она кивнула.) — Потом я тебя уложу, — пообещал Гейб.

Он вышел из ванной, закрыл дверь. Злость по-прежнему сидела в нем тугим узлом. Но еще сильнее был страх, схвативший его за яйца.

Не будь она вдрызг пьяна, он бы сию секунду надрал ей задницу за все ее безответственные, идиотские выходки.

Гейб разобрал постель, поправил подушки, откинул одеяло, чтобы Миа сразу туда нырнула. Жаль, она не в том состоянии, чтобы увезти ее к себе и не спускать с нее глаз до самого отлета в Париж.

Миа не возвращалась. Гейб подошел к ванной. Внутри было тихо.

— Миа! — позвал он, потом распахнул дверь.

Увиденное заставило его лишь покачать головой. Миа сидела на полу, упершись локтем в стульчак и подперев ладонью голову. Она вырубилась намертво.

Вздохнув, Гейб нагнулся и поднял ее на руки. Он перенес Миа в комнату, уложил на кровать и

стал раздевать. Оставив ее голой, он снял с себя все, кроме трусов, и лег рядом, уложив Миа так, чтобы ее голова покоилась у него на руке.

Утром у них состоится долгий и чертовски неприятный разговор, и неважно, будет она страдать от похмелья или нет.

Глава двадцать шестая

Открыв глаза, Миа ощутила в одном из них резкую боль. Казалось, в него вонзили пестик для колки льда. Она застонала и отвернулась от яркого света, струившегося в окно. Ее взор натолкнулся на Гейба, стоявшего на пороге.

Он был в джинсах и футболке. Засунув руки в карманы, он шарил взглядом по ее телу. Может, она слишком редко видела Гейба в джинсах, но зрелище было отчаянно соблазнительным даже в ее нынешнем состоянии.

— Ну что, паршиво?

Миа не стала прикидываться, будто не поняла его вопроса. Она кивнула, и голова заболела еще сильнее.

Гейб шагнул к кровати, присел на край:

— Внизу ждет машина. Одевайся и поехали.

— Куда? — наморщила лоб Миа.

Ей не хотелось шевелиться — только спать. Наверное, часов через шесть она проснется и станет легче.

— Ко мне, — лаконично ответил Гейб. — У тебя пять минут на сборы. Не заставляй меня ждать.

Миа досадливо скривилась, едва он вышел из комнаты. Если он дал ей всего пять минут, пусть не ждет, что она будет выглядеть лучше ходячего мертвеца. Чтобы прийти в себя, ей нужен горячий душ и куда больше времени.

Если на то пошло, она вообще не помнила, как Гейб очутился в ее квартире. Кто ее укладывал? Он? Или она сама легла? Последним ее воспоминанием была чистка зубов. А потом она проснулась.

Значит, Гейб провел здесь ночь, но спал ли он?

Стеная, Миа сползла с кровати и поплелась к шкафу. Она надела футболку и джинсы, не волнуясь о лифчике и трусиках. Все равно Гейб терпеть не может, когда на ней белье.

Она побросала в дорожную сумку кое-что из одежды, добавив все-таки трусики и лифчик. Потом зашла в ванную и прихватила туалетные принадлежности.

Гейб стоял и смотрел в окно. Услышав ее шаги, он обернулся:

— Готова?

Миа пожала плечами. Конечно нет, но какая разница?

Гейб обнял ее за талию и вывел из квартиры. Вскоре они уже садились в машину. Едва они тронулись с места, Гейб знаком велел ей придвинуться и обхватил за плечи. От него исходило тепло. Слабо вздохнув, Миа устроилась у него на груди и закрыла глаза. Она ждала, что Гейб начнет читать ей нотации или еще за что-то выговаривать, но он был на удивление тих, как будто считался с ее адской головной болью.

Гейб поцеловал ее волосы и расправил сбившиеся пряди.

— Когда приедем, я дам тебе таблетку. И надо поесть. Я приготовлю что-нибудь легкое, чтобы не раздражать желудок.

В ее животе зародилось томление, и вот оно разлилось по всему телу. Как легко затеряться в фантазиях, представляя себя наедине с Гейбом. И все потому, что с ним было легко. Он заботился о ней и знал, что ей нужно. Был ли он требовательным? Да, но только не эгоистом. Он брал. Он был беспощаден. Но он же и отдавал, причем щедро, и не столько материально, сколько эмоционально, хотя скажи она об этом, Гейб стал бы отрицать.

Когда они подъехали к его дому, Миа почти спала. Открыв дверь, Гейб вынес ее из машины и дошел до лифта. Не спуская ее с рук, он вставил карточку, и кабина плавно устремилась вверх.

Он уложил Миа на диване в гостиной, принес из спальни пару подушек и одеяло. Сам ненадолго отлучился в кухню, откуда вернулся со стаканом молока и таблеткой. Миа нахмурилась и вопросительно посмотрела на Гейба.

— От головной боли, — пояснил он. — Но сперва молоко. От этих таблеток кружится голова, их лучше не принимать на пустой желудок.

— Что это? — насторожилась Миа.

— Пей, Миа. Я не дам тебе ничего плохого. А поскольку сегодня выходной, я гарантирую, что тебе не грозит выборочный тест на наркотики, так что можешь не волноваться.

Миа улыбнулась, насколько позволила больная голова, и взяла таблетку. Она выпила полстакана молока, потом проглотила лекарство и прикончила остатки, вернув Гейбу пустой стакан.

— Устраивайся поудобнее. Я сейчас приготовлю нам поесть и принесу сюда.

Довольная тем, что Гейб возится с ней, как с ребенком, Миа поплотнее натянула одеяло и положила голову в гнездо из подушек. Если рассерженный Гейб всегда будет так хлопотать вокруг нее, она постарается сердить его почаще. Впрочем, она вообще не знала, из-за чего он гневался.

Таблетка начала действовать, когда Гейб вернулся с подносом. Боль прошла, а по жилам разлилось приятное тепло. Ей стало почти хорошо.

— Ну как? Лучше? — тихо спросил Гейб, садясь рядом.

— Угу. Спасибо. Ты очень добрый, Гейб.

Их взгляды встретились. Долгое время они молча смотрели друг на друга. Потом он поджал

губы и возразил:

— Вряд ли ты это скажешь, когда я накажу тебя за вчерашние фокусы.

— А что я сделала? — вздохнула Миа. — Я мало что помню. Ты почему-то оказался в моей квартире, очень сердитый. За что?

— Ты совсем спятила, если спрашиваешь, — покачал головой Гейб.

Миа попыталась возразить, но Гейб остановил ее.

— Ешь, Миа. Говорить будем потом, когда ты подкрепишься и почувствуешь себя лучше.

Он подал ей тарелку с горячим рогаликом, намазанным творожным сыром, и небольшую миску фруктов, нарезанных аккуратными кубиками.

Он подал ей тарелку с горячим рогаликом, намазанным творожным сыром, и небольшую миску фруктов, нарезанных аккуратными кубиками.

Миа таращилась на еду, не зная, как отреагирует желудок. Затем откусила от рогалика, рассудив, что мучное надежнее фруктов.

После первого же куса желудок ожил. Неужели вчера, перед поездкой в клуб, она забыла поесть? Значит, пила натошак. Тогда неудивительно, что ее скосило.

— Я жутко проголодалась, — пробормотала Миа.

— Ты хоть поела перед тем, как накачаться? — поинтересовался Гейб и тяжело вздохнул.

Миа покачала головой, готовясь к выволочке.

— Черт побери, Миа!

Казалось, Гейб хотел сказать что-то еще, но сжал губы в тонкую линию и тоже принялся за еду.

Миа ела неторопливо, растягивая удовольствие, хотя организм требовал проглотить все в один присест. Чем дольше она будет завтракать, тем позже Гейб спустит с нее шкуру.

— Пора бы и доесть, — сказал Гейб. — Миа, ты только оттягиваешь неизбежное.

Она что-то буркнула и поставила пустую тарелку на кофейный столик.

— Я правда не понимаю, с чего ты взъелся. Ну, выпила немного. Как будто с тобой такого никогда не бывало.

Гейб поставил свою тарелку поверх ее и передвинулся. Ему требовалось смотреть Миа в глаза.

— По-твоему, дело в этом?

— Либо в этом, либо тебе не понравилось, что я отправилась с подругами в клуб, — пожалала она плечами. — В любом случае это не повод, чтобы так сердиться.

— Говоришь, не повод? — Гейб шумно втянул воздух, закипая от злости. Потом он резко

тряхнул головой, пригладил волосы и спросил: — Значит, не догадываешься?

— Просвети меня, я в потемках.

— Я знал, что ты идешь развлекаться, Миа. Я только не пойму, почему ты не сказала мне правду? Неужели ты боялась, что я тебя не пущу? Я же знаю, что у тебя есть подруги.

— И ты поэтому до сих пор злишься? Я не знаю, почему не сказала. Наверное, да, боялась, что ты не разрешишь.

— Нет, Миа, меня разозлило вовсе не это! — выпалил Гейб. — Мне мой водитель сообщает, что ты не звонила и никуда не просила тебя отвезти. Тишина. Дома тебя тоже не было. Я понял, что ты, скорее всего, поехала на такси. Вы с подругами отправились в клуб. Вы там были одни, без защиты. Ты села в черт-те какое такси, неизвестно к кому, а потом, в другом таком же, вернулась пьяная вусмерть в третьем часу ночи.

Миа хлопала глазами, полностью смятенная. Она ожидала услышать совсем другое.

— Дело не в том, что я контролирую каждый твой шаг и тебе нужно спрашивать у меня разрешения потусоваться. Нет, Миа. Меня разозлила твоя беспечность. Я весь вечер провел как на иголках, не имея ни малейшего представления, где ты и не попала ли в беду. Ты не отвечала ни на звонки, ни на эсмэски. Я не знал, куда посылать шофера. Что мне оставалось думать? Может, твой труп уже валяется в мусорном баке?

Чувство вины напрочь выбило Миа из блаженного состояния. Ей не нравился тон Гейба, но он был прав. Он всерьез волновался за нее. Пока она пила, хихикала с девчонками и танцевала, он места себе не находил, представляя ее в беде и даже... мертвой. Ох, черт.

— Прости меня, — тихо сказала Миа. — Я действительно не подумала. Мне это даже в голову не пришло.

Он сдвинул брови.

— Ты возвращаешься одна. Поздно ночью. Совершенно пьяная. А если бы меня там не было? Хватило бы тебе сил войти в дом? Или отключилась бы прямо на тротуаре?

— Кэролайн познакомилась с новым парнем. После клуба поехала к нему. Он посадил меня в такси.

— Хоть на что-то способен, — с отвращением заметил Гейб. — Тебе нужно было не в такси садиться, а позвонить мне. Я бы приехал, как бы ни было поздно.

На душе у нее стало тепло. Пусть Гейб был раздосадован и зол, но он искренне волновался. Миа погладила его по лицу и поцеловала.

— Прости меня, — повторила она. — Я действительно безмозглая дура.

Гейб провел рукой по ее шее, по волосам, удерживая ее в считанных дюймах от своих губ.

— Больше так никогда не делай. Я ведь неспроста выделил тебе шофера. В его обязанности входит не только возить тебя на работу и с работы, когда мы не вместе. Если тебе нужно куда-то поехать... куда бы то ни было... звони ему. Поняла? Если вдруг снова попадешь в такую историю, обязательно звони мне. Мне плевать, который час. На твой звонок я всегда отвечу.

Если меня нет, звони своему брату или Эшу. Ты поняла?

Она кивнула.

Гейб взял ее лицо в ладони:

— Нам обоим нужно поспать. Ты не выспалась, я вообще глаз не сомкнул. Сейчас отнесу тебя на кровать, и ты заснешь в моих объятиях. А когда очухаешься, я надеру тебе задницу за вчерашнее.

Глава двадцать седьмая

Скрестив ноги, Миа сидела на кровати Гейба и уплетала пиццу. Та была божественной и именно такой, какую она любила: много сыра, мало соуса и толстая корочка.

Гейб пристально следил, как Миа дочиста облизала пальцы, прежде чем вновь повалиться на подушки.

— Сказка, — блаженно вздохнула она. — Гейб, ты меня балуешь. Другого слова не подобрать.

В его глазах вспыхнули дьявольские искорки.

— Скоро увидишь, как я тебя балую.

Миа сразу сжалась, хотя ее и бросило в жар. Страх экзекуции был велик и неодолим, но какая-то часть ее ждала наказания с предвкушением.

Поймав его взгляд, Миа спустилась с небес.

— Я очень жалею о вчерашнем. Я даже не подозревала, что ты так волнуешься. Если бы я догадалась вытащить мобильник, то обязательно позвонила бы тебе или написала. Я бы не стала отмалчиваться.

— Знаю, — осадил ее Гейб. — Я хочу, чтобы в твоей голове прочно засела мысль о простой осторожности. Когда ты с подругами отправляешься в клуб и напиваешься, ты напрашиваешься на неприятности. С такой компанией может случиться что угодно.

Миа ужасно нравилось, что Гейб так дрожит над нею. Значит, он что-то испытывает и видит в ней не только сексуальную игрушку.

— А теперь, если ты наелась, перейдем к наказанию, — объявил он бархатным тоном.

Вот блин! Глаза Гейба зажглись, они источали похоть. Его желание обжигало Миа раскаленным прутотом. Она отодвинула коробку из-под пиццы. Гейб подхватил ее и торопливо поставил на ночной столик.

— Раздевайся, — приказал он. — Догола. Потом вставай на четвереньки, задницей к краю кровати.

Миа встала на дрожащие колени и быстро стянула с себя футболку Гейба, представ перед ним обнаженной. Она утвердилась на самом краю, балансируя; затем уперлась руками в простыни, закрыла глаза, глубоко вдохнула и стала ждать.

Шаги отдались эхом. Звук выдвигаемого ящика. Снова шаги. Гейб что-то положил на ночной столик.

Он прижался губами к ее ягодице и вдруг закусил кожу. Миа вздрогнула и покрылась гусиной кожей.

Он прижался губами к ее ягодице и вдруг закусил кожу. Миа вздрогнула и покрылась гусиной кожей.

— Ни звука, — велел Гейб. Его голос звенел от страсти. — Ни слова. Наказание примешь молча. Потом я отражаю тебя в твою сладкую попку.

У Миа дрогнули локти, и она чуть не потеряла равновесие. Ей пришлось проползти дальше и вновь опереться.

Плеть скользнула обманчиво мягко, вкрадчиво. Затем кожу ожгло ударом.

Миа закусила губу, чтобы не застонать. В прошлый раз она не успела подготовиться, охваченная желанием. Теперь она сосредоточилась, карауля следующий удар.

Гейб не бил по одному месту дважды и не наказывал лишь для остротки. Миа получили несколько ударов, разных по силе и резкости. Предугадать, каким окажется следующий, было невозможно — Гейб постоянно менял тактику.

После семнадцатого раза Миа перестала считать. Ее тело изнемогало от желания. Боль уменьшилась, сменившись ровной жаркой пульсацией. Окружающий мир исчез. Миа переместилась на какой-то иной план, где размывалась граница между болью и наслаждением.

Потом она ощутила теплый гель, которым Гейб смазывал ей анальное отверстие. Его руки наглаживали ее ягодицы.

— Твой зад прекрасен. — Голос Гейба снова был шелковым и сладким, как шоколад. — Там остались мои отметины. Ты носишь их, потому что принадлежишь мне. А сейчас я буду трахать тебя в твою сладкую попку, потому что она тоже моя, а я еще не забрал свое.

Миа проглотила слюну, опустила голову и закрыла глаза. Руки Гейба обхватили ее бедра, скользнули выше и коснулись ягодиц. Потом до них дотронулась головка его члена. Еще через мгновение Гейб всадил член глубже и распечатал ей анус.

Он двигался крайне медленно и был терпелив. Куда терпеливее, чем она. Ей хотелось, чтобы это произошло скорее. Она мечтала ощутить его член в своей заднице. Ожидание ее убивало.

— Расслабься, малышка, — шептал Гейб. — Что-то ты чересчур напряглась. Я не хочу делать тебе больно. Ну-ка,пусти меня.

Миа старалась повиноваться, но это было непросто. Каждый нерв ее тела был на взводе. Она инстинктивно дернула ягодицами, пытаясь помочь, но Гейб тут же остановил ее, придерживая за зад.

— Терпение, Миа. Я не хочу спешить. Если двигаться слишком быстро, будет больно.

Он извлек член и тут же ввел обратно, но неглубоко. Миа чувствовала вспухшими ягодицами костяшки его пальцев. Держа член рукой, Гейб проталкивал его внутрь, на этот раз глубже.

Внутри Миа бушевал нестерпимый огонь. Даже три затычки, доставившие ей столько страданий, не смогли подготовить ее к тому, что происходило сейчас. Член Гейба, вошедший целиком, воспринимался иначе. Миа казалось, что внутри орудуют толстой и очень жесткой палкой, даже не палкой, а железным прутом.

— Почти вошел, — прошептал Гейб. — Осталось чуть-чуть. Будь пайнкой и впусти его целиком.

Миа попробовала расслабить все мышцы, и Гейб последним мощным толчком вогнал член полностью. Теперь его яйца соприкоснулись с влагалищем.

Гейб находился внутри, как хотел. Она приняла его целиком.

— До чего же славно! — напряженным голосом произнес Гейб. — Ласкай себя, Миа, потрудись немного. Упрись щекой в постель и поработай пальчиками, пока я долблю тебя в зад.

Сальности лишь разожгли Миа.

Она подалась вперед и устроилась поудобнее, а Гейб трудился. Его прибор плотно сидел в ее заднице. Палец Миа скользнул вниз, и она принялась массировать клитор, возбуждая себя с другой стороны.

Как ни странно, это принесло некоторое успокоение. Почувствовав, что она слегка расслабилась, Гейб вытащил член почти целиком и моментально вогнал обратно. Его движения были медленными и размеренными, даже нежными. Он не спешил и не терял самообладания. Он двигался взад-вперед, и яйца ударялись о влагалище при каждом толчке.

— Миа, я скоро выплеснусь. Пожалуйста, не дергайся и продолжай себя ласкать.

Сама Миа была настолько близка к оргазму, что убрала руку с клитора, иначе ее захлестнуло бы подступающей волной.

Скорость и сила толчков Гейба нарастали, но сейчас он не нависал над ней и не был груб. И вот она ощутила жаркую струю. Гейб торопливо извлек член. Сперма забрызгала ягодицы Миа и потекла по ляжке.

Гейб засадил ей снова. Член по-прежнему был твердый как камень. Головка извергла последние капли, но Гейб еще какое-то время трудился.

Миа не удалось совладать с собой. Едва она коснулась клитора, как ее захлестнул оргазм. Это и вправду напомнило прилив. Ее колени подогнулись, Миа рухнула на живот и распласталась, как морская звезда. Гейб вышел из нее, но лишь затем, чтобы изменить позу.

Теперь он накрыл ее собой, и член его остался внутри, такой же толстый и твердый. Гейб куснул ее плечо и поцеловал в шею.

— Делала это раньше? — пробормотал он.

— Ты первый, — ответила она еле слышно.

— Хорошо.

В голосе Гейба звучало полное удовлетворение. Это был его триумф.

Несколько минут он лежал на ней. Член слабел, уменьшался и уже не давил с такой силой, как прежде. Потом Гейб выскользнул из нее, встал и вышел.

Миа пыталась осмыслить случившееся. Мысли путались. Еще не утихла эйфория от потрясающего оргазма; зад изнывал от вторжения и побоев. Но удовольствие не шло ни в какое сравнение ни с чем испытанным прежде.

Гейб вернулся с влажной салфеткой и вытер Миа. Потом ушел снова, и в ванной зашумела вода. Через несколько секунд Гейб подхватил Миа на руки.

Он оставил ее перед душем, встал под струи и увлек за собой. Горячая вода хлестнула по больным ягодицам. Миа вздохнула, но больше от наслаждения. Гейб снова возился с нею, и сознание этого затмевало все.

Он намылил ее с головы до пят, особенно бережно обработав все еще красный зад. Когда Гейб закончил, Миа едва дышала и все в ней ныло.

Потом он тщательно смыл с нее пену, быстро вымылся сам и выключил воду. Гейб вышел первым и развернул перед Миа полотенце. Она шагнула, Гейб укутал ее и прижал к себе.

— Как ты меня балуешь, — прошептала Миа.

Подняв голову, она увидела легкую улыбку, тронувшую уголки его губ. Он был безнадежно порочен.

Гейб вытер ее, и она закрутила полотенце вокруг влажных волос.

— Не трудись одеваться, — крикнул он вслед, когда Миа выходила из ванной.

Она улыбнулась обещанию, прозвучавшему в его голосе. Нет, ей незачем одеваться. Это лишь вечер субботы, и им некуда спешить до утра понедельника.

Глава двадцать восьмая

— Гейб, мне нужно отнести эти документы Джону, чтобы он успел просмотреть их до нашего отъезда. Еще я должна забрать у него маркетинг-планы. Пожалуй, я потом выскочу и куплю нам поесть. У нас времени в обрез.

Гейб поднял голову. Миа стояла у его стола, вопросительно глядя на него. Он посмотрел на часы. Да, ланч они пропустили, так как все утро готовились к отлету в Париж.

Какой-то его части не хотелось выпускать ее из кабинета, где он мог смотреть на нее и трогать. За ланчем можно было послать кого-то еще. Черт, надо сдерживаться.

Он отчаянно хотел Миа даже после выходных, проведенных преимущественно в постели и измотавших обоих.

— Хорошо, иди, только недалеко. Магазин рядом. Ты знаешь, что я люблю.

Она улыбнулась, и глаза у нее озорно блеснули. Черт, эта маленькая проказница прекрасно знала, что ему нравится. Если она не уйдет сию секунду, ему с собой не совладать.

— Иди, — хрипло велел он. — Если ты не прекратишь так на меня смотреть, мы вообще не полетим в Париж.

Миа негромко рассмеялась и вышла. Гейб испытал секундную панику, когда дверь закрылась и он остался один в своем просторном кабинете.

Без нее все становилось не так, как будто солнце затягивало тучами.

Гейб заставил себя сосредоточиться на делах и нарочно не смотрел на часы, чтобы не истомиться ожиданием.

Он нахмурился, когда его отвлек интерком.

— В чем дело, Элинора?

— Сэр, вас желает видеть миссис Хэмилтон. Простите, Лайза Хэмилтон.

Гейб шумно выдохнул и закрыл глаза. Что за напасть? Неужели мир и впрямь сошел с ума? Отец пытается вновь завоевать расположение матери, а тут еще и Лайза. В прошлый раз он прямо сказал, что не желает ее видеть, а вместе они будут только через его труп.

Наверное, он выразился непонятно.

— Пропустите, — коротко распорядился Гейб.

Сейчас он все повторит, но так, чтобы дошло окончательно.

Через несколько секунд вошла Лайза, безупречно одетая и ухоженная, из прически не выбивался ни один волосок. Но она всегда была такой.

Он сощурился при виде колец, когда-то подаренных им к свадьбе. Ему были отвратительны любые знаки его прежнего обладания этой женщиной.

— Гейб, нам надо поговорить, — заявила Лайза.

Она уселась, не дожидаясь, когда он предложит ей сесть или велит убираться ко всем чертям.

— Нам нечего обсуждать, — спокойно возразил Гейб.

Ее брови сошлись, и в глазах промелькнул первый намек на эмоцию.

— Что мне делать, Гейб? Как еще унижаться? Скажи — я все сделаю, и мы начнем заново.

Он подавил нетерпение. Первым его желанием было схватить Лайзу за воротник и вышвырнуть из кабинета. Но это было бы чересчур жестоко. Некоторое время он сидел молча. Потом ему стало смешно. Чересчур жестоко? Лайза опозорила и предала его. Он так и не понял, что заставило ее лгать.

— Никакие твои слова, никакие твои поступки не заставят меня передумать, — отчеканил Гейб. — Между нами все кончено. Это был твой выбор. Ты от меня ушла, а не я.

Она приуныла и театральным жестом утерла несуществующую слезу.

— Я знаю, что заставила тебя страдать. Я очень виновата, Гейб. Я была дурой. Но мы все равно

любим друг друга. Будет ужасной ошибкой хотя бы не попытаться начать все снова. Я могу сделать тебя счастливым. Однажды мне удалось, я могу повторить.

Гейб пребывал на грани срыва и тщательно подбирал слова.

— Я тебя не люблю, — сказал он просто.

Лайза вздрогнула, и на сей раз слезы, блеснувшие в ее глазах, были настоящими.

— Я тебе не верю, — глухо возразила она.

— Мне наплевать, веришь ты или нет, — вздохнул он. — Это уже твоя забота. Наши отношения остались в прошлом, и тут ничего не поделать. Угомонись, Лайза, и не терзай меня. Ты мне мешаешь, я не могу так работать.

— Как тебе хлеб на бездрожжевой закваске? — спросила Миа. Она вошла в кабинет, держа в руках по пакету с ланчем. При виде Лайзы она застыла на месте. — Ой! Извините, — пробормотала Миа.

Она быстро вышла, так и не расставшись с пакетами. Гейб прикусил язык, едва не задержав ее. Черт! Он хотел, чтобы убралась Лайза, а не Миа.

Лайза прищурилась.

— Это из-за нее? — тихо спросила она. В ее взгляде сквозил упрек. Лайза встала и сжала кулаки. — Дело всегда было в ней. Ты давно на нее засматривался. Тогда я не придавала значения. Сестренка Джейса, ты умиляешься крошке, но теперь-то я понимаю, ты уже тогда ее хотел. У вас любовь, что ли?

Гейб встал, вне себя от ярости.

— Довольно, Лайза. Ни слова больше. Миа работает у меня. Не позорься.

— Гейб, а ведь у меня никогда не было шанса, — презрительно фыркнула Лайза. — Так? Даже если бы я не ушла.

— Ошибаешься, — отчеканил Гейб. — Я был верен тебе, Лайза. И остался бы верен. Я уважал наш брак — не то что ты, к сожалению.

— Не будь идиотом, Гейб. Я же помню, как ты на нее смотрел. Я видела твои глаза, когда она вошла. Интересно, она хоть знает, во что вляпалась? Надо бы ее предупредить.

Взбешенный Гейб вышел из-за стола:

— Тронешь ее хоть пальцем — и я уничтожу тебя. Слышишь, Лайза? Или ты забыла, кто тебе платит? Так вот, денег больше не будет. Я сделаю это без колебаний и ни секунды не пожалею. Ты холодная, расчетливая сука. Миа стоит десятка таких, как ты. И если моих слов тебе мало, зайди к Джейсу, поделись с ним своими планами. Гарантирую, что он не станет с тобой цацкаться.

Лайза прикинула в уме и поинтересовалась:

— Какая сумма удержит меня от беседы с твоей малюткой-помощницей?

Вот она, истинная причина прихода Лайзы. Недолго же она несла ахинею про примирение. Гейб был в бешенстве, но каким-то чудом держался.

— Шантажом меня не возьмешь, тебе ли не знать. Понятно, с чего ты здесь рыщешь. Ты живешь широко, разыгрывая из себя миссис Хэмилтон. Компенсаций тебе не хватает. Я переговорю с моим адвокатом, и сумму сократят. Я узнаю, как это сделать по закону. Я расплатился более чем щедро. Все промотала? Оторви от дивана задницу и иди работать или ищи себе другого богатого идиота.

Лайза обернулась, крепко сжимая сумочку, как спасательный круг.

— Ты еще пожалеешь, Гейб.

Гейб молчал, не поддаваясь на провокацию. Все. С него хватит.

Видя, что Лайза замерла у двери, он сказал:

— Больше тебя сюда не пустят. Даже не суйся со своими дешевыми спектаклями. Только опозоришься. Я прикажу охране тебя не пускать и скажу Элино, чтобы сразу была тревогу, если ты вдруг прорвешься на этаж. — Его голос понизился до угрожающего шепота: — И помоги тебе Бог, если ты посмеешь приблизиться к Миа. Попомни мои слова.

Во взгляде Лайзы было столько ненависти и яда, что Гейб немедленно укрепился в своих подозрениях. Лайза оказалась на мели и искала способ вытрясти из него деньги.

— Как же низко пал великий Гейб, — иронично бросила она. — Снюхался с сестренкой закадычного друга! Интересно, разобьет ли она сердце тебе?

Лайза вышла, ее локоны подпрыгивали при ходьбе. Гейб чертовски надеялся, что больше не увидит эту женщину.

Он уже собрался на поиски Миа, но та заглянула сама. Гейб махнул ей, и она вошла все с теми же пакетами в руках.

Миа молча достала коробку с его сэндвичем, все разложила и пошла за свой стол.

Гейб смотрел, как она ест, читает и запоминает данные, которые он поручил вызубрить для поездки. У него самого аппетит почти пропал. В голове еще звучали обвинения Лайзы, и деться от них было некуда. Ему очень не понравились ее выводы, но он не мог опровергнуть их с ходу, и это особенно бесило его.

* * *

Весь перелет из Нью-Йорка в Париж Гейб просидел молча, погруженный в раздумья. После визита Лайзы ему вообще не хотелось разговаривать. Миа могла лишь догадываться о произошедшем, однако она своими ушами слышала, как Гейб предупреждал Элино и службу охраны, запрещая впускать Лайзу в здание.

Он остался немногословным, их вещи были собраны заранее, и прямо с работы они отправились в аэропорт. Ехали в молчании, и Миа была только рада, что оно продолжилось на борту.

При первой возможности она вытащила свой айпод, вставила пуговики наушников, поудобнее

устроилась в кресле и, закрыв глаза, стала слушать музыку. Лететь было долго, а она и так устала за выходные. Если она не поспит, ее ждет муторный день. Самолет приземлится в Париже в восемь утра по местному времени, и вряд ли удастся лечь раньше десяти вечера.

Миа не до конца понимала, зачем летит. Гейбу предстояли встречи с тремя ведущими подрядчиками, на которых он уповал в плане строительства нового отеля. Если все пойдет как задумано, то котлован начнут рыть будущей весной. Кроме них, Гейб собирался увидеться с местными инвесторами.

Что ей там делать? У нее не было ни знаний, ни опыта. Единственной причиной могло быть нежелание Гейба на время поездки лишать себя секса.

Где-то на полпути Миа уснула, забыв выключить плеер. Кресла были очень удобными, они откидывались почти горизонтально.

Миа очнулась оттого, что Гейб тряс ее за плечо, жестом требуя, чтобы она подняла спинку. Миа вынула наушники и сонно поглядела на Гейба.

— Скоро приземлимся, — пояснил он.

Спал ли он? Его лицо по-прежнему было мрачным и задумчивым, ничуть не изменившись с момента вылета из Нью-Йорка. Если это надолго, то путешествие будет испорчено.

Автобус подвез их к зданию аэровокзала. Еще час ушел на таможню и получение багажа. Наконец они сели в машину.

Миа удивило, что Гейб решил остановиться в отеле, принадлежавшем их главному конкуренту. Гейб объяснил это просто: он хотел уяснить, с кем соперничает и в чем, а лучший способ это узнать — пожить в их апартаментах.

Он снял роскошный номер, занимавший половину последнего этажа. Из широких окон открывался захватывающий вид на Париж. Эйфелева башня и Триумфальная арка были как на ладони.

Миа плюхнулась на громадный диван и закрыла глаза. Невзирая на сон в самолете, у нее и сейчас закрывались глаза. Путешествие утомило ее. Она мечтала принять горячий душ и лечь по-настоящему, но вряд ли Гейб собирался спать.

Включив ноутбук, он что-то сосредоточенно набирал. Только через полчаса он поднял голову и посмотрел на прикорнувшую Миа.

— Если хочешь, отдыхай, — сказал он. — Встречи начнутся ближе к вечеру. Мы пообедаем, а потом прямо в номере побеседуем с нужными людьми. Я отправил тебе на электронную почту подробные данные по ним, потрудись прочесть до обеда.

Тон был не приказной. По-прежнему не понимая причину его отрешенности, Миа покинула гостиную. В номере была лишь одна спальня, иначе им пришлось бы жить порознь. Кровать в спальне тоже была одна. Очень хорошо.

Включив душ, Миа целых полчаса простояла под горячими струями, отогреваясь после полета. Из ванны она вышла покрасневшейся, изгнав озноб.

Впереди у нее было несколько свободных часов. Она хорошо запомнила сведения о тех, с кем

Гейбу предстояло встретиться. По иронии только один был французом — Стефан Баржерон, преуспевающий девелопер с европейской известностью. Двое других — Чарльз Уиллис и Тайсон Картрайт, любивший, чтобы его называли Тексом, — были американцами, имевшими свои представительства в Европе.

Чарльз был моложе и казался весьма обаятельным. Наверное, ровесник Гейба или на пару лет старше. Бизнес он унаследовал от скончавшегося отца и теперь усиленно создавал себе имя. Уиллис охотился за престижными заказами, и Гейб весьма рассчитывал его заполучить. Он отлично понимал, насколько важен для Чарльза проект такого уровня. Это сразу повысит его репутацию в деловом мире и откроет дорогу к другим соблазнительным заказам.

Тайсон Картрайт был тexasским миллиардером. Ему было далеко за сорок. Свою компанию он создавал на старомодный манер, неторопливо и основательно. История его жизни и бизнеса была впечатляющей, Миа даже зачиталась. Работать Картрайт начал рано, еще подростком. В двадцать три года он уже владел небольшой строительной фирмой в Восточном Техасе, откуда и началось его победное шествие. Его биография воплощала американский успех. Упорный труд. Решимость. Победа.

Сведений о Стефане Баржероне было меньше, но только потому, что он представлял семейный бизнес, куда входило много его родственников. Он очаровывал и обольщал потенциальных заказчиков, а основное бремя ложилось на отца и братьев. Образно говоря, он был лакировкой, а они — мозгами.

Всех троих Гейб ожидал у себя после обеда. Миа не знала своей роли, но находиться в обществе четверых обаятельных мужчин ей было не так уж трудно.

Она уже все изучила и не собиралась снова братья за ноутбук.

Особенно если можно вздремнуть.

Глава двадцать девятая

Гейб наблюдал, как Миа буквально очаровывает мужчин. Она улыбалась, шутила, беседовала непринужденно, и каждый поддавался ее чарам.

Может, он тоже поддавался ее чарам?

В мозгу вновь и вновь звучал вопрос Лайзы: «У вас любовь, что ли?»

Гейб не мог объяснить свои ответные злость и беспомощность. Он думал весь день, то сердясь на себя, то впадая в отчаяние от неспособности установить дистанцию между собой и Миа.

Его бесило, что ему не удалось достойно ответить еще там, в кабинете.

Он хотел разорвать их контракт прямо здесь и уволить Миа, но не смог и ощутил себя еще беспомощнее. Он нуждался в ней. Бог свидетель, она была нужна ему.

Гейб поглядывал на подрядчиков — те откровенно воцелели ее. Да и какой здоровый гетеросексуальный мужчина отказался бы? Гейб стиснул зубы, но сдержался и предпочел воспользоваться возможностью.

Он усмотрел шанс доказать себе, что одержимость Миа можно преодолеть. Он не любит ее и

не нуждается в ней.

Такая возможность была прописана в их контракте, хотя до сего момента он не собирался кому-либо одалживать Миа. Одна мысль увидеть ее в чужих объятиях приводила его в ярость и вызывала дикую ревность. Сейчас было то же самое. Но ведь Миа сама заинтересовалась этой мыслью. Ей было любопытно. Она не ответила категорическим отказом. А он, конечно, уже имел такой опыт.

Он мог это сделать.

И сделает.

Гейб лишь надеялся, что выдержит и задуманное не сломает ни его самого, ни Миа.

* * *

Задумчиво-сердитое настроение Гейба изменилось и стало... Миа не знала, каким именно. Она забеспокоилась, так как теперь Гейб пристально смотрел на нее, а до того словно не замечал. Во взгляде появилось что-то новое, будто он видел ее в ином свете, а его ожидания резко переменились, но Миа не представляла их сути.

Если прежде она спокойно принимала его молчание, не вдаваясь в причины, то сейчас ей стало неудобно. Ей хотелось, чтобы он заговорил с ней, ободрил. Насчет чего — она и сама не знала.

По дороге в отель напряжение возросло. Миа буквально задыхалась. Ее тянуло спросить Гейба, потребовать объяснений, но в его остановившемся взгляде было что-то пугающее. Подспудно Миа чувствовала, что ответ может оказаться страшнее молчания.

Едва они вошли в номер, Гейб запер дверь. Его сверкающие глаза сосредоточились на Миа. Недавние терпение и нежность сменились неприкрытой жадной господства.

— Раздевайся.

Она удивленно заморгала. Он говорил не зло, а скорее... решительно. Ей стало не по себе, она замялась, и глаза Гейба недовольно сощурились.

— Я думала... — Миа проглотила слюну. — Я думала, они приедут сюда на коктейли.

Может, у Гейба изменились планы?

— Они приедут.

«Что он задумал?»

— Миа, не заставляй меня повторять, — тихо, но угрожающе произнес Гейб.

Трясущимися руками она взялась за подол, сняла платье через голову и бросила на пол. Потом скинула туфли, и они закувыркались по паркету.

Она хотела сказать тысячу вещей, задать тысячу жгучих вопросов, но при взгляде на Гейба поняла, что нельзя. Сжав губы, она сбросила лифчик и трусики.

— Иди и встань на колени. На середину ковра.

Она медленно направилась к ковру. Гейб собрал одежду и удалился в спальню, оставив ее выполнять приказ. Она опустилась на колени, утонув в мягкой и тонкой овечьей шерсти.

Услышав шаги Гейба, Миа подняла голову и сдавленно вскрикнула: в руках у него была веревка — и не обычная, какую найдешь в хозяйственном магазине, а с атласной оплеткой. Мягкая и даже влекущая, но Миа не сомневалась, что этой веревкой Гейб хочет ее связать.

Но он сперва намотал веревку себе на руки, так что концы свисали. Затем Гейб направился к Миа. Он двигался странно, будто крался. Приблизившись, Гейб нагнулся и молча завел ее руки за спину. Миа закрыла глаза. У нее гулко заколотилось сердце, когда Гейб начал плотно связывать ей запястья. К ее немому удивлению, он этим не ограничился и обвил ей лодыжки, так что она не могла ни шевельнуться, ни встать — только стоять на коленях и принимать неизбежное.

И эта мысль взволновала Миа. Возбудила до крайности, объединив желание, любопытство и острую потребность. Она отчаянно психовала, но в то же время томилась по запретному. Миа представляла, как к ней прикасаются другие мужчины, а Гейб наблюдает. Точно ли он этого хотел? Эта тема уже звучала.

Гейб заканчивал связывать ее, когда в дверь постучали. У Миа участился пульс и закружилась голова.

— Гейб, — прошептала она.

Его имя прозвучало как мольба, в которую Миа вложила всю свою неуверенность.

Завязав последний узел, Гейб встал и ободряюще погладил по голове.

Его касание было дороже слов. Миа успокоилась. Гейб пошел открывать.

Она ведь с самого начала знала о его желаниях и наклонностях. Все они были подробно изложены в контракте. И она поставила подпись, предоставив ему право делать с нею все, что вздумается.

Возможно, она не до конца верила, что Гейб на это пойдет. А может, втайне ждала.

Как бы то ни было, сейчас Миа голая стояла на коленях, связанная по рукам и ногам. Еще мгновение — и чужие мужчины ее увидят.

Гейб открыл дверь, приглашая гостей войти. Естественно, взгляды обратились к ней. Больше всего Миа потрясло, что приглашенные не удивились и не испытали никакого шока. В их глазах горели лишь похоть и предвкушение.

Неужели они знали? Неужели Гейб их предупредил и посулил им живую игрушку?

Сам он, казалось, забыл о ее присутствии. Она безмолвно стояла на коленях, а он беседовал с гостями, разливая выпивку, и только через несколько минут они с бокалами в руках перешли в ту часть гостиной, где находилась Миа.

Разговор шел о деле. Гейб красочно расписывал новый отель, объяснял, что «ХКМ» уже заручилась солидной поддержкой. Все как на обычной деловой встрече серьезных людей — вежливо и по существу. Единственным исключением была Миа, обнаженная и связанная, как индейка.

Она взирала на гостей: красавцы, богатыри. Даже в разгар деловой беседы они успевали поглядывать в сторону Миа. Они сознавали ее присутствие, и она отчетливо улавливала их вожделение. Атмосфера была напитана предвкушением.

И вот Гейб направился к ней, расстегнул брюки, нагнулся. Лацканы его пиджака отвисли. Он погладил Миа по волосам, потом по щекам. Ее губы оставались плотно сомкнутыми. Гейб поднес к ним палец и протолкнул в рот, смачивая слюной.

Гости внимательно следили за его действиями. Они ждали, пожирая Миа похотливыми взглядами.

Гейб вытащил член, положил Миа ладонь на лоб и толчком запрокинул ей голову, добившись нужного угла.

— Открывай рот, — скомандовал он.

Миа густо покраснела. Она нервничала, но в жилах уже бушевал пламень. Ее отчаянно возбуждало, что Гейб будет трахать ее в рот на глазах у троих мужчин. Миа испытывала столько противоречивых чувств, что невозможно было выделить какое-то одно. То же самое творилось с ее мыслями.

Но она доверяла Гейбу, и это успокаивало ее. Она вручала себя его заботе.

Ее губы разошлись, и член ударился ей в глотку. Ее щеки опали, затем вновь раздулись; Гейб вытащил член и снова втокнул.

Он был удивительно деликатен для своего настроения. Миа ждала, что он будет грубее и требовательнее. Но он держал ее лицо в ладонях, водил большими пальцами по щекам и трахал в рот. Толчки были медленными и глубокими.

— Красива, — пробормотал Гейб.

— Да, хороша, — согласился один из гостей.

Его голос вырвал Миа из небытия. Она почти забыла о посторонних, ибо для нее существовал только Гейб. Она была поглощена им, но стоило ему заговорить, как она со всей остротой осознала, что они не одни. Мужчины алчно смотрели, и каждый мечтал очутиться на месте Гейба.

— Красива, — пробормотал Гейб.

— Да, хороша, — согласился один из гостей.

Его голос вырвал Миа из небытия. Она почти забыла о посторонних, ибо для нее существовал только Гейб. Она была поглощена им, но стоило ему заговорить, как она со всей остротой осознала, что они не одни. Мужчины алчно смотрели, и каждый мечтал очутиться на месте Гейба.

— Думай только обо мне, — прошептал он, вторгаясь ей глубоко в рот.

Это было нетрудно. Миа закрыла глаза и растворилась во власти Гейба.

Его толчки стали быстрее и сильнее; он задерживался, стараясь засадить глубже. Потом отнял руки от ее лица, расправил ей волосы и дал отдышаться.

— Горячо принимает, — прошептал Тайсон.

— Я бы тоже не отказался, — признался Чарльз, изнывая от зависти и похоти.

Пальцы Гейба снова впелись ей в лицо. Толчки возобновились, и вот сперма залила Миа горло, язык, губы. Вытащив мокрый член, Гейб тут же снова вошел в ее рот.

— Merde[4], — пробормотал француз.

Гостиную наполнили хлюпающие звуки, эротичные и чуть ли не оглушительные в мертвой тишине.

— Глотай, — приказал Гейб. — Оближи меня досуха, Миа.

Он водил членом, давая время исполнить приказ. Миа слизывала и глотала сперму, пока Гейб не оставил ее в покое. Его член, тщательно вылизанный, влажно блестел.

Гейб нагнулся, развязал Миа запястья, затем освободил от веревки и лодыжки. Затекшие конечности саднило. Гейб рывком поставил ее на ноги. Минуту или две он поддерживал Миа, дожидаясь, пока восстановится кровообращение. Потом он поднял ее и понес к длинному кофейному столику.

Уложив Миа на столик, Гейб раздвинул ей ноги, поднял руки над головой и связал веревкой каждое запястье. Концы он прикрепил к ножкам столика в изголовье.

Гейб выпрямился и посмотрел на того, кто сидел ближе.

— Можете трогать ее. Можете ласкать. Только не вздумайте делать ей больно и пугать. Это все. Член не вынимать и ничего в нее не совать. Договорились?

— Да, черт возьми, — отозвался Чарльз и встал.

Глава тридцатая

Гейб отошел от кофейного столика, на котором лежала связанная Миа. Предельно эротичное зрелище — длинные темные волосы, разметавшиеся по плечам, широко раскрытые глаза, губы, припухшие от минета.

Чарльз Уиллис кружил над ней, как стервятник в ожидании пиршества. Его глаза жадно шарили по нагому телу Миа. Внутри у Гейба все оборвалось, когда пальцы Чарльза поползли по ее животу и достигли груди. Потом Чарльз начал тереть сосок, пока тот не отвердел.

Стефан и Тайсон тоже встали, но держались поодаль. Сейчас была очередь Чарльза. Они были подобны хищникам, выследившим добычу и выгадывающим момент, чтобы впитаться.

Это было отвратительно. Это никуда не годилось. Все в Гейбе протестовало — Миа была его женщиной. Никто не смел ее касаться. Только он. Но он добровольно поделился с гостями. Зачем? Решил проверить себя? Захотел что-то себе доказать?

Гейб мрачно размышлял, а Чарльз продолжал исследовать тело Миа, принадлежавшее Гейбу. Он был собственник и знал об этом, однако и раньше позволял другим мужчинам забавляться с его женщинами. Ему было все равно... но с Миа оказалось иначе.

Гейб ненавидел каждую секунду эксперимента.

В мозгу не унимался голос Лайзы: «У вас любовь, что ли?»

Не в силах смотреть, как Чарльз лапает Миа, Гейб отвернулся. Ее вздохи напоминали стоны. Весь напрягшись, он стискивал в карманах кулаки, не желая ни слышать, ни видеть плодов своей глупости.

Дурак. Законченный мерзавец. Трусливый козел.

Так не годилось, с этим нужно было кончать. Гейб доказал одно: он никогда не поделится Миа ни с кем, и будь он проклят, если позволит другому хотя бы пальцем тронуть его достояние.

Пусть убираются из номера.

Он уже хотел повернуться и объявить, что шоу окончено, как вдруг застыл, и кровь заледенела у него в жилах.

— Нет! — закричала Миа. — Гейб!

Его имя явилось отчаянным криком о помощи.

Резко повернувшись, он увидел Чарльза с расстегнутой ширинкой. Тот вцепился Миа в волосы и пытался запихать член ей в рот.

Гейб взорвался вулканом. Он бросился к Чарльзу, а тот, обозленный отказом Миа, левой рукой ударил ее по лицу. Ее голова запрокинулась, глаза округлились от ужаса. Из уголка рта хлынула струйка крови.

Гейб осатанел.

Одним ударом он отшвырнул Чарльза от Миа, и тот приложился о край дивана. Гейб бросился туда. Остальные пятились, один торопливо застегивал ширинку.

Гейб врезал Чарльзу в живот и почти сразу заехал в челюсть. Он навис над противником, источая убийственную ярость.

— Пошел вон! Вали отсюда и больше не смей мне попадаться, иначе мокрого места не оставлю!

Ему хотелось измолотить гада в фарш, но главной заботой была Миа, которую он чудовищно предал. Миа, верившая ему. Миа, вовлеченная им в грязную, отвратительную игру. И все потому, что он был трусом, не способным признать, что она ему нужна.

Тайсон и Стефан подхватили обмякшего Чарльза и спешно ретировались, с грохотом захлопнув дверь.

Задыхаясь от ужаса, Гейб бросился к Миа. У нее дрожали губы и подбородок, в глазах стояли слезы. Она была в смятении и страхе, но сильнее всего резанул по Гейбу ее стыд, отчетливо написанный на лице.

И конечно, кровь. Боже! Там, куда ударила эта тварь.

Гейб встал на колени и принялся развязывать узлы дрожащими, непослушными пальцами. Припав к ее волосам и виску, он без конца целовал ее.

— Малышка, прости, ради бога, прости меня. Я виноват, я очень виноват перед тобой. Я этого не хотел.

Миа молчала, и Гейб не знал почему: от шока или от гнева. Она была вправе негодовать. Это его работа. Он это сделал, он обидел ее.

Отбросив веревку, Гейб подхватил Миа на руки, понес в спальню и вместе с нею вполз на кровать. Она уткнулась ему в шею. Горячие слезы прожигали кожу и разрывали сердце.

Боже, каким он был идиотом. Отпетой скотиной. Гейб крепко прижал Миа к себе, задыхаясь от отчаяния.

— Я виноват, Миа. Очень, очень виноват.

Это все, что он мог сказать. Он повторял эти слова снова и снова. Ему было страшно. Вдруг она уйдет? Разве он посмеет ее упрекнуть? После такого впору не уходить, а бежать.

— Ну пожалуйста, маленькая моя. Прошу тебя, не плачь. Я чудовищно виноват. Такое больше никогда не повторится. Я не должен был это допустить.

Он качал ее, как ребенка, а она цеплялась за него и вся дрожала. Гейб не знал, что терзает ее сильнее: страх, растерянность или гнев. Возможно, все сразу. Он заслужил любые упреки. Он предал ее, не сумев защитить. Он не позаботился о ней, как обещал, и все потому, что пытался отдалиться от нее и доказать глупейшую мысль, что не нуждается в ней.

Ужасная ложь! Миа была его наваждением, идеей фикс, проникшей глубоко в душу. Он терпеть не мог, когда другие трогали принадлежащее ему, однако это чувство никогда не прорывалось в нем с такой силой. Но он обращался с Миа даже не как с рабыней. Он поступил с ней как с вещью, игрушкой, а вовсе не как с женщиной, которую обещал беречь.

Гейб гладил Миа по дрожащей спине. Ее лишь сильнее трясло, и Гейб не знал, чем успокоить Миа, отчаянно желая предложить все, чего не давал прежде.

Схватив Гейба за плечи, Миа попыталась вырваться из его объятий, но он не отпускал. Он боялся, что между ними возникнет хотя бы тонкий зазор. Он должен был обнимать ее, ощущать в своих руках. Ему мерещилось, что, если он ее выпустит, она уже не вернется.

— Я хочу в душ, — сдавленно проговорила она. — Пожалуйста, отпусти меня в душ. Я хочу очиститься. Он... трогал меня.

Теперь отчаяние показалось Гейбу ледяной вьюгой, пробирающей до костей. Миа чувствовала, что над ней надругались — не только Чарльз, но и он сам. Он главный виновник и предатель. Без его позволения ничего бы не было. А он не только позволил — он раззадорил эту троицу. Что теперь? Разве он сможет прикидываться, будто ничего не случилось? А она?

— Я сейчас открою тебе воду, — сказал Гейб, убирая волосы с ее лица.

Ее щеки были мокры от слез, но тяжелее всего оказался взгляд. Раненый взгляд. Из уголка рта до сих пор сочилась кровь. Не в силах смотреть на него, Миа отвернулась, и Гейбу стало совсем тошно.

— Малышка, полежи тут. Я сейчас пущу воду, и ты примешь душ.

Он отпустил ее. Все в нем кричало: не оставляй ее одну даже на считанные секунды, чтобы открыть кран. В груди было пусто, к горлу подступила паника. Он никогда не был так опустошен. Дальше начиналось безумие.

Гейб не узнавал себя. Он пережил уход Лайзы и развод. Выдержал травлю в прессе и ложь в суде. Тогда и близко не было ничего подобного, а теперь им владел страх.

Он побежал в ванную, пустил душ, отрегулировал воду, потом схватил халат и полотенце. Его движения были порывистыми и неуклюжими. Он уронил полотенце. Выругавшись, Гейб нагнулся за ним, снова сложил и поместил так, чтобы можно было дотянуться.

Вернувшись в спальню, Гейб увидел, что Миа сидит на краю кровати, подтянув ноги и упершись подбородком в колени. Лица он не видел, мешали волосы. Она выглядела настолько беззащитной, что Гейбу захотелось умереть на месте.

Виноват был он, а не Чарльз. Не кто-то еще. Он это сделал. И обойти этот факт не удастся.

Гейб осторожно тронул Миа за плечо. Его пальцы стали перебирать ее шелковистые волосы.

— Миа, дорогая, душ готов.

Он не сразу отважился договорить остальное, боясь заслуженного отказа.

— Хочешь, я тебе помогу?

Она повернула к нему лицо, по-прежнему затравленное. Но она не сказала «нет». Она вообще ничего не ответила, только кивнула.

Облегчение, испытанное Гейбом, подкосило его. Он выждал, собираясь с силами. Она не отвергла его. Пока.

Гейб сгреб ее в охапку и понес в ванную. Опустив Миа на пол, он быстро разделся сам, открыл дверь душевой кабины и вошел первым, взял Миа за руку и завел под душ.

Они долго стояли под горячими струями. Гейб держал ее в объятиях. Потом начал тщательно отмывать ее, намыливая душистым мылом каждый дюйм ее тела и смывая следы чужого прикосновения.

Затем принялся за волосы и вымыл их шампунем, после чего оба снова стояли под ровными горячими струями, наслаждаясь успокаивающей силой воды.

Гейб закрыл воду, распахнул дверцу и спешно завернул Миа в полотенце, чтобы не замерзла. Он сам вытер ей тело и волосы. О себе он не думал. Она была главное. Он лишь надеялся, что осознал это не слишком поздно.

Вытерев Миа досуха, он помог ей надеть теплый махровый халат, а полотенце намотал на голову. Запахнув полы, Гейб плотно завязал кушак, чтобы она не оставалась беззащитной. В халате она ощутит себя в безопасности, даже от него.

Он прихватил второе полотенце, но вытерся сам и надел трусы только после того, как уложил Миа в постель. Потянувшись к телефону, Гейб коротко заказал горячий шоколад. Потом он присел на кровать и усадил Миа, чтобы досушить волосы.

Между ними царил напряженное молчание. Гейб старательно вытирал ей пряди. Убедившись,

что волосы почти сухие, он отнес полотенце в ванную и взял расческу. Миа осталась сидеть, как сидела, словно статуя.

Гейб устроился на кровати, посадив Миа между ног. Так ему было удобнее расчесывать ей волосы. Он делал это с бесконечным терпением, боясь потянуть или дернуть, пока те не рассыпались безвольными локонами. Гейб отложил расческу, обнял Миа за плечи и поцеловал в шею. Она вздрогнула, но он продолжал покрывать ее поцелуями.

— Прости меня, — шептал он.

Она чуть напряглась под его губами. В дверь осторожно постучали, и Гейб неохотно выбрался из постели.

— Я сейчас. Устраивайся поудобнее. Это шоколад.

Миа кивнула. Она легла, натянув одеяло до подбородка.

Гейб быстро вернулся с подносом, опустил его на столик и протянул Миа дымящуюся чашку.

Миа взяла ее обеими руками, нуждаясь в тепле; подула, затем опасливо отпила. Разбитая губа заныла, и Миа с гримасой отодвинула чашку.

Гейб поспешно забрал ее, злясь на свое недомыслие. Он не сообразил, что горячий шоколад обожжет губу.

— Сейчас принесу лед, — спохватился Гейб. — Сиди, не шевелись, малышка.

Он бросился в гостиную. В ведерке еще оставался лед для коктейлей. Набрав в полотенце несколько кубиков, Гейб поспешил обратно. Миа сидела в прежней позе. Глаза у нее были пустыми и отсутствующими.

Гейб рискнул сесть рядом и осторожно прижал лед к ее губе. Миа дернулась и попыталась отодвинуться, но он настаивал, говоря тихо и нежно:

— Миа, дорогая, тебе нужно подержать лед, чтобы губа не распухла.

Она потянулась за полотенцем и оказалась в футе от Гейба. Гейб не роптал. Это были крохи по сравнению с тем, что он заслужил. Он встал с постели, отошел и повернулся к Миа.

Гейб стоял, полный тревоги. Его прежняя уверенность испарилась. Он, всегда знавший, как вести себя с женщинами, теперь растерялся. Он был убит огромностью своей вины. Не тот случай, чтобы сказать: «Ах, прости, давай забудем». Он крупно ее подставил. Он допустил, чтобы над ней издевались у него на глазах.

Если Гейб сам не мог простить себя, то как ему рассчитывать на ее прощение?

Он все еще не знал, куда деться, когда Миа разжала руки и полотенце со льдом соскользнуло ей на шею. Взгляд у нее был усталый и сокрушенный. Гейб содрогнулся, видя, что ее прекрасные глаза потухли.

— Я устала, — тихо сказала она.

Она действительно была крайне измотана.

— Я устала, — тихо сказала она.

Она действительно была крайне измотана.

Он хотел говорить с ней, умолять о прощении, втолковывать, что это больше не повторится. Но Гейб не собирался донимать ее, пока она не будет готова. Было очевидно, что она не в силах обсуждать случившееся. Возможно, она еще приходила в себя или собирала остатки сил, чтобы послать его на хрен.

Гейб кивнул, ощущая комок в горле. Он погасил свет, оставив ночник со своей стороны.

Потом он лег сам, не зная, хочет ли Миа находиться с ним в одной постели. Натянув одеяло, он повернул выключатель, погрузив спальню в полумрак. Сквозь штору пробивалось зарево парижских огней.

Гейб привычно потянулся к Миа, но та уже лежала к нему спиной. Она не сбросила его руку, но и не ответила на объятие. И все-таки Гейб рискнул притянуть ее к себе. Она должна знать, что он рядом, но гораздо важнее было убедиться самому, что Миа здесь.

Потом она тихо вздохнула. Гейб почувствовал: она расслабилась. Вскоре Миа уснула. Он понял это по ее ровному дыханию. Если даже и не уснула, то засыпала.

Гейб не мог спать. Да и стоило ему закрыть глаза, как перед ним представало лицо Миа, перекошенное ужасом от чужого прикосновения.

Глава тридцать первая

Утром, когда Миа проснулась, Гейба рядом не было. Она ощутила потерю, но в то же время была почти рада его отсутствию. Она не знала, сможет ли взглянуть ему в глаза. Ей нужно было очень многое сказать Гейбу, однако Миа сомневалась, что готова к этому. Наверное, она просто трусит. Но Миа подозревала, что сказанное ею положит конец отношениям с Гейбом.

Она по-прежнему лежала, уткнувшись в подушку Гейба и раздумывая, вставать или нет, когда дверь спальни открылась. Вошел Гейб с подносом.

— Есть хочешь? — спросил он серьезно и тихо. — Я заказал завтрак.

Миа удивила его нервозность. В глазах читались беспокойство и искренняя забота. А также раскаяние, омрачавшее каждый взгляд, который он бросал на нее. Сердце Миа сжалось. Она смежила веки, прогоняя картины вчерашнего.

— Миа?

Она заставила себя открыть глаза. Гейб стоял возле кровати, продолжая держать поднос. Миа села на постели и взбила подушки, чтобы было удобнее есть.

— Спасибо, — сказала она, когда Гейб поставил перед ней поднос с завтраком.

Он тоже сел и осторожно дотронулся до ее разбитой губы. Миа скривилась, и Гейб мгновенно ответил виноватым взглядом.

— Ты сможешь есть? — осторожно спросил он.

Миа кивнула и потянулась за вилкой, не в силах выдерживать его взгляд.

— Я отменил все встречи.

Она вскинула голову и нахмурилась. Не дав ей вымолвить ни слова, Гейб продолжил, приняв ее молчание за готовность слушать:

— Я поменял билеты. Завтра утром летим домой. Но сегодня я покажу тебе Париж. Эйфелеву башню, Нотр-Дам, Лувр и вообще все, что пожелаешь. Обед заказан на семь вечера. По парижским меркам рановато, но у нас ранний рейс, и я хочу, чтобы ты выспалась.

— Здорово, — хрипло ответила она.

Его глаза сразу же наполнились радостью. У него отлегло от сердца. Гейб открыл рот, собираясь что-то добавить, но передумал.

Миа не верила своим ушам. Чтобы Гейб отменил деловые встречи? Единственной целью их поездки было строительство отеля. Миа готовилась к тому, что вообще не увидит Парижа. Но провести целый день с Гейбом, который никуда не торопится... это превосходило все ее фантазии.

Никаких деловых переговоров. Никаких мужчин с плотоядными взглядами. Никого. Только они вдвоем, проводящие время в свое удовольствие. Это звучало божественно. Миа даже ненадолго забыла о напряжении между нею и Гейбом. Можно сделать вид, что вчерашнего вечера вообще не было.

Их разговор никуда не денется. Он должен состояться. Но сначала она воспользуется передышкой и наберется сил, чтобы потом сказать Гейбу то, что должна. Это может закончиться разрывом.

Гейб продолжал тревожно наблюдать за нею, и Миа торопливо ела, желая поскорее отправиться в город. Много ли за день увидишь? Конечно нет. И все же она постарается урвать побольше.

Покончив с завтраком, она оделась, быстро причесалась, заколола волосы. Накраситься Миа не потрудилась. Как хорошо, что она догадалась захватить свои любимые джинсы.

— Утро сегодня холодное. Ты взяла с собой теплые вещи? — спросил Гейб. Он стоял, привалившись к косяку ванной, и смотрел, как она натягивает джинсы. — Если нет, купим по дороге, — добавил он. — Не хочу, чтобы ты мерзла.

Миа улыбнулась:

— Я взяла кардиган. А если много ходить, мы не замерзнем.

— Боже, какая ты красивая, когда улыбаешься, — шумно выдохнул Гейб.

Удивленная комплиментом и его неподдельной искренностью, Миа улыбнулась шире, но тут же втянула голову в плечи.

Надев носки и кроссовки, Миа достала кардиган и застегнула все пуговицы, кроме верхней.

Гейб уже был одет и готов к выходу. В вестибюле он купил карту Парижа и перебросился несколькими фразами с дежурным администратором. Можно было отправляться в путь.

Прекрасное утро обещало такой же погожий день. Холодный воздух сразу взбодрил Миа. Лучшего дня для экскурсии было не придумать. Над городом синело небо без единого облачка.

Пройдя квартал, Миа осознала коварство парижской погоды. Ветер был не просто холодным, а ледяным. Гейб нахмурился и шагнул к уличному лотку, которыми изобиловал этот квартал.

Он выбрал длинный шарф яркой расцветки, расплатился наличными и поспешил к Миа, ждавшей в сторонке. Гейб сам обмотал ей шею, закрыв вдобавок и уши.

— Так лучше? — спросил он.

— Превосходно, — улыбнулась она.

Гейб обнял ее за плечи, прижал к себе крепче, и они побрели по парижским улицам. У Миа захватывало дух. Она была околдована удивительной красотой города и поминутно останавливалась перед витринами магазинов и лотками уличных торговцев. Гейб был очень терпелив и внимателен. Едва заметив, что ей нравится какая-то безделушка, он тут же покупал эту вещицу, и вскоре их набралось на несколько пластиковых пакетов.

Они поднялись на Эйфелеву башню. Открывшийся вид был еще более захватывающим, чем все, что успела посмотреть Миа. Они стояли и любовались Парижем. Ветер играл ее волосами и трепал концы шарфа.

Она вдруг порывисто встала на цыпочки и поцеловала Гейба в губы. Его глаза потемнели от удивления и облегчения.

— Я всегда мечтала поцеловаться на Эйфелевой башне, — с печальной улыбкой призналась Миа.

— Давай повторим, — неуверенно предложил Гейб.

Он опустил на пол пакеты с безделушками и обнял Миа. Осторожно коснулся ее подбородка и чуть запрокинул ей голову, чтобы их губы были вровень. И вот те слились, и Гейб осторожно провел языком, призывая ее приоткрыть рот.

Миа вздохнула, закрыла глаза, вбирая впечатления. Здесь, в самом романтическом городе мира, она исполняла свою давнюю девчоночью мечту. Какая женщина откажется целоваться на вершине Эйфелевой башни?

В этот день осуществились самые романтические фантазии Миа. Они с Гейбом осматривали достопримечательности, смеялись, болтали и впитывали в себя чудеса Парижа. Гейб был очень нежен с нею и потакал всем ее желаниям.

Когда мешки превратились в тяжелую ношу, Гейб вызвал специальную службу доставки и попросил водителя отвезти все в отель.

К вечеру Гейб повел Миа в ресторан с видом на Сену. Надвигались сумерки, и горизонт осветился огнями. Миа устала от долгого хождения, но утомление было пустяком в сравнении с очарованием дня.

Пока ждали заказ, Гейб положил ноги Миа себе на колени. Сняв кроссовки, он принялся массировать ей ступни. Она постанывала от удовольствия, а он надавливал на своды стоп и растирал подошвы.

— В отель вернемся на такси, — объявил он. — Ты достаточно находилась, завтра ноги будут болеть.

— Они уже болят, — вздохнула Миа. — Зато день был сказочный. Гейб, я даже не знаю, как тебя благодарить.

Гейб мигом протрезвел.

— Не надо меня благодарить, Миа. Я сделал бы что угодно, лишь бы ты улыбалась.

Его взгляд был серьезным и пристальным. Всякий раз, когда он сегодня смотрел на нее, нежность, сквозившая в его глазах, заставляла сердце Миа сжиматься, как будто он ее ласкал — не просто как объект вождления.

Официант принес заказ. Миа накинулась на еду, хотя они не раз перекусили восхитительными пирожными, хлебом и сыром. Потом она стала есть медленнее, желая продлить удовольствие. После насыщенного дня им предстояло возвращение в отель и разговор о том, о чем они нынче старались не вспоминать.

Миа хотелось оттянуть неизбежное. Она запомнит этот день на всю жизнь. Что бы ни случилось потом, она никогда не забудет парижскую прогулку с Гейбом.

Когда пришло время уходить, Гейб взял Миа за руку. Их пальцы переплелись, они вышли во дворик. Сена была совсем рядом. По реке медленно двигался плавучий ресторан, сиявший яркими огнями.

Восхитительный вечер. Правда, холодный. Предвестник скорой зимы.

А над горизонтом, из-за силуэтов зданий, медленно выползала луна. Миа вздохнула, впитывая картину: лодки и парочки, гуляющие по набережной. Замечательный день незаметно превратился в прекрасный вечер.

Гейб обнял ее, прижал к себе, чтобы не мерзла, пока они любуются рекой. Он поцеловал Миа в висок и положил подбородок на ее макушку.

В груди ныло. Было бы так всегда! Миа упорно цеплялась за эту надежду. Закрыв глаза, она наслаждалась мгновением — чувством близости Гейба и их единства.

Им обоим не хотелось расставаться с этим дивным вечером. Но нужно было идти. Взяв Миа за руку, Гейб вывел ее на улицу, где стояла вереница такси. Еще через пару минут они уже ехали в отель.

Туда, где их ждала реальность.

Глава тридцать вторая

Миа сидела на кровати, одетая в футболку Гейба, которая доходила ей до колен. Гейб был в душе, и она нервно ждала, когда он ляжет. Ей не сразу удалось сформулировать то, что она собиралась сказать, — не хотелось спешить, пребывая в разобранных чувствах, делать и говорить то, о чем придется жалеть. Слишком важный предстоял разговор.

Но вот она собрала всю свою смелость и была готова противостоять Гейбу не ультиматумом —

правдой.

Дверь ванной открылась. Гейб вышел. Бедра обернуты полотенцем, волосы мокрые, на груди — капли воды. Он был... красив, иначе не скажешь.

Гейб полез в чемодан за нижним бельем, и полотенце соскользнуло на пол. Миа полюбовалась на его ягодицы, а потом и на член, впечатлявший даже в состоянии покоя.

Она отвела взгляд, испытывая вину за столь откровенное созерцание Гейба. Ей нельзя отвлекаться.

Когда он подошел к кровати, Миа глубоко вздохнула и ринулась в атаку. Если она не сделает этого сейчас, то уже не сумеет высказать все, что скопилось у нее в душе. Лучше не тянуть и не стесняться в выражениях.

— Мне отвратительно вчерашнее, — произнесла она напрямик тихим, дрожащим голосом.

Гейб замер и на мгновение прикрыл глаза. Потом он лег, но не рядом с Миа, а чуть поодаль.

— Я знаю, — так же тихо сказал он.

Миа продолжила, понимая, что скажет намного больше, чем нужно:

— Мне было противно, что он лапал меня. Да, Гейб, я сама согласилась, подписала контракт. Я говорила, что не против показаться другим мужчинам. По крайней мере, я была готова попробовать. Но я не хочу, чтобы меня трогал кто-то, кроме тебя. Теперь я это поняла. Надо мной надругались. Меня испачкали. И я не хочу, чтобы это повторилось, пока мы вместе.

— Что ты, малышка? Конечно нет, — прошептал Гейб.

Он был напряжен. И снова — затравленный взгляд.

Но Миа не унималась. Ей не хотелось, чтобы он вклинился и оборвал нить разговора.

— Мне совершенно наплевать на контракт. Я его ненавижу. Я хочу, чтобы на меня смотрел один-единственный мужчина: ты. Ты, а не кто-то, кому ты позволил со мной позабавиться.

Из его горла вырвался сдавленный не то хрип, не то стон, но Миа упреждающе вскинула руку. Нельзя дать Гейбу ее перебить. Потом ей уже не хватит отваги.

— Больше я на такое не соглашусь, — помотала головой Миа, подчеркивая сказанное, — пусть знает, что она не шутит. — Да, я согласилась на это, но больше не хочу. И никогда не захочу. Мне противен каждый миг этого. Если ты когда-нибудь попытаешься это повторить, между нами все будет кончено. Я уйду и уже не вернусь.

Не выдержав, Гейб потянулся к ней, обнял и прижал к груди. Он держал ее так крепко, что Миа было не вздохнуть.

— Я виноват, Миа. Ужасно виноват. Такое больше не повторится. Никогда. Впредь никто и пальцем до тебя не дотронется. Я сам был как на иголках. Я уже собирался их выставить, но вдруг услышал твой крик, страх в голосе и это «нет». Я ведь клялся тебе: достаточно одного твоего «нет», чтобы я или кто-то другой все прекратил. А этот гад ударил тебя раньше, чем я успел подскочить. Этого, Миа, я никогда себе не прощу. Никогда. Я видел, как ты испугалась, когда этот похотливый кобель сорвался с цепи. — Гейба трясло. Его руки лихорадочно

блуждали по ее спине. Потом он чуть отстранился, обхватил ее лицо и пристально посмотрел ей в глаза. — Малышка, я очень виноват. Не знаю, сумею ли я себе это простить. Я возненавидел свою затею. Миа, мне честно хотелось их вышвырнуть.

— Тогда зачем вообще ты это сделал?

Гейб потупился, отвернулся, убрал руки с ее лица. Он закрыл глаза и брезгливо поморщился:

— Потому что я паршивый трус.

— Тогда зачем вообще ты это сделал?

Гейб потупился, отвернулся, убрал руки с ее лица. Он закрыл глаза и брезгливо поморщился:

— Потому что я паршивый трус.

Это было сказано так тихо, что Миа едва разобрала и сразу усомнилась, не ослышалась ли. Как это понимать?

Гейб потянулся к ее руке, крепко сжал, поднес к губам, поцеловал ладонь.

— Миа, знай, что это не повторится. Я прошу тебя простить непростительное. Да, ты подписала контракт, но не хотела, чтобы тебя лапали другие — ни вчера, ни когда-либо. Я знал об этом. Прекрасно знал. И все же разрешил этой сволочи дотронуться до тебя. Я ненавижу себя за это. Моя обязанность — знать о твоих желаниях и потребностях и ставить их выше моих. Вчера я этого не сделал.

Она по-прежнему не понимала, зачем Гейб на это пошел. Они обсуждали возможность, но Миа не верила, что он превратит ее в реальность.

Она гадала, о чем он думал, когда приглашал этих людей в номер. Он пребывал в мрачной задумчивости еще до отлета. Было ли это как-то связано с его решением? Может, он пытался ей что-то втолковать, а она не понимала? Или она вообще ни при чем?

— Я виноват, Миа. — Каждое слово было полно раскаяния. — Пожалуйста, прости меня. Прошу тебя, скажи, что останешься, что не уйдешь от меня. Ты имеешь полное право уйти. Я тебя недостоин, не заслуживаю твоей нежности и понимания. Но я хочу их. Видит Бог, мне без этого не прожить.

Он никогда не был так близок к признанию, что Миа значила для него больше, чем секс.

Она подалась вперед, встала на колени, протянула руки к его лицу.

— Ты и не должен жить без этого... без меня, — прошептала она. — Гейб, я же рядом. Я никуда не собираюсь уходить. Но все отношения должны касаться только нас с тобой. Ты, я и больше никого. Никаких других мужчин.

Она едва сдерживала дрожь.

В глазах Гейба вспыхнуло облегчение. Он потянулся к ней, обнял, снова стиснул. Он целовал ее голову, каждую волосинку, как будто остался способен только на это.

— Никого, кроме нас, — прошептал он ей на ухо. — Клянусь тебе. — Потом он чуть отстранился, чтобы упереться лоб в лоб. — Летим домой, Миа. Пусть все останется в прошлом.

Забудь, сотри из памяти. Я знаю, что сделал тебе очень больно. Клянусь, я постараюсь, чтобы все прошло.

Она наслаждалась, внимая его пылким обещаниям. Гейб говорил так, словно у них было будущее и он хотел большего, нежели секса по контракту. Не будет ли она дурой, если поверит?

Она обвила руками его шею и попросила:

— Займись со мной любовью. Пусть наша последняя ночь в Париже будет особенной.

У него перехватило дыхание.

— Маленькая моя... Сегодня я буду любить тебя всю без остатка. А утром сядем в самолет, и я буду держать тебя в объятиях, пока ты спишь.

* * *

Миа проснулась посреди ночи. Она заморгала сонными глазами, приспосабливаясь к сумраку. Из приоткрытой двери ванной падал узкий луч света, позволявший различить черты спящего Гейба.

Миа лежала у него под боком. Он положил на нее ногу, как будто боялся, что ночью она передумает и сбежит. Гейб обхватил ее, даже во сне оставаясь хозяином.

Но какой он хозяин, если готов был уступить ее другим?

Миа и сейчас не знала ответа, но душевная боль и раскаяние Гейба не были наигранными. Она по-прежнему не понимала причин вчерашнего, но случившееся действительно сильно подействовало на Гейба. В нем произошел глубокий перелом. Возможно, он сам еще этого не признавал.

Миа попыталась высвободиться, но Гейб тут же проснулся и сонно уставился на нее.

— Мне надо в туалет, — прошептала она.

— Возвращайся скорее, — пробормотал он, разжимая руки.

Сделав дела, Миа взглянула в зеркало. Губа припухла, на коже сформировался кровоподтек. Миа поморщилась. Черт! Что она скажет Джейсу? Брат с ума сойдет, когда увидит.

Придется просить Каро, пусть поколдует с косметикой и скроет хотя бы синяк.

В теле ощущалась приятная, но необычная нега. Гейб вел себя крайне бережно. Она была в шоке. Он всегда терял голову. Его сжигала страсть, на которую она отвечала тем же. Но минувшим вечером все было по-другому.

Он никуда не спешил. Он играл с нею, ласкал, покусывал, и все это удивительно нежно, с любовью. Внутри ее все пело, настолько прекрасен был их секс.

Миа впервые почувствовала, что между ними происходит нечто большее.

Зная, что Гейб обязательно встанет и придет сюда, если ее долго не будет, Миа вернулась и легла. Глаза Гейба тут же открылись, но остались сонными. Он потянулся к ней, но Миа не

пошла к нему в объятия и села на пятки, рассматривая его в слабом свете.

Он был настолько красив, что ей с первого дня хотелось исследовать его тело, но она не могла, так как правила устанавливал Гейб.

Он нахмурился и приподнялся на локте. Одежда сползла, обнажив его до бедер. Он удивленно и с некоторой опаской смотрел на Миа.

— Миа? — Он говорил неуверенно и с ноткой страха, поразившей ее. — Что-то случилось? — тихо спросил он.

— Ничего.

— Тогда почему ты не идешь ко мне? — Он похлопал по вмятине на постели.

Она встала на колени, подползла и положила ладони ему на грудь, следя за реакцией.

Его тело было магнитом для ее рук. Ее нестерпимо тянуло изучить все его выпуклости.

— Хочу тебя потрогать. Можно? — шепнула Миа.

Его глаза сверкнули. Он судорожно глотнул воздуха и резко выдохнул:

— Конечно, черт побери.

Миа подавалась вперед, пока не коснулась его волосами и не нависла над ним:

— Я хочу не только потрогать.

Гейб потянулся к ее щеке и осторожно погладил пальцем по разбитой губе:

— Делай что хочешь, милая. Я жаловаться не буду.

— Ну ладно, — выдохнула она.

Получив долгожданную свободу действий, Миа не знала, с чего начать. Ее руки скользнули по его груди, плечам, опустились ниже, к мускулистому животу. Миа обвела пальцем квадраты мышц, затем склонилась и повторила контуры языком.

Гейб грубовато сгрел ее волосы и притянул к себе, чтобы не отнимала рта.

Воодушевленная его одобрением, Миа стала увереннее. Она откинула одеяло, чтобы видеть Гейба целиком. Его член наполовину встал из гущи темных волос, но даже таким впечатлял своей мощью.

Она облизнулась в предвкушении, и Гейб громко застонал:

— Миа, ради бога!

Она села верхом чуть ниже члена, который рос и твердел с каждой секундой. Еще немного — и он встал колом. Не в силах побороть искушение, Миа склонилась и обхватила член обеими руками.

При первом прикосновении Гейб дрогнул и выгнулся, желая, чтобы она продолжила ласки.

Теперь член был зажат между их животами. Миа припала к губам Гейба. Поршень пульсировал; он жег ее, как раскаленный прут. Дразнясь, Миа стала играть языком Гейба, как будто в танце.

Проверяя границы дозволенного, Миа завела ему руки за голову, как делал он, и придавила, чтобы не дергался.

— Котенок превратился в агрессора и стал львом, — улыбнулся Гейб.

— Совершенно верно, — прорычала Миа. — Сегодня правила устанавливаю я.

— А мне это нравится, — пробормотал Гейб. — Большой разворот, Миа. Теперь ты тигрица. Свирепая.

— Да, представь себе.

Она, подражая Гейбу, завладела его ртом, не дала ему говорить. Миа целовала Гейба, пока тот не стал задыхаться. Его грудь беспорядочно вздымалась, и Миа это очень нравилось.

Гейб обезумел и весь напрягся. Он трясся под нею. Его глаза сверкали, но он не пытался пошевелиться, и даже когда Миа осторожно убрала ладони, руки Гейба остались лежать там, где были.

Сегодня он с радостью позволял ей рулить.

Ликуя, Миа расцеловала его в грудь. Она развела ему ноги и устроилась у него на коленях. Ее руки снова коснулись члена и на мгновение замерли, сжимая возбужденную плоть.

Миа встретила его взгляд, полный жгучей похоти.

Довольно улыбнувшись, она нагнулась и провела языком по головке; затем облизала весь член. Гейб издал протяжный вздох и выгнулся под ее ласками.

— Боже, Миа.

Его голос был тих и крайне напряжен.

Она улыбнулась озорно и уверенно, с сознанием захваченной власти. Гейб сделался таким, как ей хотелось, — податливой глиной в ее руках. Он отчаянно хотел Миа и как будто готов был позволить ей все.

Решительно все.

Как будто перед женщиной с ПМС разложили шоколад.

Она проглотила член, почти затолкав себе в горло. Затем обхватила и сдавила дрожащими губами.

Гейб изнемогал. Его руки взметнулись к ее волосам, и Миа улыбнулась. Недолго же он терпел, но ей понравилось это своеволие. Она любила, когда он вцеплялся в ее гриву.

Однако Гейб по-прежнему разрешал ей диктовать правила. Он не натягивал ее на свой прибор. Он просто хотел занять руки, рискуя иначе сойти с ума.

Миа продолжала сосать, но в своем ритме. Она сама запихивала член глубоко в рот и сама выталкивала, оставляя на шелковой коже влажный след.

— Твою мать, — шептал Гейб. — Господи, Миа. Так, малышка, так. Бери глубже. Я люблю, когда ты кружишь языком.

И она брала. Глубоко. Настолько, что упиралась носом в мошонку. Она самозабвенно замычала, и звук задрожал у корня члена. Гейб схватил ее за волосы и впервые за все время дернулся вверх. Он был напряжен, как стальной канат, и Миа видела игру его мышц.

Ей не хватало воздуха. Она выпустила член изо рта и принялась судорожно хватать воздух, но продолжала сжимать его в руке, работая кистью и пристально глядя на Гейба.

Его глаза курились синим дымом, полные жара и одобрения. Да, ему очень нравилось. Миа с улыбкой устремилась вверх, работая бедрами и не выпуская член, пока не зажала его между ног.

Тогда она приподнялась и ввела головку, а затем без всяких пауз оседлала Гейба, одним плавным движением протолкнув член во влагалище.

Гейб сдавленно вскрикнул. Его руки потянулись к ее бедрам, пальцы впились в кожу, и Миа устроилась поудобнее.

— Как ты прекрасна, — пробормотал Гейб, шаря глазами по ее телу.

Он потянулся к грудям и схватил их, нажимая большими пальцами на взбухшие соски. Миа было приятно, но она поняла, что он затеял не ласкать ее, а доставлять с ее помощью удовольствие себе и только себе.

Она же хотела перевернуть его мир. Укоренить в его сознании, что он не смеет передавать ее никому.

Откинув волосы, Миа принялась гарцевать на его члене, раскачиваясь назад и вперед, поднимаясь и опускаясь. Она чувствовала возраставшее напряжение Гейба, видела это собственными глазами: сведенные мышцы, стиснутые губы, остановившийся взгляд.

Потом Гейб закрыл глаза.

— Глаза! — хрипло велела она, повторяя знакомую команду. — Когда ты кончаешь, я хочу видеть твои глаза.

Он подчинился, его зрачки были расширены. Гейб раздул ноздри, продолжая стискивать зубы, но не сводил взгляда с Миа.

— Как скажешь, малышка.

Она ликовала. Она была счастлива. Вздох долгожданного удовлетворения сорвался с ее губ; Миа таяла и плыла.

Она увеличила силу и скорость движений, все ближе подводя его к оргазму. Гейб выпятил челюсть. Его глаза сверкнули, и он издал не то стон, не то возглас, которого она не разобрала. Она видела, как он кончил. За миг до взрыва она поняла это по его глазам. Они ярко вспыхнули, затем подернулись пленкой. Он сдавил ее талию, оставляя следы.

Но потом рука Гейба скользнула ниже, к клитору. Он привычно надавил пальцем на бугорок, ходивший ходуном вместе с Миа.

Ее глаза начали закрываться, и тут впервые раздался его приказ:

— Глаза! Смотри на меня, Миа. Я должен видеть, как ты кончаешь.

Она покорно сосредоточила взгляд на нем. Ее оргазм нарастал, надвигался, как штормовая волна. До сих пор Миа несло через бурю, и вот настал черед Гейба поставить ее на якорь. Гейб погладил ее по спине, продолжая массировать клитор.

Миа накрыло. Ей было не усидеть прямо, как будто она разваливалась на части. Она напряглась, затем обмякла, подалась вперед и послушно позволила Гейбу обнять ее и прижать к себе. Оргазм сотрясал ее, подобный торнадо.

Гейб крепко держал ее, мысли роились. Он благоговел. Смирялся. Но прежде всего он был несказанно благодарен Миа.

Он не знал, как выразить словами все, что она сейчас подарила. Она любила его после всего, что он ей причинил, и по-прежнему доверяла ему, бескорыстно вручая себя.

Гейб был захвачен сокровищем, которое сжимал в объятиях. Он жаждал абсолютной власти и в то же время ненавидел себя за вчерашний вечер. Но Миа — нет. Вынести это было выше его сил.

Миа затронула недоступную часть его существа, которую Гейб ревностно охранял годами; она же проникла туда без усилий. Она вошла в его жизнь и сердце, как родная.

Кошмар был в том, что Гейб убедился: так и есть.

Глава тридцать третья

Париж стал испытанием, однако последняя ночь явилась поворотным пунктом в отношениях Миа с Гейбом. Теперь он еще яростнее стремился защитить ее от всего на свете, но главное — он начал проявлять нежность... эмоциональную нежность, которой не было прежде.

Миа растрогалась. Она осмелилась мечтать, что со временем их свяжет не только контракт. Она любила Гейба и с каждым днем все сильнее подпадала под его чары. Любовь наполняла ее терпением и надеждой.

Удручало одно: необходимость скрывать их отношения. От мира. От Джейса. Особенно от Джейса.

По возвращении Миа из Парижа брат сразу заметил ее подавленность и поинтересовался, в чем дело. Она сослалась на легкое расстройство желудка и смену часовых поясов. Дай бог здоровья Кэролайн за виртуозный макияж. Ссадину удавалось скрывать, пока она не исчезла.

По возвращении Миа из Парижа брат сразу заметил ее подавленность и поинтересовался, в чем дело. Она сослалась на легкое расстройство желудка и смену часовых поясов. Дай бог здоровья Кэролайн за виртуозный макияж. Ссадину удавалось скрывать, пока она не исчезла.

Приближался День благодарения. Родители Гейба пригласили его к себе. Еще недавно он с

трудом привыкал к их разрыву, однако привыкнуть к воссоединению оказалось намного труднее. Глядя на отца, он не мог забыть о его предательстве и продолжал всячески оберегать мать.

У Миа не было четких планов на праздничные дни. Гейб разрывался между нею и родителями. Миа настаивала, чтобы он ехал к ним — всего-то на день. Если Джейс останется в городе, она будет с ним, а если уедет — отпразднует с Кэролайн, которая звала ее к своим родным.

Гейб не хотел покидать ее, но что он мог сделать? Пришлось бы заявить об их связи, а он был по-прежнему категорически против.

— Ты вбила заявки в план презентации для встречи с Джеймсом и Эшем? — спросил он.

Миа подняла голову. Гейб ласково смотрел на нее. Да, его отношение к ней разительно изменилось. Он стал более... человечным. Таким он мог ее полюбить.

— Заканчиваю, остались две. Как только получу данные, сразу внесу.

Гейб одобрительно кивнул.

— На этой неделе мы окончательно определимся с подрядчиками. Возможно, перед Рождеством мне снова понадобится слетать в Париж. Хочешь со мной?

Это была еще одна новая черта в поведении Гейба. Прежде он никогда не спрашивал о ее желании, касалось ли это обыденных дел или поездок. Он просто говорил, *что* она должна делать или *где* должна быть, не оставляя ей никакого выбора.

А теперь? Теперь он перестал требовать. Как правило, Миа догадывалась, чего он хочет, но приказам пришел конец.

— Париж в Рождество? С удовольствием, — ответила Миа, захваченная перспективой.

Гейб улыбнулся с нескрываемым облегчением:

— Тогда я распланирую дела так, чтобы у нас был лишний день посмотреть все, что не успели.

Если раньше его потакания выглядели забавными, то сейчас они превратились в абсурд. Не мужчина, а сказка — заботливый и чуткий к любому ее чиху.

Миа была счастлива. Она наслаждалась каждым его нежным прикосновением, каждым обеспокоенным взглядом, вниманием ко всем мелочам ее жизни.

Телефон Гейба зазвонил, и тот ответил. Миа сразу поняла, что это мать, так как, беседуя с ней, Гейб разительно менялся.

Эти разговоры не бывали короткими. В последнее время она звонила ему чуть ли не ежедневно. Примирение с мужем давалось ей нелегко, и она рассчитывала на моральную поддержку Гейба.

Миа взглянула на часы. Время ланча уже прошло. Гейб трудился все утро не разгибаясь. Она не знала, устроит ли он обеденный перерыв или будет работать до самого совещания.

Приняв решение, Миа встала и взяла сумочку. Гейб поднял голову и вопросительно посмотрел на нее.

«Ланч, — проговорила она беззвучно. — Я принесу тебе чего-нибудь».

Он кивнул, затем прикрыл трубку и напомнил:

— Свитер надень, там холодно. Может быть снег, не поскользнься.

Она улыбнулась, тронутая заботой. Вернувшись к столу, она надела припасенный свитер и послала Гейбу воздушный поцелуй. Тот просиял.

Погода бодрила, отчетливо пахло снегом. Серое небо дышало холодной сыростью — идеально для праздника.

Миа чуть не вприпрыжку миновала квартал и дошла до закусочной, где они с Гейбом часто брали еду навынос. Ей нравилась эта пора, когда одно время года сменялось другим. А Рождество она вообще всегда ждала с нетерпением.

До Дня благодарения оставалась всего неделя, но многие магазины уже украшали свои витрины рождественскими гирляндами и выставляли товары к Рождеству.

Ветер забрался под свитер; Миа поежилась и быстро скользнула в двери.

Через пять минут она протолкнулась сквозь толпу и вышла с двумя пакетами. На нос ей тут же упала крупная дождевая капля. Миа прибавила шагу. Начало моросить. Зонтик она не взяла, рассчитывая, что не успеет промокнуть.

Дождь все усиливался. Не мог подождать, пока она вернется в офис?

Она пошла быстрым шагом, втягивая голову в плечи. Завернув за угол и будучи почти у цели, Миа налетела на прохожего и выронила пакет. Извинившись, она нагнулась в надежде, что еда уцелела. Когда она выпрямилась, прохожий стоял и смотрел на нее.

При взгляде на его лицо Миа затошнило. Чарльз Уиллис. Человек, ударивший ее в парижском отеле. То, что они столкнулись именно здесь, едва ли было совпадением.

Миа попятилась. Чарльз схватил ее за руку и оттащил к стене. До входа было несколько шагов. Миа беспокойно огляделась, прикидывая, куда бежать.

— Не трогайте меня! — выпалила она. — Гейб вас убьет.

Лицо Чарльза скривилось в отвратительной гримасе.

— Из-за твоих воплей Гейб совсем рехнулся. Он пытается выкинуть меня с конкурса. Не желает иметь со мной дело, а это подрывает мою репутацию. Мне нужен этот контракт, и я бы его получил, но ты все изгадила.

— Я изгадила? — взвилась Миа. — Ах ты, кобель! А кто меня ударил? Это я все испортила, да? Хрен моржовый!

— Заткнись! — прошипел Чарльз, притискивая ее к стене и крепче держа за руки.

— Уберите руки! — предупредила Миа. — Немедленно отпустите меня!

Его руки напоминали тиски, и было ясно, что останутся синяки. Единственным желанием Миа было вырваться от этого мерзавца и вернуться к Гейбу. С ним было безопасно, он мог защитить

ее от чего угодно.

Дождь хлестал по лицу, и Миа моргала, чтобы лучше видеть. Свитер намокал, и ей становилось все холоднее.

— Нам есть о чем поговорить, — возразил Чарльз. — Мне нужна служебная информация по заявкам. Я знаю, у тебя есть к ней доступ. Мой единственный шанс — предложить свои услуги дешевле, чем конкуренты, и тогда «ХКМ» клюнет и отдаст подряд мне. Я потеряю деньги, но сохраню репутацию. Мне нужна эта сделка, Миа, и ты мне поможешь.

— Вы что, спятили? Я не скажу ни слова. Я никого не предаю, тем более Гейба или своего брата ради такой мрази. Пустите меня, или я закричу на всю улицу.

— На твоём месте я бы не стал этого делать, — негромко ответил Чарльз.

Он вытащил из кармана мобильник. Миа мотнула головой, стряхивая капли, мешавшие смотреть. На дисплее был снимок... У нее перехватило дыхание. Такого не могло быть. Такого просто не могло быть!

— Боже мой, — прошептала она.

Ее сейчас стошнит. Она не хотела верить своим глазам. На снимке была она. Связанная, стоящая на коленях, с членом Гейба во рту, с раздувшимися щеками, поскольку тот был засунут почти до упора.

Чарльз нажал кнопку. Другой снимок запечатлел ее разложенной на кофейном столике и связанной, с закрытыми глазами. Над ней стоял Чарльз, положивший руку ей на голову. Другой рукой он пытался запихнуть ей в рот свой прибор. Значит, снимал кто-то другой? Какая сволочь посмела это сделать?!

Чарльз нажал кнопку. Другой снимок запечатлел ее разложенной на кофейном столике и связанной, с закрытыми глазами. Над ней стоял Чарльз, положивший руку ей на голову. Другой рукой он пытался запихнуть ей в рот свой прибор. Значит, снимал кто-то другой? Какая сволочь посмела это сделать?!

Миа собралась с силами, чтобы ее не вывернуло прямо на тротуар.

— Ну ты и сволочь! — прошипела она.

Можно было не спрашивать, где он взял эти снимки. Хуже всего было то, что их уже наверняка кто-то видел.

— А теперь, Миа, поговорим о нашей сделке, — сказал Чарльз и крепче стиснул ей руку, чувствуя, что она готова вырваться. — Либо ты снабдишь меня информацией, либо я пушу гулять по миру эти картинки. Представляешь, как отреагирует твой братец, увидев в Интернете успехи своей сестренки? Ты прославишься, но не так, как хотела бы.

Холод пробрал ее до костей, и тело превратилось в ледышку. Миа оцепенело смотрела на Чарльза и понимала: он это сделает. Об этом говорили отчаяние и решимость в его глазах.

— Сукин ты сын! — прохрипела она. — Ты угрожаешь мне снимками, на которых сам меня насилуешь?

— Обдумай это, — отозвался он мрачно. — Жду твоего звонка не позднее пятницы. Иначе я постараюсь, чтобы эти картинки увидел весь мир.

Чарльз выпустил ее руку и зашагал прочь, быстро смешавшись с толпой прохожих под куполами зонтов. Все спешили поскорее убраться с улицы.

А Миа продолжала стоять, шокированная увиденным. Дождь хлестал ее по лицу, но она уже ничего не чувствовала и думала только о жуткой ситуации, в которой вдруг оказалась.

Если она предаст Гейба, то потеряет его навсегда. Гейб без сожаления вышвырнет ее из своей жизни. Если нет — Чарльз выполнит угрозу. Снимки вырвутся в мир. Их увидит Джейс и еще многие. Все. Это не только погубит дружбу Джейса и Гейба, но и, скорее всего, положит конец их деловым отношениям. Репутация Гейба вновь окажется под ударом. Его обвинят в жестоком обращении с женщиной. Однажды он выпутался, но как ему быть теперь? Люди скажут, что дыма без огня не бывает.

Миа прижала к груди намокшие пакеты и побрела к входной двери. От паники она сделалась неуклюжей. Сердце колотилось так быстро, что мешало думать.

Она с нарастающим ужасом вошла в лифт. Что же ей делать?

Да, она имела доступ к тем сведениям. Передать их Чарльзу было легко, однако этим ее беды не кончатся. Даже если Чарльз предложит свои услуги по демпинговой цене, Гейб не захочет иметь с ним дело. В итоге Чарльз все равно придет в бешенство и почти наверняка отомстит Гейбу, опубликовав эти гнусные снимки.

И все-таки как ей быть?

Когда Миа вернулась в кабинет, Гейб уже не говорил по телефону. Едва увидев ее, он вскочил на ноги и бросился к ней. Лицо у него было встревоженным.

— Миа, где тебя носило? Ты вся промокла! Почему не взяла зонт?

Он выругался при виде мокрого свитера, взял пакеты и отложил не глядя.

— С тобой все в порядке? На тебе лица нет, как будто увидела привидение.

— П-просто з-замерзла, — стуча зубами и запинаясь, ответила Миа. — Не подумала о дожде. Ничего страшного. Успокойся, Гейб.

— Да ты же продрогла, — пробормотал он. — Сейчас отвезу тебя домой, переоденешься в сухое. Так и заболеть недолго.

Миа замотала головой и попятилась столь решительно, что Гейб пришел в недоумение.

— У тебя важная встреча, — сказала она. — Совсем незачем ехать со мной.

— Да плевать мне на встречу, — не выдержал Гейб. — Ты важнее.

Она стояла на своем:

— Пусть отвезет шофер. Я приму горячий душ и переоденусь, честное слово. Смогу вернуться через полтора часа.

Теперь уже Гейб замотал головой:

— Нет. Возвращаться не нужно. Отправляйся домой и грейся. Жди меня. Я вернусь сразу, как закончится встреча.

Миа кивнула. Холод не только не покидал ее — он проникал еще глубже. Оказавшись после промозглой улицы в тепле кабинета, она начала дрожать. Надо скорее успокоиться, иначе Гейб заподозрит неладное.

Она заставила себя улыбнуться и указала на пакеты:

— Еда не пострадала. Гейб, тебе обязательно нужно поесть, ты весь день голодный.

Гейб погладил ее по мокрой щеке и поцеловал в холодные губы:

— Обо мне не беспокойся. Пакеты отвезешь домой, грейся и отдыхай. Я скоро приеду.

У Миа защемило сердце. Слова были добрыми, участливыми, но они не могли избавить от ужаса перед грядущим выбором. Ей нужно было подумать.

У нее заболела голова. Тупая ноющая боль в висках в сочетании с ознобом подкашивала Миа медленно, но верно.

Гейб накинул Миа на плечи свой пиджак и стал растирать ей озябшие ладони.

— Давай иди, — сказал он мрачно. — Я провожу тебя до машины. Если что-нибудь понадобится, обязательно позвони. Договорились?

Ее улыбка была слабой и натянутой.

— Со мной все будет хорошо.

Ей было ненавистно ему лгать.

Глава тридцать четвертая

В прихожей было темно, и Гейб нахмурился. Может, Миа неправильно поняла и поехала к себе?

По возвращении из Парижа они все ночи проводили вместе, не считая той, когда Джейс снова пригласил сестру на обед и после отъезда домой. Всего одна ночь без Миа повергла Гейба в подавленное состояние, и он пришел на работу мрачнее тучи.

Он вошел в гостиную и облегченно вздохнул, увидев Миа, крепко спавшую на диване. Газовый камин был включен. Миа лежала, укутавшись в несколько одеял.

Гейб снова нахмурился. Может, она подцепила грипп? Он стал вспоминать прошедший день. Все было прекрасно, пока Миа не отправилась за этим чертовым ланчем. Веселая, довольная, бодрая. Прекрасная, как всегда. Гейб с ужасом думал, что больше не в силах обойтись в офисе без Миа. Она стала неотъемлемой частью рабочего дня. Люди начинают утро с кофе, а Гейб нуждался только в ней.

Он склонился над Миа в поисках лихорадки и увидел покрасневшие, припухшие веки. Это не грипп. Как будто она... плакала. Что за черт?

Что могло случиться? Что она скрывала? Гейбу хотелось немедленно разбудить Миа и потребовать ответа, но он не решился нарушить ее сон. Она выглядела усталой, под глазами залегли круги. Ночью так не было. Может, он был груб и требовал слишком много? Не в этом ли причина ее недуга?

Ужас сковал его изнутри. Вдруг она устала от него? Он даже не обещал ей «сбавить обороты». Когда люди привыкают друг к другу, они отдаляются и чувства притупляются. С Миа все было наоборот. С каждым днем Гейб нуждался в ней все больше. Время лишь обостряло эту потребность. Он был идиотом, когда решил, что чужие руки докажут его эмоциональную независимость и он не взовьется.

Он все еще хотел молить о прощении всякий раз, когда вспоминал тот постыдный парижский вечер. Миа уже простила его, но чувство стыда не отступало, и Гейб был готов валяться у нее в ногах.

Он все еще хотел молить о прощении всякий раз, когда вспоминал тот постыдный парижский вечер. Миа уже простила его, но чувство стыда не отступало, и Гейб был готов валяться у нее в ногах.

Он ее не заслуживал и знал это. Но будь он проклят, если ему хватит сил признаться и отпустить ее. Тогда ему конец.

Гейб посмотрел на часы. Он вернулся позже обещанного, время обедать. Поела ли Миа? Пройдя на кухню, Гейб мигом получил ответ. Пакет стоял нетронутый. Коробка с едой не распечатана. Гейб тихо выругался. Ей нужно было поесть.

Он принялся шарить в кухонных шкафчиках в поисках консервированного супа. Закупкой продуктов ведала приходящая экономка. По пятницам Гейб вручал ей список и говорил, что приготовить на выходные, но в будние дни он обычно обедал вне дома. Запаса продуктов у него не было. Сам Гейб об этом не думал, а экономка выполняла лишь то, что он ей велел.

Не найдя ничего приличного, Гейб позвонил дежурному консьержу и передал заказ. Получив заверения, что все будет сделано, он повесил трубку и взялся за аптечку в поисках градусника и лекарств.

Беда была в том, что он не знал, чем больна Миа. Возможно, у нее не грипп, а обычная простуда или что-то желудочное. Неужели придется ее будить и спрашивать?

Решив обождать, Гейб вернулся в гостиную. Одеяла съехали, и Миа наполовину раскрылась. Гейб поправил их, подоткнул, потом осторожно поцеловал ее в лоб, проверяя, нет ли жара.

Тот был теплым, но не пылал. Дышала она тоже нормально.

Гейб прибавил огня в камине, переоделся в домашнее и стал ждать, когда доставят заказанный для Миа суп.

Ему было чем заняться. Он поехал домой сразу после совещания, так до конца и не прояснив все вопросы финансирования, а это требовалось сделать до встречи с Джейсом и Эшем, где будут обсуждаться тендеры на строительство. Но Гейб не стал забивать этим голову. Взяв планшетный компьютер, он сел на диван напротив того, на котором лежала Миа.

Она благотворно действовала на Гейба, вдохновляя на мысли не только о работе и бизнесе. Ему нравилось просто быть с ней, занимаясь чем-то приятным, например читать в тишине.

Миа пришла в детский восторг, когда Гейб подарил ей электронную читалку последней модели, закачав туда коллекцию ее любимых книг. Она бросилась ему на шею, крепко обнимая и награждая поцелуями. Во всем этом было столько детской непосредственности, что Гейб смеялся от души.

Ей невозможно было противостоять, она очаровывала, была для Гейба... светом в окне. Гейб не привык к сантиментам и поежился. Он думал и действовал с преувеличенным драматизмом, словно подросток. Слава богу, никто не мог прочесть его мысли, иначе он бы и пикнуть не смел на деловых совещаниях.

Мужчины его уровня должны вызывать трепет. Их боятся. Они холодны и недосягаемы. Узнай кто-нибудь, что его «криптонитом»[5] является хрупкая брюнетка с улыбкой на миллион долларов, Гейб Хэмилтон стал бы посмешищем.

Услышав сигнал мобильного, Гейб полез в карман за телефоном и прочел сообщение от консьержа. Тот уже поднимался с супом. Гейб поспешил в прихожую. Поблагодарив консьержа, он понес суп в кухню.

Тот был обжигающе горячим, и греть его было незачем. Гейб наполнил глубокую тарелку, добавив пару тостов. Затем полез в холодильник за любимым напитком Миа — это был лимонад с черной смородиной. Миа его обожала, и экономке было велено регулярно пополнять запасы.

Теперь у Гейба было полно продуктов, любимых Миа. Он все запомнил и припасал — только бы она чувствовала себя как дома и не имела повода уйти.

Гейб вернулся в гостиную, поставил на кофейный столик поднос: суп, тосты, газировку. Он и сейчас не хотел будить Миа, но ей нужно было поесть, а ему — выяснить, что с ней творится, и в случае нужды связаться с личным врачом.

— Миа, — тихо позвал он. — Миа, дорогая, просыпайся. Я принес тебе поесть.

Она дернулась, сонно отказалась и повернулась на другой бок.

Гейб хмыкнул. Обычно Миа не капризничала и сразу же просыпалась.

Он погладил ее по лицу, наслаждаясь шелковистостью кожи.

— Миа, малышка, вставай. Хватит лежать. Открой свои красивые глазки.

Миа открыла глаза. Ее блуждающий взгляд натолкнулся на Гейба. К своему удивлению, он заметил в нем страх и что-то еще, чему не мог подобрать названия. Тревога? Беспокойство?

В чем дело, черт побери?

Миа зевнула, протерла глаза и села, стараясь не смотреть на Гейба. Она завернулась в одеяла, соорудив из них защитный барьер.

Гейб еле сдержался, чтобы не потребовать ответа немедленно. Сейчас она выглядела на удивление ранимой. Такой он ее не видел с того самого вечера в Париже. Ему стало дурно, едва он вспомнил.

— Ну-ну, соня, — мягко сказал Гейб. — Я заказал горячий суп. Вижу, ланч ты не тронула.

— Я сильно замерзла и хотела согреться, — поморщилась Миа. — Аппетита не было.

— А как ты себя чувствуешь? Тебе нездоровится? Я могу позвонить своему врачу.

Миа облизала губы и покачала головой:

— Все хорошо. Честное слово. Ты же знаешь: стоит согреться — и сразу тянет спать. Вот я и прилегла. Ты не думай, я не простыла. Все в порядке.

Гейб не поверил ей и сам не мог понять почему. Даже если Миа не простудилась, с ней было что-то не так. Судя по лицу, она плакала. Или ему мерещится? Может, просто терла глаза, пока не заснула.

— А сейчас есть хочется?

— Ужасно, — кивнула она.

Миа нацелилась на поднос. Гейб протянул руку, помогая ей. Их пальцы переплелись. Миа уселась на краю дивана.

— Спасибо, — хрипло произнесла она. — Ты очень заботлив, Гейб.

Она не впервые так говорила, но всякий раз Гейба одолевало чувство вины. Если бы он по-настоящему заботился о ней, как она этого заслуживала, он ни за что не позволил бы постороннему дотронуться до нее.

Гейб смотрел, как она ест, и ему все сильнее хотелось обнять ее, прижать к себе и защитить от всех горестей. Желание было неодолимым, неотступным и неуправляемым. Сила его влечения не подчинялась логике. Рядом с ней он терял рассудок, и ни о какой дистанции не могло быть и речи.

Закончив есть, Миа отбросила одеяла. К восторгу и удивлению Гейба, она потянула его на себя и прижалась к нему, как только он лег.

Гейб приобнял ее одной рукой, а другой потянулся к сваленным на полу одеялам. Он укрыл их обоих и обнял Миа как следует, зарылся в ее волосы, довольный, что Миа рядом и ей уютно.

— Спасибо за обед, — сказала она. — Обними меня крепче, это все, что мне нужно.

Ее слова отозвались у него в сердце. Они были сказаны совершенно искренне и с удивительной простотой. Миа никогда ничего у него не просила. Она была на редкость неприхотливой. Ее совершенно не волновали ни деньги, ни вещи. Все ее просьбы были бесхитростны. Обнять ее. Приласкать. Успокоить.

Мысль о подобной власти над Миа должна была тешить мужское тщеславие Гейба. Не этого ли он добивался? Полного контроля над нею. Полного подчинения его воле. Но вместо этого Гейб все яснее понимал, что может сломать Миа.

— Хочешь сидеть у камина или отнести тебя в постель? — спросил Гейб, глядя ее волосы.

Миа что-то сонно промычала, потом сказала:

— Давай побудем здесь. У огня здорово. Наверное, уже снег пошел.

— Если и пошел, то с дождем, — усмехнулся он. — Для зимы еще рано.

— Голова болит, — вдруг призналась Миа, утыкаясь ему в подмышку.

— А что же ты раньше не сказала? — мягко упрекнул ее Гейб. — Сильно болит?

— Противная такая боль, — пожалала плечами Миа. — Я, когда приехала, приняла ибупрофен. Надеюсь, посплю и все пройдет.

Гейб осторожно выбрался из ее объятий, откинул одеяла, встал. Он прошел на кухню, открыл аптечку и достал пузырек с болеутоляющим.

Увидев, что он принес, Миа поморщилась:

— Я тупая от этих таблеток.

— Ничего, это временно. Зато голова пройдет, — терпеливо ответил Гейб. — Пей, не упрямясь. Мы посидим, пока тебе не захочется спать, а потом ляжем. Если к утру не почувствуешь себя лучше, останешься дома.

— Да, сэр, — сказала она, и ямочки на ее щеках порозовели.

Гейб дал ей таблетку, протянул полупустую бутылку с лимонадом и проследил, как Миа выпила. Сразу после этого он притянул ее к себе и вновь завернулся вместе с ней в одеяло.

Она благодарно вздохнула и уткнулась лбом в его шею.

— Как хорошо, что я с тобой, Гейб. Я ни секунды не жалею о своем решении.

Сказано это было совсем тихо, на грани слышимости. Когда до Гейба дошел смысл, он так обрадовался, что не сразу ответил. Но потом ему открылось второе дно, как будто слова Миа были прелюдией к прощанию. Такую возможность Гейб даже не рассматривал. Он был готов сделать все, лишь бы знать, что она никуда не уйдет.

— Я тоже рад, что ты со мной, — сказал он тихо.

Глава тридцать пятая

Миа надела куртку, собираясь покинуть квартиру Гейба. Тот не обрадуется, когда она явится в офис. Утром он, уходя, строго-настрого велел ей оставаться в постели и отдыхать.

Он думал, что она заболевает, грешил на простуду или желудочную инфекцию.

Большую часть дня она провела в оцепенении от страха. Паника была столь велика, что Миа не соображала, как быть. Срок истекал. Наступила пятница, и Чарльз ждал.

Под ложечкой ныло. Миа трясло, когда она спускалась вниз, садилась в машину и ехала в офис Гейба — свой офис.

Она взвесила все варианты и поняла, что может выбрать только один: поехать к Гейбу,

рассказать ему правду и положиться на его возможности уладить дело. Предать его Миа даже не думала. Она не знала, есть ли у них будущее и какое, но сейчас им следовало перехватить инициативу, все рассказать Джейсу и лишить Чарльза преимуществ.

Вчера она улеглась в пижаме с длинными рукавами, сославшись на озноб. На самом деле она не хотела, чтобы Гейб увидел синяки, оставленные Чарльзом. Гейб обязательно заметил бы их и потребовал объяснений, но в голове у нее была каша, и Миа не могла начинать разговор, не подумав.

Она потеряла руки сквозь плотную кожаную куртку. Машина ползла в утреннем потоке транспорта. Миа, покусывая губы, продолжала размышлять.

В воздухе снова висела дождевая морось. Не было ни снега, ни ветра, ни даже слякоти — лишь холод, сырость и серые тучи. Небеса грозили лопнуть в любой момент.

Они приехали. Миа быстро выбралась из машины и метнулась к дверям, чтобы снова не промокнуть. В лифте ее тревога усиливалась с каждым этажом.

Элинора была удивлена:

— Миа, мистер Хэмилтон сказал, что вам нездоровится и вас сегодня не будет. Вам стало лучше?

— Чуть-чуть, — слабо улыбнулась Миа. — Гейб у себя?

Элинора кивнула.

— Пожалуйста, не переключайте на него звонки, пока он не скажет, что освободился, — негромко попросила Миа. — Нам нужно обсудить серьезное дело.

— Конечно, — кивнула Элинора. — Если вам понадобится ланч, позвоните мне, и я закажу.

Последнюю фразу Миа оставила без внимания. Она устремилась к кабинету Гейба, испытывая нарастающий ужас. Ей была ненавистна сама мысль, что придется рассказывать Гейбу о снимках, показанных Чарльзом. О его угрозах. Ей отчаянно не хотелось ворошить случившееся в Париже. Они с Гейбом предали это забвению.

Услышав шаги, Гейб недовольно сдвинул брови. Он оторвался от бумаг, но при виде Миа сразу вскочил из-за стола и набылчился:

— Миа? Какого черта ты здесь делаешь? Все в порядке? Ты должна была лежать.

Он обнял Миа за плечи, прижал к себе и взгляделся в ее лицо, словно пытался распознать симптомы.

— Мне нужно тебе кое-что сказать, — пролепетала Миа. — Насчет вчерашнего дня... и того, что случилось на самом деле.

Гейб отстранился, чтобы лучше ее видеть, и ужаснулся выражению ее лица. В висках застучало. Он испугался. С Миа творился какой-то кошмар. Такого еще не бывало. Казалось, она провела бессонную ночь. Она была измучена и сломлена.

Он вспомнил, как накануне ему почудилось, что она плакала. И вот она признается: страшась какая-то беда.

— Присядь, — выдавил Гейб.

Он потянул Миа к дивану, но она замотала головой и даже вырвала руку.

— Я не могу сидеть, Гейб. Я слишком волнуюсь. Стоя мне легче говорить. Я должна рассказать тебе все и молюсь, чтобы ты не разозлился — на меня.

Теперь Гейб забеспокоился всерьез. Он ничего не понимал, хоть убей. Вчера все было безоблачно — до ланча. Она ушла за едой и вернулась, промокшая до нитки, чуть ли не в шоке.

Он нахмурился сильнее, поймав ее ответный взгляд, — беззащитность светилась в нем, как маяк. Она боялась. Он содрогнулся, поняв, что страх внушал либо он сам, либо его реакция на ее рассказ.

Стремясь разрядить атмосферу, Гейб провел по рукавам ее куртки и чуть сжал ей плечи. Она вздрогнула и быстро отдернула руку, мгновенно зажав место, к которому он прикоснулся.

Какого черта?

— Сними куртку, — сказал он твердо.

Миа переминалась с ноги на ногу, шумно дыша. В глазах сверкнули слезы, приведшие его в ступор.

Не желая ждать ни секунды, Гейб стал раздевать ее сам — стянул куртку с плеч, затем взялся за рукава. Миа не сопротивлялась, но отводила глаза. И вот куртка упала на пол. Гейб сразу увидел плечо. Рукава кофточки были короткими, скрыть синяки уже было невозможно.

Он выдохнул, взирая на багровые кровоподтеки, и хотел было дотронуться, но не стал, опасаясь сделать ей больно.

Взяв Миа за другую руку, он увлек ее к свету:

— Что случилось?

Гейб осторожно прикоснулся к отметинам, и в висках у него застучало, когда он осознал, что те отчаянно похожи на отпечатки пальцев, как будто кто-то схватил Миа за руку и держал. Мужская рука.

Взяв Миа за другую руку, он увлек ее к свету:

— Что случилось?

Гейб осторожно прикоснулся к отметинам, и в висках у него застучало, когда он осознал, что те отчаянно похожи на отпечатки пальцев, как будто кто-то схватил Миа за руку и держал. Мужская рука.

По щеке Миа скатилась слеза, и она быстро утерла ее свободной рукой. Гейба сковал страх. Что с ней случилось? Ужас, поселившийся внутри Гейба, растекся ядовитым туманом.

— Кто это сделал?

Голос Гейба звучал тихо и угрожающе. Он еле сдерживался. Он собирался найти и убить скота, посмевшего обидеть его Миа.

— Чарльз Уиллис, — прошептала Миа.

— Что?!

Его вопрос прозвучал как взрыв, и Миа вздрогнула. Она положила руку Гейбу на грудь. Тот трясся от ярости, и Миа это знала. В ее глазах, полных слез, стояла мольба.

— Я столкнулась с ним на улице, когда возвращалась из закуской. Неподалеку от наших дверей. Он потребовал от меня сведения о стоимости заявок на строительство парижского отеля. Он сказал, что снизит цену, чтобы обойти конкурентов, и тебе придется отдать контракт ему, невзирая на ваши трения.

Гейба охватило дурное предчувствие.

— И ты отдала ему эти сведения? — спросил он.

«Неужели она из-за этого весь вечер была сама не своя? Боялась, что я разозлюсь на нее?»

— Нет! — почти закричала Миа.

Негодование было неподдельным, ее шокировал сам вопрос.

— Так это он схватил тебя за руку? — осведомился Гейб. — Да я убью его!

— Это не все.

Миа отвернулась и обхватила себя руками, чтобы унять дрожь.

— Он угрожал мне, Гейб. И показывал... снимки.

— Какие еще снимки?

Она вновь обратила к нему лицо, полное боли.

— Наши снимки, — ответила она, давась словами. — С того вечера. Я связанная, на коленях, когда ты... мне в рот.

Теперь Миа тряслась с головы до пят, особенно руки. Казалось, она вот-вот лишится чувств.

— Было и другое фото. Я на столике, а он... сует...

— Сукин сын!

Гнев Гейба уподобился шторму. Миа попятилась, вновь обхватив себя за плечи.

— Он с-сказал... если я не д-дам ему сведения, он р-разместит эти с-снимки везде. Грозил рассказать Джейсу. И разорить тебя.

Гейб оцепенел. Он даже не мог сообразить, что сказать, хотя напрашивалось множество слов. Ярость мешала ему думать. Он пригладил волосы, потом провел рукой по лицу, пытаясь оценить степень угрозы.

Миа бросилась к нему, на ее лице ясно читались мольба и искренность.

— Гейб, я должна была тебе это рассказать. Должна была приехать и рассказать. Я не могла и

не хотела тебя предавать. Но у него есть снимки. Понимаешь? У него есть снимки! Он был зол и в отчаянии. Он дал мне срок до выходных. Сегодня последний день, когда я могу позвонить.

Гейб уронил руку. Он ошеломленно смотрел на Миа. Она не предала его. Она мучилась весь вечер, но сегодня все рассказала. Ее глаза умоляли его что-нибудь сделать. Боже, она продолжала верить ему даже после того, что он сделал с ней в Париже. Это его вина. Он виноват в том, что эта сволочь наснимала ее в недопустимом виде.

Сердце Гейба бешено стучало, готовое выпрыгнуть. Другие на месте Миа предали бы его не задумываясь. Даже если бы Миа, спасая себя, выдала Чарльзу эти чертовы сведения, Гейб и тогда не имел бы права роптать. Но Миа этого не сделала. Она пришла к нему, она рассказала ему все, хотя и понимала, что страшно рискует.

Это не укладывалось в голове. Он стоял и, затаив дыхание, смотрел на Миа. Он узнал о ее поступке, но пока не мог осмыслить его величия.

Она выбрала его, Гейба. Выбрала вопреки опасности бесчестья и унижений. Она предпочла его Джейсу.

Боже, она простила ему то, что не заслуживало прощения. Вместо того чтобы расвирепеть и оскорбиться при виде снимков, где были в подробностях запечатлены вещи, которые проделывал с нею Гейб, она выбрала верность ему, пришла к нему в надежде, что он все уладит и защитит ее!

Такая вера ошеломила Гейба. Люди не раз предавали его, и он к этому привык. От большинства он и не ждал иного. Если бы и Миа, защищая себя, тоже пошла на предательство, он бы не стал ее винить.

Но она не сделала ничего подобного, а явилась к нему — оскорбленная, испуганная, растерянная. Гейб не заслуживал и капли ее доверия, и все же она пришла.

Не в силах больше вынести ее страх и смятение, Гейб быстро притянул Миа к себе и обнял так крепко, что чуть не задушил в объятиях. Он зарылся лицом в ее волосы, закрыл глаза и вдыхал ее запах, пропитываясь ею.

Она отпечатывалась во всем его существе стойким, несмываемым клеймом.

— Миа, дорогая моя, милая Миа, — прошептал Гейб. — Я так тебя подвел, а ты все равно мне поверила и пришла.

Миа отстранилась от него, и между ними вновь возникла ненавистная дистанция. Она обезумела от горя и страха. Неудивительно, что вчера она находилась в шоке. Эта скотина не только сделал ей больно, но вдобавок унизил и напугал.

— Я не могла тебя предать, — выдавила Миа. — Боже, Гейб, я пропала. Тебе это ясно? Если бы я передала Чарльзу сведения, ты бы вырезал меня из жизни, как хирург скальпелем удаляет злокачественную опухоль. Теперь он нас опозорит. Джейс все узнает, вашим делам и дружбе конец. Не говоря о том, что скажут о тебе. Судя по этим снимкам... — Она замолчала, борясь с подступающими рыданиями. Потом проглотила комок, пытаюсь собраться. — Выглядит так, будто ты заставляешь меня... и видно, чем ты занимаешься... Это черт знает что, а не снимки.

Гейб уже знал, что делать, и мысль пронеслась в мозгу, подобно неуправляемому товарняку. Но Миа должна была успокоиться. Она нуждалась в нем и его утешении.

Она верила ему, как никто, безоговорочно, и Гейб знал, что будет проклят, если обманет ее.

— Я все улажу, — сказал он тихо. — Не надо переживать. Выкинь это из головы.

В ее глазах мелькнуло облегчение и зажглась надежда. Миа больше не отводила взгляд. По ее щекам тянулись две мокрые дорожки, и Гейб вытер их, а затем поцеловал. Он вдыхал ее аромат, вкушал ее сладость. Его поцелуи убрали следы слез. Он целовал ее веки, губы, щеки и снова губы.

Но стоило ему отстраниться, и Миа разрыдалась по-настоящему. Ей было не сдержаться. Слезы текли рекой. Она стояла, понуриив плечи. У Гейба разрывалось сердце.

— Миа, маленькая моя, дорогая, не плачь, — уговаривал он.

Потом, не дав ей опомниться, Гейб увлек ее на диван, усадил к себе на колени. Миа продолжала рыдать у него на плече.

— Я очень боюсь, — всхлипывала она. — Не хочу никому навредить — тебе, Джейсу. Вы оба можете сильно пострадать.

— Тише, малышка. Ты ни в чем не виновата. Это все я, черт меня побери. Я вел себя глупо и беспечно, совсем тебя не берег. Не будь я таким беспробудным идиотом, ничего не случилось бы.

— Что ты будешь делать? — надтреснутым голосом спросила Миа.

Ее лицо покраснело и распухло от слез. Она была бледна, измучена и полностью выжата.

Гейб погладил ее по голове.

— Предоставь это мне, хорошо? — пробормотал он. — Я решу проблему раз и навсегда. Даю тебе слово.

Гейб дотронулся до синяков, оставленных Чарльзом, и ярость вспыхнула в нем с новой силой. Чарльз дважды посмел прикоснуться к Миа, дважды ее напугал. Гейб разорвет сукина сына в клочья и разорит дотла.

Он погладил ее волосы, потом осторожно спустил с колен и поставил на ноги.

— Послушай меня. Сейчас ты пойдешь в туалет. Не торопись. Пробудешь там, сколько нужно. Пожалуйста, приведи себя в порядок. Не хочу, чтобы тебя видели такой. Начнутся вопросы, поползут сплетни. Когда будешь готова, поезжай ко мне и жди меня.

Глаза Миа наполнились тревогой и страхом.

— Что ты задумал?

Гейб приложил палец к ее губам, наслаждаясь их бархатной мягкостью, провел по ним и быстро поцеловал.

— Сделать так, чтобы Чарльз Уиллис больше никогда не угрожал тебе.

Глава тридцать шестая

Гейб прибыл на Лексингтон-авеню к небольшому офисному зданию, где находилось нью-йоркское отделение фирмы Чарльза Уиллиса. Сжав кулаки, он быстро направился к входным дверям.

Когда Миа достаточно успокоилась и привела себя в порядок, он попросил ее как можно подробнее рассказать о снимках, показанных Чарльзом. Потом усадил ее в машину и отправил к себе домой.

Офис Чарльза находился на первом этаже, поделенном с другой фирмой, так как Уиллис редко бывал в Нью-Йорке. Его филиалы были разбросаны по всему миру, но Гейб не собирался впредь иметь с ним дело. Он сокрушил бы Уиллиса и вышвырнул из строительного бизнеса, не работай на того много хороших людей, обремененных семьями.

Так или иначе, Гейб навсегда вычеркнул Чарльза Уиллиса из списка деловых и личных контактов.

Гейб миновал испуганную секретаршу и распахнул дверь в кабинет. Чарльз озадаченно зыркнул из-за стола. В глазах мелькнул страх, но на лицо мгновенно вернулась привычная вежливая маска, и Чарльз встал.

— Гейб! — сказал он сердечным тоном. — Чем могу служить?

Гейб захлопнул дверь и шагнул вперед, сверля его взглядом, и Чарльзу стало не по себе.

— На этот раз, Чарльз, ты обосрался, — негромко произнес Гейб. — Ты замахнулся на мое. Ты оскорбил ее. Напугал. Ты посмел ей угрожать.

Чарльз заметно струсил, но усилием воли взял себя в руки и спесиво повел плечами.

— Тебе-то что? Очередная шлюха.

Гейб бросился на него, размахнулся и ударил кулаком в губы. Тот отлетел к стеллажу, который высился за столом. Рука Чарльза метнулась ко рту, и когда он отнял ее, пальцы были в крови.

— Я посажу тебя! — расщипал он. — Ты вломился ко мне и ударил!

— Ах ты, долбаный кусок дерьма! Тебе повезло, что я не придушил тебя голыми руками, — отозвался Гейб, кипя от бешенства. — Еще раз приблизишься к Миа, я угроблю твой бизнес. Я разорю тебя. Ты лишишься всего: доверия, поддержки, контрактов. От тебя ничего не останется.

Теперь Чарльз испугался всерьез. Его лицо побледнело.

— Я выложу эти снимки! — пригрозил он.

Язык у него заплетался, как у пьяного.

Гейб замер, раздувая ноздри.

— Давай выкладывай. Я подам на тебя в суд за изнасилование. Ты это и сделал, а снимки докажут. Мне плевать, что будет со мной и с моей репутацией. Но я не позволю травить Миа ни тебе, ни кому другому. Я припру тебя к стенке. Ты сядешь на несколько лет и будешь развлекать озабоченных сокамерников. Не веришь — попробуй.

Гейб угрожал, будучи абсолютно убежден в своей правоте. Если Чарльз ему не поверит, тем хуже для него. Гейб был серьезен, как никогда.

Чарльз был бледен, до него начало доходить. Гейб не шутил, и он это знал.

— Я не пожалею всех своих денег, чтобы ты потерял все, — продолжил Гейб. — Связей у меня предостаточно. Многие из тех, кому я когда-то помог, будут рады отплатить мне услугой за услугу.

Чарльз был близок к обмороку. Он схватился за стеллаж и попытался встать, но опять сполз на пол.

— Извини, — промямлил он. — Я был в отчаянии. После случившегося в Париже я понял, что ты не дашь мне этот заказ. А он мне нужен, Гейб. Позарез.

Гейб подошел к нему и протянул руку, помогая встать. Чарльз опасливо покосился, но принял ее и поднялся.

Как только он оказался на ногах, Гейб нанес ему второй удар. Похоже, он сломал Чарльзу нос. Хозяин кабинета вновь рухнул на пол. Теперь его лицо было залито кровью.

— А это тебе за синяки, которые твои мерзкие пальцы оставили на руке Миа. И запомни: если ты еще раз к ней подойдешь, тебе от меня не скрыться. Я тебя выслежу, и тогда тебе конец. Я могу сделать так, что ты, Уиллис, просто исчезнешь. Никто и никогда не найдет твоего тела.

Зная, что добился своего, Гейб повернулся и вышел из кабинета. Чарльз был глуп, но достаточно смышлен, чтобы понять серьезность намерений Гейба. Если он хотя бы частично осуществит свои угрозы, так напугавшие Миа, тот его уничтожит.

Гейб возвращался домой. Ему не терпелось увидеть Миа, еще раз успокоить ее и сообщить, что дело улажено.

Гейба до сих пор изумляло, что Миа не предала его. Он был готов встать перед ней на колени. Она прекрасно сознавала реальность угрозы, и все-таки ее первым порывом было прийти и попросить помощи. Вот и сейчас она, рискуя многим, поверила ему, зная, что он сумеет все решить.

Миа была подарком судьбы.

Он был погружен в мысли о ней, пока машина неслась по нью-йоркским улицам. Им предстояло многое обсудить — вещи, которые могли ей не понравиться.

Однако случившееся вдруг пугающе ясно открыло ему, насколько прозрачны их отношения. Стоит ли обман тех последствий?

Прежде Гейб целиком соглашался с Миа: Джейсу незачем знать об их связи. Тогда это казалось разумным; тогда он знал, что их отношения не затянутся. Джейс ничего не узнает, и все пройдет гладко. Никаких ссор. Жизнь потечет дальше, а он сделает вид, будто между ними ничего не было.

Но теперь...

Теперь Гейб с большой неохотой думал об окончании их договора. Он сам не знал, когда начал

смотреть на Миа другими глазами. Он вдруг понял, что не хочет с ней расставаться — во всяком случае, пока.

Джейс должен узнать, дальше будь что будет. Гейбу становилось все труднее поддерживать видимость сугубо деловых отношений с Миа и притворяться, будто она всего лишь наемный работник. Или сестренка Джейса, которой Гейб давно симпатизировал.

Он не знал, как отнесется Миа к идее выложить Джейсу правду — вернее, ее упрощенную версию. Ни слова о контракте. Сейчас Гейбу было стыдно за это изобретение, тогда как раньше он считал контракт разумной мерой и заключал его с каждой женщиной, с которой на время сближался. Ныне контракт казался ему смехотворным и бесполезным продуктом прошлых страхов.

Он не знал, как отнесется Миа к идее выложить Джейсу правду — вернее, ее упрощенную версию. Ни слова о контракте. Сейчас Гейбу было стыдно за это изобретение, тогда как раньше он считал контракт разумной мерой и заключал его с каждой женщиной, с которой на время сближался. Ныне контракт казался ему смехотворным и бесполезным продуктом прошлых страхов.

Сейчас важнее было вернуть Миа уверенность и успокоить ее насчет угроз Чарльза.

Ему так хотелось к ней прикоснуться. Прижать к себе, дышать с ней одним воздухом, почувствовать кожей, ощущать ее вкус.

Гейб мысленно умолял шофера поторопиться. Он слишком давно не видел Миа. Она была его наркотиком, и у него начиналась ломка.

* * *

Миа вся извелась, ожидая Гейба. Она постоянно смотрела на часы, но стрелки еле ползли.

Что он предпринял? Как вообще собирался уладить дело? Правильно ли она поступила, рассказав ему?

Она устала, голова раскалывалась. Миа уже сходила за ибупрофеном, но толку не было, виски и затылок так и ломило.

И вот она услышала шаги в прихожей, вскочила с дивана и бросилась навстречу Гейбу. Она буквально впилась в него. Гейб поднял ее. Миа обвила ногами его талию и крепко ухватилась за плечи.

Гейб поддерживал ее снизу и смотрел в глаза.

— С тобой все нормально? — тихо спросил он.

— Теперь, когда ты дома, — да, — кивнула она. — Гейб, я так волновалась.

Гейб подошел с ней к дивану и сел. Миа не разжимала рук. Гейб поцеловал ее, отвел с лица пряди.

— Все в полном порядке. Поверь, это так. Чарльз никогда не станет для нас проблемой. Обещаю.

Миа поджала губы. В глазах снова вспыхнула тревога.

— Что ты сделал?

— Мы с ним достигли понимания, — спокойно ответил Гейб. — Все позади, Миа. Больше он тебя не беспокоит.

Только сейчас она заметила содранные костяшки пальцев и даже почувствовала слабый запах крови, как будто ее стерли, но не досуха.

Миа снова взглянула ему в лицо, свела брови и повторила:

— Гейб, что ты сделал?

— Он посмел тебя тронуть, — резко ответил тот. — Дважды. И оба раза — злонамеренно.

— Но если он заявит, тебя арестуют, — убитым голосом отозвалась Миа. — Тогда все пропало. Он не стоит того, чтобы ты сел в тюрьму.

Из горла Гейба вырвалось глухое рычание:

— Зато стоишь ты. Я готов умереть за тебя. Я готов отправиться за решетку, лишь бы не дать какой-то твари тебя истязать.

Горячность Гейба потрясла ее до самых глубин. Миа в немом изумлении смотрела на него. Надежда, до сих пор робкая и смутная, теперь расцвела в ее сердце и разлилась по телу спокойным теплом. Глаза наполнились слезами, готовыми вот-вот хлынуть.

Миа нежно поцеловала ободранные костяшки.

Гейб смягчился и погладил ее по щеке:

— Нам нужно обсудить кое-что еще.

Она уловила, что тон его изменился, став менее уверенным, но сами слова оставались твердыми и решительными.

— Что же?

— Думаю, нам пора все рассказать Джейсу.

Глаза Миа округлились. Она была шокирована.

— Ему незачем знать подробности. Сейчас мы постоянно подвергаемся риску быть разоблаченными. Я устал притворяться, будто ты ничего для меня не значишь. Ты живешь в постоянном страхе, терзаясь из-за разрыва моей дружбы с Джейсом и своих отношений с ним. Покончив со страхом, мы станем свободны. Джейс поначалу будет в ярости, но потом привыкнет.

Миа прерывисто выдохнула. Это было... колоссально. Гейб хочет огласки? Она не смела спросить, что это значит. Она не могла позволить себе вообразить нечто большее, чем простая разрядка.

— Ау, Миа? Ты согласна?

Она заморгала и вновь сфокусировалась на Гейбе, оценила его решимость, медленно кивнула и

спросила:

— Когда?

— Когда он вернется в Нью-Йорк. Наверное, в понедельник или во вторник. Я скажу, что у меня к нему есть серьезный разговор.

— Хорошо, — согласилась Миа.

Пульс у нее участился.

— Итак, препятствие по имени Чарльз мы устранили, разговор с Джейсом состоится лишь через несколько дней. А пока... — Он ласково погладил ее волосы. — А пока я предлагаю провести выходные вместе и думать только о приятном. Сейчас закажу обед, и мы посидим у камина, глядя, как дождь за окном сменяется мокрым снегом.

Миа вздохнула и обняла его за шею:

— Мне нравится. Классный уик-энд.

Глава тридцать седьмая

Все выходные Гейб внимательно наблюдал за Миа. Она не вполне успокоилась, и время от времени тревога возобновлялась. Чарльз не шел у нее из головы, и Гейб старался ее отвлечь. Сам он не сомневался, что пятничной встречи с Чарльзом было более чем достаточно и тот уже не представлял никакой угрозы.

Но Гейб никогда не ограничивался предположениями. Он связался с нужными людьми и установил наблюдение за Чарльзом. Миа он не сказал ни слова, не желая давать ей повода к сомнениям.

В воскресенье Гейб вывел Миа на поздний ланч, он же ранний обед. Они приехали в ресторан, загодя украшенный к Рождеству, хотя до Дня благодарения оставались считанные дни. Гейб знал, как любит Миа Рождество и все, что связано с этим праздником. Она просияла, едва они вошли в зал.

Гейб еще не решил, где и с кем он проведет День благодарения. Очень многое зависело от разговора с Джейсом, когда их с Миа секрет откроется. Родители пригласили Гейба отметить праздники, и он был рад, что дело идет к примирению, но все же не мог забыть прошлого. К тому же Гейбу не хотелось расставаться с Миа. Если Джейса опять куда-нибудь унесет, а сам он поедет к родителям, ей придется сидеть одной или довольствоваться обществом Кэролайн.

Когда они вышли из ресторана, уже стемнело и мокрые тротуары сверкали огнями светофоров и машин. Миа восторженно прыснула, когда на нос, кружась, упала снежинка.

Ей очень шли длинное пальто и вязаная шапочка. Раскинув руки, Миа крутнулась, ловя снежинки, летевшие с небес.

Гейб был заморожен ее видом.

Спохватившись, он вынул мобильник и сделал снимок, который намеревался добавить к летнему. Гейб часто им любовался. Миа ничего не заметила, продолжая самозабвенно

кружиться.

— Холодает прямо на глазах! — воскликнула она, подбежала и зарылась в пальто Гейба, обняв его за талию и вздрогнув всем телом.

Гейб тоже обнял ее, улыбаясь этому невинному ликованию.

— Идем греться, — сказал он, увлекая Миа к поджидавшей машине.

Они забрались на заднее сиденье, где уже был включен подогрев. Миа наслаждалась теплом.

— Люблю цивилизацию, — призналась она.

— Я более чем счастлив тебя согреть, — усмехнулся Гейб.

— Ммм. Я буду более чем счастлива тебе разрешить.

— Ммм. Я буду более чем счастлива тебе разрешить.

Он погладил ее по ноге и задержался на колене:

— У меня уже есть планы, можешь не сомневаться.

Миа заинтересованно вскинула брови:

— Неужели?

— Когда приедем, сама убедишься, — улыбнулся Гейб.

Миа сощурилась, надула губки, и он хохотнул.

О да, планы были. Он немного нервничал, но очень хотел заменить чем-то чувственным воспоминания Миа о том, как она лежала связанной в номере парижского отеля. Чем-то горячим и страстным. Приятным и желанным.

Он мог подарить ей бог знает какие ощущения, но не собирался ни к чему принуждать. Он будет внимательно следить за нею, и если она испугается или ей станет трудно, он сразу все прекратит. Однажды он уже отличился и не хотел подорвать доверие Миа.

Когда они подъехали к дому, Гейб помог Миа выйти из машины, а в лифте держал за руку. В квартире он снял с нее пальто, шарф и шапочку, растер ей руки. Уходя, он оставил камин включенным, и в гостиной было очень тепло.

Раздевшись сам, он прошел в гостиную. Миа стояла и смотрела на огонь.

— Встань вот там и разденься, — хрипло велел Гейб, изнемогая от страсти.

Миа посмотрела на него доверчивыми глазами. Ни тени сомнения или упрямства.

— Мне нужно кое-что принести из спальни. Стой у огня и грейся. Я быстро.

Гейб поспешил в спальню. Открыв ящик комода, он достал веревку, анальную затычку и вибратор. Когда он вернулся, то залюбовался силуэтом Миа в отблесках пламени.

Она была так прекрасна, что перехватывало дыхание.

Увидев, что он принес, Миа вопрошающе распахнула глаза.

Гейб никогда не унижался до объяснений с другими женщинами. Они должны были безропотно ему подчиняться. Подписывая контракт, они соглашались на все, что он пожелает.

Но Миа была не такой. Гейб хотел, чтобы она поняла и знала, о чем он думает. Он ни в коем случае не собирался ее пугать и обращать в бегство.

— Я хочу тебе показать, как это приятно, — тихо произнес Гейб. — В Париже я все испортил. Ты ни при чем, потому что я думал не о тебе, а о своих дурацких целях. Дай мне попробовать. Я покажу тебе, насколько прекрасна связанная женщина и как ей хорошо. Поверь, я все сделаю на высшем уровне.

Ее взгляд смягчился.

— Я верю тебе, Гейб. Только тебе. Я возражала не против тебя, а против других. Пока до меня дотрагиваешься только ты, я ничего не боюсь.

Боже, какая она славная. Никто в него так не верил — ни бывшая жена, ни те, кто был после нее. Все они стремились только нажиться и видели в нем богача, но никогда — человека. Они обнимали денежный мешок, а не подлинного Гейба.

Но не Миа. Она приняла его. Она хотела его не меньше, чем он ее. Ее не волновали его богатство и власть. Она знала настоящего Гейба Хэмилтона и хотела именно его.

Он постепенно уяснил, что можно убрать барьер и открыться гранью, которой не видел никто. Как доверилась Миа ему, так и он доверился ей, открыл самое сокровенное.

Свое сердце.

Он подвел ее к большому кожаному дивану, и Миа встала на четвереньки. Гейб начал методично обматывать ее веревкой. Пройдя под-над грудями, та сделала их больше и выпуклее. Потом Гейб отвел ей руки за спину и связал на поясице. Теперь Миа лежала, прижимаясь щекой к кожаной поверхности.

Связав ей руки, Гейб протянул веревку ниже, раздвинул Миа бедра, обмотал каждую лодыжку и туго затянул узел между ними и запястьями.

Теперь Миа была полностью обездвижена и совершенно беззащитна перед намерениями Гейба. А сделать ему хотелось чертовски много.

Его отвердевший член уже нетерпеливо упирался в брюки, однако Гейб решил не торопиться. Ему хотелось, чтобы Миа прониклась уверенностью: все делается для ее блага — не то что прежде.

Гейб провел по изгибу ее ягодиц и добрался до места, где гладкие, шелковистые половинки разделялись. Дразнящим движением он обвел вход в анальное отверстие, потом осторожно вставил туда палец. Горячие стенки тотчас сомкнулись и потянули его внутрь.

Гейб вытащил палец, шагнул и встал перед Миа.

— Попробуй. — Он выставил палец. — Посмотри, какая ты сладкая. И представь, что сосешь мой член.

Она неуверенно открыла рот, и палец Гейба скользнул туда, ощутив приятную шершавость ее языка. Она сомкнула губы и принялась сосать, покуда Гейб медленно тянул палец наружу.

Затем он взял затычку и вибратор. При виде того и другого вместе у Миа округлились глаза, и Гейб улыбнулся. Он обильно смазал гелем затычку и медленно надавил, вставляя в анус, тоже смазанный. Гейб не спешил, позволяя телу вобрать чужеродный предмет.

Тугое отверстие расширилось, принимая затычку, и Гейб заворуженно следил, как Миа сама раздвигает ягодицы, помогая затычке войти в нее. Он представил на ее месте свой член, который входит и растягивает стенки, а Миа также усердно старается впустить его поглубже. Грудь Миа вздымалась от усердия, она тяжело дышала, а Гейб все больше и больше растягивал анус. Потом он быстро втокнул затычку до конца, и Миа шумно вздохнула, обмякая на диване.

— Это только начало, — улыбнулся Гейб.

— Боюсь, я не выдержу, — прошептала Миа.

Гейб взял вибратор и включил на максимум. Едва он коснулся клитора, все тело Миа содрогнулось. Поскольку она была связана, ей оставалось лишь принимать нестерпимо блаженные ощущения. Гейб снова дотронулся до ее клитора, потом опустил вибратор ниже, к чувствительной плоти больших губ влагалища.

Гейб ввел вибратор совсем немного, имитируя мелкие толчки члена.

Миа негромко застонала, и ее лицо исказилось от напряжения.

Гейб ввел вибратор глубже, внимая ее вздохам. Теперь все отверстия были заполнены: затычка в зад и длинный, толстый вибратор в щелке.

Миа содрогалась всем телом, при каждом толчке вибратора ее ягодицы вздымались вверх. Она извивалась, грозя свалиться с дивана.

— Гейб, пожалуйста! — взмолилась она.

— Ты хочешь кончить?

— Ты же знаешь, что хочу, — простонала она.

Гейб усмехнулся, извлек вибратор, встал на колени и коснулся языком клитора и входа во влагалище.

— О боже! — воскликнула Миа.

Гейб стал нежно сосать клитор. Миа снова напряглась. Почувствовав это и ощутив влагу на языке, он опустил язык чуть ниже, зная, что Миа находится на грани оргазма.

Затем он встал, расстегнул ширинку и вытащил свой твердый, истомившийся член. Встав сзади, он глубоко вогнал его во влагалище.

Миа с присвистом выкрикнула его имя.

Гейб взялся за связанные запястья, как за поручень, и принялся с упоением трахать Миа.

Внутри Миа все намокло. Гейба охватило жаркое, сладостное возбуждение. Ему понадобилась

вся сила воли, чтобы не поддаться похоти и не кончить немедленно, но он поклялся, что все это делается для Миа. Он подождет. До конца вечера он хотел порадовать ее много-много раз.

Миа вздрагивала, напрягаясь всеми мышцами. Ее тело стало совсем жестким. Она сдавленно вскрикнула и на очередном толчке обмякла.

Гейб замер, ожидая, когда завершится ее сильный, резкий оргазм. Потом он осторожно вытащил член и убрал в брюки.

Давая Миа передохнуть, он сходил в спальню и прихватил плетку. Вернувшись, он увидел, что глаза Миа закрыты.

Гейб коснулся плеткой ягодиц и провел выше. Миа мгновенно открыла глаза и замерла в предвкушении.

— Миа, тебе нравится, когда я тебя стегаю?

— Да, — прошептала она.

— Тебе хорошо от этого? Тебе нравится эта резкая, пронзительная боль, которая так близка к наслаждению?

— Да! — ответила она громче.

— Сегодня я выпорю тебя не в наказание. Твоя попка покраснеет только для нашего удовольствия. А когда она станет совсем красной, я тебя оттрахаю в нее.

Миа застонала, и этот звук воспламенил его целиком — голос женщины, предвкушающей наслаждение, хриплый и сладостный.

Гейб склонился и осторожно вытащил затычку. Миа дернулась и испустила еще один восторженный стон, радуясь избавлению от затычки. Гейб снова провел по ее телу плеткой, а потом нанес первый удар.

Он стегнул бережно, умеряя силу. Ему хотелось покрыть ее ягодицы ровными красными полосами. Если переусердствовать, она испытает лишь боль. Нет, он будет стегать ее так, чтобы она просила еще и еще, умоляя не останавливаться.

До чего же красива была его Миа, связанная по рукам и ногам, простертая перед ним. Ее волосы разметались по плечам, а диван напоминал черное ночное небо.

Каждый удар оставлял на ягодицах красный след, сохранявшийся достаточно долго, но после бледневший, и тогда наступал черед нового.

Миа извивалась, будто силилась разорвать путы, но исправно выгибала задницу, призывая: еще.

К пятнадцатому разу удары окрепли, след сохранялся дольше, и ягодицы расцвели как роза.

Еще немного — и он засадит в ее тугую попку, растворившись в прелести ее покорности.

Очередной шлепок слился с другим звуком, разорвавшим гостиную.

— Какого хрена ты делаешь? — взревел Джейс.

Гейб вскинул голову. Дымка растаяла, и он увидел стоявших в прихожей Джейса и Эша. Позади них смыкались двери лифта. Гейб был настолько поглощен, что даже не услышал шума и не догадывался о присутствии друзей.

Ужас на лице Миа был подобен удару под дых.

— О господи, Гейб! Что ты наделал?

Вопрос оторопевшего Эша достиг Гейба одновременно с кулаком Джейса, который врезался ему в челюсть.

Глава тридцать восьмая

Миа закричала. Под ее вопль Гейб отлетел и рухнул на пол. Над ним нависло лицо разъяренного Джейса. Размахнувшись, тот ударил еще.

Нос обожгло болью. Гейб откатился, но отвечать не стал. Он не мог этого сделать.

Эш, взвинченный, хлопотал возле Миа, лихорадочно и неумело развязывая веревку. Гейб мог помочь, но Джейс навис над ним снова, вцепился в рубашку, дернул и рывком поставил на ноги.

— Как ты посмел? — бушевал Джейс. — Я так и знал! Ну ты и сволочь! Я просто не верю своим глазам!

— Джейс, ради бога, — произнес Гейб. — Дай мне объяснить.

— Заткнись! Закрой свою поганую пасть! На черта мне твои долбаные объяснения? Господи Иисусе! Гейб, как ты мог? По-твоему, это и есть нормальные отношения, ты так ей сказал? Убедил ее, что твои извращения — это норма? И что потом? Хочешь, чтобы она и дальше искала всяких уродов вроде тебя?

Вина затопила Гейба, и он избегал смотреть Джейсу в глаза. Каждое слово, каждый упрек ложились точно в цель — в самое сердце. На него вдруг навалилась усталость, поскольку Джейс говорил правду. Гейб действительно подчинил себе Миа. Он принуждал ее. Он завладел ее жизнью, заставил пройти через ужасную боль и унижение, не говоря о стрессе, который Миа испытывала, вынужденная скрывать их отношения от брата.

Он был недостойн такой женщины. Не заслуживал ее нежности. Не заслуживал жить в свете ее лучезарной улыбки, преображавшей его сумрачный мир.

Он с самого начала пошел неверным путем. Этот поганый контракт. Секретность. А как он обращался с Миа? Он вогнал клин между Джейсом, его сестрой и собой. От такого удара никто из них не оправится.

К чему удивляться, что Джейс обезумел от ярости? Гейб представил себя на месте Джейса и Эша, чьим взорам открылось случившееся. Сестренка Джейса связана по рукам и ногам, а Гейб хлещет ее плеткой.

Гейб содрогнулся, подумав, что они не поверят правде, считая его подонком. Он не мог их в этом винить. Поза Миа показывала, что она попала в руки садиста.

Она заслуживала совсем другого. Ее следовало лелеять, как принцессу, как истинное сокровище. Ей не был нужен эгоистичный извращенец с большими мозгами.

— Как ты посмел ею воспользоваться? — негодовал Джейс. — Дал ей работу и внушил, что раз ты начальник, пусть слушается. Убить тебя мало. Ты растоптал ее, насрал на нашу дружбу. Я ошибся в тебе, Гейб.

Гейб закрыл глаза, ему было тошно. Джейс провернул в ране нож, и все его слова резали по живому. Гейб понимал его гнев. Оправдаться было нечем.

Гейб знал, что обращался с Миа по-скотски. Он не уважал ее. Вдруг она и вправду считала, что работа обязывала ее выполнять все его прихоти? Он рассчитывал заполучить Миа целиком: подчинить себе ее тело, волю, время. Ее жизнь, которую Гейб бездумно пил, не думая о последствиях.

Сейчас разворачивалось самое страшное для него: ее разрушение в сочетании с изменением в ней всего, что дарило ему наслаждение.

Ее подкосил парижский эпизод, и виноват был Гейб. А Миа согласилась, так как считала себя связанной этим сраным контрактом.

Она считала, что обязана ему подчиняться и выбора нет. Пусть он дал ей право сказать «нет», но какой ценой?

Что еще он ей навязал?

— Клянусь Богом, Гейб, я тебе этого никогда не прощу, — хрипло произнес Джейс. — Я немедленно забираю ее, и не смей приближаться к ней на пушечный выстрел. Забудь о ее существовании.

Эш развязал Миа и подхватил ее на руки. Он понес ее в спальню, где завернул в простыню. Потом принес из ванной халат и надел на нее, завязав кушак двойным узлом.

— Миа, девочка моя, с тобой все в порядке? — спросил Эш.

Идиотский вопрос. Нет, она не была в порядке. Она была разгневана и унижена тем, что брат и Эш позволили себе вломиться к Гейбу и увидели ее голой и связанной. Эта сцена снилась ей в кошмарах. И что еще хуже, Джейс избил Гейба, а тот даже не попытался ответить и защититься.

Миа заставила себя сесть и глубоко вздохнуть, чтобы собраться, тогда как на самом деле ей хотелось рвануться к Гейбу, а потом объясниться с Джейсом — сделать то, что они намеревались по возвращении Джейса из командировки. Им не хватило какого-то дня.

Миа заставила себя сесть и глубоко вздохнуть, чтобы собраться, тогда как на самом деле ей хотелось рвануться к Гейбу, а потом объясниться с Джейсом — сделать то, что они намеревались по возвращении Джейса из командировки. Им не хватило какого-то дня.

Миа онемела от шока и не могла связно думать о простейших вещах. Она знала одно: ей надо к Гейбу. Нужно покончить с этим. Исправить ситуацию! Да, она должна вернуть все в нормальное русло. Все ее страхи реализовались, и двое, которых она всю жизнь помнила как лучших друзей, сцепились в отчаянной схватке.

От слез защипало глаза, но Миа сдержала их, стараясь оставаться спокойной. Однако ее всю трясло. Не хватало только, чтобы Джейс и Эш увидели ее подавленной и обвинили Гейба.

— Эш, я в порядке, — дрожащим голосом объявила Миа. — Лучше присмотри, чтобы они не поубивали друг друга.

Эш потемнел лицом:

— Если Джейс хочет превратить Гейба в отбивную, я не стану мешать. Пусть эта сволочь получит свое. Ты что, плачешь? Он сделал тебе больно? Он тебя изнасиловал? Ты цела? Может, тебя отвезти в больницу?

Ужасаясь направленностью вопросов Эша, Миа торопливо вытерла слезы. Неужели они с Джейсом считали, что все произошло против ее воли? Возможно, оно так и выглядело, но они, очевидно, были достаточно хорошо знакомы с пристрастиями Гейба, чтобы удивляться.

Наверное, дело в том, что они привыкли считать ее «младшей сестренкой» и поняли только, что ее секут — голую, связанную на диване. Миа скривилась, представив себя со стороны. Понятно, почему Джейс слетел с катушек, — да и кто бы не потерял рассудок, увидев сестру в такой позе?

Но ей придется заставить их понять.

Она встала, исполненная решимости вернуться в гостиную, когда в спальню вбежал обезумевший Джейс и обнял ее.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

По голосу было ясно, насколько он потрясен и взбешен. Все шло вразнос, и она не знала, как это остановить, как объяснить им. Страсти кипели, они не поймут.

— Джейс, я прекрасно себя чувствую, — сказала Миа как можно ровнее, чтобы не усугублять ситуацию. — Что ты сделал с Гейбом?

— Он получил по заслугам, — мрачно ответил Джейс. — Собирайся. Едем отсюда, к чертовой матери.

Он взял Миа за руку и потащил к двери. Она не сопротивлялась. В спальне ей нечего делать. Она должна увидеть Гейба.

Гейб сидел на краю дивана, обхватив голову руками. Миа шагнула к нему, но Джейс ее удержал.

— Миа, мы уходим отсюда, — заявил он тоном, не терпящим возражений.

Миа вырвала руку:

— Я никуда не пойду.

Гейб поднял голову. Его глаза были пустыми и отрешенными. Он смотрел на Миа, прижимая к лицу салфетку со льдом.

Миа бросилась к нему, встала на колени. Она дотронулась до руки Гейба, но тот вздрогнул и отпрянул.

— Как ты? — спросила она, замирая от страха.

— Прекрасно, — ответил Гейб жестко и официально.

— Поговори с ними, — шепнула Миа. — Объясни. Гейб, я не хочу тебя бросать. Мы должны их убедить. Нельзя, чтобы они думали про нас всякие гадости. Объясни. Они должны понять. Мы же собирались им рассказать. Так давай расскажем.

Она умоляла его, но что еще она могла сделать? Страх приводил ее в отчаяние, мешал связно думать. Гейб стоил ее гордости. Он стоил всего.

Гейб скованно поднялся, но не встал рядом с нею. Миа тоже выпрямилась, смятенная его настроением. Ужас сдавил ей горло. Ей стало жутко от его взгляда — он словно смирился с неизбежным. Но с чем? Что сказал Джейс, если Гейб сломался прямо на глазах?

Когда Гейб заговорил, у нее кровь застыла в жилах. Миа замерла, не в силах вдохнуть.

— Ты должна уйти, — отрывисто произнес Гейб. — Так будет лучше. Ты слишком привязалась ко мне... эмоционально. Я не хочу делать тебе больно. Если бы мы ждали, было бы еще труднее. Полный разрыв — это легче, и меньше хлопот... потом.

— Что за херню ты несешь? — спросила Миа в напряженной тишине.

— Миа, солнышка, идем отсюда, — мягко напомнил Эш.

В его тоне сквозила искренняя жалость. Он считал ее дурочкой. Для нее такое впервые, но они уже видели, как Гейб рвал с женщинами, которые ему надоедали. Она, по их мнению, не была исключением — очередной эпизод, после которого можно вновь выходить на охоту.

К черту! Плевать ей, о чем думает Эш или ее брат. Она не уйдет без объяснений и попытки достучаться до человека, спрятавшегося за холодной маской. Она знала настоящего Гейба. Чувствовала его тепло и нежность. Он заботился о ней, невзирая на все его странные сексуальные пристрастия.

Она решительно замотала головой:

— Я никуда не уйду, пока Гейб не скажет, что за бред он несет.

Гейб безразлично смотрел сквозь нее, витая где-то далеко. Миа не сомневалась, что этот взгляд узнали многие женщины, когда пришла пора расставаться. В нем читалось: «Я больше тебя не хочу. Не позорься».

Но ей было наплевать. Она уже пожертвовала для этого человека всей своей гордостью. Куда уж хуже — родной брат застукал ее связанной, в разгар сексуальной порки. Дальше позориться было некуда.

— Гейб? — прошептала она, чувствуя, как растет комок в горле.

Она ненавидела молящие нотки в своем голосе и то, что не сумела сохранить гордость в присутствии Гейба. Еще немного — и она всерьез начнет его умолять, но ей было все равно.

— Все кончено, Миа, — сказал он. — Ты же знала, что это не навсегда. Я сразу предупредил тебя, чтобы не влюблялась в меня. Я не хотел делать тебе больно. Мне надо было закончить все это раньше. Твоя привязанность становится чрезмерной и в конце концов принесет тебе только

горе. Отправляйся с Джейсом и забудь меня. Ты заслуживаешь лучшего.

— Чуть собачья! — крикнула Миа, поразив всех своим неистовством. — А ты, Гейб, — жалкий трус. Это ты слишком глубоко увяз во мне и будешь последним лжецом, если попытаешься отрицать.

— Миа, — тихо позвал ее Джейс.

Она проигнорировала брата, сосредоточив весь гнев на Гейбе:

— Ради тебя я рисковала всем. Я все поставила на карту. Мне стыдно, что ты не можешь сделать то же для меня. Однажды ты проснешься и поймешь, что это было лучшее время в твоей жизни, но потом ты совершил идиотскую, непростительную ошибку. И знаешь что, Гейб? Будет поздно. Я к тебе не вернусь.

Джейс обнял ее за талию и повел прочь. Миа пошатывало. Слезы застилали глаза. Она была так разгневана и расстроена, что ее трясло. Джейс что-то шептал ей в ухо, а затем с другого бока встал Эш. Они вели Миа к лифту.

На полпути она обернулась и увидела, что Гейб смотрит на нее с тем же отрешенным выражением, отчего разозлилась еще сильнее.

Потом Миа вытерла глаза и гордо вскинула подбородок, пообещав себе, что больше не прольет по Гейбу ни слезинки. Она считала его достойным ее гордости — всего на свете. Она ошибалась.

Потом Миа вытерла глаза и гордо вскинула подбородок, пообещав себе, что больше не прольет по Гейбу ни слезинки. Она считала его достойным ее гордости — всего на свете. Она ошибалась.

— А вдруг ты однажды проснешься и поймешь, что хочешь меня вернуть? Тебе придется ползти ко мне... на коленях.

На сей раз она высвободилась из объятий Джейса и Эша. Она уходила по собственному желанию. Войдя в лифт, она даже не обернулась.

Миа глянула вниз и ужаснулась своему виду: на ней не было ничего, кроме халата, надетого Эшем.

— Не волнуйся, — успокоил ее Джейс. — Машина стоит у самого подъезда. Мы с Эшем прикроем тебя, охрана не заметит. Потом несколько шагов до машины. Я отвезу тебя к себе.

— Я хочу домой, — покачала головой Миа. — В свою квартиру.

Эш и Джейс тревожно переглянулись.

Когда лифт замер, Джейс осторожно выбрался первым. Миа и Эш медленно пошли за ним. В вестибюле они взяли Миа в плотное кольцо и быстро провели мимо поста охраны. Они обнимали Миа за плечи, и скучающий страж не увидел, что это за женщина и во что одета.

Точно так же они довели Миа до машины, быстро сели и захлопнули двери. Она облегченно вздохнула, услышав, что Джейс назвал водителю ее адрес.

— И сколько это продолжалось? — требовательно спросил Джейс.

— Не твое дело, — холодно ответила Миа.

К Джейсу вернулся утихший было гнев:

— Черта с два не мое! Этот сукин сын издевался над тобой и пользовался твоей наивностью.

— Если не знаешь, так нечего выдумывать! — огрызнулась Миа. — Ничего подобного. Наши отношения, Джейс, строились на взаимном согласии. Хотя бы минуту не строй из себя ангела в белых одеждах. Он делал только то, что я хотела. Он четко все расписал с самого начала. Все, что ты там наговорил, — бред. Верить ты или нет, но я уже взрослая и знаю, чего хочу. И я сама хотела именно Гейба.

— Поверить не могу, что он это сделал. В голове не укладывается — ведь он убедил тебя, что это нормально. А вдруг ты начнешь теперь искать такого же психа? Вдруг нарвешься на какое-нибудь ничтожество, которое будет над тобой издеваться и принуждать к разным гадостям?

Миа взвилась в негодовании:

— Надо же, какие ханжи — вы оба.

Эш даже заморгал. Он никак не думал, что и ему достанется.

— Вы же хотите, чтобы вашим женщинам казалось нормальным трахаться сразу с обоими? Что вам почему-то всегда нужна одна на двоих? И куда они дальше? Может, им уже мало одного мужика и они начинают искать пару?

— Миа, что ты такое несешь? — не выдержал Эш. — Где ты этого наслушалась?

Она насмешливо пожала плечами:

— В офисе это известно каждой собаке. Помнишь наш обед? Когда к вам подошла ваша бывшая брюнетка, я сразу поняла: так оно и есть.

— Мы сейчас говорим не про нас с Эшем! — зарычал Джейс. — Речь о тебе с Гейбом. Миа, он на четырнадцать лет тебя старше. Всем женщинам он сует свой чертов контракт. Неужели тебе это нужно? Разве ты не заслуживаешь лучшего?

— Ты чертовски прав. Я заслуживаю лучшего, — тихо согласилась она.

Боль и сознание того, что ее предали, сдавили ей горло. Каждый вдох давался ей с трудом. Это шло из глубин души. Такой сокрушительной боли Миа еще не испытывала. Ей казалось, что она распадается на мелкие части.

Она плотнее запахнула халат, потом взглянула на брата и Эша. У нее дрожали губы.

— Я заслуживаю мужчину, который готов сражаться за меня. Мужчину, чью поддержку я бы ощущала постоянно. Гейб не сделал ни того ни другого. Мы собирались признаться тебе на следующей неделе, сразу после твоего возвращения. Забавно, правда? Интересно, что было бы, расскажи мы все сами, как нам хотелось, а не после того, как ты ворвался в квартиру? Теперь уже, видимо, не узнать.

Эш сидел раздосадованный и строил разные мины. Джейс просто был зол.

Миа горестно усмехнулась:

— Похоже, придется искать новое место. Жаль, конечно. Я уже втянулась, мне нравилась моя работа.

— Ты можешь работать у меня, — натянуто произнес Джейс. — Вот что нужно было сделать с самого начала.

— Ни в коем случае, — протестующе замотала головой Миа. — Ноги моей не будет в вашей компании. Зачем? Чтобы каждый день видеть Гейба? Я не собираюсь устраивать себе такую пытку.

— И что же ты будешь делать? — осторожно спросил Эш.

Миа поджала губы. На сердце лежала тяжесть.

— Пока не знаю. Думаю, у меня полно времени, чтобы определиться.

Глава тридцать девятая

При виде Миа в одном халате и в обществе Джейса и Эша, квохтавших над ней, Кэролайн встревоженно устремилась навстречу.

— Миа, что случилось? Почему ты...

Миа обняла подругу и, к ужасу той и больше не в силах сдерживаться, разрыдалась. Кэролайн стиснула ее и гневно уставилась на мужчин, желая немедленно получить объяснение.

— Каро, попроси их убраться, — сказала Миа, давясь слезами. — Я с тобой, и нам никто не нужен.

Кэролайн усадила ее на диван и повернулась к Джейсу и Эшу:

— Вы слышали? Валите. Я ею займусь.

Джейс пошел, но не за дверь, а к дивану. Он долго смотрел на сестру, потом обнял:

— Прости, сестренка. Я знаю, что тебе тяжело. Клянусь Богом, мы не хотели ничего плохого. Мы понятия не имели, что ты у Гейба. Он написал мне, что хочет обсудить что-то важное, когда я вернусь. Мы управились раньше и решили прямо из аэропорта заехать к Гейбу. Карты для лифта у нас были. Гейб сам дал. Черт, я подумал, что он говорил о делах. Он подчеркнул, что это срочно, и мы не стали тянуть.

Миа обнимала брата, а слезы текли и текли, совсем как в детстве.

— Я на тебя не сержусь, — прошептала она. — Я зла на него. Он сдрейфил, не вступился за меня. Мне такой мужчина не нужен. Я заслуживаю лучшего.

Джейс гладил ее по волосам:

— Конечно, сестренка, ты заслуживаешь лучшего. Гейб — наш друг... Был нашим другом. Но я не собираюсь его оправдывать. Он привык вытворять с женщинами все, что вздумается. Это его образ жизни... или скотства.

— Ты-то чем лучше? — с упреком спросила Миа, отстраняясь от брата.

Джейс вздохнул и оглянулся на Эша, которому было так же неловко.

— Я не хочу обсуждать это с тобой, — мягко ответил Джейс. — И это не имеет никакого отношения к случившемуся.

Миа закатила глаза. Типичный мужской способ уйти от прямого ответа. Она понимала: застань они Гейба с другой женщиной, все было бы тихо. Джейс с Эшем поспешили бы уйти или... кто их знает? Может, остались бы посмотреть. Не думая о женщине вовсе, похлопали бы Гейба по спине.

Но там лежала она, сестренка Джейса, которую Эш давно привык считать и своей сестрой. Поэтому правила изменились.

— Джейс, уходите оба, — тихо сказала Миа. — Каро со мной. Все будет хорошо.

— Миа, я не хочу оставлять тебя одну, — недоверчиво посмотрел на обеих Джейс.

— Во-первых, она не одна, — вскинулась Кэролайн. — Вы правда думаете, что я брошу ее в таком состоянии?

— Но у тебя работа, — нахмурился Эш.

— Побойтесь Бога! — взвилась Миа. — Неужели вы думаете, что я вскрою вены или еще чего натворю? Мне паршиво, но я не настолько глупа, чтобы покончить с собой.

— Я завтра заеду, — предупредил Джейс. — День благодарения ты проведешь со мной и Эшем. Понятно? И нечего раскисать из-за Гейба.

— Как скажешь, — вздохнула Миа, — мне все равно. Уходите. Плакать я собираюсь в одиночестве, и незачем надо мной кудахтать. Это позор. Меня сегодня так унизили, что запомню на всю оставшуюся жизнь.

— Ладно, я понял, — поморщился Эш.

Джейс нехотя встал и пошел к двери. Там он обернулся и сказал:

— Завтра я обязательно приеду, и мы вместе пообедаем. Мы с Эшем что-нибудь придумаем насчет праздников.

Миа устало кивнула, желая лишь, чтобы они поскорее ушли и оставили ее с Кэролайн. Той можно излить горе.

Как только мужчины вымелись, Кэролайн села рядом с Миа и крепко обняла ее, боясь, что та опять разревется.

— Что случилось? — спросила Кэролайн, баюкая Миа. — Может, девчонок позвать?

Миа шмыгнула носом и высвободилась из объятий. Черт, она до сих пор была в халате Гейба. Все, чего ей вдруг захотелось, — избавиться от него, избавиться от всего, что принадлежало Гейбу. Хватит!

— Сначала я приму душ, — сказала она, — а потом все расскажу. Мне нужно переодеться, но

только не в те вещи, что покупал Гейб.

— А я пока приготовлю горячий шоколад, — отозвалась расстроенная Кэролайн.

— Горячий шоколад — это здорово! — Миа слабо улыбнулась. — Спасибо, Каро. Ты чудо.

Миа поплелась в ванную и сняла халат. Чуть помешкав, она решила не выбрасывать его и повесила в шкаф. Наверное, это сентиментальная чушь, но у нее не поднималась рука. По крайней мере, сейчас.

После обжигающего душа Миа надела пижаму, небрежно завернула мокрые волосы в полотенце, при этом часть из них остались болтаться сосульками, но ей было плевать.

Кэролайн ждала в гостиной. Миа плюхнулась рядом и двумя руками взяла протянутую кружку. Ладони ее оставались холодными.

— Как у тебя с Брэндоном? — поинтересовалась Миа.

Ей было ужасно стыдно. Она все время проводила с Гейбом — каждый час, каждую минуту. Она уже целую неделю не видела Кэролайн и даже не звонила.

— Хорошо, — улыбнулась Кэролайн. — Встречаемся. Не очень часто. Эти чертовы графики не совпадают, но мы стараемся.

— Я рада.

— Так что стряслось? — мягко спросила Кэролайн. — Он тебя доконал, это ясно, но как туда занесло Джейса с Эшем? И почему ты в одном халате?

— Это долгая истории, — шумно выдохнула Миа. — Я не все тебе рассказывала о наших отношениях. Они намного сложнее.

— Ну давай начинай. Я слушаю, — нетерпеливо произнесла Кэролайн.

И Миа рассказала ей все без утайки. Когда она дошла до сцены на диване и вторжения Джейса с Эшем, широко распахнутые глаза Кэролайн сузились от негодования.

— Поверить не могу, что он спекся. Вы же все равно собирались рассказать Джейсу.

— Да, Каро, — медленно кивнула Миа. — Он стоял и врал мне в глаза. Я знаю, что он ко мне равнодушен. А он молот какую-то чушь о чрезмерной эмоциональной зависимости и бла-бла-бла. Я была готова его задушить.

— Вот говнюк! — выругалась Кэролайн. — Ты этого не заслужила, Миа. Тебе нужен тот, кто встанет за тебя горой.

— Согласна, — отозвалась Миа. — Я сказала ему, что, если когда-нибудь он поймет, как ошибся, ему придется ползти ко мне на коленях.

— Молодец! — рассмеялась Кэролайн. — Пусть пресмыкается.

— Вот-вот. — Миа отсалютовала кружкой.

Потом Кэролайн посерьезнела:

— Но как у них будет с Джейсом? Они же деловые партнеры и закадычные друзья. Похоже, Джейс совершенно осатанел.

— Не знаю, — честно призналась Миа. — Поэтому я и не хотела, чтобы Джейс докопался. Может, я была наивна. Может, не думала, что у нас с Гейбом зайдет так далеко. Мне казалось, что мы сумеем сохранить это в тайне. Вообрази, я думала: ну, буду проводить с Гейбом пару ночей в неделю, а остальное время — мое. Мы потому и решили открыться, что больше не могли прятаться.

Гнев вспыхнул с новой силой, и щеки Миа густо покраснели.

— Проклятье! Ты только подумай — нам не хватило всего одного дня. Если бы Джейс сообщил Гейбу, что будет раньше, мы бы признались вдвоем и все было бы прекрасно. Я же видела, Каро, что Гейб влюбляется в меня. Он влюблялся, и это его страшно пугало. И вдруг врывается Джейс и говорит ему всякие ужасы. У Гейба был виноватый вид, особенно после Парижа.

Кэролайн сочувственно смотрела на Миа:

— Мне тебя жалко. Хреновая история. Но ты достойна лучшего, чем Гейб Хэмилтон.

— Да, — тихо ответила Миа. — Это точно. Но я его очень хотела. Я люблю его, Каро, и ничего не могу с собой поделать.

Глава сороковая

Миа покинула «Ла патиссери» с тяжелым сердцем. Казалось бы, надо радоваться. Луиза и Грег с удовольствием взяли ее обратно и предложили гибкий график. Ей же хотелось работать без продыху, чтобы не одолевали воспоминания о Гейбе.

Однако на сей раз она устроилась временно и честно сказала об этом хозяевам. Она будет искать другую работу с учетом своих возможностей и интересов, а после шагнет в большой мир навстречу будущему без Гейба Хэмилтона.

Сырой холод пробирал до костей. День был серый, пасмурный, под стать ее настроению. Ночью Миа не спала — разве заснешь после такого? Кэролайн сидела с нею, пока не начала зевать, и Миа уговорила подругу лечь. Потом и сама легла, но сон не приходил. Миа глядела в потолок и вспоминала каждую минуту своих отношений с Гейбом.

Взглянув на часы, Миа поняла, что придется, вопреки желанию, брать такси. Скоро должен был прийти Джейс, и ей не хотелось злить его снова.

Подтянув молнию и подняв воротник, Миа побрела через поток прохожих на угол, где рассчитывала поймать машину.

Труднее всего было вернуться к прежней жизни, которую она когда-то находила спокойной. После колледжа она не покидала привычного кокона и не шла на риск.

Но Гейб вывел Миа из зоны комфорта, и она начала жить по-настоящему. Начала воспринимать окружающий мир и давать ему сдачи.

Нет, главное сейчас — не возвращаться к старому, а научиться жить без Гейба.

Миа привыкла наслаждаться каждым мгновением в его обществе, а у них с Гейбом было много прекрасных мгновений. Он бессовестно врал, утверждая, что не испытывает к ней такой же эмоциональной привязанности, как она к нему. Миа знала его лучше, чем он думал. Гейб влюблялся в нее. Возможно, это было ее самое серьезное преступление.

Она заставила Гейба Хэмилтона влюбиться в нее.

Не воспылай он чувствами, они остались бы вместе.

Три такси промчались мимо, и лишь четвертое остановилось. Миа нырнула в салон, радуясь теплу. Назвав водителю адрес, она откинулась на сиденье и стала смотреть в окно.

Что сейчас делает Гейб? Поехал на работу? Ведет ли себя так, будто ее и не было? Или ему так же плохо, как ей?

Она искренне надеялась, что так же. Если в мире есть справедливость, Гейб выпьет ту же чашу страданий до последней капли.

Возле дома Миа увидела машину Джейса. У открытой двери стоял Эш. Заметив выскочившую из такси Миа, он жестом подозвал ее.

— Джейс поднялся к тебе. Сейчас позвоню и скажу, что ты уже здесь, — бросил Эш, доставая мобильник.

Миа забралась на заднее сиденье, и Эш захлопнул дверь, а сам через минуту сел спереди.

— Как ты, солнышко? — поинтересовался он.

— Лучше не бывает, — солгала она.

Джейс сел за руль и взглянул на Миа в зеркало заднего вида:

— Где бегала, сестренка?

— Искала работу.

Джейс и Эш дружно нахмурились.

— По-моему, тебе незачем торопиться с поисками работы, — заметил Джейс. — Отдохни, осмотришься. Ты же знаешь, я всегда помогу.

— Я начну только после Дня благодарения, — отозвалась Миа.

Джейс плавно тронулся с места.

— И где же ты будешь работать? — поинтересовался Эш, разворачиваясь к ней лицом.

— Я вернулась в «Ла патиссери». Луиза и Грег мне нравятся, и я с удовольствием у них поработаю.

— Миа, ты создана для большего, чем кондитерская, — вздохнул Джейс.

— Аккуратнее, Джейс. Ты забыл, что эта мысль привела меня к Гейбу? — (Эш поморщился, а Джейс выругался сквозь зубы.) — И потом, это временно, — добавила Миа. — Параллельно

буду подыскивать что-нибудь более подходящее. Но сейчас мне нужно чем-то заняться. Я так и сказала Грегу и Луизе, так что они знают, что я их покину, как только найду то, что меня устраивает. И они отнеслись к этому с пониманием.

Миа так и подмывало спросить про Гейба, но она прикусила язык. Пусть не думают, будто она жалкая, растерянная дурочка, которая цепляется за прошлое, даже если сама она считает именно так.

— Если это поднимет тебе настроение, Гейб нынче выглядел хреново, — словно прочитав ее мысли, подал голос Эш. — Ничуть не лучше, чем ты.

Ей было трудно не отозваться. Миа пришлось собрать всю силу воли, чтобы с равнодушным видом просто пожать плечами. На самом деле все в ней кричало, что так не должно быть. От Гейба требовалось одно: не молчать, а объяснить с Джейсом и Эшем. Подать ей знак, что она ему нужна. Она бы его не покинула. Она и сейчас оставалась бы с ним, дай он понять, что нуждается в ней.

Но Гейб предпочел нести какую-то ахинею, как будто так будет лучше. Лучше для кого? Уж всяко не для нее — и для него, судя по всему, тоже.

— Я не хочу о нем говорить, — негромко сказала Миа. — Не хочу слышать его имя.

Джейс согласно кивнул и с упреком посмотрел на Эша. Тот смущенно пожал плечами:

— Я думал, ей будет интересно узнать.

Он был прав, еще как интересно, но в этом она никогда не признается. У нее тоже есть гордость, пусть она и пожертвовала ею ради Гейба.

— На День благодарения мы отправимся в путешествие, — сообщил Джейс, вновь глядя на нее в зеркало заднего вида. — Вылетим в среду и вернемся в воскресенье.

— И куда же? — оживилась Миа.

— На Карибы. Туда, где тепло и красиво. Там солнышко, замечательные пляжи — ты мигом оживешь.

Миа сомневалась в этом, но не хотела никому портить настроение. Джейс был полон надежды. Он изо всех сил старается помочь сестре собрать себя заново. Он и раньше излишне серьезно воспринимал ее детские и подростковые горести и буквально из кожи вон лез, желая помочь.

— Наконец-то увидишь меня в плавках, — пообещал Эш, изобразив дьявольскую улыбку. — Снесет крышу на год.

Миа закатила глаза и заставила себя улыбнуться в ответ. Но она вздохнула, так как Эш никогда не отмечал День благодарения в семейном кругу. Ни разу — либо один, либо с ней, Джейсом и Гейбом. У Миа щемило сердце. По сути, Эш был одинок, и теперь она понимала, как это скверно.

— Так-то лучше, — заметил Джейс с одобрением и облегчением. — Улыбайся, сестренка, жизнь продолжается.

Улыбка застыла на ее губах. Улыбаться с разбитым сердцем чертовски трудно. Может быть, это

звучит вычурно, зато правильно.

— Небольшой шопинг перед дорогой? — тоном искусителя спросил Эш. — Мы с Джейсом свободны до следующего понедельника. Можем завтра отправиться по магазинам за пляжными принадлежностями.

Оба так искренне старались развлечь ее, что Миа решила им подыграть.

— Обожаю болтаться по магазинам, — улыбнулась она.

Судя по облегчению в глазах брата, она выбрала верную тактику. Ей меньше всего хотелось его волновать — он и без того был встревожен.

В среду они полетят на какой-нибудь райский остров, и там Джейс с Эшем будут изо всех сил развлекать ее, а в понедельник она вернется к прежней жизни. Будет работать в «Ла патиссери», коротать вечера с Кэролайн. И попытается забыть те недолгие дни, когда мир для нее сводился к Гейбу Хэмилтону, — или сводится до сих пор.

Глава сорок первая

Гейб сидел в тиши кабинета. В голове поселилась тупая боль, на сердце было еще тяжелее. После праздников он, как обычно, первым явился в офис. С того самого вечера, когда Миа ушла, он больше не спал, мучимый ее обидой и своим предательством, которые отразились в ее прощальном взгляде.

Гейб рассматривал ее фотографии в телефоне. Одну он распечатал и поместил в рамку. Она лежала в ящике его письменного стола. Гейб часто выдвигал ящик, чтобы увидеть ее улыбку.

Миа на снимке была той Миа, которую он погубил. Он отнял у нее радость жизни, погасил глаза и уж точно лишил улыбки.

Он провел пальцем по ее изображению — счастливая, она восторженно воздела руки, ловит снежинки, настолько прекрасная, что у Гейба перехватывало дыхание.

День благодарения он провел с родителями. Они были вполне счастливы, и он едва это вынес, притом что его собственная жизнь лежала в руинах.

Винить в этом он мог только себя.

Навестив родителей, Гейб вернулся в опустевшую, ныне безжизненную квартиру. И сделал то, к чему прибегал крайне редко. Он напился до беспамятства, пытаясь утопить свое горе в бутылке — вернее, в трех.

Все выходные он в одиночестве лечился от похмелья. Ему было тошно. Он не находил себе места, зная, что Миа улетела на Карибы с Джейсом и Эшем. Она была недоступна не только физически, но и душевно.

Он причинил ей боль, тогда как поклялся, что это не повторится. Он предал ее доверие. Он отвернулся от нее, ибо сам был придавлен чувством вины и ненавистью к себе. Он вел себя с нею так, будто она была его постыдным, грязным секретом.

Все выходные он в одиночестве лечился от похмелья. Ему было тошно. Он не находил себе

места, зная, что Миа улетела на Карибы с Джейсом и Эшем. Она была недоступна не только физически, но и душевно.

Он причинил ей боль, тогда как поклялся, что это не повторится. Он предал ее доверие. Он отвернулся от нее, ибо сам был придавлен чувством вины и ненавистью к себе. Он вел себя с нею так, будто она была его постыдным, грязным секретом.

Ладно, хватит! Он хотел, чтобы мир узнал, что она принадлежит ему, Гейбу Хэмилтону. Плевать на Джейса и его одобрение. Он хотел сделать Миа счастливой. Хотел, чтобы она сияла и улыбалась, как бывало при нем.

Но он сам погасил этот свет, объявив ей, что все кончено, как будто устал от нее и был готов искать себе другую.

Ему не отречься от Миа. Гейб не сомневался в этом ни секунды.

Он любил ее.

Любил так глубоко, как едва ли возможно. И хотел ее. Каждый день. Всю жизнь. Они были частью друг друга.

Без правил и условий. К черту проклятый контракт!

Как можно изощриться и уничтожить лучшее, что случается лишь однажды?

Миа была права. Он осознал это сразу, как только его оглушили ее слова. Она была лучшим событием в его жизни. Гейб не нуждался ни во времени, ни в пространстве, чтобы это понять.

Он не должен был отпускать ее с Джейсом и Эшем. Когда она встала на колени и умоляла открыть Джейсу правду, он был обязан сделать это. Увы, Миа была права. Он не сражался за нее. Он поддался оцепенению, согнулся под грузом вины за случившееся.

Страх сдавил ему грудь — незнакомое, чуждое, всепоглощающее чувство. Что, если Миа не простит его? Вдруг больше не примет его?

Он должен убедить ее, что между ними была не бессмысленная интрижка.

Трахаться — да, но только с ней. Всегда только с ней.

Что он мог ей предложить? Его брак рухнул, к тому же Гейб был ощутимо старше Миа. Ей самое время наслаждаться молодостью, познавать мир, а не связывать свою жизнь с требовательным, властным придурком.

Имелась тысяча причин оставить ее в покое и позволить жить так, как она захочет. Но Гейб был не настолько силен. Она одна сумела сделать его счастливым и цельным. И он не мог позволить ей уйти из его жизни. Только не без боя.

Гейб посмотрел на часы, подгоняя время. А затем прожужжал интерком, и кабинет наполнился голосом Элинор:

— Мистер Хэмилтон, мистер Крестуэлл на месте.

Гейб не ответил. Он велел Элинор сообщить ему о появлении Джейса. В минувший понедельник они старались не пересекаться, а после наступил праздник, и кабинеты всех

троих опустели. В предпраздничную неделю никто из них не явился в офис, а Гейб не хотел столь скорого повторения бури. Эмоции чересчур накалились.

Однако сейчас Гейб не собирался ждать ни минуты. Им нужно поговорить начистоту. Джейс должен убедиться, что Гейб не отступит. Гейб не отпустит Миа независимо от благословения Джейса. Если их дружба и деловое партнерство на этом закончатся, то так тому и быть.

Миа того стоила.

Гейб устремился в коридор, зная, как скверно выглядит. Плевать. Пора снять камень с души.

Не постучавшись, он толкнул дверь в кабинет Джейса. Тот поднял голову и моментально напрягся. Взгляд его стал жестким.

— Нам надо поговорить, — лаконично произнес Гейб.

— Мне не о чем с тобой разговаривать, — отрезал Джейс.

Гейб закрыл дверь и повернул защелку.

— Хреново, потому что мне лично есть много чего сказать. — Он подошел к столу, уперся в него ладонями, подался вперед и в упор посмотрел на Джейса. — Я люблю Миа, — без предисловий объявил Гейб.

В глазах Джейса отразилось удивление. Он откинулся в кресле, глядя на Гейба еще жестче.

— Ты затейник, умеешь признаться в любви, — с отвращением произнес Джейс.

— Я накосячил. Но я ее не отдам. Мы должны прийти к пониманию, так как я не хочу делать ей больнее, чем есть. Я хочу, чтобы она была счастлива, а этому не бывать, если мы сцепимся с тобой.

— Когда ты укладывал мою сестру в койку, ты мало думал о дружбе, — ледяным голосом отозвался Джейс. — Ты знал, что я расвирепею. Твою мать, Гейб, я же тебя сразу предупредил, а ты мне нагло врал.

— Миа не хотела говорить о наших отношениях, — возразил Гейб. — Она не хотела тебя огорчать и знала, что ты взбесишься. Я согласился, потому что хотел ее и был готов на что угодно.

— Что она для тебя, Гейб? Забава? Запретный плод? Она не твоего круга, и ты это, черт возьми, знал!

Гейб хватил кулаком по столу, пригвоздив Джейса взглядом.

— Я хочу на ней жениться.

Джейс вскинул брови:

— После Лайзы ты поклялся, что больше никогда не женишься.

Гейб оттолкнулся от стола, повернулся и начал расхаживать взад-вперед, строго выдерживая линию.

— Я много чего говорил. И ни одна женщина не заставила меня пересмотреть решение. Но Миа... Она совсем другая. Джейс, я не могу без нее. Благословишь ты нас или нет, я не отстану. Я не могу быть счастлив без нее — и не буду. Я хочу ее не на время, а навсегда. На каждый день, черт возьми. Хочу заботиться о ней, баловать ее, исполнять любые ее желания и капризы. Ты назовешь меня идиотом, но я даже стал думать о детях. В мои-то годы! И вижу только дочек, похожих на нее. Я представляю ее, беременную моим ребенком, и... мне даже не выразить, что я при этом чувствую. Она заставила меня переоценить все, от чего я отрекся. Это все она, все из-за нее. Я не испытывал ничего подобного ни к кому и никогда не буду.

— Притормози, — выдохнул Джейс. — Сядь, не мельтеши, а то свихнуться можно.

Гейб остановился, затем сел на стул против стола. Но ему не сиделось и было тесно в замкнутом пространстве кабинета. Он не хотел быть здесь, он рвался к Миа, чтобы отдаться на ее милость. Она сказала, что ему придется ползти к ней на коленях. Что ж, он готов и ползти.

— Значит, это серьезно, — произнес Джейс с откровенным недоверием. — Ты ее любишь. И она для тебя не забава, и ты не свалишь, когда наиграешься.

— Теперь ты меня бесишь, — прорычал Гейб.

— Ну и ну, — покачал головой Джейс. — Вот уж не думал, что доживу до подобного. Как это случилось? Неужели я такой тупой, что не заметил?

— Давай не углубляться в материи, которые тебя только заведут, — ответил Гейб. — Неважно, когда и как это случилось. Важно, что я люблю ее и молю Бога, чтобы она меня тоже не разлюбила и простила.

— Не знаю, старик, — поморщился Джейс. — Она вне себя. Ты ее сильно обидел. Очень сильно. Ты же ни разу не завоевывал женщину. Телки сами падали штабелями. Но Миа не такая. Она считает, что достойна только защитника, который будет стоять насмерть и драться. Ты не сделал ни того ни другого, и она этого не забудет.

— Думаешь, я сам не знаю?! — с досадой воскликнул Гейб. — Какого черта — я даже не упрекну ее, если она не захочет со мной говорить. Но я должен попытаться. Я не могу ее отпустить просто так.

Джейс почесал в затылке.

— Гейб, сколько я тебя знаю, ты никогда не искал простых решений. Я совсем спятил, если до сих пор не надавал тебе по роже и не вышвырнул из кабинета. Не могу поверить, что сейчас я тебя, подонка, даже немного жалею.

Напряжение, сжимавшее Гейбу грудь, слегка ослабло. Он посмотрел Джейсу в глаза:

— Я виноват, старик. Я все сделал не так. Ты же знаешь, я никогда не ставил нашу дружбу под удар. И я клянусь, что не обижу Миа никогда и ни при каких обстоятельствах. С нее хватит. Если она меня простит, я всю оставшуюся жизнь не дам ей заплакать.

— Этого я и хочу, — тихо сказал Джейс. — Хочу, чтобы она была счастлива. Если сумеешь, мы поладим.

— Я обязательно попытаюсь, — сказал Гейб, преисполненный решимости.

— Удачи, — ответил Джейс. — Что-то мне подсказывает: она тебе пригодится.

Глава сорок вторая

До дома оставалось не больше квартала. Миа затянула кушак. После нескольких дней на карибском пляже ей было нелегко окунуться во влажный холод нью-йоркского утра.

Джейс с Эшем усердно ее развлекали, и приходилось признать, что было весело. Миа давно никуда не ездила с братом, а в обществе Эша жизнь и вовсе заиграла красками.

Не то чтобы она забыла о Гейбе — нет, Миа думала о нем постоянно, но все же сумела развеяться. Она не поверила бы, скажи ей кто-нибудь, что всего через несколько дней после разрыва она оживет.

И все же ей было тяжело идти в кондитерскую взамен небоскреба «ХКМ». Это воспринималось как пощечина и болезненное напоминание о предательстве Гейба. Ей нравилось работать с ним. Пусть это была ширма, но Миа постепенно входила во вкус и начинала все серьезнее интересоваться тем, что делала. Она доказала, что не спасует перед трудностями.

Теперь она снова продавала пирожные и разливала кофе. И если раньше ее это не тяготило, то сейчас ей было неуютно и хотелось большего — чего-то посложнее. Пора ей было отбросить страхи, выйти в мир и строить жизнь. Никто этого не сделает за нее. Она уже подыскивала новую работу, просматривая колонки объявлений и отмечая те, которые соответствовали ее образованию и опыту — пока небогатому.

Наверное, ей стоило поговорить с Джейсом. Естественно, не о работе у него — она предпочла бы умереть, чем приходиться в «ХКМ» и ежедневно видеться с Гейбом, а то еще, упаси боже, с той, что ее заменит. Это было выше ее сил.

Но Джейс может подкинуть идею и даже кому-то ее порекомендовать. У них были десятки отелей в США, не говоря о зарубежных филиалах. Она бы могла работать в любом из них и не бояться столкнуться с Гейбом.

Придется переезжать. Готова ли она?

Миа привыкла жить в Нью-Йорке, вблизи от Джейса. Она никогда не жила сама по себе. Джейс поддерживал ее, купил квартиру. Когда же она станет взрослой и независимой?

Наверное, пришло время выйти из-под опеки брата и жить самостоятельно. Так оно будет или иначе, решать только ей.

Взрослая жизнь привлекала Миа в теории, но ей становилось грустно при мысли, что бросить придется решительно все. Кэролайн. Джейса. Эша. Квартиру, к которой она привыкла. Всю прежнюю жизнь.

Черта с два! Она не позволит Гейбу выставить ее из Нью-Йорка. Она и здесь найдет себе занятие и заживет в свое удовольствие, забыв про его задницу.

Это звучало заманчиво, но на деле никуда не годилось.

Подойдя в дверям дома, Миа оторопела. В дверном стекле отразился Гейб, выходящий из машины. И вот он устремился к ней.

О нет, только не это!

Не оглядываясь — плевать на отчаянное желание впитать его образ, — Миа метнулась в вестибюль. Влетев в кабину лифта, она лихорадочно нажала кнопку. В быстро сужавшемся проеме она увидела, как Гейб оттолкнул вскинувшегося консьержа и ринулся к лифту, полный решимости.

«Ну закрывайтесь же! Быстрее! Быстрее!» — молила Миа.

Двери сомкнулись; Гейб рванулся вперед, но опоздал. Слава богу! Какого черта он здесь делал?

Поднявшись к себе, Миа вышла и проворно отомкнула замок. В квартире было тихо. Миа привычно швырнула сумочку на столик в прихожей. Кэролайн была на работе, а после собиралась к Брэндону в клуб.

Громкий стук в дверь заставил Миа подпрыгнуть. Затем она вздохнула. Она же видела, какое лицо было у Гейба. Наивно рассчитывать, что он уйдет лишь потому, что его обломали у лифта. В любом случае — какого черта ему нужно?

Подойдя на цыпочках к двери, Миа отперла ее и распахнула рывком. В коридоре стоял Гейб. Он с облегчением вздохнул и шагнул вперед, но Миа тут же перекрыла ему доступ.

— Что тебе надо? — спросила она прямо.

— Мне нужно поговорить с тобой.

— Нам не о чем говорить, — замотала она головой.

— Ты ошибаешься, черт возьми! Впусти меня.

Миа высунулась в коридор: пусть убедится, что она не шутит.

— Если ты до сих пор не понял, я объясню. Мне больше нечего тебе сказать, — спокойно заявила она. — Вообще нечего. Все, что нужно, я сказала у тебя дома. Я не сама ушла, это ты меня выдворил. Это было твоим решением. Гейб, я не игрушка. Я заслуживаю другого обращения и на меньшее не соглашусь.

Миа с грохотом захлопнула дверь, щелкнула замком. Не желая слышать, как он ломится, она укрылась в спальне. Миа страшно устала и хотела одного: забраться в горячую ванну и хорошенько прогреться.

Но она боялась, что ничто не избавит ее от душевного холода из-за отсутствия Гейба. Ничто, кроме него самого.

* * *

На следующий день Гейб появился снова, но уже в кондитерской, когда Миа наливала постоянному клиенту фирменный кофе. Он сел за тот же столик, что и несколько недель назад. Миа не верила своим глазам. Как ей работать, когда он рядом?

Стиснув зубы, она подошла и холодно уставилась на Гейба:

— Что ты тут делаешь?

Он посмотрел на нее, и его взгляд потеплел. Казалось, он пытается вобрать ее черты. Но заметил ли он, как она устала? Как ей тошно — заметил? Не написано ли на ней крупными буквами, что она без него страдает?

— Миа, я тоже не сплю, — сказал он тихо. — Я ошибся. Я все испортил. Дай мне исправиться.

Миа закрыла глаза, вытянула руки по бокам и стиснула кулаки.

— Гейб, не мешай мне работать. Пожалуйста. Я не хочу, чтобы меня отсюда выгнали. Пока я не решу, как быть дальше, я буду работать, а ты меня отвлекаешь.

Он потянулся к ее руке и мягко, но настойчиво разжал пальцы, потом поднес ее ладонь к губам и поцеловал:

— Миа, у тебя есть работа. Она тебя ждет. Ничего не изменилось.

Он потянулся к ее руке и мягко, но настойчиво разжал пальцы, потом поднес ее ладонь к губам и поцеловал:

— Миа, у тебя есть работа. Она тебя ждет. Ничего не изменилось.

Миа отдернула руку, словно обожглась.

— Уходи, Гейб. Пожалуйста. Туда я не вернусь, а здесь из-за тебя меня могут уволить. Если хочешь сделать как надо — уйди и не возвращайся.

Миа была на грани срыва. Почему она не умеет быть сильной? Зачем дала ему увидеть, в каком смятении она находится?

Миа повернулась и отошла от столика. Если кто-то решит, что она нахамила клиенту, — плевать. Он не один, ей и других обслуживать надо.

Гейб остался и пристально следил за тем, как Миа разносит кофе и выпечку. Посетители приходили и уходили, а он все сидел, пока она не почувствовала себя дичью.

В итоге Миа скрылась и попросила у Луизы разрешения на перерыв. Она стала помогать Грегу, а Луиза отправилась в зал. Через час, когда они поменялись ролями, Гейба в зале уже не было.

Миа не знала, ликовать или горевать. Зато ей было известно, что в сердце у нее зияет рана, которая никогда не заживет.

Вечером она обнаружила у двери огромный букет цветов. Вздохнув, Миа вынула белую карточку и прочла записку.

Прости меня. Пожалуйста, дай мне шанс. Позволь объясниться.

Гейб

Она сдержала ребяческое желание бросить букет в мусорную корзину. Цветы были красивые, пусть постоят на радость им с Кэролайн. Нужно лишь притвориться, будто их подарил кто-то другой.

Она принесла букет в кухню, положила на стол. Зачем Гейб это делает? Он сам сказал, что лучше расстаться. К чему затягивать, если их связь не навсегда? Зачем повторять сначала,

если она ему надоела?

Разговор с Джейсом и Эшем о Гейбе и его отношениях с женщинами открыл ей глаза. Многие встало на свои места, и ее смутные догадки подтвердились. Конечно, ей рассказали не все, зато поведали подробности, которых она не знала.

Прежде чем вступить в отношения с женщиной, Гейб заключал с ней контракт. Это Миа успела понять. Но она не представляла, как быстро менял он подруг.

Казалось чудом, что она продержалась так долго.

Когда в спальню вошла Кэролайн, Миа лежала на кровати ничком.

— Миа, откуда такие шикарные цветы?

— Гейб, — пробормотала та.

Кэролайн плюхнулась рядом. На ее лице отразилась целая гамма чувств: от искреннего удивления до такого же искреннего раздражения.

— Проклятье! А зачем он шлет тебе цветы?

Миа перевернулась на спину.

— Это еще не все. Вчера он пришел сюда, но я его не впустила. Так сегодня он явился в «Ла патиссери».

— Какого черта?!

— Сама не знаю, — устало отозвалась Миа. — Может, чтобы я спятила? Вчера я захлопнула дверь перед самым его носом. Сегодня просто не обращала на него внимания.

— Это ты правильно сделала, — свирепо сказала Кэролайн. — Хочешь, дам ему пинка под зад?

Миа рассмеялась, обняла подругу, и та ответила тем же.

— Я люблю тебя, Каро. Как хорошо, что ты у меня есть.

— Затем и нужны друзья. Кстати, если надумаешь его прикончить, я помогу спрятать труп.

Миа снова расхохоталась, и ей стало немного легче.

— Что будем есть? Я хотела купить навынос, но можно, если хочешь, завалиться в паб.

Кэролайн внимательно на нее посмотрела:

— Ты серьезно? Мне не трудно приготовить, если тебе неохота вылезать.

— Нет, — покачала головой Миа, — давай куда-нибудь выберемся. Не могу я сидеть в четырех стенах и сокрушаться о Гейбе.

Когда она встала, Кэролайн чуть помолчала, а после заговорила с серьезным видом:

— Может быть, он хочет, чтобы ты вернулась. Ты об этом думала? Почему хотя бы не выслушать его?

Миа презрительно скривилась:

— Я сказала ему, что, если он захочет меня обратно, пусть приползет на коленях. Пока ничего подобного не было. Скорее в аду станет холодно, чем я уступлю.

Глава сорок третья

К исходу недели Миа не знала, куда деться от Гейба. Он ежедневно приезжал в «Ла патиссери» и брал кофе с круассаном, причем всегда появлялся в разное время, и Миа не удавалось скрыться в пекарне.

Его постоянное присутствие сделалось испытанием для ее нервов — как и для стойкости.

Словно этого было мало, Гейб забрасывал ее цветами и подарками на работе и дома.

Накануне в кондитерскую явился посыльный со здоровенным букетом и вогнал Миа в краску, прочитав записку вслух. Он загорланил на весь зал: «Прости меня. Мне без тебя не жить. Гейб».

Сегодня другой посыльный принес в кондитерскую коробку с парой изящных перчаток на меху. Карточку Миа прочла сама:

Чтобы ручки не мерзли по дороге домой.

Гейб

Луиза и Грег лишь диву давались — спасибо, что не сердились. У завсегдатаев появилось новое развлечение: угадывать, каким будет очередной подарок.

Погода прояснилась, но теплее не стало. В ущельях улиц свирепствовал ветер, пронизывавший Миа насквозь. Перчатки оказались как нельзя кстати, идти приходилось прилично. Сумерки наступали, и дни становились все короче.

Миа завернула за угол. Осталось пройти последний квартал. Ее внимание привлек электронный билборд на крыше отеля. Как не привлечь?

На табло горели огромные буквы:

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, МИА. ВОЗВРАЩАЙСЯ ДОМОЙ.

ГЕЙБ

Глаза защищало от слез. Что ей делать? Он никогда не признавался в любви. Он что, манипулирует ею, заявляя о своих чувствах на весь мир? И место выбрал удачно, где надпись обязательно попадет ей на глаза. «Возвращайся домой». Не к себе — к нему.

Это сводило ее с ума — он сводил ее с ума. Но Гейб больше не пытался заговорить с ней. После разговора в кондитерской он отступил на задний план. Но не исчез. Он постоянно был на виду, напоминая о своем присутствии.

Эта грань личности Гейба ошеломила Миа. Он до сих пор скрывал это и от нее, и от других.

Она вошла в квартиру вся разбитая, как будто заболела, но непонятно чем. Возможно, простудилась, или сказались бессонные ночи, или она не выдержала эмоционального истощения.

К утру сомнения отпали: Миа действительно заболела. На работу она все-таки пошла, но двигалась как заводная кукла. К полудню Луиза и Грег стали тревожно поглядывать на нее, а когда она опрокинула полный кофейник, Луиза пригласила ее в пекарню и потрогала ей лоб.

— Боже милостивый! Миа, да ты вся горишь. Почему ты ничего не сказала? В таком состоянии нельзя работать, иди домой и ложись в постель.

Миа не стала возражать даже ради приличия. К счастью, была пятница. В выходные она не работала. Перспектива проваляться пару дней в постели представлялась райским блаженством. И никаких подношений от Гейба. Она спрячется от него и от мира и попытается разобраться в этом хаосе.

Больше она не вынесет. На нее легло чудовищное бремя.

Идти пешком в таком состоянии было невыносимо. Миа делала отчаянные попытки поймать такси, но посмотрела на часы и застонала от досады: пересменка, и шансы почти нулевые.

Покорно вздохнув, Миа побрела домой. Внутренний жар не спасал от уличного холода. Ее трясло, зубы лязгали, а мир вокруг расплывался.

Сегодня она шла вдвое медленнее обычного. Наконец, завернув за угол и увидев это чертово табло, Миа облегченно вздохнула. Теперь уже близко.

Какой-то прохожий налетел на нее и чуть не сбил с ног. Она бы удержалась, но тут ее толкнули с другого бока. Миа рухнула на колени. Из глаз потекли слезы — не от боли, от собственного бессилия. У нее не было сил подняться и идти, а дом был совсем рядом.

Она уткнулась лицом в ладони и разрыдалась.

— Миа? Что за черт? Ты не ушиблась?

Гейб. Боже, это был Гейб. Он обнял ее за талию и помог встать.

— Малышка, что случилось? — допытывался он. — Почему ты плачешь? Тебя кто-то обидел?

— Заболела, — прохрипела Миа и заревела почти в полный голос.

У нее болела голова, пылало горло, она вконец промерзла и устала. Сама мысль о том, чтобы проделать еще несколько шагов до дома, воспринималась как пытка.

Гейб выругался сквозь зубы, подхватил ее на руки и понес.

— Я не желаю слышать ни одного чертова слова, понятно? Ты заболела, тебе нужна помощь. Боже ты мой, а если бы меня не оказалось рядом? Вдруг ты свалилась бы на тротуаре — и некому помочь?

Миа не спорила. Она прикинула к его плечу, вдыхая его запах. Тепло Гейба мгновенно проникло ей под кожу. Вот он, целительный бальзам. Господи, как долго она была без него! Она не могла согреться с тех самых пор, как Гейб ее бросил. Или она его бросила. Это не имело значения, потому что в итоге она осталась одна.

Гейб внес Миа в квартиру, затем в спальню. Порывшись в комод, он достал теплую пижаму.

— Держи. Переоденься и укладывайся. Я сейчас приготовлю горячий суп и поищу лекарства. Ты вся пылаешь.

Ей было трудно даже переодеться. Миа легла с краю, измученная и мечтающая об одном: укрыться с головой.

Через секунду Гейб именно это и сделал. Укрыл ее, подоткнув одеяло со всех сторон. Он поцеловал Миа в лоб, и та закрыла глаза, наслаждаясь его поцелуем. Но Гейб не задержался — только поправил подушки, чтобы она могла есть сидя, и снова исчез.

Вскоре он принес ей суп и два пузырька. Он поставил тарелку на ночной столик, потом высыпал таблетки себе на ладонь И, отвинтив пробку другого флакона, налил в мерный стаканчик микстуру.

Заставив ее проглотить то и другое, Гейб подал ей тарелку.

— Давно болеешь? — спросил он мрачно.

Впервые за все это время Миа взглянула на него как следует. Увиденное ее потрясло. Он выглядел не лучше ее. Круги под глазами, новые морщины на лбу и висках. Гейб выглядел... уставшим. Изможденным. Выжатым как лимон.

Неужели из-за нее?

— Со вчерашнего дня, — отозвалась Миа. — Сама не понимаю, что со мной. Я очень устала за эту неделю. Слишком много всего свалилось.

Лицо Гейба потемнело, и взгляд стал виноватым.

— Допей бульон. Лекарство скоро подействует, а потом тебе надо поспать.

— Не уходи, — прошептала она, видя, что Гейб встает с кровати. — Пожалуйста. Не сегодня. Не уходи.

Он повернулся. Теперь в его глазах стояло глубокое раскаяние.

— Я не уйду, Миа. На сей раз — нет.

Она допила бульон. Гейб забрал у нее тарелку и унес на кухню. Миа натянула одеяло до подбородка, но озноб не проходил. Даже суп ее не согрел.

Веки тяжелели, и Миа держала глаза открытыми из последних сил. Спустя какое-то время кровать скрипнула. К удивлению Миа, Гейб лег рядом и крепко обнял ее.

— А теперь спи, — прошептал он. — Я останусь. Вдруг тебе что-то понадобится. Я просто хочу, чтобы ты поскорее поправилась.

Забыв обо всем, кроме того, что она снова лежит в его объятиях, Миа прижалась к нему и расслабилась, позволяя теплу его тела перетекать к ней в жилы.

Гейб был лучшим лекарством, панацеей от любых бед.

Миа вздохнула, закрыла глаза и сдалась перед сладостным искушением.

* * *

Наутро она проснулась в одиночестве. Ее мучил вопрос: не привиделось ли вчерашнее в горячечном сне? Может быть, она все это только вообразила? Но когда Миа перевернулась на бок и прижалась щекой к подушке, на которой спал Гейб, ей на глаза попала записка.

Прими лекарство. Джейс сегодня заедет тебя проведать. Отдыхай и поправляйся.

С любовью, Гейб.

Рядом с запиской лежали таблетки ибупрофена, а на ночном столике Гейб заботливо оставил стаканчик с микстурой.

Миа села и наморщила лоб. Она не ожидала, что Гейб уйдет. Он же был так... настойчив.

Озноб вернулся. Миа потянулась за микстурой, залпом проглотила и запила водой, которую тоже приготовил Гейб. Потом она снова опустила голову на подушку, хранившую запах Гейба.

Миа закрыла глаза. Да, аромат остался. Она чувствовала тепло Гейба. Ей не хватало его.

Неужели ее гордость стоила того, чтобы оба они страдали? Неужели он действительно любит ее и просит дать ему еще один шанс?

На это указывало решительно все, но Миа боялась поверить Гейбу и дать ему шанс после того, как он отказался от борьбы за нее.

* * *

Приехав к Джейсу, Гейб нажал кнопку домофона. Джейс вскоре ответил, и Гейб, опережая его вопросы, торопливо произнес:

— Джейс, это я. Я в твоём доме, стою внизу. Это касается Миа.

Лифт вознес Гейба на последний этаж, где Джейс занимал пентхаус.

— Что случилось? — спросил Джейс, ждавший его на площадке.

Гейб шагнул в квартиру. Пальто он не снял, поскольку задерживаться не собирался. Его ждало множество дел, и он должен был управиться за выходные.

— Миа заболела, — без обиняков начал Гейб. — Вчера я встретил ее возле дома. Какой-то придурок ее толкнул. Она упала и не могла встать. Она вся горела. У нее даже не было сил дойти до квартиры.

— Черт! Говорил же ей, что надо теплее одеваться. Как она сейчас?

Гейб поднял руку, призывая его к молчанию:

— Я отнес ее в дом. Накормил, дал лекарство. Остался на ночь, а утром ушел. Обещал в записке, что ты заедешь днем.

Джейс стал еще мрачнее.

— И ты не остался с ней? Гейб, ты из кожи вон лезешь, чтобы ее вернуть, и вот тебе улыбается случай — она не выставляет тебя, а ты бросаешь ее больную одну в квартире.

— Я сильно давил на нее раньше, — вздохнул Гейб. — Она надорвалась и заболела отчасти из-за меня. Я не хочу ее добивать. Если она вернется ко мне, то в здравом рассудке, поэтому я отступаю. Пусть отдохнет и поправится. Оторви свою задницу и поезжай к ней. Мне очень нужно, чтобы к понедельнику она была здорова, потому что я поползу к ней на коленях, как она сказала.

— Что? — изумился Джейс.

Гейб пригладил волосы.

— Я куплю кольцо и устрою за выходные все остальное. От тебя требуется одно: доставь Миа в понедельник вечером к елке перед Рокфеллеровским центром. Только не подведи. Если не сможет идти, принеси на руках, мне плевать. Это уже твоя забота.

Глава сорок четвертая

Выходные Миа провела в обществе Джейса — вернее, это он провел их с нею. Эш бегал туда-сюда за едой и вообще суетился. Они принесли фильмы и гоняли их, пока Миа не сморил болезненный сон.

К утру понедельника ей стало лучше, но не настолько, чтобы идти на работу, и она сообщила Луизе и Грегу, что не придет.

Джейс с Эшем отправились в офис, но вечером обещали вернуться, благо запланировали нечто особенное. На все расспросы Миа они отвечали коротко: «Сюрприз».

Но Гейб как сквозь землю провалился. Ни цветов, ни подарков — мертвая тишина. Миа нервничала и сомневалась в правильности решений на его счет.

Ей не хватило духу признаться Джейсу, что она не готова к его сюрпризам. Они с Эшем возились с нею два дня, выполняя любые капризы.

Что бы они ни задумали, она соберется и примет это с благодарностью и постарается побольше улыбаться. Джейс велел ей одеться потеплее, и оставалось только гадать, что такое они затевали на свежем воздухе.

Как хорошо, что жар отступил, иначе ей стало бы холодно от одной мысли об этом.

Днем Миа приняла душ и сделала все, чтобы не выглядеть как с похмелья. Но косметика не всесильна...

В шесть приехали Джейс с Эшем. Глаза у них коварно блестели, и Миа мысленно застонала, ибо если дело, явно недоброе, касалось ее, то ей оставалось пасть жертвой их выдумок.

Джейс вызвал шофера, что было странно, так как обычно, когда они ездили втроем, он сам садился за руль. Перед выходом они заставили Миа принять лекарство — а вдруг температура вернется. В машине они посадили ее на заднее сиденье, а сами уселись по бокам от Миа.

— Куда мы едем? — закатив глаза, в очередной раз спросила Миа.

— Терпение, сестренка, — уклончиво ответил Джейс.

Им с Эшем не сиделось на месте — и впрямь сорванцы, расшалившиеся под Рождество.

Миа расслабилась и пообещала себе радоваться, чем бы дело ни кончилось, даже если на душе у нее пусто. Гейб исчез, от него не было ни слова. Сдался?

Машина остановилась на Пятой авеню возле универмага «Сакс». Напротив высился Рокфеллеровский центр. На площади устроили каток, а посередине, переливаясь разноцветными огнями, стояла огромная елка. Какая красота! У Миа защемило сердце, едва она вспомнила, как ездила сюда в детстве с Джейсом. Они ни разу не пропустили открытие — до нынешнего года.

— О Джейс, — прошептала Миа, выходя из машины. — Я снова в сказке.

Джейс покровительственно улыбнулся, и они с Эшем повели Миа к уже собравшейся толпе.

Дерево возвышалось над ними, украшенное тысячами разноцветных лампочек. В воздухе разлилась рождественская музыка, и вот приятный баритон завел «Рождественскую песню».

— Там концерт? — Миа взволнованно повернулась к Джейсу.

Тот улыбнулся, кивнул и подтолкнул ее ближе. К удивлению Миа, никто не возмутился. Наоборот, все расступились, освобождая ей дорогу к помосту.

— Как здорово! — воскликнула Миа.

Эш и Джейс усмехнулись, и внимание Миа обратилось к певцу.

Знакомые мелодии пробуждали множество теплых воспоминаний о детстве. Миа потянулась и крепко сжала руку Джейса, переполняясь любовью к брату. Он был и оставался ее опорой. Без Джейса и Эша она бы не пережила разрыв с Гейбом.

— Спасибо, — прошептала она брату на ухо. — Я люблю тебя.

— И я тебя люблю, сестренка. Пусть этот вечер станет для тебя особенным, — улыбнулся Джейс.

В глазах брата мелькнула печаль, и не успела Миа спросить, на что он намекает, как песня закончилась и певец обратился к толпе. Миа не сразу поняла, что он произнес ее имя.

Она моргнула, и тут ее высветил прожектор, луч которого пошарил и замер на пяточке, где она стояла. Ошеломленная Миа взглянула на брата, но Джейс и Эш поспешно отступили, оставив ее в круге света.

— Мы желаем мисс Миа Крестуэлл счастливого Рождества и прекрасных праздников, — говорил певец. — Гейб Хэмилтон передает вам, что любит вас и хочет, чтобы рождественские каникулы вы провели вместе с ним. Но не стоит верить мне на слово, пусть он скажет сам.

У Миа от удивления открылся рот: на ковровой дорожке появился Гейб. Он шел, не сводя глаз с Миа, держа в руках небольшую коробку в красочной упаковке и с огромным бантом.

Толпа приветственно загудела. Гейб подошел к Миа и, не выпуская коробку из рук, опустился на одно колено.

— Счастливого Рождества, Миа, — произнес он севшим голосом. — Прости меня. Я был идиотом. Я не должен был отпускать тебя. Ты права. Ты заслуживаешь того, кто всегда готов за тебя сражаться, и этим человеком хочу быть я, если ты дашь мне еще один шанс.

Миа не знала, как реагировать на это и что говорить. Глаза наполнились слезами, которые грозили хлынуть ручьем.

— Я люблю тебя, — продолжал Гейб все отчаяннее. — Я люблю тебя так сильно, что болею, когда тебя нет. Я не хочу с тобой расставаться. Я хочу, чтобы ты всегда была со мной. Ты понимаешь это, малышка? Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж. Хочу навсегда быть с тобой.

Гейб протянул Миа пакет. Дрожащими пальцами она принялась развязывать бант и кое-как справилась. Потом развернула упаковочную бумагу. Внутри оказалась бархатная коробочка, и Миа чуть не выронила ее, попытавшись открыть.

Вокруг замелькали фотовспышки. Люди снимали происходящее на телефоны, звучали ободряющие возгласы. Но Миа не замечала никого, кроме Гейба. Все прочее не имело значения.

Открыв коробочку, Миа увидела кольцо с великолепным бриллиантом, переливавшимся в свете прожектора и расплывавшимся перед заплаканными глазами. Она посмотрела вниз: Гейб стоял на коленях и умолял ее взглядом.

Боже, он полз к ней!

— Гейб, — выдохнула она и тоже опустилась на колени.

Теперь их глаза были на одном уровне. Зажав в кулаке коробочку, она крепко обняла Гейба за плечи.

— Я люблю тебя, — прошептала Миа. — Я тебя очень люблю. И я не хочу жить без тебя.

Гейб взял ее за плечи и чуть отстранил. Его глаза сияли любовью и сознанием обладания ею. Гейб вытащил из кармана пальто толстую пачку листов. Боже, это был их контракт!

Гейб медленно и аккуратно разорвал его надвое, не сводя взгляда с Миа.

— Отныне никаких правил, — заявил он хрипло. — Будет только то, чего мы захотим. Никаких барьеров. Ничего, кроме любви. Я прошу тебя поставить лишь одну подпись — в свидетельстве о браке.

Гейб медленно и аккуратно разорвал его надвое, не сводя взгляда с Миа.

— Отныне никаких правил, — заявил он хрипло. — Будет только то, чего мы захотим. Никаких барьеров. Ничего, кроме любви. Я прошу тебя поставить лишь одну подпись — в свидетельстве о браке.

Взяв из рук Миа бархатную коробочку, Гейб вынул кольцо и надел ей на палец.

Толпа взорвалась. Гейб обнял Миа что было сил, их губы слились. Миа вцепилась в него столь же яростно, впитывая мгновения и запоминая их навсегда. Она будет помнить этот вечер до гробовой доски.

Когда они с Гейбом поседеют, состарятся, она будет вспоминать его вновь и вновь. Они

расскажут о нем своим детям, своим дочерям.

И тут она подумала, что даже не знает, нужны ли Гейбу дети.

— Я хочу детей, — вырвалось у нее.

Миа залилась краской, осознав, что сказала громко: вокруг засмеялись и кто-то крикнул:

— Эй, Гейб, исполни желание своей невесты!

Гейб улыбнулся так нежно, что сердце Миа растаяло. Она перестала ощущать стужу.

— И я тоже хочу детей, — глухо признался Гейб. — Дочерей, таких же красивых, как ты.

Миа широко, во весь рот, улыбнулась.

— Я люблю тебя, Миа, — повторил Гейб.

В его голосе сохранялась неуверенность. Он стоял перед ней — беззащитный, совсем не похожий на прежнего непрошибаемого Гейба.

— Я буду любить тебя вечно. Надеюсь, тебе этого достаточно. С тех пор как ты вошла в мою жизнь, я сделал много такого, о чем стыдно вспоминать. Но клянусь: всю оставшуюся жизнь я буду заглаживать вину и в первую очередь спрашивать, чего хочешь ты. Никто и никогда не полюбит тебя больше, чем я.

По щекам Миа струились слезы. Она смотрела на человека, унизившегося перед ней на глазах у половины Нью-Йорка.

— И я тебя люблю, Гейб. Я всегда тебя любила, — тихо ответила Миа. — Я ждала тебя большую часть своей жизни.

Гейб медленно встал, затем подал Миа руку, помогая подняться. Он крепко обнял ее, и сразу грянула музыка.

— Я тоже очень долго ждал тебя. Возможно, я не всегда понимал, о чем тоскую, но теперь знаю, что по тебе. Всегда и только по тебе.

Они повернулись, чтобы видеть Джейса и Эша. Миа напрочь забыла о них, а ведь без их участия дело не обошлось. Она осознала, каких колоссальных усилий им это стоило.

Миа затопила радость, и она чуть не сбила Джейса с ног, повиснув на нем.

— Спасибо, — прошептала она ему на ухо. — Спасибо, что понял и принял. Ты даже не знаешь, как это важно для меня.

Джейс обнял сестру. От нахлынувших чувств у него дрожал голос.

— Сестренка, я всегда желал тебе счастья. Гейб убедил меня, что и вправду годится тебе в мужа. Это все, о чем может мечтать старший брат.

Миа повернулась и утонула в объятиях Эша, поцеловала его в щеку.

— Тебя, бабника, я тоже люблю. Спасибо тебе за помощь.

Эш улыбнулся и чмокнул Миа в ответ, затем чуть толкнул к Гейбу, взъерошил ей волосы и сказал:

— Все для тебя, мелочь пузатая. Нам главное, чтобы ты была счастлива. И еще: я хочу быть крестным отцом твоего малыша.

— Черта с два! — заворчал Джейс. — Это мое дело, я его дядя.

Они затеяли спор, а Миа закатила глаза и приникла к Гейбу. Тот усмехнулся и обнял ее за талию. Его любовь сияла ярче звезды, венчавшей елку на площади перед Рокфеллеровским центром.

— Им пока не о чем спорить. Давай поедem домой и подарим повод.

Примечания

1

«ХКМ» — название по первым буквам фамилий трех друзей: Хэмилтон, Крестуэлл, Макинтайр. — *Прим. ред.*

2

Соответствует нашему 37-му. — *Прим. перев.*

3

Героиня многочисленных комиксов середины прошлого века. Смазливая, глуповатая, но отчаянно самоуверенная домохозяйка. Типичная «американка из предместья». — *Прим. перев.*

4

Дерьмо (фр.). — *Прим. перев.*

5

Вымышленное радиоактивное вещество из комиксов о Супермене; только оно может сделать Супермена уязвимым. — *Прим. перев.*